

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОЛОГИЯ
научные исследования

AURORA Group s.r.o.
nota bene

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

Выходные данные

Номер подписан в печать: 03-04-2025

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Шереметьева Елена Сергеевна, доктор филологических наук,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 03-04-2025

Founder: Danilenko Vasiliy Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Sheremet'eva Elena Sergeevna, doktor filologicheskikh nauk,
e.sheremetyeva@gmail.com

ISSN: 2454-0749

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редакционный совет

Куделин Александр Борисович — академик Российской академии наук, заместитель академика-секретаря Отделения историко-филологических наук РАН, директор Института мировой литературы имени М. Горького РАН, член Европейской ассоциации арабистов и исламоведов. 121069, Россия, г. Москва, Поварская, 25а.

Лободанов Александр Павлович — доктор филологических наук, профессор, декан Факультета искусств Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 125009, Россия, г. Москва, ул. Б. Никитская, 3 строение 1.

Герра Ренэ — доктор филологических наук, профессор Университета Ниццы, почетный академик Российской академии художеств, создатель и руководитель Ассоциации по сохранению русского культурного наследия во Франции (г. Ницца, Франция). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Строев Александр Федорович — доктор филологических наук, заведующий кафедрой сравнительного литературоведения Университета Париж-III (Новая Сорbonна) (Париж, Франция) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Гусейнов Малик Алиевич — доктор филологических наук, заведующий отделом литературы, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы Дагестанского научного центра Российской академии наук, 367025, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 45, malik60@list.ru

Тимощук Алексей Станиславович — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Владивостокского юридического института ФСИН России, 600020, Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67-е, human@vui.vladinfo.ru

Федоровская Наталья Александровна — доктор искусствоведения, доцент, директор департамента искусств и дизайна Дальневосточного федерального университета, 690091, г. Владивосток, о. Русский, пос. Аякс, кампус Дальневосточного федерального университета, корп. G, ауд. 357, fedorovskaya.na@dvgfu.ru

Смирнов Алексей Викторович — доктор философских наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5, darapti@mail.ru

Ковалева Светлана Викторовна — доктор философских наук, доцент, Костромской государственный университет, профессор кафедры философии, культурологии и социальных коммуникаций, 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17, cultural@kstu.edu.ru

Гиренок Федор Иванович — доктор философских наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и комплексного изучения человека Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова.

Кофман Андрей Фёдорович — доктор филологических наук, заведующий отделом литератур стран Европы и Америки Учреждения Российской академии наук Института мировой литературы РАН им. А.М. Горького.

Лекторский Владислав Александрович — доктор философских наук, профессор, академик Российской академии наук, заведующий сектором теории познания Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Неретина Светлана Сергеевна — доктор философских наук, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Разлогова Елена Эмильевна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского вычислительного центра МГУ им. М. В. Ломоносова

Резник Юрий Михайлович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения Российской академии наук Института философии РАН, шеф-редактор журнала «Личность. Культура. Общество».

Россиус Андрей Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, и.о. главного научного сотрудника Учреждения Российской академии наук Института философии РАН.

Соловьев Эрих Юрьевич — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Учреждения РФ Института философии РАН.

Чумakov Александр Николаевич — доктор философских наук, профессор, Первый вице-президент Российского философского общества

Вартанова Елена Леонидовна — доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, президент НАММИ.

Гирин Юрий Николаевич - доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ РАН.

Безруков Андрей Николаевич - кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный университет (Бирский филиал).

Бичарова Мария Михайловна - кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин и английского языка, Каспийский институт морского и речного транспорта.

Воробей Инна Александровна - кандидат филологических наук, доцент, кафедра немецкого языка, БУ ВО ХМАО - Югры "Сургутский государственный университет".

Зыкин Алексей Владимирович - кандидат филологических наук, доцент, кафедра иностранных языков, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный аграрный университет.

Левит Светлана Яковлевна— ведущий научный сотрудник отдела культурологии ИИОН РАН, кандидат философских наук, главный редактор, руководитель и автор проектов «Лики культуры», «Российские Пропилеи», «Книга света», «Summa culturologiae», «Humanitas», «Зерно вечности», «Культурология. XX век», «Письмена времени», а также энциклопедий по культурологии и истории культуры.

Козлов Михаил Николаевич - доктор исторических наук, профессор, кафедра "Исторические, философские и социальные науки", Севастопольский государственный университет.

Тищенко Наталья Викторовна – доктор культурологии, ФГБОУ ВО «Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю.А.», профессор кафедры

истории Отчества и культуры, 410004 г. Саратов, ул. Политехническая, 17,
mihailovan@inbox.ru

Кьюцци Паоло — профессор факультета этнологии и антропологии Флорентийского университета (г. Флоренция, Италия). Università degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze – Centralino, Italy.

Ершова Галина Гавриловна — доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета, директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика). 125993, Россия, ГСП-3, г. Москва, ул.Чаянова, 15.

Жидков Владимир Сергеевич — доктор искусствоведения, профессор, научный сотрудник Государственного института искусствознания. 125009, Россия, г. Москва, Козицкий переулок, 5.

Леняшин Владимир Алексеевич — академик и член Президиума Российской академии художеств, доктор искусствоведения, профессор, заведующий отделом живописи второй половины XIX – начала XXI вв. Государственного Русского музея, заслуженный деятель искусств РСФСР. 191011, Россия, г. Санкт-Петербург, Инженерная улица, 4/2.

Вздорнов Герольд Иванович — член-корреспондент Российской академии наук, главный научный сотрудник Государственного научно-исследовательского института реставрации. 107114, Россия, г. Москва, ул. Гастелло, 44.

Дмитренко Татьяна Алексеевна — доктор педагогических наук, профессор. профессор кафедры методики преподавания иностранных языков Московского педагогического государственного университета. Индекс Хирша по РИНЦ = 6 Академик Международной академии наук педагогического образования

Дергачёва Ирина Владимировна - доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и МКК", декан факультета "Иностранные языки" Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования "Московский государственный психолого-педагогический университет" 121500, Москва, ул. Василия Боталёва, 31 dergachevaiv@mgppu.ru главный редактор электронного международного научного журнала«Язык и текст»

Бурукина Ольга Алексеевна - кандидат филологических наук, доцент доцент Российского государственного гуманитарного университета, ст. исследователь Университета Вааса, Финляндия. 125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6 obur@mail.ru

Водясова Любовь Петровна - доктор филологических наук, профессор, 430033, Россия, республика Мордовия, г. Респ Мордовия, г Саранск, ул. Волгоградская, д. 106, корп. 1, кв. 29, ул. Волгоградская, 106 /1, кв. 29, L_Vodjasova@yandex.ru

Габышева Луиза Львовна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет имени М.К. Аммосова», профессор, 677007, Россия, Саха (Якутия) область, г. ЯКУТСК, ул. Кулаковского, 42, оф. 104 а, ogonkova-jenya@yandex.ru

Гордова Юлиана Юрьевна - доктор филологических наук, ФГБУН Институт языкоznания РАН, старший научный сотрудник сектора прикладного языкоznания, 390006, Россия, Рязанская область, г. Рязань, ул. Грибоедова, 9, кв. 4, gordova@iling-ran.ru

Дергачева Ирина Владимировна - доктор филологических наук, Московский государственный психолого-педагогический университет, профессор, 121248, Россия, г. Москва, Набережная Тараса Шевченко, 3 корпус 2, кв. 172, krugh@yandex.ru

Долгенко Александр Николаевич - доктор филологических наук, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации, Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, 128050, Россия, Москва, г. Москва, ул. Врубеля, 12, каб. 403, adolgenko@mail.ru

Дубова Марина Анатольевна - доктор филологических наук, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный социально-гуманитарный университет", профессор кафедры русского языка и литературы, 140 410, Россия, РФ область, г. Коломна, ул. Ленина, 67, кв. 100, dubovama@rambler.ru

Ицкович Татьяна Викторовна - доктор филологических наук, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, профессор, 620105, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. просп. Акад. сахарова, 47, кв. 73, taniz0702@mail.ru

Лифанов Константин Васильевич - доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, профессор, 119501, Россия, г. Москва, ул. Веерная, 22, 22, корпус 2, кв. 26, lifanov@hotmail.com

Овруцкий Александр Владимирович - доктор философских наук, Южный федеральный университет, Зав. кафедрой рекламы и связей с общественностью, 344019, Россия, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул. 15 линия, 84, кв. 18, alexow1@ya.ru

Селендили Лемара Сергеевна - доктор филологических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», профессор кафедры крымскотатарской филологии Института филологии (сп), 295007, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Беспалова, 45-б, 214, lemara2002@hotmail.com

Семенова Валентина Григорьевна - доктор филологических наук, Северо-Восточный федеральный университет, Заведующая кафедрой якутской литературы, доцент, 677007, Россия, республика Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42, каб. 235, semenova_ykt@mail.ru

Соколова Алина Юрьевна - доктор филологических наук, Тверской государственный медицинский университет, профессор кафедры иностранных и латинского языков, 170005, Россия, Тверская область, г. Тверь, ул. Благоева, 8/2, кв. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Уртминцева Марина Генриховна - доктор филологических наук, Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского, заведующий кафедрой славянской филологии и культуры, 603005, Россия, Нижегородский область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 31-е, оф. 2, urtminzeva@yandex.ru

Чиршева Галина Николаевна - доктор филологических наук, ФГБОУ ИВО "Череповецкий

государственный университет", профессор, 162677, Россия, Вологодская область, г. Череповец, Советский проспект, 8, каб. 601, chirsheva@mail.ru

Шаронова Елена Александровна - доктор филологических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва», профессор кафедры русской и зарубежной литературы, 430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Проспект 60 лет Октября, 10, кв. 24, sharon.ov@mail.ru

Шатилова Любовь Михайловна - доктор филологических наук, Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования города Москвы "Московский городской педагогический университет", профессор, Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области "Государственный гуманитарно-технологический университет", профессор, 143980, Россия, Московская область, г. Балашиха, ул. Корнилова, 30, кв. 133, shatilova-79@mail.ru

Шереметьева Елена Сергеевна - доктор филологических наук, Дальневосточный федеральный университет, профессор кафедры русского языка и литературы, 690105, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русская, 47, кв. 30, e.sheremetyeva@gmail.com

Шукуров Дмитрий Леонидович - доктор филологических наук, Ивановский государственный химико-технологический университет, заведующий кафедрой истории и культурологии, 153511, Россия, Ивановская область область, г. Кохма, ул. Ивановская, 92, кв. 35, shoudmitry@yandex.ru

Юхнова Ирина Сергеевна - доктор филологических наук, ФГАОУ ВО "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", профессор кафедры русской литературы, 603105, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Б. Панина, 4, кв. 128, yuhnova@yandex.ru

Ягафарова Гульназ Нурфаезовна - доктор филологических наук, Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук, главный научный сотрудник, 450054, Россия, республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Проспект Октября, 71, каб. 410,

Шагбанова Хабиба Садыровна - доктор филологических наук, ФГКУ ДПО "Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России", профессор кафедры философии, иностранных языков и гуманитарной подготовки сотрудников органов внутренних дел Тюменского института повышения квалификации, 625049, Россия, г. Тюмень, ул. Амурская, д. 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Editorial collegium

Kudelin Alexander Borisovich is an academician of the Russian Academy of Sciences, Deputy Academician—Secretary of the Department of Historical and Philological Sciences of the Russian Academy of Sciences, Director of the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, member of the European Association of Arabists and Islamic Scholars. 25a Povarskaya Street, Moscow, 121069, Russia.

Lobodanov Alexander Pavlovich — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Arts of Lomonosov Moscow State University. 125009, Russia, Moscow, B. Nikitskaya str., 3 building 1.

Guerra Rene is a Doctor of Philology, professor at the University of Nice, Honorary Academician of the Russian Academy of Arts, founder and head of the Association for the Preservation of Russian Cultural Heritage in France (Nice, France). 24, Avenue des Diables Bleus, 06101 Nice, France.

Stroev Alexander Fedorovich — Doctor of Philology, Head of the Department of Comparative Literature at the University of Paris III (New Sorbonne) (Paris, France) IRCAV/Sorbonne Nouvelle, 13 rue Santeuil, 75005 Paris, France.

Huseynov Malik Alievich — Doctor of Philology, Head of the Literature Department, G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art of the Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 367025, Makhachkala, M. Gadzhiev str., 45, malik60@list.ru

Timoshchuk Alexey Stanislavovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines of the Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 600020, Vladimir, Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67th, human@vui.vladinfo.ru

Natalia Fedorovskaya — Doctor of Art History, Associate Professor, Director of the Department of Art and Design of the Far Eastern Federal University, 690091, Vladivostok, Russian Island, village Ajax, campus of the Far Eastern Federal University, bldg. G, room 357, fedorovskaya.na@dvfu.ru

Smirnov Alexey Viktorovich — Doctor of Philosophy, Associate Professor, St. Petersburg State University, 199034, St. Petersburg, Mendeleevskaya liniya, 5, darapti@mail.ru

Kovaleva Svetlana Viktorovna — Doctor of Philosophy, Associate Professor, Kostroma State University, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Social Communications, 17 Dzerzhinskiy str., Kostroma, 156005, cultural@kstu.edu.ru

Fyodor Ivanovich Girenok is a Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Head of the Department of Philosophical Anthropology and Complex Human Studies at Lomonosov Moscow State University.

Andrey F. Kofman is a Doctor of Philology, Head of the Department of European and American Literatures of the Russian Academy of Sciences Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences named after A.M. Gorky.

Lektorsky Vladislav Alexandrovich — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the sector of the Theory of Knowledge of the Institution of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Svetlana Sergeevna Neretina is a Doctor of Philosophy, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Razlogova Elena Emilyevna — Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Lomonosov Moscow State University Research Computing Center

Reznik Yuri Mikhailovich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Chief Editor of the journal *Personality. Culture. Society*.

Andrei Alexandrovich Rossius — Doctor of Philology, Professor of the Department of Classical Philology at Lomonosov Moscow State University, Acting Chief Researcher Institutions of the Russian Academy of Sciences of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Solovyov Erich Yurievich — Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences.

Alexander Nikolaevich Chumakov — Doctor of Philosophy, Professor, First Vice-President of the Russian Philosophical Society

Elena Leonidovna Vartanova — Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University, President of NAMMI.

Yuri N. Girin - Doctor of Philology, Leading Researcher, IMLI RAS.

Bezrukov Andrey Nikolaevich - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Bashkir State University (Birsky branch).

Bicharova Maria Mikhailovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities and English, Caspian Institute of Marine and River Transport.

Vorobey Inna Alexandrovna - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of German, University of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug "Surgut State University".

Alexey Vladimirovich Zykin - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education St. Petersburg State Agrarian University.

Levit Svetlana Yakovlevna is a leading researcher at the Department of Cultural Studies of the INION RAS, Candidate of Philosophical Sciences, editor-in-chief, head and author of the projects "Faces of Culture", "Russian Propylaea", "Book of Light", "Summa culturologiae", "Humanitas", "Grain of Eternity", "Cultural Studies. XX century", "Writings of Time", as well as encyclopedias on cultural studies and cultural history.

Mikhail Nikolaevich Kozlov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Historical, Philosophical and Social Sciences, Sevastopol State University.

Tishchenko Natalia Viktorovna – Doctor of Cultural Studies, Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A., Professor of the Department of History of Patronymic and Culture, Saratov, 410004, Politehnicheskaya str., 17, mihailovan@inbox.ru

Chiozzi Paolo is a professor at the Faculty of Ethnology and Anthropology at the University of Florence (Florence, Italy). Universit? degli Studi di Firenze - P.zza S.Marco, 4 - 50121 Firenze - Centralino, Italy.

Yershova Galina Gavrilovna — Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Yu. V. Knorozov Mesoamerican Research Center of the Russian State University for the Humanities, Director of Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico). 125993, Russia, GSP-3, Moscow, Chayanova str., 15.

Vladimir Sergeevich Zhidkov is a Doctor of Art History, Professor, researcher at the State Institute of Art Studies. 5 Kozitsky Lane, Moscow, 125009, Russia.

Lenyashin Vladimir Alekseevich — academician and member of the Presidium of the Russian Academy of Arts, Doctor of Art History, Professor, head of the painting department of the second half of the XIX – early XXI centuries. State Russian Museum, Honored Artist of the RSFSR. 191011, Russia, St. Petersburg, Engineering street, 4/2.

Gerold Ivanovich Razdornov is a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, chief Researcher at the State Scientific Research Institute of Restoration. 44 Gastello str., Moscow, 107114, Russia.

Dmitrenko Tatyana Alekseevna — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor. Professor of the Department of Methods of Teaching Foreign Languages at the Moscow Pedagogical State University. The Hirsch index according to the RSCI = 6 Academician of the International Academy of Sciences of Pedagogical Education

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguodidactics and MKK, Dean of the Faculty of Foreign Languages of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Moscow State Psychological and Pedagogical University, 31 Vasily Botalev str., Moscow, 121500 dergachevaiv@mgppu.ru Editor-in-chief of the electronic international scientific journal "Language and Text"

Olga A. Burukina - Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Russian State University for the Humanities, Senior Researcher at the University of Vaasa, Finland. 125993, GSP-3, Moscow, Miusskaya square, 6 obur@mail.ru

Vodyasova Lyubov Petrovna - Doctor of Philology, Professor, 430033, Russia, Republic of Mordovia, Republic of Mordovia, Saransk, Volgogradskaya str., 106, building 1, sq. 29, Volgogradskaya str., 106 /1, sq. 29, LVodjasova@yandex.ru

Gabysheva Luisa Lvovna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov", Professor, 677007, Russia, Sakha (Yakutia) region, Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, office 104 a, ogonkova-jenya@yandex.ru

Gordova Juliana Yurievna - Doctor of Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Applied Linguistics Sector, 390006, Russia, Ryazan region, Ryazan, Griboyedov str., 9, sq. 4, gordova@iling-ran.ru

Dergacheva Irina Vladimirovna - Doctor of Philology, Moscow State Psychological and Pedagogical University, Professor, 121248, Russia, Moscow, Taras Shevchenko Embankment, 3 building 2, sq. 172, krugh@yandex.ru

Alexander Nikolaevich Dolgenko - Doctor of Philology, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Head of the Department of Russian and Foreign Languages, 128050, Russia, Moscow, Moscow, Vrubel str., 12, room 403, adolgenko@mail.ru

Dubova Marina Anatolyevna - Doctor of Philology, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State Social and Humanitarian University", Professor of the Department of Russian Language and Literature, 140 410, Russia, Russian Federation region, Kolomna, Lenin str., 67, sq. 100, dubovama@rambler.ru

Itskovich Tatyana Viktorovna - Doctor of Philology, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Professor, 620105, Russia, Sverdlovsk region, Yekaterinburg, ave. Acad. Sakharova, 47, sq. 73, taniz0702@mail.ru

Lifanov Konstantin Vasiliyevich - Doctor of Philology, Lomonosov Moscow State University, Professor, 119501, Russia, Moscow, 22 Veernaya str., 22, building 2, sq. 26, lifanov@hotmail.com

Ovrutsky Alexander Vladimirovich - Doctor of Philosophy, Southern Federal University, Head of the Department of Advertising and Public Relations, 344019, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, 15 liniya str., 84, sq. 18, alexow1@ya.ru

Selendili Lemara Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "V. I. Vernadsky Crimean Federal University", Professor of the Department of Crimean Tatar Philology, Institute of Philology (sp), 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Bespalova str., 45-b, 214, lemara2002@hotmail.com

Semenova Valentina Grigoryevna - Doctor of Philology, Northeastern Federal University , Head of the Department of Yakut Literature, Associate Professor, 677007, Russia, Republic of Sakha Republic (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42, room 235, semenova_ykt@mail.ru

Sokolova Alina Yuryevna - Doctor of Philology, Tver State Medical University, Professor of the Department of Foreign and Latin Languages, 170005, Russia, Tver region, Tver, Blagoeva str., 8/2, sq. 22, alinasokolova.tver@yandex.ru

Urtmintseva Marina Genrikhovna - Doctor of Philology, Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Head of the Department of Slavic Philology and Culture, office 2 Ulyanova str., Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod Region, 603005, Russia, urtminzeva@yandex.ru

Chirsheva Galina Nikolaevna - Doctor of Philology, Cherepovets State University, Professor, 162677, Russia, Vologda region, Cherepovets, Sovetsky Prospekt, 8, room 601, chirsheva@mail.ru

Sharonova Elena Aleksandrovna - Doctor of Philology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Professor of the Department of Russian and Foreign Literature, 430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Prospekt 60 let Oktyabrya str., 10, sq. 24, sharon.ov@mail.ru

Lyubov Mikhailovna Shatilova - Doctor of Philology, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the city of Moscow "Moscow City Pedagogical University", Professor, State Educational Institution of Higher Education of the Moscow region "State University of Humanities and Technology", Professor, 143980, Russia, Moscow region, Balashikha, Kornilaeva str., 30, block 133, shatilova-79@mail.ru

Russian Russian Federation Elena Sergeevna Sheremeteva - Doctor of Philology, Far Eastern Federal University, Professor of the Department of Russian Language and Literature, 690105, Russia, Primorsky Krai, Vladivostok, Russkaya str., 47, sq. 30, e.sheremeteva@gmail.com

Dmitry Leonidovich Shukurov - Doctor of Philology, Ivanovo State University of Chemical Technology, Head of the Department of History and Cultural Studies, 153511, Russia, Ivanovo region, Kokhma, Ivanovskaya str., 92, sq. 35, shoudmitry@yandex.ru

Yukhnova Irina Sergeevna - Doctor of Philology, Federal State Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Professor of the Department of Russian Literature, 603105, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, B. Panina str., 4, sq. 128, yuhnova@yandex.ru

Yagafarova Gulnaz Nurfaezovna - Doctor of Philology, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 450054, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Prospekt Oktyabrya str., 71, room 410,

Khabiba Sadyrovna Shagbanova - Doctor of Philology, Tyumen Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor of the Department of Philosophy, Foreign Languages and Humanitarian Training of Employees of the Internal Affairs Bodies of the Tyumen Institute for Advanced Training, 625049, Russia, Tyumen, Amurskaya str., 75, khabiba_shagbanova@list.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или докторских диссертаций работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из докторских диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.enotabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]
[2]
[3]
[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноски, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноски в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются углками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датамидается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаяхдается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы ХХ столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору Зубковой Светлане Вадимовне
E-mail: info@nbpublish.com
или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Цитирование или воспроизведение текста, созданного ChatGPT, в вашей статье

Если вы использовали ChatGPT или другие инструменты искусственного интеллекта в своем исследовании, опишите, как вы использовали этот инструмент, в разделе «Метод» или в аналогичном разделе вашей статьи. Для обзоров литературы или других видов эссе, ответов или рефератов вы можете описать, как вы использовали этот инструмент, во введении. В своем тексте предоставьте prompt - командный вопрос, который вы использовали, а затем любую часть соответствующего текста, который был создан в ответ.

К сожалению, результаты «чата» ChatGPT не могут быть получены другими читателями, и хотя невосстановимые данные или цитаты в статьях APA Style обычно цитируются как личные сообщения, текст, сгенерированный ChatGPT, не является сообщением от человека.

Таким образом, цитирование текста ChatGPT из сеанса чата больше похоже на совместное использование результатов алгоритма; таким образом, сделайте ссылку на автора алгоритма записи в списке литературы и приведите соответствующую цитату в тексте.

Пример:

На вопрос «Является ли деление правого полушария левого полушария реальным или метафорой?» текст, сгенерированный ChatGPT, показал, что, хотя два полушария мозга в некоторой степени специализированы, «обозначение, что люди могут быть охарактеризованы как «левополушарные» или «правополушарные», считается чрезмерным упрощением и популярным мифом» (OpenAI, 2023).

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Вы также можете поместить полный текст длинных ответов от ChatGPT в приложение к своей статье или в дополнительные онлайн-материалы, чтобы читатели имели доступ к точному тексту, который был сгенерирован. Особенno важно задокументировать созданный текст, потому что ChatGPT будет генерировать уникальный ответ в каждом сеансе чата, даже если будет предоставлен один и тот же командный вопрос. Если вы создаете приложения или дополнительные материалы, помните, что каждое из них должно быть упомянуто по крайней мере один раз в тексте вашей статьи в стиле APA.

Пример:

При получении дополнительной подсказки «Какое представление является более точным?» в тексте, сгенерированном ChatGPT, указано, что «разные области мозга работают вместе, чтобы поддерживать различные когнитивные процессы» и «функциональная специализация разных областей может меняться в зависимости от опыта и факторов окружающей среды» (OpenAI, 2023; см. Приложение А для полной расшифровки). .

Ссылка в списке литературы

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat> Создание ссылки на ChatGPT или другие модели и программное обеспечение ИИ

Приведенные выше цитаты и ссылки в тексте адаптированы из шаблона ссылок на программное обеспечение в разделе 10.10 Руководства по публикациям (Американская психологическая ассоциация, 2020 г., глава 10). Хотя здесь мы фокусируемся на ChatGPT, поскольку эти рекомендации основаны на шаблоне программного обеспечения, их можно адаптировать для учета использования других больших языковых моделей (например, Bard), алгоритмов и аналогичного программного обеспечения.

Ссылки и цитаты в тексте для ChatGPT форматируются следующим образом:

OpenAI. (2023). ChatGPT (версия от 14 марта) [большая языковая модель].
<https://chat.openai.com/chat>

Цитата в скобках: (OpenAI, 2023)

Описательная цитата: OpenAI (2023)

Давайте разберем эту ссылку и посмотрим на четыре элемента (автор, дата, название и

источник):

Автор: Автор модели OpenAI.

Дата: Дата — это год версии, которую вы использовали. Следуя шаблону из Раздела 10.10, вам нужно указать только год, а не точную дату. Номер версии предоставляет конкретную информацию о дате, которая может понадобиться читателю.

Заголовок. Название модели — «ChatGPT», поэтому оно служит заголовком и выделено курсивом в ссылке, как показано в шаблоне. Хотя OpenAI маркирует уникальные итерации (например, ChatGPT-3, ChatGPT-4), они используют «ChatGPT» в качестве общего названия модели, а обновления обозначаются номерами версий.

Номер версии указан после названия в круглых скобках. Формат номера версии в справочниках ChatGPT включает дату, поскольку именно так OpenAI маркирует версии. Различные большие языковые модели или программное обеспечение могут использовать различную нумерацию версий; используйте номер версии в формате, предоставленном автором или издателем, который может представлять собой систему нумерации (например, Версия 2.0) или другие методы.

Текст в квадратных скобках используется в ссылках для дополнительных описаний, когда они необходимы, чтобы помочь читателю понять, что цитируется. Ссылки на ряд общих источников, таких как журнальные статьи и книги, не включают описания в квадратных скобках, но часто включают в себя вещи, не входящие в типичную рецензируемую систему. В случае ссылки на ChatGPT укажите дескриптор «Большая языковая модель» в квадратных скобках. OpenAI описывает ChatGPT-4 как «большую мультимодальную модель», поэтому вместо этого может быть предоставлено это описание, если вы используете ChatGPT-4. Для более поздних версий и программного обеспечения или моделей других компаний могут потребоваться другие описания в зависимости от того, как издатели описывают модель. Цель текста в квадратных скобках — кратко описать тип модели вашему читателю.

Источник: если имя издателя и имя автора совпадают, не повторяйте имя издателя в исходном элементе ссылки и переходите непосредственно к URL-адресу. Это относится к ChatGPT. URL-адрес ChatGPT: <https://chat.openai.com/chat>. Для других моделей или продуктов, для которых вы можете создать ссылку, используйте URL-адрес, который ведет как можно более напрямую к источнику (т. е. к странице, на которой вы можете получить доступ к модели, а не к домашней странице издателя).

Другие вопросы о цитировании ChatGPT

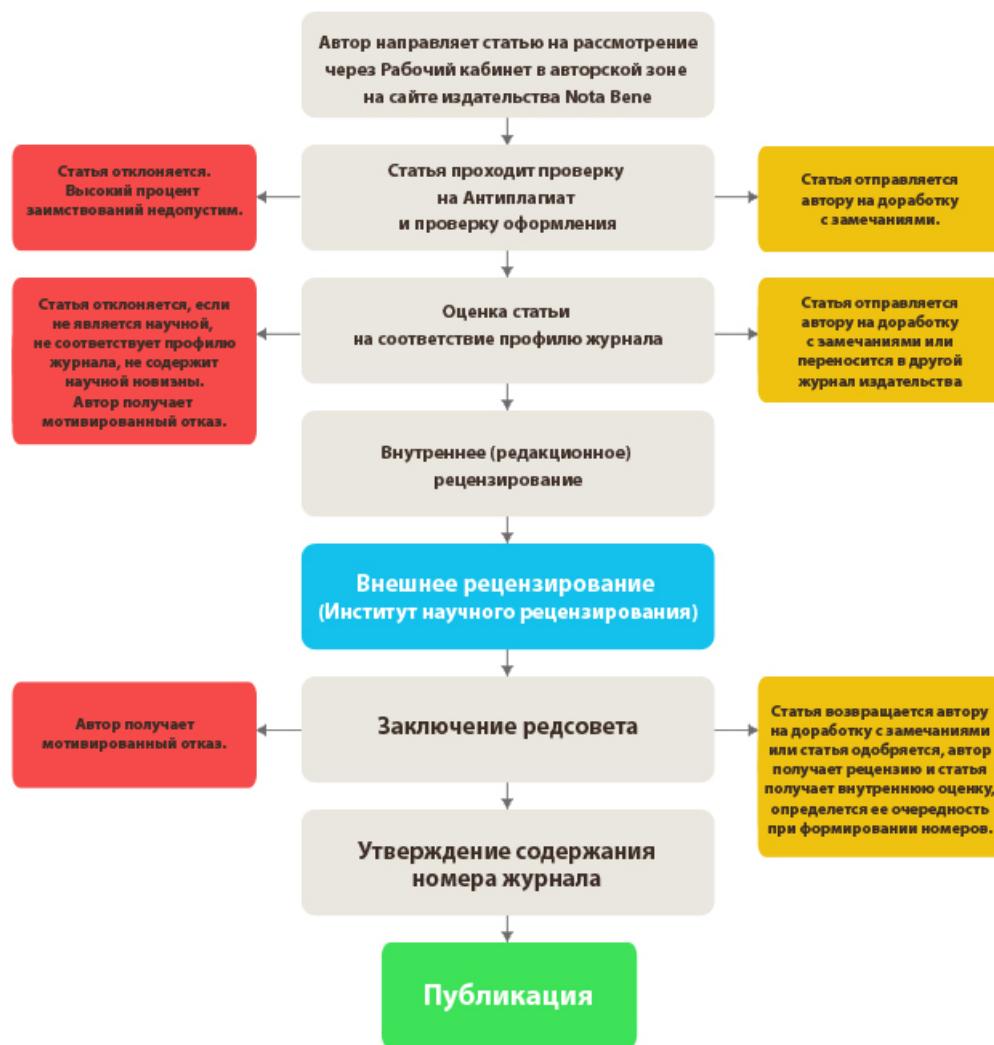
Вы могли заметить, с какой уверенностью ChatGPT описал идеи латерализации мозга и то, как работает мозг, не ссылаясь ни на какие источники. Я попросил список источников, подтверждающих эти утверждения, и ChatGPT предоставил пять ссылок, четыре из которых мне удалось найти в Интернете. Пятая, похоже, не настоящая статья; идентификатор цифрового объекта, указанный для этой ссылки, принадлежит другой статье, и мне не удалось найти ни одной статьи с указанием авторов, даты, названия и сведений об источнике, предоставленных ChatGPT. Авторам, использующим ChatGPT или аналогичные инструменты искусственного интеллекта для исследований, следует подумать о том, чтобы сделать эту проверку первоисточников стандартным процессом. Если источники являются реальными, точными и актуальными, может быть лучше прочитать эти первоисточники, чтобы извлечь уроки из этого исследования, и перефразировать или процитировать эти статьи, если применимо, чем использовать их интерпретацию модели.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Мухин Н.А. Взаимодействие жанров в мемуарно-автобиографических текстах и его влияние на перевод	1
Чжан Ц. Особенности лексико-семантической сочетаемости производного предлога «насчет» в современном русском языке	10
Дубяга А.М. Гендерные исследования в сравнительно-сопоставительном языкознании (русский и китайский языки)	20
Шаронова Е.А. Космо-психо-логос народа эрзя в эпосе «Масторава»	30
Хандархаева И.Ю. Функционально-семантические особенности "динамического описания"	49
Шиндель С.В., Семухина Е.А., Матасова О.В., Маслова А.Н. Особенности рекламного дискурса, репрезентированного в католическом журнале немцев Поволжья «Klemens» (на материале коммерческих объявлений)	59
Бурнашева Л.Р. Проблема оценки качества языковой локализации компьютерной игры (на примере S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky)	77
Мясищев Г.И., Бурмистрова Е.А., Манжуров Е.В., Ивченко У.С., Ковалева О.С. Феномен "рунглиш" и его влияние на современный язык молодежи (опыт контент-анализа коммуникации в социальных сетях)	94
Харченко М.А. Английский язык как инструмент формирования глобальной идентичности: вызовы и перспективы	102
Ян И., Грабельников А.А. Типология слухов и фактчекинг в социальных медиа Китая: на примере WeChat	112
Лысова О.Р. Визуализация как механизм креолизации при адаптации текстов учебно-педагогического дискурса	125
Ожерельев К.А. Метамиры А.Г. Атеева и А.П. Владимирова как две композиционно-стилевые тенденции в современной русской литературе ужасов	137
Гун А. Дзен-буддистская практика в прозе В. Пелевина (на примере романов «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня»)	152
Дубаков Л.В., Чжан И. Оборотничество как способ обретения трансцендентной реальности (на материале рассказов Юрия Мамлеева «Учитель», Марты Кетро «Жена-лисица» и Дмитрия Воденникова «Исповедь китайского лиса-оборотня»)	161
Пролыгина И.В. Гален о греческом языке медицины: отголоски софистических споров об аттицизме и азианизме	171
Остапенко А.Б. Влияние гендерной принадлежности на вариативность языка	180
Дубаков Л.В., Го С. Музыкальные образы в романах «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда и «Песнь о бесконечной тоске» Ван Аньи: от земного шума к неземной гармонии	194
Шорова М.Б., Карчаева С.Х. Методика обучения иностранному языку: традиции и новации	204
Шуйская Ю.В., Яковенко Д.Д. Семантическая эволюция латинского заимствования <i>sic</i> от узуса XIX века до современной интернет-коммуникации	213

Власова В.В. Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: синтаксический аспект	222
Англоязычные метаданные	234

Contents

Mukhin N.A. The interaction of genres in memoir-autobiographical texts and its influence on translation	1
ZHANG Q. Features of lexical and semantic compatibility of the derived preposition "about" in modern Russian	10
Dubyaga A.M. Gender studies in comparative linguistics (Russian and Chinese languages)	20
Sharonova E.A. Cosmo-Psycho-Logos of the Erzya People in the Epic "Mastorava"	30
Khandarkhaeva I. Functional-semantic features of "dynamic description"	49
Shindel' S.V., Semuhina E.A., Matasova O.V., Maslova A.N. Advertising Discourse in the Volga Germans' Catholic Magazine 'Klemens' (Based on Commercial Ads)	59
Burnasheva L.R. Problems of assessing video game language localization (using the example of S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky)	77
Myasishchev G.I., Burmistrova E.A., Manzhurov E.V., Ivchenko U.S., Kovaleva O.S. The phenomenon of "runglish" and its impact on the modern language of youth (experience in content analysis of communication in social networks)	94
Kharchenko M.A. The Role of the English Language in Shaping Global Identity: Challenges and Perspectives	102
Yang Y., Grabel'nikov A.A. Rumors, Fakes and Fact-checking in Chinese Social Media: The Case of WeChat	112
Lysova O.R. Visualization as a mechanism of creolization in the adaptation of texts of educational and pedagogical discourse	125
Ozherel'ev K.A. Meta-worlds of A. G. Ateev and A. P. Vladimirov as two compositional and stylistic trends in contemporary Russian horror literature	137
Gong A. Zen Buddhist practice in V. Pelevin's prose (on the example of the novels "Chapaev and the Void" and "The Sacred Book of the Werewolf")	152
Dubakov L., Zhang Y. Werewolfism as a way to gain transcendent reality (on the material of Yuri Mamleyev's short stories «The Teacher», Martha Ketro's «The Fox Wife» and Dmitry Vodennikov's «Confession of a Chinese Fox-Werewolf»)	161
Prolygina I.V. Galen on the Greek Language of Medicine: Echoes of Sophistic Debates on Atticism and Asianism	171
Ostapenko A.B. The impact of gender identity on language variability	180
Dubakov L., Guo X. Musical images in the novels "The Master and Margarita" by M. A. Bulgakov, "The Great Gatsby" by F. S. Fitzgerald and "The Song of Endless Longing" by Wang Anyi: from earthly noise to ethereal harmony	194
Shorova M.B., Karchaeva S.H. Methods of teaching a foreign language: traditions and innovations	204
Shuiskaya Y.V., Yakovenko D.D. The semantic evolution of the Latin loan word "sic" from 19th-century usage to modern Internet communication	213
Vlasova V.V. Discursive formation of the national identity of Great Britain: syntactic	222

aspect

Metadata in english

234

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Мухин Н.А. Взаимодействие жанров в мемуарно-автобиографических текстах и его влияние на перевод // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73646 EDN: MWPYCY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73646

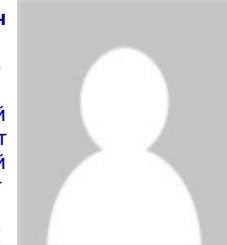
Взаимодействие жанров в мемуарно-автобиографических текстах и его влияние на перевод

Мухин Никита Андреевич

ORCID: 0009-0000-3013-3056

преподаватель; кафедра английского языка; Московский государственный лингвистический университет
аспирант; институт иностранных языков имени Мориса Тореза; Московский государственный лингвистический университет

119048, Россия, г. Москва, р-н Хамовники, ул. Усачёва, д. 62

✉ muhaniksan@gmail.com

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73646

EDN:

MW PYCY

Дата направления статьи в редакцию:

06-03-2025

Дата публикации:

13-03-2025

Аннотация: Объектом исследования является сложная жанровая природа оригинальных и переводных мемуарно-автобиографических текстов. Автор подробно рассматривает особенности оригинального текста, проистекающие из свойственного для мемуарно-автобиографических текстов взаимодействия жанров, а также закономерности их передачи в процессе перевода. В качестве материала исследования используется оригинальный и переводной тексты автобиографии Б. Клинтона «My Life». Затрагивается вопрос границ между жанрами мемуаров и автобиографии, так как их соотношение с явлением взаимодействия жанров определяет репрезентативность изучаемого материала. Анализируются выявленные в ходе сопоставительного анализа нарушения адекватности и эквивалентности перевода. Рассматриваются объяснения возможных

причин возникновения переводческих ошибок. Предлагаются иные варианты перевода, в которых учитывается сложная жанровая природа оригинального текста. Для отбора материала из оригинального и переводного текстов используется метод сплошной выборки. В дальнейшем производится сопоставительный анализ данного материала. Научная новизна данного исследования связана с тем, что, несмотря на интерес исследователей к явлению гибридизации жанров в биографии, мемуарах и автобиографии, на данный момент слабо изучено его влияние на перевод. При этом особый интерес с точки зрения переводоведения вызывают именно мемуары и автобиографии. Это связано с тем, что особенности идиостиля, преломляющиеся в различных жанровых формах, оказываются значимыми для реализации коммуникативного замысла рассказа автора о самом себе. Основным выводом проведенного исследования является то, что сложность представляет не само переключение жанров, а возникающая вследствие этого неоднородность текста, усложняющая работу со специальной лексикой, средствами выразительности языка и маркерами социокультурных условий времени. С обозначенными трудностями переводчики встречаются регулярно, но в условиях гибридизации, преломляющей авторский идиостиль, для достижения адекватности перевода от переводчика требуется большая концентрация при анализе текста.

Ключевые слова:

мемуары, автобиография, перевод, взаимодействие жанров, гибридизация жанров, полижанровость, идиостиль, специальная лексика, средства выразительности языка, социокультурные условия

Введение

В настоящее время исследователи часто подчеркивают одно из отличительных свойств современного этапа развития знания о языке – антропоцентризм [1; 2]. Некоторые даже начинают говорить о становлении совершенно новой парадигмы – антропоцентристической [1]. Данную динамику можно проследить не только по исследовательской оптике, но и по выбору изучаемого материала, а именно по обращению к текстам, построенным вокруг конкретного человека, и жанровым категориям, к которым они относятся. Исходя из того, какие из них освещаются исследователями [3-7], можно отметить, что наибольший интерес вызывают следующие: мемуары, автобиография и биография. Стоит отметить, что для всех трех категорий свойственна жанровая гибридизация [8], то есть переключение автора текста между различными жанрами в ходе повествования. При этом влияние данного явления на процесс перевода на данный момент изучено мало. В статье выявим, какие переводческие проблемы создает гибридизация жанров в антропоцентристических текстах, какие аспекты оригинального текста могут повысить вероятность возникновения ошибок в процессе перевода, а также какие переводческие компетенции позволяют решить данные проблемы.

Жанровый вопрос

Жанры мемуаров и автобиографии, с одной стороны, и биографии, с другой, имеют ряд сходств: документальность, так как они основаны на фактах; ретроспективность; рассмотрение событий жизни конкретного человека; анализ его личности. Одновременно существуют значимые отличия, связанные, в первую очередь, с авторством. Так, в

отличие от биографии, в автобиографии и мемуарах личность-автор и личность-объект совпадают. Кроме того, автор биографии может быть отделен от объекта своего описания даже веками и тысячелетиями, в случае же автобиографии/мемуаров данный разрыв не может превышать продолжительность жизни автора-объекта (даже при условии, что на текст существенно повлиял соавтор). В результате, в отличие от перевода биографии, проблема точной передачи идиостиля при переводе автобиографии/мемуаров стоит особенно остро, так как в этом случае идиостиль характеризует одновременно и автора текста, и личность-объект, и социально-культурные условия времени. В результате для исследования особенностей перевода антропоцентрических текстов, имеющих гибридную жанровую природу, были выбраны именно мемуары и автобиография.

Однако встает вопрос о существенных различиях между этими двумя жанрами. Существование и устойчивость двух различных обозначений позволяет предполагать, что явления, ими обозначаемые, не совпадают полностью. Определим, являются ли жанровые границы между автобиографией и мемуарами привязаны к различному проявлению в них гибридизации жанров. С одной стороны, исследователи действительно признают существование границы между жанрами автобиографии и мемуаров, с другой стороны, природа этой границы оказывается дискуссионной [9]. Так, ряд ученых [10-15] определяет ее, исходя из смысловой доминанты (за автобиографией признается фокус на личности, а за мемуарами – на внешних событиях). Другие исследователи находят иные объяснения. В частности, Джеймс Кокс утверждает, что граница условна и связана с той оценкой художественной ценности, которую дают критики [16]. Однако, вне зависимости от позиции, исследователи не выявляют влияние жанровой принадлежности того или иного текста к автобиографии или мемуарам на наличие/отсутствие жанровой гибридизации и характер ее выражения. Кроме того, аспект перевода не затрагивается.

Итак, на данный момент по вопросу гибридизации жанров исследователями не отмечается разница между автобиографией и мемуарами. Следовательно, выводы, сделанные на основе анализа переводческих проблем, которые возникают при гибридизации жанров в конкретном автобиографическом или мемуарном тексте, будут релевантны для обоих жанров.

Переводоведческий комментарий

В качестве материала исследования была выбрана автобиография Уильяма Джейфферсона (Билла) Клинтона под заголовком *My Life* и ее перевод на русский язык. Выбор обусловлен, с одной стороны, тем, что интерес к личности Билла Клинтона существуетен, несмотря на то, что его политическая карьера давно окончена. Так, за период с января 2023 г. по январь 2024 г. в поисковой системе Яндекс было сделано 260 215 запросов с формулировкой «билл клинтон» [Яндекс Вордстат]. С другой стороны, автобиография *My Life* сама по себе привлекает значительное внимание со стороны читателей: лишь за первый день в одних только США было продано 400 тыс. экземпляров [РБК. «"Жизнь" Б.Клинтона устанавливает мировой рекорд»].

Для оригинального текста *My Life* характерно сочетание жанра автобиографии с рядом как вполне ожидаемых для воспоминаний политика жанров (новостное сообщение о результатах выборов, очерк-биография, эссе, очерк), так и достаточно неожиданных (спортивное резюме, историческая справка, стихотворение). Например, в четвертой главе содержится обширная, охватывающая период с XVI по середину XX вв., историческая справка о городе Хот-Спрингс, куда семейство Клинтонов переехало в 1953 г. Другим ярким примером фрагмента текста, обладающего отличной от биографии

жанровой природой, является описание сражения в Могадиши, произошедшего в октябре 1993 г. Иностранные вставки могут порождать переводческие проблемы. Проанализируем несколько примеров, когда подобные трудности привели к нарушению эквивалентности и адекватности перевода.

Хотя сам Билл Клинтон и не служил в вооруженных силах, тематика военных конфликтов занимает в его автобиографии значительное место, так как заключительные школьные годы и время обучения в университете проходили на фоне Вьетнамской войны, которая так или иначе сказывалась на жизни всех американцев. Кроме того, автор уделяет значительное влияние военным конфликтам, происходившим в течение его политической карьеры, особенно в годы президентства. Яркий пример гибридизации жанров, связанный с данной особенностью *My Life* можно обнаружить в шестнадцатой главе. Описание событий личной жизни Билл Клинтон прерывает упоминанием того, что из местной газеты он узнал о гибели во Вьетнаме своего старого соперника за место председателя ученического совета. За этим следует отрывок, который можно отнести к жанру некролога. В нем в силу обстоятельств смерти используется несколько терминов, относящихся к военной тематике: *unit*, *take cover*, *line of fire*, *mortar shell*. Особый интерес вызывает передача последнего из них. Обращение к «Англо-русскому военному словарю» позволяет обнаружить терминологический эквивалент «минометная мина» [Судзиловский Г.А., Полюхин В.М., Шевчук В.Н. и др. Англо-русский военный словарь: около 70 000 терминов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Воениздат, 1987. С. 374]. Однако в силу двойственной жанровой принадлежности отрывка как некролога военнослужащего при самостоятельном рассмотрении и как части автобиографии политика при учете более широкого контекста тавтологическая природа термина усложнит его восприятие. Проблемным оказывается и решение, принятое переводчиком: без определения к слову «мина» возникает двусмысленность, так как ситуация в отрывке перевода может интерпретироваться как взрыв стационарной мины, и как взрыв снаряда, выпущенного из миномета. Более адекватными представляются несколько решений:

- 1) использование гиперонима к минометной мина, т. е. термина «снаряд»;
- 2) использование указанного выше гиперонима с определением «минометный», т. е. термина «минометный снаряд»;
- 3) добавление к существующему варианту перевода определения «артиллерийский»;
- 4) замена причастного оборота «взорвавшийся рядом» на причастие «прилетевший», что позволит снять двусмысленность без прямого указания на артиллерийский характер упоминаемой мины.

Таким образом, использование автором автобиографии терминов, относящихся к областям знаний, не являющихся основными для него, может представлять значительную переводческую сложность. Решение возникающей проблемы требует значительной эрудиции в самых различных и неожиданных областях, а также хорошее осознание асимметрии между планом выражения языка оригинала и переводящего языка.

В одиннадцатой главе *My Life* примечательно использование Биллом Клинтоном жанра биографии для подкрепления тезисов об опасностях излишних наивности и упрямости. Автор обращается к опыту обучения в Оксфорде двух американских политических деятелей: Джеймса Уильяма Фулбрайта, председателя сенатского Комитета по международным отношениям, и Ника Раска, госсекретаря США. Билл Клинтон рассматривает как политическая обстановка в период обучения повлияла на

формирование их диаметрально противоположных политических позиций по войне во Вьетнаме. Так, Б. Клинтон рассказывает, что для Фулбрайта, наблюдавшего всю несправедливость Версальского мирного договора, конфликты никогда не были черно-белыми, он всегда искал путь для диалога со своими противниками; для обучавшегося уже в 30-е годы XX века на фоне разгула нацизма в Европе Раска, по словам автора автобиографии, коммунистический тоталитаризм был равен нацистскому, потому он боролся с распространением коммунистических идей по юго-восточной Азии с маниакальным упорством. После приведения подобной сопоставительной биографии Б. Клинтон переходит к тем выводам, которые можно сделать, описывая обе персоналии как *well-meaning* и *hardheaded* соответственно. В онлайн-словаре *Cambridge Dictionary* первая лексическая единица определяется следующим образом: «*wanting to have a good effect, but not always achieving one*». С учетом биографического текста, посвященного Джеймсону Уильяму Фулбрайту, более адекватным, чем «кто руководствуется идеалами», нам представляет следующий перевод: «руководствуется благими намерениями». Вторая интересующая нас лексическая единица, *hardheaded*, имеет два толкования в онлайн-словаре *The Free Dictionary*:

1. Inflexible; stubborn; overly willful or obstinate. Also written as "hard-headed";
2. Very practical and shrewd; not concerned with or influenced by emotions. Also written as "hard-headed".

Переводчиком была выбрана передача именно второго значения, хотя оно вступает в противоречие с содержанием предшествующей сопоставительной биографии. Таким образом, с учетом жанровой гибридизации, наблюдаемой в тексте Б. Клинтона, более адекватным представляется иной перевод: «Однако и упрямство имеет свои слабые места».

В четырнадцатой главе в оригинальном тексте автобиографии Билла Клинтона в рамках одного абзаца происходит резкий переход от жанра новостной статьи при описании результатов выборов («He lost the election by 500,000 votes, 43.4 percent to 42.7 percent to 13.5 percent for Wallace. Nixon won 301 electoral votes, 31 over a majority...»), к разговорному стилю при изложении Клинтоном собственных соображений о влиянии событий 1968 года на принятие дальнейших решений штабом Никсона («Its success may have contributed to the Nixon crowd's belief that they could get away with anything, including all the shenanigans that surfaced in Watergate»). Автор использует разговорное слово *shenanigans*, которое в переводе было опущено. Перевод оказывается более стилистически нейтрален, чем оригинал: утрачивается часть личного отношения Билла Клинтона к ситуации. Для сохранения стилистического контраста в рамках абзаца представляется адекватным использовать словосочетание «подковерные игры». В таком случае получаем следующий вариант перевода: «Тогдашний успех позволил окружению Никсона думать, что им все сойдет с рук, в том числе и подковерные игры, о которых стало известно после "Уотергейта"». Из примера видно, что на стыке жанров происходит преломление идиостилевых особенностей, несохранение которых в переводе может приводить к частичному нарушению адекватности (так, в приведенном примере теряются оттенки отношения президента-демократа к президенту-республиканцу, оказавшемуся в центре крупного политического скандала).

В шестнадцатой главе в автобиографическое повествование вклиниваются два абзаца, которые представляют собой комментарий к так называемой «Игре века», матчу по американскому футболу между командами *Texas Longhorn* и *Arkansas Razorbacks*, прошедшему в 1969 году. Происходит гибридизация жанров автобиографии и

спортивного резюме, в результате чего возникает проблема передачи специальной лексики, например: *kicked off, forced a fumble, touchdown run, tailback*. Данные профессионализмы можно отнести к лакунам, так как в русском языке отсутствуют их эквиваленты в связи с малой популярностью американского футбола в русскоязычной культуре. Поэтому переводчикам приходится обращаться к транскрибированию (квотербек, киккер, филд-гол, даун, ресивер), подбору эквивалентов из других видов спорта (ввести мяч в игру, открыть счет, запасные), калькированию (сорокадвухъядровый тачдаун, на тринадцатиядеровой линии) и описательному переводу (выбил его из рук нападающего Техаса). Несмотря на удачно использованные переводческие приемы при работе с лакунами все же возникают отдельные потери и искажения. Рассмотрим отрывок из текста перевода: «В первой игре четвертой четверти ...квотербек Техаса Джеймс Страт занес потрясающий сорокадвухъядровый тачдаун **после паса**». Выделенному фрагменту в тексте оригинала соответствует словосочетание *on a busted play*. В англоязычном онлайн-словаре спортивной лексики *SportsLingo* можно найти следующее определение: «This is a term used to describe a play in football that goes unintentionally wrong, immediately after the ball is snapped [the snap being a backwards pass of the ball, that begins at the line of scrimmage]». И гибридизация, и активное использование профессионализмов, относящихся к американскому футболу, связаны с тем, что Билл Клинтон – фанат данного вида спорта, что требуется отразить и в переводе. Как следствие, за неимением эквивалента для словосочетания *on a busted play*, требуется прибегнуть к подробному описательному варианту, что даст следующий вариант: «В начале четвертой четверти... квотербек Техаса Джеймс Страт после ввода мяча в игру, не сумев отдать пас, сымпровизировал и занес потрясающий сорокадвухъядровый тачдаун». Из вышесказанного становится ясно, что опыт автора и особенности его личности могут реализовываться в тексте автобиографии/мемуаров, приводя к гибридизации с жанрами, для которых характерно активное использование специальной лексики. В случае ее неточной передачи может возникать искажение образа не только личности-автора, но и личности-объекта.

В тридцатой главе при описании церемонии вступления в должность президента Билл Клинтон приводит фрагменты инаугурационной речи. В результате происходит гибридизация автобиографии и инаугурационной речи. Последняя, как отмечают исследователи данного жанра, выступает в роли смыслового ядра инаугурации как театрализованного политического события [17], и, как следствие, изобилует средствами языковой выразительности [17–19]. Инаугурационная речь Билла Клинтона не является исключением. В результате резкое повышение частоты употребления средств выразительности языка при жанровом переключении дополнительно усложняет работу переводчика и повышает вероятность смысловых потерь. Так, в предложении «Today, a generation raised in the shadows of the Cold War assumes new responsibilities in a world warmed by the sunshine of freedom...» используется двойная метафора *shadows of the Cold War – warmed by the sunshine of freedom*. В переводе сохранена лишь вторая часть этой метафоры: «Сегодня поколение, выросшее **в тяжелых условиях холодной войны**, берет на себя новую ответственность в мире, **согретом солнечным светом свободы...**». Тот факт, что для включения в текст автобиографии был выбран именно этот отрывок, свидетельствует о важности заключенных в нем смыслов для авторского мировосприятия. Более эквивалентным представляется перевод: «Сегодня поколение, выросшее **во тьме холодной войны**, берет на себя новую ответственность в мире, **согретом солнечным светом свободы**». Итак, гибридизация может происходить между жанрами, для которых характерна разная частота использования средств выразительности языка, что обостряет дилемму сохранения экспрессивности

оригинального текста или ее нейтрализации при переводе.

Гибридизация жанров автобиографии и инаугурационной речи приводит к еще одной трудности для переводчика. Билл Клинтон артикулирует не столько личные ценности, сколько ценности нации, что характерно для инаугурационных выступлений [17]. Переводчик, не являясь представителем американской нации, должен сделать сознательное усилие для передачи ее мировоззрения, что оказывается важным для достижения адекватного перевода с учетом особенностей одного из жанров, участвующих в процессе гибридизации. Так, в переводе «Америка должна продолжать играть ведущую роль в мире, ведь мы так много сделали для того, чтобы этого добиться» предложения «America must continue to lead the world we did so much to make» переводчик частично исказил самовосприятие американцев. Они видят себя не столько мировым гегемоном, сколько мессией [20]. Таким образом, более адекватным представляется перевод: «Америка должна продолжать играть ведущую роль в современном мире, для создания которого мы приложили столько усилий». Исходя из вышесказанного следует, что в процесс гибридизации могут вступать жанры, для которых характерна разная степень выражения социокультурных условий времени. Если переводчик не учитывает фактор гибридизации, он может не заметить изменение степени того, как текст отражает «дух времени» и допустить неточность в переводе.

Заключение

Проблемы, возникающие из-за гибридизации жанров, могут показаться тривиальными, но без учета сложной жанровой природы мемуаров/автобиографии потенциально сложные для перевода фрагменты оригинального текста могут быть не замечены. Сложность представляет не сам факт смены жанров, а то, как в фрагментах разной жанровой природы преломляются идиостильевые особенности, используется специальная лексика и средства выразительности языка и отражаются социально-культурные условия времени. С обозначенными трудностями переводчики встречаются регулярно, но в условиях гибридизации, вследствие чего текст оказывается неоднородным, для достижения адекватности перевода от переводчика требуется большая концентрация при анализе текста.

Библиография

1. Костомаров П.И. Антропоцентризм как важнейший признак современной лингвистики // СибСкрипт. 2014. № 2 (58). С. 198-203.
 2. Левицкий А.Э. Антропоцентризм современной функциональной лингвистики // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. № 1. С. 74-77.
 3. Журавлева Е.А. Прагмалингвистические средства реализации категории автора в политических мемуарах // Russian Journal of Education and Psychology. 2014. № 6 (38). С. 16-39.
 4. Фарафонова О.А. Заглавия русских мемуаров XVIII - начала XIX в. как метатекстовый элемент повествования // Филология: научные исследования. 2024. № 3. С.122-136.
- DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70225 EDN: MJIUQU URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70225
5. Козлова О.В. Авторские стратегии в метатексте биографий // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2009. № 2. С. 164-168.
 6. Левченко И.А. Нarrатив художника в автобиографическом дискурсивном пространстве: специфика вербализации // Гуманитарные и социальные науки. 2022. Т. 91, № 2. С. 53-59.
 7. Киреева Н.В. Автобиография в постмодернистской литературе США: приключения

- жанра / Н.В. Киреева // Метаморфозы жанра в современной литературе: Сборник научных трудов. Москва: Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2015. С. 306-336.
8. Раренко М.Б. Биография: Эволюция и гибридизация жанра: Аналитический обзор. М.: ИНИОН РАН, 2017.
9. Rak J. Are Memoirs Autobiography? A Consideration of Genre and Public Identity // *Genre*. 2004. Vol. 37, No. 3-4. P. 483-504.
10. Павлова С.Ю. Мемуарно-автобиографические жанры: к проблеме границ // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика.* 2008. Т. 8, № 1. С. 59-62.
11. Черкашина Т.Ю. Мемуарная автобиография и автобиографические мемуары: схожесть и различие понятий // *Филологические науки. Вопросы теории и практики.* 2014. № 3-1 (33). С. 196-199.
12. Дамилова Н., Баатырбекова Э., Закирова Б. Жанровые особенности мемориальных произведений // *Бюллетень науки и практики.* 2022. Т. 8, № 6. С. 803-807.
13. Pascal R. *Design and Truth in Autobiography*. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
14. Weintraub K. *The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography*. Chicago: University of Chicago Press, 1978.
15. Jay P. *Being in the Text: Self-Representation from Wordsworth to Roland Barthes*. London: Cornell University Press, 1984.
16. Cox J.M. *The Memoirs of Henry James: Self-Interest as Autobiography* // *Studies in Autobiography*. In *Studies in Autobiography*. Olney, James (ed.). New York: Oxford University Press, 1988. P. 3-23.
17. Гаврилова М.В. Инаугурационная речь // *Дискурс-Пи*. 2013. № 3(13). С. 115-116.
18. Щербак И.В. Стилистические особенности инаугурационных выступлений избранных президентов США // *Гуманитарные и социальные науки*. 2019. № 4. С. 171-181.
19. Темченко Ю.Г. Особенности жанра инаугурационной речи в США и в России (на примере речей Д. А. Медведева и Б. Обамы) // *Вестник магистратуры*. 2013. № 7(22). С. 81-82.
20. Неймарк М.А. Мессианство и гегемония в современной geopolитике: американский эксклюзив // *Обозреватель Observer*. 2023. № 1(396). С. 6-16.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает жанровая гибридизация в мемуарно-автобиографических текстах. Под жанровой гибридизацией понимается переключение автора текста между различными жанрами в ходе повествования. Отмечается, что наибольший интерес исследователей к текстам, построенным вокруг конкретного человека, и жанровым категориям, к которым они относятся, вызывают мемуары, автобиография и биография. При этом влияние жанровой гибридизации на процесс перевода на данный момент изучено мало, что и определяет актуальность представленной работы. В статье выявляется, какие переводческие проблемы создает гибридизация жанров в антропоцентрических текстах, какие аспекты оригинального текста повышают вероятность возникновения ошибок в процессе перевода, а также какие переводческие компетенции позволяют решить данные проблемы.

Теоретическую базу данного исследования обоснованно составили труды по

антропоцентризму современной функциональной лингвистики; прагмалингвистическим средствам реализации категории автора; по мемуарно-автобиографическим жанрам; авторским стратегиям в метатексте биографий и пр. таких российских и зарубежных ученых, как П. И. Костомаров, А. Э. Левицкий, Е. А. Журавлева, О. В. Козлова, М. Б. Раренко, С. Ю. Павлова, Т. Ю. Черкашина, J. Rak, R. Pascal, J. M. Cox, R. Jay и др. Библиография насчитывает 20 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена целью и поставленными задачами и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод с элементами наблюдения, обобщения, интерпретации; методы контент- и дискурс-анализа; лексикографический анализ и др. В качестве эмпирического материала была выбрана автобиография Уильяма Джейфферсона (Билла) Клинтона под заголовком *My Life* и ее перевод на русский язык. Выбор аргументируется тем, что для оригинального текста *My Life* характерно сочетание жанра автобиографии с рядом как вполне ожидаемых для воспоминаний политика жанров (новостное сообщение о результатах выборов, очерк-биография, эссе, очерк), так и достаточно неожиданных (спортивное резюме, историческая справка, стихотворение).

В ходе исследования проанализирован теоретический материал, дано его практическое обоснование, подробно рассмотрены переводческие проблемы, вызванные иножанровыми включениями. Сделан вывод о том, что без учета сложной жанровой природы мемуаров / автобиографии потенциально сложные для перевода фрагменты оригинального текста могут быть не замечены. Сложность представляет то, как в фрагментах разной жанровой природы преломляются идиостильевые особенности, используется специальная лексика и средства выразительности языка и отражаются социально-культурные условия времени. С обозначенными трудностями переводчики встречаются регулярно, но в условиях гибридизации, вследствие чего текст оказывается неоднородным, для достижения адекватности перевода от переводчика требуется большая концентрация при анализе текста.

Полученные результаты имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в изучение явления жанровой гибридизации, мемуарно-автобиографических жанров и особенностей их передачи на другие языки; могут использоваться в вузовских курсах по теории текста, теории дискурса, теории коммуникации, по теории и практике дискурсивного анализа, переводоведению.

В целом, представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Чжан Ц. Особенности лексико-семантической сочетаемости производного предлога «насчет» в современном русском языке // Филология: научные исследования. 2025. № 3. С. 10-19. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73594
EDN: NIVAZD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73594

Особенности лексико-семантической сочетаемости производного предлога «насчет» в современном русском языке

Чжан Цяохуа

аспирант, кафедра русского языка и литературы, Дальневосточный Федеральный Университет

690922, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Русский Остров, Аякс, 7.1

✉ qiaohua@mail.ru

[Статья из рубрики "Грамматика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73594

EDN:

NIVAZD

Дата направления статьи в редакцию:

06-03-2025

Дата публикации:

15-03-2025

Аннотация: В современной русистике активно проводятся исследования служебных слов, в задачу которых входит установление всех семантико-синтаксических свойств каждой отдельно взятой служебной единицы. Объектом настоящего исследования является предлог «насчёт». Предметом исследования является лексическая сочетаемость и семантика данного предлога. Цель исследования – установить специфику сочетаемости предлога «насчет» и выявить связь сочетаемости со значением предлога. В статье автор анализирует формулировки значения предлога «насчет» в толковых и аспектных словарях русского языка с точки зрения их сходства и различия. Основное внимание уделяется выявлению лексико-семантических групп, в которые объединяется лексика, занимающая позиции правого и левого компонентов

конструкции, организуемой предлогом, и на этой основе делается вывод о связи семантической специфики предлога «насчет» и его сочетаемости. В исследовании использован описательный метод, с включением методики контекстного анализа. Источник материала – Национальный корпус русского языка. В результате анализа лексики левого компонента предложной конструкции было установлено, что главный общий семантический признак глаголов всех лексико-семантических групп – речемыслительная деятельность, направленная на объект, названный формой родительного падежа, занимающей позицию правого компонента конструкции. При этом анализ лексики, занимающей позицию правого компонента, показывает, что объектом речемыслительной деятельности говорящего может быть любой объект окружающей действительности, относящийся как к материальному, так и к нематериальному миру. Кроме того, анализ показал, что предлог «насчет» всегда связывает предложение, в котором он находится, с предшествующим контекстом. В ходе исследования установлено, что предложно-падежная форма с предлогом «насчет» всегда обозначает ситуацию, независимо от того, предметные или непредметные существительные занимают позицию правого компонента конструкции. Новизна исследования заключается в том, что впервые определена и сформулирована связь специфики сочетаемости предлога «насчёт» с его семантикой.

Ключевые слова:

служебные слова, предлог, семантика, лексическая сочетаемость, лексико-семантическая группа, левый компонент, правый компонент, контекст, предметные существительные, непредметные существительные

Введение

Служебным словам русского языка посвящены многие работы российских лингвистов. В последнее время в современной русистике большой интерес вызывают единицы служебного характера, с одной стороны, выполняющие разные функции и имеющие разную форму, а с другой стороны, объединенные общим производящим, базовым компонентом – словом, разные формы которого лексикализовались и приобрели разные функции. Теоретической базой настоящей статьи послужили научные труды таких исследователей, как Е.Т. Черкасова [13]; Г.А. Шиганова [16]; М.В. Всеволодова, О.В. Кукушкина, А.А. Поликарпов [4], Е.Н. Виноградова [3], Е.С. Шереметьева [15].

По мнению Е.С. Шереметьевой, исследование лексики, с которой сочетается каждый производный предлог, – это первая и естественно возникающая задача. При этом необходимо уделять внимание лексике в позициях правого компонента, левого компонента и их сочетаемости [15, с. 11]. Изучению и описанию предлогов и предложных единиц посвящен ряд диссертационных исследований, таких как [5],[6],[7],[13].

Результаты и обсуждение

Объектом настоящего исследования является предлог «насчёт».

Значения предлога «насчёт» в толковых словарях представлены следующим образом:

Словарь Д.Н. Ушакова: «насчёт, предлог с род. (разг.). Относительно чего-нибудь, о чем-нибудь» [12]. Малый академический словарь: «насчёт предлог с род. п. разг.

Относительно кого, чего л» [\[11, с. 403\]](#). Большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова: «насчёт, предлог. кого-чего. разг. Относительно кого-, чего-л. Договориться насчёт статьи, поездки, отпуска, адвоката, врача» [\[2, с. 603\]](#). Словарь С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «насчёт кого (чего), предл. с род. Относительно, по поводу кого-чего-н., касаясь кого-чего-н. Осведомиться насчёт последних событий. Беседа насчёт сына» [\[9, с. 395\]](#).

Из приведенных толкований видно, что они тождественны, только в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой дается большее количество синонимов.

В «Объяснительном словаре русского языка» В. В. Морковкина даются развернутые толкования:

«Насчет предлог с род., с оттенком разг. 1.0. Употр. при указании на человека, предмет, явление, к которым что-л. относится, которых что-л. касаться. Син. относительно, по поводу, о, про. Спросить (говорить, поинтересоваться, напомнить, упомянуть, уточнить, беспокоиться, несов., волноваться, тревожиться несов., вопрос, разговор, напоминание, уточнение, беспокойство, волнение, тревога) насчет сына (семьи, чьих-л. планов, чьих-л. намерений, цен, билетов, чьего-л. приезда). *Насчет тебя он ничего не говорил.* <> Насчет билетов не беспокойтесь - всё будет в порядке. <> 1.1. употр. при указание на область деятельности, род занятий, в отношении которых что-л. имеет место. Син. относительно употр. реже, в отношении, в плане, по части, по линии. *Парень он вроде бы неплохой. А как у него насчет выпивки? <>. Как насчет чашечки кофе?*» [\[8, с. 207\]](#).

Из приведенного толкования видно, что, во-первых, оно включает не только синонимы и примеры, но и указание на сочетаемость предлога; во-вторых, в данном словаре у предлога разграничиваются два значения. Для каждого из предложенных в словаре значений дается свой набор синонимов.

В ходе исследования был проведен анализ лексики, с которой сочетается предлог «насчет». Анализировалась лексика в позиции правого компонента – это позиция, которую занимает существительное в родительном падеже, и лексика в позиции левого компонента – это позиция слова, управляющего предложно-падежной словоформой.

Классификация лексики в позиции правого и левого компонента предлога «насчет» по лексико-семантическим группам

Правый компонент

Предметные существительные

Лексико-семантическая группа «человек и его профессия»: автор, доктор, адвокат, актер, актриса, аккомпаниатор, водитель, водолаз, водопроводчик, врач, гонщик, гувернантка, дельца, директор, домработница, драматург, журналист, издатель, инженер, исполнитель, бабка, бабушка, брат, братец, внук, внучонок, гость, девица, девок, девочка, девушка, девчонка, дед, дедушка, дети, дочь, дядя, жена, жених, женщина, батюшка, барон, барышня, господа, господин, госпожа, графиня, государя, дама, друг. Например:

Комаров **насчет актрисы** Мокур рассказал, что будто ей стоило 70 тыс. (А. И. Богданович, Дневник, 1889). Так вот **насчет дельца**-то того я хочу с тобой **поговорить**, -- начал Иван Петрович. (Б. А. Садовской, Великодушный жених, 1911). Я тебе еще **позвоню насчет директора**. (Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий. Улитка на склоне,

1966-1968). **Подумай насчет инженерчика**, -- напомнил он мне осторожно. (Фазиль Искандер, 1989). **Насчет исполнителей** этих ролей вы со мной **посоветуетесь?** (Анатолий Алексин, (1975). Да и видел я ее всего раз, когда она **просила насчет брата**. (Три конца, 1890). Когда дверь закрылась, он еще попробовал заговорить с женой, нарочно, чтобы сделать ей удовольствие, **сострить** что-то **насчет гостьи**. (М. П. Арцыбашев, 1910-1912). Мне нужно **поговорить** с тобой **насчет дедушки**. (Наталья Александрова, Последний ученик да Винчи, 2010). Давеча вы **спросили** меня **насчет жены**. (И. Т. Кокорев, Саввушка, 1847).

Лексико-семантическая группа «животные»: жаба, жеребец, змея, волк, гусь, дракон, верблюд, бабочка

А **насчет змея говорили**, что нет, мол, никакого змея? (Ю. О. Домбровский, 1964). А я **говорил насчет волков-то?** (М. М. Рошин, 1971)

Лексико-семантическая группа «помещения, учреждения» и прочее подобное: амбар, апартамент, аптека, аэродром, библиотека, кабинет, канцелярия, больница, винокурня, госпиталь, гостиница, детдом, завод, загс, издательство, институт, интернат, кафе; дом, жилище, жилье, изба, квартира, дача

Или у кого-то заболел ребенок -- с кем **посоветоваться насчет больницы?** (Эльвира Савкина. «Дело», 15.10.2002). Вы не позабудете **позвонить насчет гостиницы?** (Борис Васильев. Не стреляйте в белых лебедей, 1973). **Поговори с ним насчет института.** (Ю. В. Трифонов. Время и место, 1980). Вы **насчет кафе** случайно не **передумали?** (Галина Розанова. Мое место в твоем сердце! // «Даша», 2003). Да мы хотели **узнать насчет дома.** (В. Ф. Кормер, 1987). Со мной вчера обещали поговорить **насчет квартиры.** (А. И. Батюто, 1942). Что вы мне **скажете насчёт квартиры?** (Владимир Голяховский, 1984-2001). Да ведь она и **насчет дачи** ко мне **подкатывалась!** («Новый Мир», 2001).

Лексико-семантическая группа «транспорт»: автобус, автомобиль, велосипед, воз, грузовик, вездеход, вертолет, катер

В поселке мы уже **договорились насчет вездехода**, но тут оказалось, что будет он только через несколько дней. («Знание - сила», 1998). Я умылся и пошел **узнавать насчет автобуса.** (И. А. Ефремов, 1944).

Лексико-семантическая группа «финансы»: выплата, аванс, зарплата, жалованье, гонорар, выкуп, деньги, денежката, депозит, задаток, актив, вознаграждение

Теперь будем **говорить насчет жалованья** и других условий. (В. А. Обручев, 1951). Тети дома не было, и Варя ничего не **узнала насчет денег.** (М. А. Кузмин. Дневник, 1907)

Лексико-семантическая группа «природные явления»: гроза, гром, ветер, дождь, катастрофа

Проваливаясь в сугробах, начлаг подошел к начальнику конвоя и закричал ему почти в ухо: Почему у вас люди не работают? Тот хотел что-то **ответить насчет ветра**, но Таши-и-не-Пущай продолжал кричать, тыча рукой в сторону, где река делала довольно крутой поворот. (Г. Г. Демидов, 1972-1980). **Насчет дождя не сумлевайся:** рогозкой прикрою. (Ф. М. Решетников, 1867).

Лексико-семантическая группа «часть тела человека»: волос, глаз, голова, губа, грудь, желудок, живот, зуб, кишка

Не знаю, как насчет волоса. (Л. К. Чуковская, 1978-1989). **Насчет глаза да уха немцы заспорили.** (П. П. Бажов, 1943). **Не знаю** уж как **насчет зубов**, но с собою на чужбину увезли, как шишки Валаама, как горсточки его земли. (Б. К. Зайцев, 1936)

Лексико-семантическая группа «продукты (еда)»: балык, баланда, банан, баранина, ветчина, водка, водочка, вода, вино, горох, горчица, гречка, гриб, выпивка, закуска, зерно, икра, кабачок, капуста, картофель, картошка, каша

Что вы, деточки, **скажете насчет кабачка?** (Д. В. Григорович. Замшевые люди, 1891). А **насчет вина** что-то ничего не **придумано.** (С. Н. Сергеев-Ценский, 1912-1936). Он изъявил желание съездить к одному своему коллеге-учителю, с которым они частенько выпивают - к Сергею Васильевичу, фамилии не знаю, чтобы **договориться насчет выпивки.** (Н. Н. Козаков. Дневник, 1962)

Непредметные существительные:

Лексико-семантическая группа «чувства и качества»: горе, веселье, гнев, грусть, зло, злоба, жадность, жестокость, жалость, возмущение

Ты верно **сказал насчет горя.** (Еремей Парнов, 1985). А **насчет веселья не беспокойся.** (Мариам Петросян, 2009). **Насчет жестокости скажем,** что при осаде Монтобана он, обходя перевязочный пункт, натолкнулся на целую груду пленных кальвинистов, оставленных без всякой помощи. (Кондратий Биркин, 1871)

Лексико-семантическая группа «речемыслительная деятельность»: беседа, болтовня, бессмыслица, высказывание, выступление

Капустин вполне **понимал насчет бессмыслицы.** (Д. Н. Гуцко, Праздник // «Волга», 2012). Мы долго **талдычили насчет беседы** Ии с кагэбистами и решили, что весь этот театр с магнитофонами разыгран специально с расчетом, что мы об этом узнаем и испугаемся. (Ю. Л. Нельская-Сидур, Дневники, 1973).

Лексико-семантическая группа «время»: август, апрель, июнь, декабрь, весна, зима, вторник, воскресенье, год, зорька, день, вечер

Большинство офицеров **насчет зимы соглашалось**, но в общем молчало и не высказывалось. (В. В. Вересаев, На японской войне, 1907). **Насчет года не знаю**, но я чувствую, что вы старше меня лет на пять. (Андрей Николев, По ту сторону Тулы, 1929-1930). Молодые люди **условились насчет дня**, в который Инсаров должен был переселиться. (И. С. Тургенев, Накануне, 1859).

Левый компонент

Лексико-семантические группы в позиции левого компонента были выделены с привлечением сведений из словаря Л.Г. Бабенко [1].

Лексико-семантическая группа «глаголы речи»: говорить, поговорить, поговаривать, сказать, поведать, молвить, выкрикивать, покричать, прокричать, высказать, высказать, высказывать, болтать, потолковать, пробормотать, бормотать, образумить, нашептывать, заявлять, объявить, сообщить, ответить

Я хотел, например, **поговорить** с Вами **насчет брата** Анатолия. (П. И. Чайковский, 1878). Предлагаю **высказаться насчет актеров и режиссеров.** (А. Н. Бенуа. Дневник, 1922). Теперь хочу **рассказать насчет высказываний** Сталина относительно взаимоотношений с союзниками в процессе войны, конкретно -- с Рузвельтом и

Черчиллем. (Никита Хрущев, 1971). Хотел бы я с обществом еще **потолковать насчет земли**, прежде чем уехать. (Е. Н. Чириков, 1906)

Лексико-семантическая группа «глаголы речевого воздействия» [1, с. 374]: сорвать, приврать, солгать, лгать, обманывать, обманываться

Кроме того, агенты выяснили, что Пападопулос **лгал насчет встречи** с женщиной, которую в разговорах с соратниками он описывал как «племянницу Путина». (lenta.ru, 30.10.2017). Она приводит пример, когда он **намеренно солгал ей насчет времени** очередной встречи с аудиторами, чтобы временный президент не смогла на ней присутствовать. (Коммерсант, 13.04.2020). Он **все наврал насчет армяночки**. (Юрий Трифонов, 1959-1962). Как это ни кажется невероятным, но меня **обманули насчет дня похорон**. (Л. Д. Троцкий, 1929-1933)

Лексико-семантическая группа «глаголы речевого общения» [1, с. 356]: спорить, поспорить, просить, спросить, спрашивать, расспрашивать, порасспросить, поторговатьсья, шутить, пошутить, подшучивать,

Если возможно, то я **просила бы насчет выплаты** денег (японских), которые имела. (Коммерсант, 22.12.2002). Коля... то есть Коля меня **просил насчет змея...** (И. С. Тургенев, 1850). А потом входили, запирали ворота, грабили весь дом и пытали -- загоняли иголки под ногти и **спрашивали насчет золота** и ценностей. (Михаил Анчаров, 1967). Он узнал меня, поздоровался, **пошутил насчет** того **приключения**. [Сергей Юрский, 1974-1983].

Лексико-семантическая группа «глаголы восприятия» [1, с. 303]: слышать, услышать, расслышать, воспринимать, видеть.

Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне **слышать насчет духа и слова** «Истории» Карамзина. (А. С. Пушкин. Карамзин, 1821-1825)

Лексико-семантическая группа «глаголы мышления» [1, с. 322]: думать, подумать, задумываться, подумывать, размышлять, поразмыслить, соображать, сообразить, рассматривать, запомнить, припомнить, напоминать, вспомниться, помнить

Спорткары останутся заднеприводными, но в BMW **подумывают насчет версии M Performance**, которая вместе с 420-сильным двигателем может получить и систему полного привода. (Vesti.ru, 19.05.2015). И Павел Иваныч никогда бы **не задумался насчет женитьбы** серьезно, если бы руководствовался интересами исключительно хозяйственными и если бы дух времени не ворвался в среду его установившегося миросозерцания. (Г. И. Успенский, 1869). Размышлял я, **размышлял насчет интонации**, решил, что подтекста нет. (Юлий Даниэль, 1966-1970).

Лексико-семантическая группа «глаголы познания» [1, с. 216]: знать, узнать, поинтересоваться

Бабурин **поинтересовался насчет возможности** подключения Белграда к союзу Москвы и Минска. (Дмитрий Горностаев, 23.03.2000). Завтра буду **узнавать насчет карточек**. (Г. С. Эфрон, 1941-1943). Не знаю **насчет грязи**, но аромат стоял тот еще без всякого дикоденства, особенно когда выделявали лайку. (Бахыт Кенжеев, «Новый Мир», 2008).

Лексико-семантическая группа «глаголы эмоционального состояния» [1, с. 518]:

беспокоиться, волноваться, досаждать, разволноваться, терзаться, пытать, недоумевать

*Не та пенсионерка справа, что **беспокоилась насчет исчезновения** пауков, -- другая, бальзаковского возраста. (Евгений Лукин, 2013). Василий тогда **волновался насчет жены** своей Анисьи. (П. Ф. Нилин, 1942). Это ей подруга **досаждала насчет инженера**, а она уходила от приставаний в коридор (В.Чивилихин. Про Клаву Иванову. 1964).*

Лексико-семантическая группа «глаголы контакта» (глаголы согласованных действий) [1, с. 604]: договориться, договариваться, консультироваться, торговаться, условиться, связаться, столковаться, согласиться

*Вечером приходил поэт-переводчик с итальянского Женя Соловович **договариваться насчет иллюстрирования** Петрарки. (Ю. Л. Нельская-Сидур, Дневники 1968-1973). Президент позовет лидеров фракций парламентского большинства и с ними будет **консультироваться насчет кандидатуры** не только премьера, но и всех министров, за исключением силовиков. («Московский комсомолец», 15.01.2003). Ведь еще совсем недавно он жил в глухи, где **посоветоваться насчет вокала** было не с кем. (Бирюков Сергей, 2001). По его словам, сотрудники ФБР **связались насчет встречи** с Рыбкой с иммиграционной службой страны. («Общество», 13.03.2018).*

Анализ лексики в позиции правого и левого компонента показал, что левый компонент определяет объектную семантику предлога «насчет». Объектная семантика предлога предопределяется не только грамматическим характером переходных глаголов, но и семантикой тех глаголов, которые имеют грамматический показатель непереходности – возвратный постфикс -ся, например, *договариваться, согласиться, поинтересоваться* и другие. Главный общий семантический признак глаголов всех лексико-семантической групп – речемыслительная деятельность, направленная на объект, названный формой родительного падежа. При этом анализ лексики, занимающей позицию правого компонента, показывает, что объектом речемыслительной деятельности говорящего может быть любой объект окружающей действительности, относящийся как к материальному, так и к нематериальному миру.

Кроме того, анализ показал, что предлог «насчет» всегда связывает предложение, в котором он находится, с предшествующим контекстом. Например:

*По мне, так ты лучше переживай себе потихоньку, чем веселиться от каких-то невеселых вещей. Это будет более нормально. Сфинкс смеется. В нашем положении ничего не будет нормально. А насчетвесельянебеспокойся. Это ненадолго. (Мариам Петросян, 2009). На этом примере можно увидеть, что предлог **насчёт** связывает выделенное предложение с предыдущим контекстом, и этот пример показывает, что фрагмент, с которым соотносится предложно-падежная форма, может быть расположен дистантно, а не контактно по отношению к этой форме. Предложно-падежная форма **насчетвеселья** соотносится с глаголом «веселиться», который расположен в предшествующем контексте на значительном расстоянии от предлога с существительным.*

Можно сделать еще один вывод из анализа лексики: в конструкциях с предлогом «насчет» предметные и непредметные существительные одинаково называют не предмет, а ситуацию. Этот вывод можно продемонстрировать на следующих примерах:

*Или у кого-то заболел ребенок -- с кем **посоветоваться насчет больницы?** (Эльвира Савкина. «Дело», 15.10.2002). За предложно-падежной формой **насчет больницы** стоит ситуация: «в какую больницу лучше повезти ребёнка».*

*Вы не позабудете **позвонить насчет гостиницы?*** (Борис Васильев. Не стреляйте в белых лебедей, 1973). Это значит **позвонить**, «**чтобы** заказать гостиницу».

*Вы **насчет кафе** случайно не **передумали?*** (Галина Розанова. Мое место в твоем сердце! // «Даша», 2003). Это значит: вы не передумали «пойти в кафе».

*Я умылся и пошел **узнавать насчет автобуса.*** (И. А. Ефремов, 1944) – то есть: я пошел узнавать, «когда будет автобус».

При анализе материала были обнаружены контексты, в которых отсутствует левый компонент, в таком случае сам факт наличия предлога свидетельствует о том, что в предложении имеется в виду определённая ситуация, Левый компонент в таких предложениях додумывается, может быть восстановлен его приблизительный аналог. Когда нет левого компонента, общий контекст все равно позволяет нам понять ту ситуацию, которая вводится предлогом *насчет*.

Например:

*Я больше **насчет актрис**, -- отвечал тот, не замечая нахмурившуюся Лямер.* (Андрей Николев, По ту сторону Тулы, 1929-1930). В данном примере имеет ввиду, что говорящий сообщает, что как мужчина, он более любит ухаживать за актрисами. *Саша, я уже ложусь, приезжать не надо... И не надо суеты. Это для тебя новость, а я с этим живу уже много месяцев.* *Завтра я поеду **насчет врача**...* — бормотал Чернов. Завтра праздник... А у тебя, кажется, уже сегодня. (Сергей Юрский, Чернов, 1972-1978). В данном примере из контекста видно, что подчеркнутое предложение имеет значение: «завтра я поеду узнавать о враче или искать врача», то есть называется ситуация «поиск врача».

Заключение

В результате анализа лексики правого и левого компонента предложной конструкции было установлено, что наиболее частотными в позиции правого компонента являются следующие лексико-сематические группы: среди предметных существительных – человек и его профессия; животные; помещения, учреждения; транспорт; финансы; природные явления; часть тела человека; продукты; среди непредметных существительных – чувства и качества; речемыслительная деятельность; времена. В позиции левого компонента употребляются глаголы следующих лексико-семантических групп: глаголы речи, глаголы речевого воздействия, глаголы речевого общения, глаголы восприятия, глаголы мышления, глаголы познания; глаголы эмоционального состояния; глаголы контакта (глаголы согласованных действий). Анализ позволил сделать следующие выводы: 1). Объектное значение предлога «насчет» предопределается семантикой левого компонента предложной конструкции. 2). Предлог «насчет» связывает предложение с предшествующим контекстом. 3). Предложно-падежная форма с предлогом «насчет» всегда обозначает ситуацию, независимо от того, предметные или непредметные существительные занимают позицию правого компонента конструкции.

Библиография

1. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: идеографическое описание. М.: АСТ-Пресс, 1999. 704 с.
2. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: "Норинт", 2000.
3. Виноградова Е.Н., Клобукова Л.П. Предлог: большие проблемы маленькой части речи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Том 15. № 3. С. 299-316.

4. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления / Под общ. ред. М.В. Всеволодовой. М.: URSS, 2014. 304 с.
5. Вэй Хуэйминь. Функционально-семантические свойства служебных единиц с базовым компонентом "пример": дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2022. 123 с.
6. Гавриленко В. В. Предложные новообразования сравнительной семантики, построенные по модели "в+N6": условия грамматикализации: дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2020. 159 с.
7. Дербенева О. Д. Предложные новообразования противительной семантики ("в противоположность", "в противовес", "в противопоставлении"): дисс. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2024. 147 с.
8. Объяснительный словарь русского языка. Под редакцией В.В. Морковкина. Москва: Астрель, АСТ, 2002. 432 с.
9. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: ООО "А ТЕМП", 2006.
10. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник, 2003. Т. 1-4.
11. Словарь русского языка: В 4-х т. Т. 3. П-Р / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под. ред. А.П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1986. 736 с.
12. Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. – 1502 стб.
13. Черкасова Е.Т. Переход полнозначных слов в предлоги. М.: Наука, 1967. 280 с.
14. Чэн Сюецин. Грамматикализация сочетаний с предлогом по: дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 2024. 213 с.
15. Шереметьева Е.С. Отмынные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды: монография. Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2008. 236 с.
16. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск: Изд-во Челябинского государственного педагогического университета, 2001. 318 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает лексико-семантическая сочтаемость производного предлога «насчет» в современном русском языке, актуальность изучения которого обусловлена повышенным вниманием к проблематике предлогов, вызванным активными процессами, протекающими в области служебной лексики в целом и предлога как части речи в частности («в последнее время в современной русистике большой интерес вызывают единицы служебного характера, с одной стороны, выполняющие разные функции и имеющие разную форму, а с другой стороны, объединенные общим производящим, базовым компонентом – словом, разные формы которого лексикализовались и приобрели разные функции»). Для понимания процессов развития системы служебных слов русского языка необходимо иметь полное представление о функционировании всех ее единиц, в том числе производных предлогов разных семантических групп.

Теоретической основой исследования выступили научные труды по функциональ-

семантическим свойствам служебных единиц; грамматикализации сочетаний с предлогом; по русским предлогам и средствам предложного типа и т.п. таких российских и зарубежных ученых, как Е. Т. Черкасова, Г. А. Шиганова, М. В. Всеволодова, О. В. Кукушкина, В. В. Гавриленко, А. А. Поликарпов, Е. Н. Виноградова, Е. С. Шереметьева, Вэй Хуэйминь, Чэнь Сюецин и др. Библиография статьи насчитывает 15 источников, в т.ч. 7 лексикографических изданий (Толковый словарь современного русского языка Д. Н. Ушакова; Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой; Словарь русского языка А. П. Евгеньевой; Большой толковый словарь русского языка С. А. Кузнецова; Объяснительный словарь русского языка под редакцией В. В. Морковкина; Толковый словарь русских глаголов Л. Г. Бабенко; Русский семантический словарь Н. Ю. Шведовой), которые явились основными источниками эмпирического материала. Методологическую базу исследования составили описательный, функциональный, прагматический, сопоставительный методы, метод словарной выборки, метод компонентного анализа, комплексный лингвистический анализ. Выбор методов оправдан и соответствует цели и задачам работы.

В ходе исследования был рассмотрен лексический материал, с которым сочетается предлог «насчет». Проведен подробный анализ данной лексики в позиции правого компонента – это позиция, которую занимает существительное в родительном падеже, и лексика в позиции левого компонента – это позиция слова, управляющего предложно-падежной словоформой. Предложена классификация лексики в позиции правого и левого компонента предлога «насчет» по лексико-семантическим группам. Выявлены наиболее частотные в позиции правого и левого компонентов. Полученные результаты позволили автору(ам) прийти к выводам о том, что объектное значение предлога «насчет» предопределется семантикой левого компонента предложной конструкции; предлог «насчет» связывает предложение с предшествующим контекстом; предложно-падежная форма с предлогом «насчет» всегда обозначает ситуацию, независимо от того, предметные или непредметные существительные занимают позицию правого компонента конструкции.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в развитие общей теории «категории предлога». Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов как в исследованиях по лексикологии, лексикографии, семасиологии, теории языка, так и в преподавании вузовских курсов по лексикологии, словообразованию и лексикографии.

Стиль работы отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию, логика исследования четкая. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дубяга А.М. Гендерные исследования в сравнительно-сопоставительном языкоznании (русский и китайский языки) // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73642 EDN: KRRARU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73642

Гендерные исследования в сравнительно-сопоставительном языкоznании (русский и китайский языки)

Дубяга Анастасия Михайловна

ORCID: 0009-0002-1743-4377

аспирант, кафедра теории языка, аngлистики и прикладной лингвистики; Государственный университет просвещения

115547, Россия, г. Москва, ул. Бирюлёвская, д 58 к 1, оф. 90

✉ anastasiya.dubyaga.96@mail.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73642

EDN:

KRRARU

Дата направления статьи в редакцию:

10-03-2025

Дата публикации:

17-03-2025

Аннотация: Последнее десятилетие XX века знаменуется развитием философией постмодерна и изменением научной парадигмы в гуманитарных науках. Как результат, такие категории как «пол», «этничность» и «возраст» постепенно начинают уходить от единой интерпретации «биологически детерминированные» и начинают трактоваться по-иному, рассматриваясь в более широком смысле. В связи с этим фактом, в научном мире гендерные исследования являются одним из стремительно развивающихся направлений. Статья посвящена не только анализу имеющихся наработок в области гендерных исследований в сравнительно-сопоставительном языкоznании на примере русского и китайского языков, но и последующего сравнения основных тенденций, наблюдавшихся в лингвистической гендерологии. Проанализированы и выделены два основных периода

становления гендерных исследований – биологический детерминизм и гендерные исследования. В статье также описан переходный период, послуживший базой для гендерных исследований современности. Основной целью данной статьи является обзор исследовательских работ по изучению гендера в русском и китайском языках с целью сравнения. При проведении исследования были применены такие общелогические методы исследования, как анализ и последующий синтез материала. Новизна исследования заключается в сравнении имеющихся наработок и методов работы в области гендерных исследований в сравнительно-сопоставительном языкоznании на примере русского и китайского языков. В выводах описаны основные тенденции развития гендерных исследований. Так, в работах отечественных ученых преобладают две тенденции развития. Первая тенденция заключается в выявлении лингвистической значимости гендерного подхода в языкоznании в целом. Вторая тенденция посвящена установлению роли так называемой экстравалингвистической реальности в процессе формирования самого гендера. Гендерные исследования в китайском языке направлены на изучение гендера в теоретическом аспекте. Также в работах часто сравнивается роль и статус мужчины и женщины в обществе на предмет различий. Языковые асимметрии, выявляемые на анализе китайского, русского, английского и других языков также привлекают внимание ученых.

Ключевые слова:

гендер, сравнительно-сопоставительное языкоznание, гендерные исследования, отечественная лингвистика, китайское языкоznание, теоретический статус гендера, стереотип, гендерная роль, гендерная идентичность, пол

Введение

Последнее десятилетие XX века знаменуется развитием философией постмодерна и изменением научной парадигмы в гуманитарных науках. Человек стремился понимать процессы категоризации по-новому, выражал интерес не к объективному, а к субъективному, разрабатывал новые теории, такие как «теория личности» или «теория социального конструктивизма». Как результат, такие категории как «пол», «этничность» и «возраст» постепенно начинают уходить от единой интерпретации «биологически детерминированные» и начинают трактоваться по-иному, рассматриваясь в более широком смысле.

Такие новейшие установки определено требуют введения новой лексики, которая будет точнее описывать новые методологические веяния. Как результат, в научное пользование приходит термин «гендер». Данный термин в большей степени акцентирует «общественно конструируемый характер пола, его конвенциональность, институциональность и ритуализованность, а также изучение лингвистических механизмов проявления гендера в языке и коммуникации» [9]. Введение «гендера» как самостоятельного лингвистического термина приходится на XX век, поэтому и само становление, и последующее интенсивное развитие гендерных исследований приходится на конец XX столетия. Стоит отметить, что методы и подходы к изучению гендера различны.

Целью данной статьи является анализ проведенных гендерных исследований в сравнительно-сопоставительном языкоznании на примере русского и китайского языков. При проведении исследования были применены такие общелогические методы

исследования, как анализ и последующий синтез материала. Научную базу данного исследования составили теоретические положения отечественных и зарубежных ученых. Таким образом, выводы, отображенные в данной статье, опираются на блок работ в следующих областях:

- 1 . Исследования, раскрывающие влияние различных исторических, культурных и социальных событий на роль гендера в различных обществах (С.Н. Соловьева, Е.С. Гриценко, О.Л. Антинескул, В.В. Васюк, Н.В. Леткина, Л.Я. Круглянская, Т.Н. Батарон, А А. Мачулис);
- 2 . Исследования, базирующиеся на изучении теоретического статуса гендера и его восприятия (М.В. Томская, З.А. Хоткина, А.В. Кирилина, Т. А. Трипольская, Н.С. Шушанян, Л.П. Мурашова, Е. Ю. Булыгина, D. Tannen, A. Weatherall);
- 3 . Исследования, результат которых основан на изучении гендера в pragматическом и лингвокультурологическом аспектах языка (А.А. Маали Шади, А.А. Лиховид, Сюй Шаньшань, И.Е. Герасименко);
- 4 . Исследования, анализирующие гендер на лингвистической, социолингвистической и психосоциолингвистической основе метода анализа (К.В. Шуршин, Л.Н. Маслова, И.В. Денисова, В. К. Барашян);
- 5 . Исследования по проблематике гендерных образов и стереотипов в прессе и медиа (А. А. Баркович, И.В. Полевая, О. В. Ромах, О.В. СкулкинА. А. Слепцова , Н.В. Межерицкая, Ж.В. Чернова, Л.В. Сулейманова, Yorgos C. Zotos, Eirini Tsichla, Fang Pan).

Подобный обзор научных трудов позволяет не только выявить основные методы исследований, применяемых в лингвистической гендерологии, но и актуализировать сходства и различия в изучении гендера на примере двух совершенно разных культур.

Гендерные исследования в сравнительно-сопоставительном языкоznании (русский и китайский языки)

Этапы изучения связи языка с полом его носителей традиционно принято делить на две стадии – стадию изучения материала с точки зрения «биологического детерминизма» и стадию изучения гендера уже в самих «гендерных исследованиях». Говоря подробно, то биологический детерминизм заключается в «нерегулярных разрозненных, не связанных со смежными науками исследованиями». Гендерные исследования в свою очередь можно раскрыть как «масштабные исследования, вызванные ростом интереса к pragматическому аспекту языкоznания, а также связанные с развитием социолингвистики и изменением в разделении традиционных мужских и женских ролей в обществе» [\[6, с. 139\]](#). Границей отделения первого этапа от второго служат шестидесятые годы прошлого столетия.

Стоит отметить, что А. В. Кириллина говорит еще и о третьем периоде. Однако, исследователь не выявляет этот период как отдельно стоящий, а приурочивает его к переходному, промежуточному периоду. По ее мнению, как раз начало и середина XX века можно отнести к такому периоду, а все исследования, проведенные в данное время, служат базой для гендерных исследований современности.

На рубеже 60-х и 70-х годов прошлого столетия ученые начинают уделять все больше внимания исследованиям языка с точки зрения «психологических и социальных особенностей». На первый план выходят такие особенности как пол, уровень

образования и т. п. [\[8, с. 336\]](#).

Параллельно с вышеупомянутым периодом в Германии и США вспыхивает так называемое Новое «женское движение», которое указывает, что общество андроцентрично. Именно это движение дало мощный толчок к развитию гендерных исследований.

В этот период для исследований в области социологии, психологии, истории и ряда других гуманитарных наук был введен термин «гендер». Основоположником термина является американский психолог и сексолог Джон Уильям Мани. Мани специализировался на изучении биологии пола и ввел не только термин «гендер», но и такие термины как «гендерная идентичность», «гендерная роль», «сексуальная ориентация».

При анализе проведенных исследований И.В. Полевая отмечает путаницу в терминологии, так как понятия в разных языках не совпадают и/или имеют «семантическую нагруженность». Так, к примеру, разницу между двумя понятиями английского языка «sex» и «gender» не представляется возможным перевести адекватно. В английском языке лексическая единица «sex» имеет значение «секс», а русская единица «пол» обладает меньшей семантической нагрузкой [\[17\]](#).

В отечественной лингвистике гендерные исследования берут свое начало в 90-е годы XX века. В 1990 в Институте социально-экономических проблем народонаселения при Академии наук был впервые применен термин «гендер» в официальном названии лаборатории. В дальнейшем эта лаборатория получила название «Московский центр гендерных исследований» (МЦГИ) [\[14, с. 15\]](#).

Как известно, данный период для истории России носит значимые социальные изменения. В связи с этим фактом меняется и сама гуманитарная наука. М. А. Сташкова (Кирсанова М.А.) также отмечает тот факт, что характерной чертой для российских исследований является «имплицитное допущение социальной обусловленности многих явлений, отражающих взаимосвязь пола и языка» [\[13, с. 33\]](#).

После распада Советского Союза современные исследователи уделяют особое внимание психолингвистике. В связи с этим растет число исследований, базирующихся на гендерной лексикологии, выявлении языковых асимметрий и исследований степени антропоцентричности языков с их последующим сравнением [\[4, с. 511\]](#). В статье А. В. Кирилиной и М. В. Томской «Лингвистические гендерные исследования» приводятся основные направления гендерной лингвистики на современном этапе развития: социо- и психолингвистическое направление, лингвокультурологическое направление и коммуникативно-дискурсивное направление [\[9\]](#).

В русле социо-, и психолингвистического направления ученые занимаются вопросами русского языкового сознания через призму восприятия письменных и устных текстов. В русле лингвокультурологического направления ведутся исследования по изучению гендерных стереотипов, стереотипов на уровне маскулинности и феминности, гендерной асимметрии.

Коммуникативно-дискурсивное русло специализируется на изучении особенностей речевого поведения мужчин и женщин с целью построения речевого портрета. В ходе таких исследований ученые также занимаются языковым конструированием гендера в ходе коммуникации между мужчинами и женщинами в различных ситуациях.

И. В. Полевая отмечает, что все существующие направления по изучению гендерной лингвистики в России в некой степени отображают различия между мужчинами и женщинами и имеют прямое отражение в различных ситуациях [\[11, с. 36\]](#).

Стоит отметить для гендерных исследований значимость докторской диссертации Е. С. Гриценко. В своем исследовании «Язык как средство конструирования гендера» [Гриценко, 2005] автор изучает отражение пола в языке на примере устных и письменных текстов разных жанров. Ядром исследования выступают гендерные стереотипы русского языка, а для сравнения используется материал английского и других языков [\[5\]](#).

В монографии А. В. Кирилиной «Гендер: лингвистические аспекты» ученый рассматривает концепты «женственности» и «мужественности» [\[8\]](#).

Следует заметить, что на современном этапе наибольший интерес представляют исследования, имеющие в себе компонент сравнительного анализа наименований в русском, английском, французском, немецком и других европейских языках. Также растет интерес и к исследованию восточных языков. Подтверждением словам выше служат работы О. Л. Антинескул [\[1\]](#), В. К. Барашян [\[2\]](#), А. А. Мачулис [\[10\]](#). Необходимо отметить, что выборка исследований проводилась вручную, без участия искусственного интеллекта (ИИ).

О. Л. Антинескул [Антинескул, 2000] рассматривает социокультурный концепт пола (гендера), который проецируется на структуру текста, то есть выступает в качестве параметра текстообразования [\[1\]](#).

В. К. Барашян [Барашян, 2020] в исследовании «Языковая репрезентация гендерных концептов: когнитивно-дискурсивный, семиотический и лингвокультурный аспекты» проводит анализ гендерных концептов с помощью ассоциативного анализа. В ряде статей автор детализирует факты и данные о процессе концептуализации гендерно ориентированного языкового знания в двух лингвокультурах [\[2, с. 6\]](#).

А. А. Мачулис [Мачулис, 2024] специализируется на гендерных особенностях политического дискурса Уэльса и изучает понятие "гендер" будучи лингвистическим феноменом и его роль в политической коммуникации на примере проявления особенностей гендера в коммуникативных стратегиях политиков Великобритании [\[10, с. 225\]](#).

Стоит также отметить, что докторских диссертаций на предмет гендерных исследований крайне мало на сегодняшний день. Данный факт еще раз служит подтверждением того, что исследования в области гендера и психолингвистики имеют огромный потенциал и широкий спектр материала. В качестве примера можно привести исследования Смеюхи Виктории Вячеславовны [Смеюха, 2012] на тему «Феномен гендерной идентификации в медиийном пространстве: на материале отечественных женских журналов». Целью исследований является не только исследования специфики верbalного поведения и вербального компонента феминой языковой личности, но анализ трансформации «лингвогендера» в истории женской периодики. Автор акцентирует внимание на то, что подобная трансформация прежде всего зависит от дискурса в экономические или социо-политические реформы [\[12, с.52\]](#).

Таким образом, в работах отечественных ученых преобладают две тенденции развития

гендерных исследований. Первая тенденция заключается в выявлении лингвистической значимости гендерного подхода в языкоznании в целом. Вторая тенденция посвящена исследованиям языковых различий у мужчин и женщин.

Теперь проанализируем этапы изучения и становления гендерной лингвистики в Китае. Как было сказано выше, гендерные исследования берут свое начало в 60-е годы прошлого столетия. В Китае же интерес к данной проблематике появился лишь в 70-х года XX столетия. Прежде всего это связано с проведением политики реформ и открытости. Для китайских ученых это оказалось прекрасной возможностью для обмена опытом и имеющейся информацией к тому времени. Также, стоит отметить, интерес к теме гендера способствовали и феминистические движения, проходившие в Америке в 80-х годах прошлого столетия.

Также, как и в отечественном языкоznании, в китайской лингвистике можно выделить два периода изучения гендера. Стоит отметить, что эти периоды существуют вместе и делить их строго на два временных периода не представляется возможным.

Первый период заключается в ознакомлении с работами зарубежных коллег. Китайские лингвисты изучали методы исследований и анализировали полученные результаты. Второй этап состоит в изучении своего языка в аспекте гендера с применением методов, использованных коллегами из разных стран.

Также особое внимание у китайских лингвистов занимает вопрос проявления языковых различий и асимметрий в речи, поведении и мышлении у мужчин и женщин не только в китайском языке, но и других (английском, русском, японском). Особое место в исследованиях отводится теме дискриминации женщин.

Среди известных китайских ученых необходимо отметить Чжоу Миньчуаня (周民权) и его труд. В своем исследовании ученый не только описал гендерные исследования, проводимые в России, но и проанализировал их с точки зрения философского осмысления. Он также сопоставил китайские и русские типы извинений, комплиментов, обращений, отказов в гендерном аспекте представленным носителями обеих культур. Считается, что эти работы являются ключевыми в гендерных исследованиях Китая.

На сегодняшний день исследования, связанные с изучением гендера в китайском языке, проводятся китайскими коллегами и в России. Приведем примеры работ. Часть работ специализируются на изучении языковых различий и асимметрий в речи, поведении и мышлении у мужчин и женщин. Так, например, Ван Минь в своих исследованиях проводит серию ассоциативных экспериментов для выявления гендерных стереотипов в языковом сознании носителей китайского и русского языков. Исследователь утверждает, что гендерные стереотипы имеют сематическую структуру, которая подвержена влиянию различных факторов, таких как гендер, возраст и образование, и целостное ядро в своем компоненте (мужчина - мужественный/сильный и ответственный, женщина - красивая/нежная). В китайском и русском обществах фактор гендер оказывает наибольшее влияние на гендерные стереотипы [\[15, с. 55\]](#).

Чэн Яо провел комплексное исследование этногендерных групп при помощи кросс-групповой оценки в синтезе этнического и гендерного факторов. Чэн Яо установил, что взаимодействие исследуемых факторов комплексно: «этнический фактор оказывается более значимым для китайцев; гендерный фактор - для русских женщин; ни этнический, ни гендерный фактор не значимы для русских мужчин». Также исследователь подробно изучил факторы «изучение языка» и «пребывание в стране» и установил, что они по-разному влияют на людей и их видение стереотипов. Так, для китайцев оба фактора

незначительно влияют на формирование стереотипов. Для русских фактор «изучение языка» детализирует и понятизирует набор стереотипов, пройденных в ходе изучения самого языка, а фактор «пребывание в стране», наоборот, рассеивает стереотипы, изученных ранее [16, с. 87].

Таким образом, в работах отечественных ученых преобладают две тенденции развития гендерных исследований. Первая тенденция заключается в выявлении лингвистической значимости гендерного подхода в языкоznании в целом. Вторая тенденция посвящена установлению роли так называемой экстравалингвистической реальности в процессе формирования самого гендера.

Гендерные исследования в китайском языке направлены на изучение гендера в теоретическом аспекте. Также в работах часто сравнивается роль и статус мужчины и женщины в обществе на предмет различий. Языковые асимметрии, выявляемые на анализе китайского, русского, английского и других языков также привлекают внимание ученых.

В заключении хочется отметить, что будущее гендерных исследований также видится в изучении и анализе современных социальных проблем, таких как падение рождаемости, самосознание, свобода, дискриминация, власть, насилие, низкая продолжительность жизни, будущее семьи и семейных ценностей в лингвистическом аспекте. Такие работы смогут отобразить особенности восприятия вышеперечисленных проблем мужчинами и женщинами и определить языковые сходства и различия на разных языковых уровнях.

Библиография

1. Антинескул О. Л., Двинянинова Г. С. Статусные роли говорящих и их речь : (На материале англ. яз.) : Учеб. пособие по спецкурсу. М.: Пермь, 1998.
2. Барашян В. К. Гендерная система в социально-философской рефлексии // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. 2011. № 5. С. 5-9.
3. Ван Минь. Гендерные исследования в китайской лингвистике // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2016. № 4. С. 49-57.
4. Горошко Е. И. Гендерная проблематика в языкоznании // Введение в гендерные исследования: учеб. пособие: в 2-х ч. / под ред. И. Жеребкиной. М.: СПб.: Алетейя, 2001.
5. Гришаева Л. И. Конструирование гендерной идентичности языковыми средствами // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 1. С. 136-138.
6. Дюжина А. Г. Развитие гендерных исследований в лингвистике // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 8. С. 138-140.
7. Кирилина А. В. Освещение связи языка и пола в истории лингвистики // Теория и методология гендерных исследований: курс лекций / под общ. ред. О. А. Ворониной. М.: Московский центр гендерных исследований, 2001.
8. Кирилина А. В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Институт социологии РАН, 1999.
9. Кирилина А. В., Томская М. В. Лингвистические гендерные исследования // Отечественные записки. 2005. № 2. С. 3-4.
10. Мачулис А. А., Мазирка И. О., Лукин Д. С. Языковые средства выразительности как детерминанты при разграничении феминности и маскулинности в политической коммуникации в Уэльсе // Российский социально-гуманитарный журнал. 2023. № 4. С. 219-239.
11. Полевая И. В. Влияние пола и образования на формирование гендерных речевых стереотипов // Вестник ТвГУ. Серия: Филология. 2014. № 1. С. 142-146.
12. Смеюха В. В. Трансформация функциональных особенностей женских журналов в

- историческом контексте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2011. № 1. С. 50-54.
13. Сташкова М. А. (Кирсанова М. А.) Роль антипословиц с гендерным компонентом в формировании юмористического образа женщины (на материале русского и английского языков) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 87-102.
14. Хоткина З. А. Гендерным исследованиям в России - 10 лет // Общественные науки и современность. 2000. № 4. С. 21-22.
15. Чжоу Миньчuanь. Об исследовании гендерных стереотипов в России // Русский язык в Китае. 2012. № 4. С. 24-28.
16. Чэн Яо. Этнокультурные и гендерные стереотипные представления об интеллекте: китайцы и русские // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2022. № 1. С. 81-95.
17. Jespersen O. The Woman // The Feminist Critique of Language / Ed. by D. Cameron. London, 1998.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена анализу гендерно-ориентированных исследований в сравнительно-сопоставительном языкоznании (русский и китайский языки). Актуальность работы обусловлена ориентированностью современной лингвистики, лингвокультурологии, языкоznания, литературоведения и других гуманитарных дисциплин на антропоцентрический подход. В языкоznании сформировалось научное направление, изучающее гендерный фактор в языке и коммуникации - лингвистическая гендерология или гендерная лингвистика. На сегодняшний день наука имеет целый ряд интересных и обоснованных исследований по отдельным вопросам лингвистической гендерологии, хотя их системное обобщение до сих пор не представлено в научной литературе. Следовательно, видится важным анализ и обобщение имеющихся данных в области гендерных исследований, в том числе в сравнительно-сопоставительном языкоznании.

Теоретическую базу данной работы обоснованно составили труды по гендерной проблематике в языкоznании; лингвистическим гендерным исследованиям в России и Китае; лингвистическим аспектам гендера, гендерным стереотипам и их вербализации в языке таких российских и зарубежных исследователей, как А. В. Кирилина, А. Г. Дюжина, З. А. Хоткина, Л. И. Гришаева, И. В. Полевая, Отто Есперсен, Чэн Яо, Чжоу Миньчuanь, Ван Минь и др. Библиография насчитывает 17 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология исследования определена поставленной целью («проанализировать проведенные гендерные исследования в сравнительно-сопоставительном языкоznании на примере русского и китайского языков») и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, а также метод сравнительно-сопоставительного анализа и др.

В ходе исследования проанализирован теоретический материал, дано его практическое обоснование, подробно рассмотрены этапы изучения и становления гендерной

лингвистики в отечественном языкоznании и в Китае. В результате проведенного анализа сформулированы выводы о том, что у отечественных ученых преобладают две тенденции развития гендерных исследований. Первая тенденция заключается в выявлении лингвистической значимости гендерного подхода в языкоznании в целом. Вторая тенденция посвящена исследованиям языковых различий у мужчин и женщин. Гендерные исследования в китайском языке направлены на изучение гендера в теоретическом аспекте. Также часто сравнивается роль и статус мужчины и женщины в обществе на предмет различий. Языковые асимметрии, выявляемые на анализе китайского, русского, английского и других языков также привлекают внимание ученых. Результаты, полученные в ходе сравнительно-сопоставительного анализа гендерных исследований, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в изучение гендерной проблематики и могут использоваться в вузовских курсах по общему языкоznанию, гендерной лингвистике, социолингвистике, психолингвистике, стилистике и межкультурной коммуникации.

В целом, представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию.

Обращаем внимание автора(ов) на ошибки технического характера (см «Подобный обзор научных трудов позволяет не только выявить основные методы исследований, применяемые в лингвистической гендерологии...», «Этапы изучения связи языка с полами его носителей традиционно принято делить на две стадии», «В своем исследовании «Язык как средство конструирования гендера» [...] автор изучает отражение пола в языке на примере устных и письменных текстов разных жанров»).

Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вариант гендера все чаще становится предметом точечной оценки и анализа, причем это касается разных областей знаний. Не случаен данный извод, ибо он может направить магистраль в нужное русло, научно обосновать тот, или иной предел. Представленная к публикации статья касается гендерной оценки в сравнительно-сопоставительном языкоznании. Думаю, что указанная проблема вполне актуальна, да и тематически она сопоставима с одной из рубрик издания. В общем изначальном блоке автор тезириует, что «последнее десятилетие XX века знаменуется развитием философией постмодерна и изменением научной парадигмы в гуманитарных науках. Человек стремился понимать процессы категоризации по-новому, выражал интерес не к объективному, а к субъективному, разрабатывал новые теории, такие как «теория личности» или «теория социального конструктивизма». Как результат, такие категории как «пол», «этничность» и «возраст» постепенно начинают уходить от единой интерпретации «биологически детерминированные» и начинают трактоваться по-иному, рассматриваясь в более широком смысле». На мой взгляд, позиция вполне объективна, следовательно, ее можно рассмотреть в рамках данной работы. В целом работа имеет завершенный вид, концепция труда вполне понята, объективность позиции также верифицирована. На мой взгляд, удачно автор систематизирует имеющиеся данные по проблеме гендера, устанавливает вариант приоритетов: «исследования по проблематике

гендерных образов и стереотипов в прессе и медиа (А. А. Баркович, И.В. Полевая, О. В. Ромах, О.В. Скулкин, А. А. Слепцова , Н.В. Межерицкая, Ж.В. Чернова, Л.В Сулейманова, Yorgos C. Zotos, Eirini Tsichla, Fang Pan)». Проблемный вектор комментируется тем, что «гендерные исследования в свою очередь можно раскрыть как «масштабные исследования, вызванные ростом интереса к прагматическому аспекту языкоznания, а также связанные с развитием социолингвистики и изменением в разделении традиционных мужских и женских ролей в обществе» [6, с. 139]. Границей отделения первого этапа от второго служат шестидесятие годы прошлого столетия». Работа имеет завершенный вид, общая научная канва выверена, цель как таковая достигнута. Реферативный тон исследования возможен, ибо задача сводится с вероятной систематизации имеющихся данных. Автор в finale статьи тезириует, что «будущее гендерных исследований также видится в изучении и анализе современных социальных проблем, таких как падение рождаемости, самосознание, свобода, дискриминация, власть, насилие, низкая продолжительность жизни, будущее семьи и семейных ценностей в лингвистическом аспекте. Такие работы смогут отобразить особенности восприятия вышеперечисленных проблем мужчинами и женщинами и определить языковые сходства и различия на разных языковых уровнях». Вывод соотносится с основным блоком, противоречий в данной части нет. Общие требования издания учтены, серьезная правка текста излишня. Материал может быть использован в рамках практического освоения ряда гуманитарных дисциплин. Рекомендую статью «Гендерные исследования в сравнительно-сопоставительном языкоznании (русский и китайский языки)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шаронова Е.А. Космо-психо-логос народа эрзя в эпосе «Масторава» // Филология: научные исследования. 2025.

№ 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73692 EDN: TSYTFY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73692

Космо-психо-логос народа эрзя в эпосе «Масторава»

Шаронова Елена Александровна

ORCID: 0000-0003-0221-4427

доктор филологических наук

профессор, кафедра русской и зарубежной литературы, Национальный исследовательский
Мордовский государственный университет им. Н.П.Огарёва

430034, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68, оф. 503

✉ sharon.ov@mail.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73692

EDN:

TSYTFY

Дата направления статьи в редакцию:

14-03-2025

Дата публикации:

24-03-2025

Аннотация: Предмет исследования – космо-психо-логос эрзянского народа, выраженный в "Мастораве" как книжной форме эпоса. В космо-психо-логосе закодирован национальный образ народа. Полнее всего он выражается в национальном эпосе, где содержится максимальная информация о народе, его ментальный, психологический, языковой, культурный, географический, исторический портрет. Национальный образ народа складывается в "Мастораве" из образа земли, из образов богов и национальных героев, из отражения специфики исторического бытия народа, его исторических преференций и антипатий, характера свойственного ему исторического мышления и т.п. И самое главное – из образа национального мировидения, зашифрованного в языке народа. "Масторава" изначально написана на эрзянском языке, а существование в пространстве родного языка естественно для народа, ибо

реализуются смыслы, составляющие его идею, образ. В основе методологии исследования лежат принципы отечественного сравнительно-исторического литературоведения и фольклористики, воплощенные Бахтиным, Гачевым, Шароновым, Бахтиреевой, Арзамазовым и др. В работе использованы культурно-исторический, мифопоэтический, метод целостного анализа художественного произведения, создавшие широкое проблемное поле для исследования. Научная новизна исследования заключается в том, что впервые рассматривается космо-психо-логос народа эрзя в эпосе «Масторава». В результате исследования мы пришли к выводу, что в «Мастораве» наряду с голосом народа звучит голос ее автора, представление которого о народе вплетается в его КПЛ, изменяя созданные фольклором очертания и дополняя их уникальностью собственного КПЛ, что качественно усложняет их. Звучание голоса народа и звучание голоса поэта обладают самостоятельной ценностью, но их слияние рождает полифонию, формирующую объективный голос нации. Размышления над проблемой КПЛ народа эрзя в «Мастораве» А.М. Шаронова привели к выводу, что в литературном эпосе КПЛ народа, зафиксированный в аутентичном эпосе, и КПЛ автора переплетаются и, усиливая звучание друг друга, создают более полный портрет этноса. Очевидно, что автор отражается в своем народе так же, как народ отражается в авторе, являющемся его этнофором. Результаты исследования могут быть использованы в сравнительном изучении фольклора и литературы народов России.

Ключевые слова:

космо-психо-логос, Г.Д. Гачев, книжная форма эпоса, Масторава, народ эрзя, поэт этнофор, А.М. Шаронов, образ народа, национальный менталитет, пантеон

Г.Д. Гачев в книге «Космо-психо-логос: Национальные образы мира» отмечает: «Мое главное понятие: Космо-психо-логос, что значит: тип местной природы, характер человека и национальный ум находятся во взаимном соответствии и дополнительности. Труд и культура в ходе истории восполняют то, что не дано стране от природы. Космософия – так бы я обозначил свой подход. Ею исследуется мудрость Природы: те идеи и цели, на которые она наводит свой народ. Ибо народ-горец имеет иные ориентиры, чем народ-мореход или степняк-кочевник. Горы, море, степь, лес предрасполагают к особого рода построениям в мировоззрении и даже в логике» [\[1, с. 4\]](#). В космо-психо-логосе закодирован национальный образ народа. Полнее всего он выражается в национальном эпосе, ибо в эпосе содержится максимальная информация о народе, его ментальный, психологический, языковой, культурный, географический, исторический портрет. Национальный образ народа складывается в эпосе из образа земли (географический ландшафт, «образ края»), на которой живет народ, из образов богов, в которые верит народ, и национальных героев, которыми восхищается народ, из отражения специфики исторического бытия народа, его исторических преференций и антипатий, характера свойственного ему исторического мышления, созданных им образов врага и друга, сформированных им предпочтений в выборе жениха или невесты при создании семьи, правил семейной жизни и воспитания детей, представлений о прекрасном и ужасном и т.п. [См. об этом: 2;3;4;5]. И, вероятно, самое главное – из образа национального мировидения, зашифрованного в языке народа: народ в абсолютной степени выражает себя тогда, когда думает и говорит на материнском языке, ибо в этот момент он совершенно освобожден от воздействия «другого», обращается к началу начал и чувствует себя защищенным. Существование в пространстве родного языка естественно для народа в том понимании, что именно в эти мгновения

реализуются смыслы, составляющие его идею, его образ (некоторым образом обозначенная нами проблема звучит в следующих работах: [\[6;7; 8; 9; 10; 11;12; 13\]](#)).

«Масторава» является книжной (литературной) версией эрзянского героического эпоса, поэтому в ней наряду с голосом народа звучит голос ее автора, представление которого о народе вплетается в его космо-психо-логос, с одной стороны, изменяя созданные фольклором очертания, с другой стороны, дополняя их уникальностью собственного космо-психо-логоса, что качественно усложняет их, добавляя им многослойности. Звучание голоса народа и звучание голоса поэта обладают самостоятельной ценностью, но только их слияние рождает ту самую полифонию, формирующую объективный голос нации.

В книжном эпосе важно взаимопроникновение космо-психо-логоса народа и космо-психо-логоса автора эпоса, только в этом случае они равновелики, что позволяет им отражаться в глазах друг друга и вести диалог. Такого рода диалог присутствует в «Илиаде», в «Калевале», в «Войне и мире», в «Тихом Доне», в «Мастораве». Только высокое дарование этих писателей позволяет им сохраниться перед величием их народов, не стать жертвой замысла создания национального эпоса. Общеизвестно: написать Книгу значит совершить поступок. Рядовой писатель на это не способен, он не осилит тернистого пути постижения своего народа, не сможет вести с ним разговор на равных. А если все же на это решится, то, стремясь объять великое (народ), только профанирует его, исказит его подлинный лик.

Говоря о космо-психо-логосе народа, выраженного в национальном книжном эпосе, следует задуматься о роли языка, ибо он может поддержать значимость образа народа или разрушить его. Особенно опасны в этом отношении переводы с языка-первоисточника на другой язык. В России этим «другим» языком, как правило, является русский, природа которого настолько универсальна и полноценна, что адекватно отзывается на смыслы переводимых на него произведений. Русский язык, русское слово, обладая уникальной природой, оказываетсяозвучным философией и духу других языков и сохраняет их философию и дух. Эта особенность русского языка проявляется и в наблюдаемой сегодня языковой ассимиляции, когда народы России в качестве преобладающего средства общения избирают русский язык, предпочитая говорить, думать и сочинять на нем, а не на материнском языке. И возникает парадоксальная ситуация: переходя на русский язык и утрачивая при этом родной, эрзяне, мокшане, татары, буряты, чуваши, марийцы и др. сохраняют национальную ментальность, мировосприятие, философию и пр., т.е. сохраняют национальный космо-психо-логос, свой национальный образ.

И еще: когда мы говорим о русской литературе, то в качестве базовой ее черты называем духовное начало, которое современной литературой унаследовано от литературы древнерусской и продолжает сохраняться в XXI столетии. Но духовное начало присуще всей многонациональной литературе России. Научное исследование этого обстоятельства – одно из путей, ведущих к расшифровке русского национального кода, открывающего доступ к такому актуализированному сегодня понятию, как «русский мир».

Кроме того, важнейшее значение для изучения национальной картины мира народов России и России в целом как страны имеет присущая им независимо от вероисповедания религиозность (будь они христиане, мусульмане, буддисты, язычники, переживают высокое религиозное чувство и находятся в поисках бога и в размышлениях о нем). Причина этого, возможно, кроется в географических очертаниях России, которая ввиду

своей «безграничности», ввиду обладания огромной территорией земли имеет возможность вместить в себя бога, богу не тесно на наших просторах.

Возвращаясь к эпосу «Масторава», заметим, что закономерно богиня земли Масторава (мастор – земля, ава - богиня, женщина, мать) входит в число четырех главных эрзянских богов: Инешкипаз, Анге-патяй, Пурьгинепаз, Масторава. Г.Д. Гачев размышляет: «Что самое стабильное в национальной целостности? Этнос? Язык? Психика? Обычаи?.. Все подвержено изменениям. Главное же, что постоянно питает и расширяет воспроизводит национальную целостность, – это природа, где совершается история данного народа. Она – **Природина** ему. Народ ей и сын и супруг (как Уран. Небо для Геи-Земли). Народ и страна присущи друг другу, составляют «плоть едину», между ними взаимно однозначное соответствие. Природа – это не «географическая среда», Это – Матерь(я). <...> если Природу понимать так, как ее толкуют народ, и фольклор, и поэзия <...>,

тогда она – Великая Матерь(я) и, как мать-кормилица и заботница, излучает душу – Психею, ее явления сочтятся смыслом. Природа – это заповеди, скрижали и письмена самого Бытия, в которые надо вникнуть и расшифровать данному народу. Природа источает волю быть – и на то идет история народа. Так мы выходим на решающий узел проблем: соотношение в национальном – природы, народа, истории, культуры» [14, с. 156-191].

Эпос «Масторава» начинается с эпизода сотворения земли: Бог богов Инешкипаз посреди бесконечной тьмы, водной безбрежности и в состоянии полного одиночества задумался над созданием Мира. Парадоксально и закономерно первым творением Инешкипаза оказывается Идемевсь – черт, и вместе они начинают делать землю:

«Начал Паз песок над водной гладью

Медленно рассеивать по кругу,

Что зерном пшеничным поле сеять.

Стал песок расти и превращаться

В ровный и красивый очень Мастор [15, с. 24]. <...>

Идемевсь остервенело начал

Изыгать песок, крича, стеная,

Кашлять стал с такой огромной силой –

Будто сонмы бурь, семь ураганов

Из утробы выпустил на волю.

Эти бури всколыхнули Мастор,

Гладь его сырую взволновали.

Потому на нем холмы и горы,

Красоту его испортив, встали

И овраги, долы появились. <...>

- Зло большое, Идемевсь, ты сделал,
Но его исправить я сумею.
Обращу в добро твою я порчу.
Серебром и золотом наполню
Горы я высокие, в оврагах
Родники забьют водой студеной.
Благо пусть они приносят людям
И прекрасноликой Мастораве.
Я их сотворю себе на радость.
После сделал Инешкипаз небо –
Голубую крышу Мастораве.
Брызнул вверх он воды океана
И своим дыханием рассеял –
Пологом шелковым они стали.
На небо пустил Инепаз солнце –
И светло вокруг мгновенно стало.
Село солнце – выпустил он месяц –
Словно из печи блин пшеничный вынул.
В тьму ночную набросал он звезды –
Что на пашню зерна проса кинул... <...>
- Пазчангот, мой Мастор! Будь пригожим! –
Паз воскликнул, сам собой довольный...
Красоту свою скорей яви-ка!
Зарости деревьями, травою.
Пусть луга зеленые с лесами
На тебе раскинутся повсюду.
Изобильным стань ты и привольным.
По лугам твоим текут пусть реки,
В реках пусть без счета будет рыбы,
На полях пускай плодятся птицы,
Пусть в лесах живут медведи, волки,

Зайцы, лисы, соболя, куницы;
Пусть коровы, овцы, свиньи, козы
На лугах пасутся и жиреют, -

Всякое зверье пускай плодится» [\[15, с. 25-28\]](#).

В эрзянских мифах о рождении мира и человека двумя важнейшими деталями являются, во-первых, то, что первое творение Бога – черт, во-вторых, их обоюдное участие в этих процессах. Национальный человек (создатель мифа), стоявший у истоков мироздания и фактически своими глазами наблюдавший слияние безликих времен и пространства во имя создания неповторимого портрета Земли, стремился к осознанию своей роли в этом действе. Каждый народ, претендуя на уникальность, видит только ему открывавшиеся смыслы. Почему свет торжествует над тьмой, добро – над злом, Бог – над чертом? Потому что Бог родился раньше всего и сотворил все остальное.

В Библии: «В начале сотворил Бог небо и землю». В эрзянской мифологии (и в «Мастораве») первое творение Бога, пусть и непроизвольное, – черт. Это важно для понимания эрзянского космо-психо-логоса. Когда Инешкипаз помыслил о создании Мира, он выразил сожаление об отсутствии помощника:

«Надо Мастор, Землю сотворить мне,

Породить людей, взрастить народы,

Основать обычай, законы.

Но один я, видно, не сумею,

Сил моих, наверное, не хватит.

Если хватит, не на все, пожалуй.

Нету брата у меня, кто был бы

Крепкою опорою моею;

Нету друга, кто бы давал советы,

Помогал в делах бы и в раздумьях.

И с досады горькой плонул в воду

И продолжил путь свой, мысль лелея,

Как бы дело, что задумал, сделать» [\[15, с. 20\]](#).

В «Мастораве» Бог рефлексирует, сомневается, обладает поэтической творческой душой, нуждается в ком-то, чтобы вести диалог, отражаться в другом. «Масторава» – авторский текст Александра Марковича Шаронова – философа, историка, фольклориста, поэта, человека, мыслящего сложно, неоднозначно, находящегося в поисках истины, ведущего активную интеллектуальную и эмоциональную жизнь, нуждающегося в антагонисте – в другом человеке, имеющем противоположные убеждения и взгляды. Для него «другой» ценен тем, что говорит не на его языке, иначе видит мир – в иных красках, пребывает в иных ценностных координатах и т.д. Именно поэтому автор «Масторавы» выбирает мельниковский вариант мифа о сотворении Мира Богом и чертом:

«Вот назад взглянул он, беспокойный.

Видит – вслед плывет бугор огромный,

Следует поодаль неотступно.

То его плевок стал черным камнем.

Размахнулся Бог железным жезлом

И ударил по бугру-по камню.

Разлетелся на кусочки камень.

Визг издав, из-под обломков камня

Идемевь вскочил, худой и страшный» [\[15, с. 20-21\]](#).

П.И. Мельников-Печерский в «Очерках мордвы» публикует «рассказ о сотворении Шайтана», «записанный в 1853 году священником Федором Шаверским в селе Вечкамове (Бугурусланского уезда Самарской губернии)»: «Однажды, когда ничего еще не было на свете, кроме одной воды, плыл Чама-паз на камне по морю-океану и размышлял сам с собою, как сотворить видимый мир и как управлять им. Тут он сказал: «Нет у меня ни брата, ни товарища, с кем бы мог я посоветоваться об этом деле», и при этих словах плонул с досады в море и поплыл далее. Отплыв некоторое расстояние, Чама-паз оглянулся и увидел, что слюна его обратилась в огромный бугор и плывет за ним следом. Чтобы уничтожить бугор, Чама-паз ударил по нему жезлом; тотчас из него выскочил Шайтан и сказал: «Ты жалеешь, господи, что у тебя нет ни брата, ни товарища, с кем бы тебе подумать да посоветоваться о сотворении мира; я, пожалуй, рад быть твоим братом». Чама-паз обрадовался и сказал; «Ну, хорошо, будь мне хоть не братом, а товарищем. Давай творить землю. Из чего же мы ее сделаем? Ведь кроме воды нет ничего» [\[16, с.45\]](#). Очевидно, что Бог рад появлению Шайтана, искренне готов сотрудничать с ним в сотворении земли, и только после того, как Шайтан делает ничтожными все его усилия, говорит ему: «Нет, не можешь ты быть мне товарищем, ты зол, а я добр; будь же ты проклят и ступай под дно морское, в преисподнюю, в тот самый огонь, что палил тебя за то, что, по гордости, не хотел ты помянуть имени творца своего. Сиди там и мучься на веки веков» [\[16, с.47\]](#). Тем не менее, хотя это и парадоксально, явление Шайтана оказывает плодотворное воздействие и на Бога, и на сотворенный им Мир. Во-первых, Бог чувствует в себе полноценность добра и открывает способность к превращению зла в добро и вообще осознает, что зло существует, только после появления черта. Прежде Бог этого не знал, ибо не было «другого», по которому он мог бы мерить себя. Во-вторых, нанесенная Шайтаном порча Земле и стремление Бога исцелить испорченное путем дарования ему положительных свойств, усложнив природу Земли, сделали ее не только более красивой, но и исполненной пользы. Бог сотворяет черта прежде всего для создания диалогического контекста, ибо нет ничего более плодотворного, чем диалог не похожих друг на друга явлений.

Х. Паасонен – известный финский собиратель и публикатор фольклора мордвы в VI т. «Mordwinische volksdichtung» включает другой вариант мифа о сотворении мира в записи от Игнатия Зорина (Бугурусланский уезд Самарской губернии):

«Нишкепазонь- Шкипазонь,

Верепазонь - Покшпазонь

Менель экшсэ, пель экшсэ

Ули путонь кудозо.

Ули сонзэ мелезэ,

Ули паро олязо.

Покшке сонзэ мелезэ,

Седеяк покш валозо.

Масторлангсо кинеяк

А саеви олязо,

Менель алдо кинеяк

А ёвтавить тевензэ.

Паро олясонзо

Мезе арси, сень тei,

Кургсо валнэсэнзэ

Весе мастер сон кирди.

Кода арсэзь Нишкепаз

Мастораванть тeемe -

Аволдызе кедензэ,

Ёвтызe кургсо валонзо:

Масторавась появась

Сон латконек-пандонек.

Латкошнене ведь нолдась,

Ведьтне эзга калт нолдась» [\[17, с.162-164\]](#)

У Нишкепаза – Паза творца,

У Верепаза – Великого Паза

На небе за тучами

Есть поставленный дом.

У него есть желание,

У него есть воля.

Большое у него желание,

Еще сильнее у него слово.

На земле никому

Не распознать его волю,

Под небесами никому

Не сделать его дел.

Своей доброй волей

Что надумает, то сделает,

Своим словом

Всю землю он держит.

Когда надумал Нишкепаз

Сотворить Мастораву -

Взмахнул руками,

Сказал свое слово:

Масторава появилась

С оврагами и горами.

В овраги он пустил воду,

В воду он пустил рыб (подстрочный перевод с эрзянского на русский язык Александра Марковича Шаронова).

Инешкипаз мыслью и словом создает всё. Здесь он не нуждается в помощнике, который бы спустился на дно океана за строительным материалом для создания Земли. Он абсолютно самодостаточен. Он Бог, его мыслью и словом рожденная Земля не знает влияния Идемевся (Шайтана). Всё исполняет его волю: светят на небе солнце и луна, держат на своих спинах землю три рыбы, растут деревья и трава, говорят на разных языках народы, владеет водами Ведява, лесами – Вирява, ветрами – Вармава, заботится о благоденствии эрзянской земли Масторава [\[17, с.158-164\]](#).

В «Мастораве» А.М. Шаронов использует как сюжетообразующий миф о сотворении человека, записанный П.И. Мельниковым: «Чама-паз слепил человека из глины и еще не вложил в него души, ушел на некоторое время в другое место для сотворения души, а чтобы Шайтан не испортил сотворенного тела, приставил собаку караулить его. <...> Шайтан оплевал всего человека, от чего произошли болезни, потом стал вдыхать в него злое свое дыхание Чама-паз пришел и прогнал Шайтана, ... а чтобы поправить испорченное тело человека, выворотил его наизнанку, но болезни, происшедшие от Шайтановой слюны, все-таки остались в нем. Потом, вдунув в человека доброе свое дыхание, оставил его» [\[16, с.53\]](#). Фольклорный источник содержит «сухие» сведения о том, как Богом создавался человек и как Шайтан настаивал на своем участии, и поэтому человек стал обладателем и добрых, и злых наклонностей. Но в этой информации есть главное – отражение космо-психо-логоса эрзянского народа, базирующегося на диалектическом понимании национального пространства, национальной души и национального ума. Оказывается, что в основе миропонимания эрзянина лежит диалектический подход. Автору «Масторавы» это позволило сформировать концепцию

эпоса.

Будучи большой личностью и пассионарием, автор «Масторавы» нуждается в решении сложных задач, в существовании в объемном мире больших свершений и конфликтобразующих ситуаций, способствующих открытию истины. Таковым же, т.е. исполненным пассионарности, мощной творческой энергии, он воспринимает и эрзянский народ. Поэтому в «Мастораве» эрзянский человек/эрзянский народ тоже создается усилиями Инешкипаза и Идемевся и становится обладателем прекрасной, но противоречивой природы, в которой есть и от Бога, и от черта. Бог творит эрзянина идеальным:

«Белую набрал Инешки глину
 И лепить стал человека, Эрзю,
 Принялся с охотой за работу,
 С радостью в душе, с волненьем в сердце.
 Где творить он начал человека?
 Где хозяина земли стал делать?
 На прекрасной Ра, реке великой,
 На цветном лугу, в лесу сосновом.
 И лицом, и разумом он сделал
 Человека на себя похожим.
 Смотрит он на рук своих созданье,
 Видит – нет в нем никаких изъянов.
 Белокудрый он и ясноглазый,
 Стройный, полный сил, широкоплечий,
 На лицо красивый и приятный –
 Только нет пока еще души в нем.
 Надо дать ему сознанье, душу,
 В голову вложить хороший разум,
 Чтобы говорить он мог и думать.
 Размышляет Инешкай, хлопочет,
 Для земли хозяина готовит,
 Зачинателя устоев жизни,
 Хлебопашца для полей широких,
 Лесоруба для лесов высоких...» [\[15, с. 33\]](#).

Первостепенное значение для понимания космо-психо-логоса народа эрзя имеет так называемый пейзаж, на фоне которого Бог создает человека-эрзянина: «На прекрасной Ра, реке великой, / На цветном лугу, в лесу сосновом» [15, с. 33]. В данном случае пейзаж, по-гачевски, – «как средство познания и самопознания... Тут – одним неведомым постигается другое: картиной перед глазами – проникнуть в сущность России, русского космо-психо-логоса. Ибо тут – и Пространство, и Душа, и ум-логика. Пейзажем накидывается лассо на бытие, сеть, вуаль – и зацепляется – понять что-то» [1, с. 606]. Мы позволим себе перефразировать цитату, заменив в ней «русский космо-психо-логос» на «эрзянский космо-психо-логос», ибо суть умозаключения от этого не поменяется. Творение человека-эрзянина происходит на фоне великой реки Волги (Ра), посередине цветущего луга, окруженного чистым, ароматным, прозрачным и светлым сосновым бором. Эпос настаивает: в таком месте может появиться первый представитель только выдающегося народа. Заметим, все эти подробности появляются в «Мастораве», но их нет в прозаическом источнике, записанном П.И. Мельниковым-Печерским. Закономерно, что такая живописная картина возникла в поэтическом авторском тексте, ибо поэзия предназначена для выражения высокого представления о мире и для создания величественного национального образа. Приметы прекрасного в пейзаже, на фоне которых создается человек, составляют космо-психо-логос автора эпоса, для которого, как для человека и поэта, Волга, цветущий луг, сосновый бор олицетворяют прекрасное. И проявляются они не только в тексте «Масторавы», но и в его лирической поэзии [18; 19; 20]. Родившись в селе Шокше – месте, окруженном со всех сторон сосновыми лесами, цветущими лугами, бескрайними просторами, защищенном голубым небом и освещенным золотым солнцем (это неполный перечень элементов генетической информации, составляющих национальный генокод автора эпоса), он не может не воспринимать их как прекрасное и не может не мыслить этими понятиями в своей поэзии.

В творчестве каждого художника существуют устойчивые образы, ассоциирующиеся с Родиной, с матерью, с детством, и они обязательно формируют его ментальность. Таким образом, космо-психо-логос автора, обладающего только ему свойственным мировосприятием, уникальным представлением о своем народе и впечатлением от природы, влияет на формирование объективного космо-психо-логоса народа. Здесь, по М.М. Бахтину, «слово о мире сливается с исповедальным словом о себе самом. Правда о мире... неотделима от правды личности» [21, с.115].

Образ народа, представленный в эпосе, складывается из выражения народом самого себя, из концепции народа, сложившейся у пишущего о нем поэта, и из образа поэта через его взгляд на народ. Поэт помещает воспеваемый им народ в идиллическое пространство, которое может быть предназначено только ему. Пейзаж здесь играет судьбоносную, жизнеобразующую роль.

В созданную Богом благостную картину вмешивается Идемевсь (черт):

«Вот какое ты, творенье Паза! –

Он воскликнул, посмотрев на Эрзю. –

Нет в тебе ни одного изъяна,

Сделан ты искусно Инешкаем.

Но не будет так, как он задумал.

Дай-ка на свой лад тебя исправлю.

На лице красивом и на теле
 Идемевся знаки понаставлю».
 Заболел от зависти враг Паза,
 Застонал как от великой боли.
 Рассердившись черною душою,
 Принялся он вновь за злое дело.
 Оплевал, испачкал человека,
 Тело его веткою истыкал.
 С ног до головы его испортил.
 Дух свой вдунуть он в него пытался,
 Но старался зря, пыхтел впустую.

Не вошел его дух в человека» [\[15, с. 34\]](#).

Идемевсь (черт) изображается в эпосе как исполненный жажды творения. Он тоже мыслит себя богом-творцом, но не обладает созидательной способностью. Он не создает ничего уникального, но посягает на сделанное Богом и портит его. В национальной картине мира эрзян черт зол и завистлив, потому что вторичен, следовательно, обречен на бесплодность своих усилий. У него нет собственного Я, и это его угнетает. По сути, он плагиатор, ворующий идеи, но не умеющий их воплотить потому, что объем его сущности меньше объема сущности умыкаемой им идеи.

Поединок, который ведут Инешкипаз (Бог) и Идемевсь (черт) в борьбе за Человека, приводит к тому, что в нем обнаруживается влияние обеих сил:

«Потому он взял и наизнанку
 Вывернул испорченного Эрзю.
 И следы от ран внутри остались,
 Став причиной всех его болезней.
 Много зла они ему приносят,
 Мучая с рождения до смерти.
 Вычистив и вымыв человека,
 Дал ему Инешки ясный разум
 И для жизни долгой дух могучий» [\[15, с. 35\]](#).

Эпос, настаивая на том, что в мире и в человеке очевидно присутствие светлого и темного начал, демонстрирует при этом деятельную притягательность добра.

Особенно ярко это раскрывается в третьей части «Масторавы» «Век Тюштяна» в девятом сказании «Жизнь Масторавы». Тюштан – демократически избранный правитель народа,

прошедший через испытание божественного предназначения, через победу над змеем, через необходимость подтвердить свою царскую и воинскую состоятельность браком с лучшей эрзянкой по имени Паксине (Полюшко) – отправляется в поездку по эрзянской земле, чтобы познакомиться с выбравшим его народом, чтобы понять, на что он способен, какой силой он силен, какой красотою красив.

Этот авторский прием – путешествие героя не по реальной географической карте, а странствование по карте идей – позволяет увидеть народ во всем его многообразии и красоте. «Дороги инязора Тюштяна» – идеальные «мыслепути», формирующие образ эрзянского народа по принципу мозаики, где без одной детали, не похожей на другие, невозможно рождение всей картины:

«На востоке синем, на восходе, На восходе на горе высокой
Проживает Тюштян, царь эрзянский,
Масторавы инязор, правитель.
Двухэтажный дом его сосновый
Издали над всей округой виден:
Под веселым лучезарным солнцем
Серебром сияют его окна,
Золотым огнем пылают стены...
Тюштян за столом сидит в палатах,
Царские дела свои решает,
Думает инязорские думы.
Вокруг него сидят друзья и слуги
И советники, его опора.
Справа от него сидит всех ближе
Радость сердца и подруга жизни,
Как цветочек луговой, Паксине.
Слева от него уселись старцы,
Знатоки обычаев старинных
И хранители обрядов древних...
Уж о чем он, Тюштян, размышляет?
Что за думу думает большую?
- Велика земля родная наша
И ее народ: на Раве – Эрзя,
А на Мокше полноводной – Мокша.

Дай-ка я обьеду Мастораву,
Средь народа своего побуду,
Посмотрю на племена и роды.
Как живут эрзяне, я увижу,
Что печалит-радует, узнаю,

Племена мокшанские на юге» [\[15, с. 242\]](#).

Объезжая свою Мастораву, инязор (царь) Тюштян не только знакомится с народом, он обретает и узнает самого себя. Пытается осознать, насколько способен управлять народом, который его призвал, и учится управлять. Встречаясь с разными эрзянами, олицетворяющими разные смыслы-идеи, он видит, в чем они схожи – в высоком восприятии себя полноценными, богоподобными и даже богоявленными людьми.

Несмотря на то, что каждый пункт остановки инязора имеет конкретное название (село Прундаз, село Пурьгас, село Эрьмуш, село Ордат, Старая Кадма, берег Суры и Рава (Волги)), совершенно очевидно, что все, что описывается, выражает идеальные национальные представления, бесстрашную устремленность народа к совершенству, т.е. образуется высокий абстрактный мир, мир-концепция.

Уникальность космо-психо-логоса эрзян проявляется и через отношение к богам. Национальный человек мыслит себя равным богам, и боги ему это позволяют. Нет ни одного сюжета в «Мастораве», в котором бы человек был наказан богами. Даже Смерть имеет почтение к человеку, страстно воспринимающему жизнь (сюжет «Мокшанский парень и смерть»). В сказании «Мир Масторавы» в части «Село Эрьмуш» Тюштян встречает необыкновенного человека: он очень успешен и богат, однако главным достижением считает свою большую семью (у него семья сыновей, семья снох, родивших ему семью любимых внуков). Наличие большой семьи позволяет Агудаю соперничать с Богом богов Инешкипазом и чувствовать превосходство над ним, ибо

«Семь сынов у Агудая в доме,
У сынов – семь жен, его невесток.
Всем невесткам зыбки он поставил.
В каждой зыбке внук его любимый.
Подойдет он к зыбкам – покачает,
С внуками, счастливый, поиграет.
Головой вперед качнет он внуков –
Пусть ума у них в достатке будет;
Подтолкнет он их вперед ногами –
Пусть растут здоровыми парнями;
Подтолкнет налево и направо –
Мудрыми в речах своих пусть станут.

Как наступит древний день моленья,

Как наступит день великий года –

Молятся все люди Инешкаю.

Агудай не молится Инешки,

От него он помохи не просит» [\[15, с. 247\]](#).

Агудай объясняет свое надменное отношение к Богу:

«Потому я не молюсь Инешки,

Потому не поклоняюсь Пазу:

Лиши одна сноха у Инешкая,

Лиши одна в его хоромах зыбка,

Да и в зыбке той не внук, а внучка.

Потому я не молюсь Инешки,

Потому не поклоняюсь Пазу:

Я зажиточней Инешкипаза,

Я в семь раз богаче Инешкая.

Семь сынов я вырастил хороших,

Я семь снох взял в дом во всем пригожих...» [\[15, с. 247\]](#).

Тюштян предупреждает:

«Славный, знать, Агудай, ты хозяин.

Но, однако, зря не похваляйся.

Потеряешь голову, боюсь я,

Если знать не будешь свою меру...» [\[15, с. 247\]](#).

Боги не разрушают идеально устроенный мир Агудая, они позволяют ему хвастаться семьей, ибо это единственное богатство, вызывающее чистосердечное восхищение. У Агудая есть земля, на которой растет много хлеба, его пчелы приносят много меда, его скот хорошо плодится, но все это ему нужно только для того, чтобы обеспечивать своих детей и внуков, другой корысти он не знает.

Ценность семейных отношений – еще один важный элемент в национальном портрете эрзянского народа. Во имя семьи, говорит эпос, эрзянин готов жертвовать жизнью. Семейные отношения строятся не только на подчинении и соблюдении иерархии, но и на любви членов семьи друг к другу: родители любят детей, дети – родителей, мужья – жен, жены – мужей, а все вместе они любят родную землю – Мастораву.

Главный признак национального эпоса – этноцентризм, ориентирующийся на воспевание Отечества, народа, идеализацию его лучших качеств. Эпос невозможен на

отрицании национального начала, на поисках ущербного в национальном. Только утверждение национальной уникальности народа позволяет ему ввести его в круг других народов и показать их обояндную красоту.

Размышления над проблемой космо-психо-логоса народа эрзя в «Мастораве» Александра Марковича Шаронова привели к выводу, что в литературном эпосе космо-психо-логос народа, проявленный в аутентичном эпосе, и космо-психо-логос автора переплетаются и, усиливая звучание друг друга, создают более полный портрет этноса. Совершенно очевидно, что автор отражается в своем народе так же, как народ отражается в авторе, являющемся его этнофором.

Идея Г.Д. Гачева о национальных образах мира чрезвычайно плодотворна и никогда не может быть исчерпана, ибо интерес к постижению природы национального так же постоянен, как интерес к пониманию человеческой природы. По справедливому мнению авторитетного филолога и ученицы Г.Д. Гачева У.М. Бахтиреевой, «не вызывает сомнений, что труды Г.Д. Гачева останутся востребованными не только гуманитариями, но и представителями точных наук (математика, физика и др.). Гачевский мост, перекинутый между гуманитарными науками (философия, литературоведение, культурология, языкоznанием и др.) и естествознанием, пока находится вне поля заинтересованного внимания исследователей. Этот особый опыт синтеза пока остается прелюдией к будущим мульти- и трансдисциплинарным исследованиям. Недостаточной остается научная рефлексия продуктивных идей для таких отраслей знания, как: этнолингвистика, этнопсихолингвистика, этническая культурология и др.» [12, с. 15]. Безусловно, гачевская идея космо-психо-логоса применительно к изучению национального эпоса обладает таким же безграничным научным потенциалом.

Библиография

- Гачев Г.Д. Космо-психо-логос: Национальные образы мира. М.: Академический проект, 2015.
- Sharonova E. A., Osmukhina O. Yu. The mythological plots about the creation of the world and human beings in the Erzyan epic Mastorava // Revista de letras. 2016. Vol. 56. № 1. Рр. 83-102.
- Нусубалиева Г. Б. Философия жизни, смерти и судьбы в эпосах народов мира и эпосе "Манас" // Вестник Кыргызстана. 2021. № 1-2. С. 65-72. DOI: 10.33514/BK-1694-7711-2021-1(2)-65-72 EDN: DCW NYA.
- Турдугуов А. Т. Эпос "Манас" и другие эпосы тюркских народов как этнокультурная ценность (через призму традиции и обычая) // Вестник Кыргызстана. 2022. № 2-1. С. 47-52. DOI: 10.33514/BK-1694-7711-2022-2(1)-47-52 EDN: PJJHBE.
- Джураева Д. Р. Эпос как исторический первоисточник философских воззрений // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддина Академии наук Республики Таджикистан. 2018. № 4. С. 71-76. EDN: YNVXUZ.
- Арзамазов А. А. Художник, создавший эпос. Отзыв на эпос "Масторава" А. М. Шаронова // Шаронов А. М. Масторава: издание 4-е, исправленное и дополненное. Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2020. 500 с // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, № 3. С. 557-559. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-557-559 EDN: NDNUXS.
- Гагаев А. А., Гагаев П. А. "Масторава" А. М. Шаронова в лингвистической теории дискурса и текста // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы: Сборник материалов XI Международной научной конференции, посвященной памяти Заслуженного деятеля науки Адыгеи и Кубани, профессора Розы Юсуфовны Намитоковой, Майкоп, 20-23 декабря 2017 года. Майкоп: Изд-во "Магарин О.Г.", 2017. С.

140-145.

8. Гагаев А. А., Гагаев П. А., Тихонов Р. В., Бочкарева О. В. Философия "Масторавы" А. М. Шаронова // Философия и природа, космо-психологическая модель русской сказки: В 3-х книгах. Книга III. Саранск: Типография "ВАШ ФОРМАТ", 2016. С. 78-86.
9. Кудрявцева Р. А., Кузнецова М. Н. Мордовский эпос "Масторава" А. Шаронова (к вопросу о типологических чертах книжной формы эпоса финно-угорских народов) // Вестник угреведения. 2020. Т. 10, № 3. С. 479-488. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-479-488 EDN: FBBDAG.
10. Наумкин В. В., Шаронова Е. А. "Масторава"-космос и социум // Масторава: 5-е издание, исправленное и дополненное. Саранск: Государственное казенное учреждение Республики Мордовия "Научный центр социально-экономического мониторинга", 2022. С. 3-15.
11. Шаронова Е. А., Ингл О. П. Образ Жизни в эпосе "Масторава" А. М. Шаронова // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 486-494. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.486-494 EDN: FXFUTS.
12. Бахтиреева У. М. Георгий Гачев и его метод мышления: меняя человека и мир // Новые исследования Тувы. 2024. № 4. С. 6-19. DOI: 10.25178/nit.2024.4.1 EDN: NDDQUK.
13. Остапова Е. В. Об изучении книжной формы эпоса в вузовском курсе "История литературы финно-угорских народов" // Аспекты сохранения культурного наследия финно-угорского мира: Сборник статей по материалам докладов Научно-практической конференции, приуроченной к 15-летию Ассоциации финно-угорских университетов, Сыктывкар, 09 декабря 2022 года / Отв. редактор Н. Н. Новикова. Сыктывкар: Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, 2023. С. 37-42. EDN: TMDVWM.
14. Гачев Г. Д. Национальные образы мира // Вопросы литературы. 1987. № 10. С. 156-191. EDN: VSHFQH.
15. Шаронов А. М. Масторава: 5-е издание, исправленное и дополненное. Саранск: Государственное казенное учреждение Республики Мордовия "Научный центр социально-экономического мониторинга", 2022.
16. Мельников П. И. (Андрей Печерский) Очерки мордвы. Саранск: Мордов.кн.изд-во, 1981.
17. Mordwinische Volksdichtung. VI Band. Im auftrag der Finnisch-Ugrischen gesellschaft gesammelt von Ignatij Zorin. Durchgeschen und transkribiert von Heikki Paasonen. Ubersetzt von Kaino Heikkila und Paavo Ravila. Herausgegeben von Martti Kanla. Helsinki, 1977.
18. Шаронов А. М., Шаронова Е. А. Билингвизм в авторском переводе национального эпоса: на материале "Масторавы" // Полилингвиальность и транскультурные практики. 2023. Т. 20, № 2. С. 298-311. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-298-311 EDN: LLLPRX.
19. Шаронова Е.А., Савонина Н.А. Идея Вечной женственности в поэзии А. М. Шаронова (на материале стихотворения «Валентина») // Litera. 2023. № 5. С.10-18. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40677 EDN: YQSLWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40677
20. Гудкова С. П. Образ Эрзянии в поэтическом осмыслении А. М. Шаронова // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12. № 1. С. 107-109. EDN: YXSRUE.
21. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает космо-психо-логос народа эрзя в эпосе «Масторава». Отмечается, что «в космо-психо-логосе закодирован национальный образ народа. Полнее всего он выражается в национальном эпосе, ибо в эпосе содержится максимальная информация о народе, его ментальный, психологический, языковой, культурный, географический, исторический портрет», это, по сути, и обуславливает актуальность данного исследования. Необходимость изучения литературы во взаимосвязи с мифологией и фольклором подтверждается глубоким интересом научного сообщества к этим пластам национальной культуры.

Теоретическую базу работы обоснованно составили труды таких ученых, как Г. Д. Гачев, М. М. Бахтин, Г. Б. Нусубалиева, Д. Р. Джураева, А. А. Гагаев, П. А. Гагаев, Р. А Кудрявцева, М. Н. Кузнецова, А. М. Шаронов, Е. А. Шаронова, С. П. Гудкова и др., посвященные национальным образам мира, национальному эпосу, мордовскому эпосу «Масторава» А. Шаронова в лингвистической теории дискурса и текста и пр. Библиография статьи насчитывает 21 источник, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Так, апеллируя к работам Г. Б. Нусубалиевой, А. Т. Турдугурова, Д. Р. Джураевой, Е. А. Шароновой, автор(ы) обобщают, что «национальный образ народа складывается в эпосе из образа земли, на которой живет народ, из образов богов, в которые верит народ, и национальных героев, которыми восхищается народ, из отражения специфики исторического бытия народа, его исторических преференций и антипатий, характера свойственного ему исторического мышления, созданных им образов врага и друга, сформированных им предпочтений в выборе жениха или невесты при создании семьи, правил семейной жизни и воспитания детей, представлений о прекрасном и ужасном и т.п.».

Методология исследования в статье не раскрывается, но очевиден ее комплексный характер: применяются такие общенаучные методы, как анализ и синтез, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение; метод когнитивного анализа, а также текстологический метод и интерпретативный анализ материала, методы лингвокультурологического и дискурсивного анализа и др. Выбор методов оправдан и соответствует цели работы.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования подробно рассмотрен национальный образ народа эрзя, его космо-психо-логос. Сформулированы выводы о главном признаке национального эпоса, об этноцентризме, ориентирующемся на воспевании Отечества, народа, идеализацию его лучших качеств. Отмечается, что образ народа, представленный в эпосе, складывается из выражения народом самого себя, из концепции народа, сложившейся у пишущего о нем поэта, и из образа поэта через его взгляд на народ.

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключаются в его вкладе в изучение национальных образов мира, в интерпретации понятия космо-психо-логос, в разработке теории эпоса, а также в возможности использования его результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, по истории литературы, в спецкурсах, посвященных эпосу, в том числе мордовскому эпосу.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Статья имеет

завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Хандархаева И.Ю. Функционально-семантические особенности "динамического описания" // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73842 EDN: TLKHAZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73842

Функционально-семантические особенности "динамического описания"

Хандархаева Ирина Юрьевна

кандидат филологических наук

доцент, кафедра русского языка и общего языкознания, Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

670000, Россия, Республика Бурятия область, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а, оф. 2208

✉ irina-68_68@mail.ru

[Статья из рубрики "Языкознание"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73842

EDN:

TLKHAZ

Дата направления статьи в редакцию:

21-03-2025

Дата публикации:

28-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является «динамическое описание», реализующееся в текстах типа «описание» и «повествование». Анализу были подвергнуты принципы, позволяющие определить функционально-семантические особенности «динамического описания» в художественном тексте. Для их выявления проанализированы следующие жанры текста типа «описание»: описание внешности человека или портрета, природы. «Динамическое описание» до сих пор остается вне внимания исследователей, несмотря на его огромный текстообразующий потенциал. Актуальность данного исследования состоит в том, что до сих пор не определен статус такого типа текста, как «динамическое описание» в системе функционально-смысловых типов речи, что предопределяет цель работы – выявить функционально-семантические особенности «динамического описания» и определить его место в системе типов речи с

помощью предикатов с семантикой состояния. В соответствии с поставленной целью применены семантико-контекстуальный метод, основанный на анализе статальных предикатов, метод наблюдения и описания языковых фактов. Методологической базой исследования послужили работы, посвященные проблеме теории текста (О. А. Нечаева, Н. Б. Бессмертная, И. Р. Гальперин, М. П. Брандес), функциональной грамматики (А. А. Потебня, Ю. С. Маслов). Новизна исследования заключается в попытке заявить о «динамическом описании» как особом типе речи, находящемся в центре оппозиции «описание/повествование», и специфике функционирования статальных предикатов со значением изменения физического, психологического, эмоционального состояния, конструирующих данный текстовый феномен и позволяющих расширить представление об их текстообразующей роли и функциональных возможностях. Основными выводами проведенного исследования являются следующие положения: в процессе анализа описательных жанров (портрета, внешности человека; природы) выявлены четыре типа «динамического описания»: описание быстрой смены состояния; описание медленного изменения состояния; описание циклического действия; описание изменения состояния; выявлены функциональные потенции «динамического описания». Сделан вывод о том, что в художественном тексте «динамическое описание» – явление довольно частотное, требующее тщательного исследования его природы и языковых средств.

Ключевые слова:

художественный текст, описание, повествование, синхронологема, диахронологема, динамическое описание, состояние, статальный предикат, статичное описание, Национальный корпус языка

1. Введение

«Описание» – функционально-смысловый тип речи в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета в широком понимании" [9, с. 94] в определенный момент речи . Известно, что в лингвистической литературе текст типа «описание» понимается как явление статичное, логико-смысловой основой которой является синхронологема [9, с. 20]. О. А. Нечаева выделяет следующие жанры в художественном описании: описание-портрет, описание-пейзаж, описание-интерьер, описание-предмет и описание-характеристика [9, с. 60], нами же для презентации «динамического описания» выбраны только описание-портрет и описание внешности человека, а также описание природы, допускающие смещение временного плана и создающего значение динамичности, в то время как в описании интерьера, предмета, характеристики заложена идея статичности, объединенная инвариантным значением бытия.

Описание - сложный организм с точки зрения организации текста, его лексического, структурного и грамматического наполнения не может не вызывать научный интерес. Выявлено, что описание не всегда статично, поскольку не всегда синхронные признаки описываемого предмета существуют одномоментно, так как наличие статально-акциональных предикатов придает динамику описательному тексту: описываемые предметы речи, их состояния могут находиться в состоянии изменения в определенных условиях.

В данной работе, посвященной природе «динамического описания», мы опираемся на мнения лингвистов, которые, характеризуя такого рода описание, называют его «динамическим». Так, Н.Б. Бессмертная считает, что «изображение изменений, их

движение, перемещение относительно друг друга, что неизменно с представлением о течении времени, о действиях и изменениях состояния как о последовательном порядке во времени» [\[1, с. 8\]](#), то есть речь идет о тексте типа «повествование». По мнению Т.В. Булыгиной, признаки «носят случайный, преходящий характер соответствующих ситуаций, связанный с представлением о том, что с течением времени они должны быть заменены другими ситуациями, можно было бы с известной долей условности отождествлять с «динамичностью» [\[4, с. 17\]](#). Л.Н. Омельченко характеризует его как «наблюдаемое описание», признаки, процессы, состояния которого непостоянны: «статичный предмет описывается в данном временном срезе; изменения, которые могут произойти с ним в следующий момент, при этом не учитываются» [\[10, с. 131\]](#). Вызывает интерес позиция И.Р. Гальперина, по мнению которого контаминированные типы – явление довольно частое, что, «дополняя друг друга, они сливаются настолько органично, что порой трудно расчленимы» [\[5, с. 21\]](#). Автор данной статьи в своей более ранней работе определяет такой тип описания как «ситуативное» [\[12, с. 125\]](#).

Несмотря на схожесть представлений об описательном типе текста, а именно «динамическом описании», наиболее точным, на наш взгляд, является мнение М.П. Брандес, согласно которому «композиционно-речевая форма «динамическое описание» – описание одновременного (точнее, с очень маленькими временными интервалами) протекания действий в ограниченном пространстве», которые одновременны и соположены [\[3, с. 67-68\]](#), что соответствует нашему представлению о природе «динамического описания».

Таким образом, «динамическое описание» – это особая разновидность художественного описания, направленная на передачу движения, изменения, развития описываемого объекта или явления с претензией на особый статус в системе функционально-смысловых типов речи при особых лингвистических условиях. В отличие от «статического описания», которое запечатлевает объект в неизменном состоянии в течение продолжительного времени и в момент речи, «динамическое описание» показывает его в процессе изменения во времени. Это достигается с помощью специальных языковых средств и приемов, которые способны выражать постоянные признаки, свойства в движении и изменении.

Для исследования нами выбрана группа предикатов с семантикой состояния, поскольку наиболее ярко отражает идею статичности и динамики в тексте типа описание. Ряд исследователей указывали в своих работах семантическую общность категории состояния: переход в иное состояние [\[7, с. 60-61\]](#), временное изменение [\[14, с. 14\]](#), приобретение нового признака субъектом или объектом [\[6, с. 104\]](#), возникновение новой ситуации [\[2, с. 138\]](#). Все эти трактовки объединяет идея перехода в новое состояние.

Для анализа нами отобраны следующие группы предикатов, которые в «динамическом описании» выражают: физическое, психическое, эмоциональное состояния человека для анализа описания его портретной характеристики (внешности), а также явления природы. Материалом нашего исследования послужили данные Национального корпуса русского языка [\[8\]](#), позволяющие проанализировать на материале основного корпуса тексты с середины XIX в. по начало XXI в.

Как известно, семантику состояния, как правило, выражают разные языковые средства, в том числе глагол, так как обладает способностью вербализовать идею статальности: «каков кто есть в силу прежде совершенного действия» [\[11, с. 256\]](#), выражающую как

длительное, так и временное состояние предмета речи.

2. Обсуждение

В ходе исследования было выявлено, что статальные глаголы, будучи маркированными членами оппозиции статальность/акциональность, выражают семантику состояния не только в статической разновидности описательного текста, но и в динамической. Для подтверждения данной мысли мы проанализировали примеры, взятые из НКРЯ, и поделили их на 2 группы.

1. Группа предикатов со значением состояния в описании портрета, внешности человека

Возможности корпуса позволяют определить статистику конкорданса, который насчитывает, например, с лексемой **похудеть** 999 текстов и 2292 примеров, а также коллокации в количестве 400 примеров, среди которых наиболее частотными являются **сильно похудел** – 33 вхождения, **очень похудел** – 26, **похудел и осунулся** 21. Данный ресурс с объемом более 2 млрд слов является ценным для исследователя и позволяет проанализировать языковые связи на уровне текста.

Как уже было сказано выше, в основе «динамического описания» лежит идея действия, процесса в момент речи, когда наблюдатель видит происходящие изменения состояния субъекта речи, как происходит динамика «на глазах»:

- 1) От кровотечений преосвященный в какой-нибудь час очень **похудел, побледнел, осунулся**, лицо **сморщилось**, глаза **были большие**, и как будто он **постарел, стал меньше ростом**, и ему уже казалось, что он худее и слабее, незначительнее всех, что всё то, что было, ушло куда-то очень-очень далеко и уже более не повторится, не будет продолжаться [А. П. Чехов. Архиерей (1898-1903)];
- 2) Здоровое, широкое лицо его в несколько секунд совершенно **изменилось**: он как будто **похудел и постарел** несколькими годами, губы его были тонки, бледны и сжаты с видимым напряжением; торопливое и тупое выражение его взгляда заменил какой-то ясный, спокойный блеск, и на окровавленных лбу и носу уже лежали черты смерти [Л. Н. Толстой. Рубка леса (1854)];
- 3) [Он вошел бойко вслед за начальством], но как только он увидел мертвеца, он вдруг **побледнел, щеки его задергались**, и он **опустил голову и замер** [Л. Н. Толстой. Сон молодого царя (1894)].

Рассматривая описание внешности, отметим, что в художественном тексте при описании облика человека перечисляются только значимые с позиции наблюдателя отличительные черты внешности, в данном случае лицо, глаза, рост, которые претерпели изменения в определенный отрезок времени: в короткий срок час назад субъект описания был другим. Акциональные глаголы (**похудел, побледнел, сморщился, стал меньше ростом, задергались, опустил, замер**) в данных микротемах обозначают не конкретные действия, а функционируют как статальные, выражающие признаки в изменении субъекта в данный момент речи.

- 1) Молодой свое предложение повторил, а когда усвоил отказ, **потемнел** весь, **сгустился**, хоть и без того не белокожий был, и в таком накаленном настроении подался вон [Александр Снегирев. Вера (2015)];
- 2) Когда, довольная и усталая, Милочка вывалила подарки перед Тимофеем на стол, он

вдруг **потемнел и насупился**: к чему все это? [М. Л. Халфина. Милочка (1970-1980)].

В данных примерах предикаты состояния не указывают на акциональную динамику и смену одного действия другим, а сохраняют идею статальности, описывая психическое и эмоциональное состояние в момент речи. В данном случае глагол *потемнел* указывает на изменение цвета лица персонажа: стало темным; *насупился* - изменилось состояние субъекта.

Говоря об изменении состояния, следует отметить, что данная категория нами понимается как смена ситуаций, которые происходят динамично, но при этом не рассматривается как смена последовательных действий, присущей повествованию:

- 1) [Вынула деньги, отсчитала.] Пожилой интеллигент **изменился** в лице. Бледный нос **сморщился**, верхняя губа **приподнялась**, обнажая фальшивые зубы [И. Грекова. Перелом (1987)];
- 2) И что хуже всего — **лицо его изменилось**: переносица впала, кончик носа сделался широким и приподнялся, уши оттопырились, рот сделался широким. [А. Р. Беляев. Человек, нашедший своё лицо (1940)];
- 3) Но Хальдор вдруг уставился на кого-то за баронской спиной. Лицо **его изменилось**. Скулы **заострились**, бледные губы **сжались** [Елена Хаецкая. Хальдор из светлого города (1997)].

Во всех этих примерах предикаты со значением изменения состояния создают портрет персонажей в момент высказывания, перечисляемые признаки объекта если и зафиксированы друг за другом, то результаты этих действий совпадают во времени, они синхронны, динамичны, как бы собраны в «пучок», что свойственно описанию.

Для сравнения можно привести микротемы со «статичным описанием» и повествованием для подтверждения мысли о том, что «динамичное описание» – особый тип текста со своей функционально-семантической «атмосферой» для демонстрации острых психологических и физических переживаний и состояний персонажа:

- 1) В течение каких-нибудь двух месяцев он сильно **похудел**, ходил весь запачканный ваксой, волосы на голове стояли какими-то клочьями, как на крашеном меху [Д. Н. Мамин-Сибиряк. В каменном колодце (1903)];
- 2) За зиму он сильно **похудел** и ослабел, так что уже пьянел с одной рюмки и зябнул в тени [А. П. Чехов. Моя жизнь (1896)];
- 3) Он показался мне постаревшим гораздо больше Пунина, хотя походка его осталась твердою и общее выражение лица сохранилось; но он **похудел, сгорбился, щеки осунулись**, и его черную густую щетину — «седой волос развел» [И. С. Тургенев. Пунин и Бабурин (1874)].

В данных примерах статичность признаков подтверждается временными локализаторами (в течение каких-нибудь двух месяцев, за зиму) определяющими длительную стадию перехода в иное состояние. Изменения во внешности, протяженные во времени, могут быть связаны с разными внешними факторами, влияющими на его изменение, возрастом и занимают длительный период времени.

Повествование по своей логической основе динамично, ибо выражает развертывающиеся действия или состояния [\[9, с. 100\]](#), например:

- 1) Но в ту же минуту **лицо его изменилось**, и он, широко раздував ноздри, стал нюхать воздух. [В. П. Беляев. Старая крепость (1937-1940)];
- 2) Вдруг **лицо его изменилось** и, обернувшись к Аркадию, он, как бы с смущением, проговорил: «Одинцова приехала». [И. С. Тургенев. Отцы и дети (1862)].

Таким образом, в описании портрета, внешности человека наблюдается смена одного состояния другим посредством статальных предикатов, причем смена происходит весьма интенсивно, динамично, что, на наш взгляд, следует рассматривать особый промежуточный тип между описанием и повествованием, а именно – «динамическое описание».

2. Группа предикатов со значением состояния в описании пейзажа

Наиболее выпукло признаки семантики состояния проявляются в описании пейзажа, которые могут быть как постоянными, так и временными. В пейзаже перечисляются признаки либо статичные с перечислением постоянных признаков местности в момент речи, либо динамичные, которые обозначают стихийные процессы или события. В описании пейзажа чаще всего наблюдаются выход из какой-либо фазы состояния и начало нового, другого состояния, что составляет суть динамического описания:

- 1) За время, которое он провел в суде, **погода изменилась**: с моря влетал сырой ветер, предвестник осени, гнал над крышами домов грязноватые облака, как бы стараясь затискать их в коридор Литейного проспекта, ветер толкал людей в груди, в лица, в спины, но люди, не обращая внимания на его хлопоты, быстро шли встречу друг другу, исчезали в дворах и воротах домов [Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 4 (1928-1935)];
- 2) Из Никольска-Уссурийского нам сообщают, что 12-го (25-го) мая прибыл из Владивостока при великолепной солнечной погоде автомобиль Тома и тотчас же двинулся в дальнейший путь. Два часа спустя **погода изменилась**. Подул ветер, хлынул дождь и разразилась гроза такой необычайной силы, что реки выступили из берегов, залили поля, и дороги стали еще непроходимее [Спорт (31.05.1908) // «Русское слово», 1908];
- 3) Солнце ушло за облака, и сразу же **потемнел** огромный сельсоветовский двор, но совсем рядом, метров за две, купы каштановых деревьев, белеющая камнями дорога, зелень кукурузного поля были все еще озарены как бы особенно радостным солнцем [Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 2) (1989)].

В этих описаниях природы динамическая доминанта подчеркивается обстоятельствами времени (сразу же, два часа спустя), возникшие признаки, выраженные статальными предикатами (изменилась, потемнел), все действия-состояния не сменяют друг друга, а одновременно сосуществуют, также находясь под влиянием общего смысла контекста.

Таким образом, в зависимости от того, какой аспект движения или изменения подчеркивается, можно выделить следующие типы «динамического описания»:

1. Описание быстрой смены состояния:

Федор Иванович потемнел лицом, нахмурился — он болезненно переживал всякую бес tactность [Владимир Дудинцев. Белые одежды / Первая часть (1987)].

В данном примере подчеркивается скорость смены состояния.

2. Описание медленного изменения состояния:

Нехлюдов так задумался, что и не заметил, как погода переменилась: солнце скрылось за передовым низким, разорванным облаком, и с западного горизонта надвигалась сплошная светло-серая туча, уже выливавшаяся там, где-то далеко, над полями и лесами, косым спорым дождем [Толстой Л. Н., Воскресение, 1899].

В данном примере подчеркивается плавность изменения погоды.

3. Описание циклического действия:

Черные волны с грохотом и ревом бились о скалистые берега; посреди их, сливаясь с окружающей темнотой, чернели причудливые силуэты остроконечных утесов, точно какие-то фантастические чудовища, немые, с холодными, оскализшими боками [Ф. Ф. Тютчев. На скалах и долинах Дагестана (1903)]

Данный пример наглядно опровергает мысль о том, что в «динамическом описании» отсутствует повторяемость, в этом примере наблюдается акцент на возникающие и повторяющиеся времена от времени явления.

4. Описание изменения состояния:

Яркие и резкие, четкие и плоские краски зимы потускнели, смягчились, набухли водой, обрели глубину и тяжесть. Оголился лес, потемнел лёд, осели сугробы. Небо, поначалу затянутое низкими сизыми облаками, очистилось: тёплый ветер, раздвигая окоемы, сметал тучи в громадные стога, и за ними застенчиво засветилась ещё блеклая высота [Алексей Иванов. Сердце Пармы (2000)].

В данном описании подчеркивается процесс развития, изменения состояния природы.

Если говорить о функциональных возможностях «динамического описания», то следует отметить, что в художественном тексте основная функция "динамического описания" – во-первых, показать объект или явление в движении, изменении, развитии; во-вторых, "динамическое описание" может создавать фон для событий, иллюстрируя их протекание в о времени и пространстве; в-втретьих, оно служит средством показа тонких психологических и эмоциональных переживаний. В целом, функции динамического описания многогранны и зависят от контекста его употребления.

3. Заключение

Анализ описательных текстов выявил, что «динамическое описание» функционирует в таких описательных жанрах, как описание портрета или внешности человека и описание природы, так как именно в них реализуется идея действия, изменения состояния описываемого объекта, признаки которого могут быть временными,двигающими текст во времени [\[13, с. 61\]](#). Данную идею реализуют статальные предикаты, обстоятельственные слова со значением времени, общий контекст описательной микротемы. Также следует отметить, что «динамическое описание» представляет собой сложное и многогранное явление художественной речи. Мастерство автора проявляется в умении выбрать наиболее подходящие языковые средства для передачи конкретного вида движения (быстрого, медленного, циклического, изменения состояния) и достижения определенного художественного эффекта. Дальнейшие исследования такого явления, как "динамическое описание", могут быть направлены на более глубокий анализ взаимодействия различных языковых средств, а также на изучение его роли в формировании художественного образа в различных литературных жанрах и

направлениях.

Таким образом, описательный тип речи, имеющий логическую основу в виде синхронологемы и стабильную языковую структуру, могут иметь не только постоянные, статичные признаки, но и временные, имеющие динамичный характер протекания. Все эти характеристики позволяют выразить мнение, что «динамическое описание» – особый, смешанный тип текста, требующий пристального внимания лингвистов.

Библиография

1. Бессмертная Н.В. Речевая форма "динамическое описание" и ее лингвистическая характеристика: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Киев, 1978. 24 с.
2. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии / А.В. Бондарко. С.-Пб.: Изд-во С.-Пб. ун-та, 1996. 219 с. EDN: WEREFР
3. Брандес М.П. Стилистика немецкого языка / М.П. Брандес. М.: Высшая школа, 1973. 320 с.
4. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов / Отв. ред. О.Н. Селиверстова. М.: Наука, 1982. С. 7-85.
5. Гальперин И.Р. Сменность контекстно-вариативных форм членения текста // Текст как целое и компоненты текста. М.: Наука, 1982. С. 18-29.
6. Гиро-Вебер М. Вид и семантика русского глагола // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 102-112.
7. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии / Ю.С. Маслов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. 263 с.
8. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (18.03.2025).
9. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) / О.А. Нечаева. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1974. 261 с.
10. Омельченко Л.Н. Функционирование неполных двусоставных предложений с незамещенной позицией подлежащего в повествовании и описании: дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 1998. 200 с.
11. Потебня А.А. Из записок по русской грамматике / А.А. Потебня. М.: Просвещение, 1958. Т. 1-П. 536 с.
12. Хандархаева И.Ю. Глаголы совершенного вида прошедшего времени в темпоральных типах речи / И.Ю. Хандархаева. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2005. 140 с.
13. Хандархаева И.Ю. К вопросу о динамическом описании // Вестник Бурятского государственного университета. 2019. № 2. С. 57-62.
14. Daneš Fr. Veta a text. Praha, 1985. 236 s.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают функционально-семантические особенности «динамического описания», актуальность изучения которого обусловлена повышенным вниманием ученых к данной разновидности художественного описания, «направленной на передачу движения, изменения, развития описываемого объекта или явления с претензией на особый статус в системе функционально-смысловых типов речи при особых лингвистических условиях», которое достигается с помощью специальных языковых средств и приемов, способных выражать постоянные признаки, свойства в движении и изменении: «описание - сложный организм с точки зрения организации текста, его лексического, структурного и грамматического

наполнения не может не вызывать научный интерес».

Теоретической основой исследования выступили научные труды по грамматической семантике и русской аспектологии; проблемам предложения и текста; функционально-смысловым типам речи; вопросам динамического описания; семантике русского глагола и т.п. таких российских и зарубежных ученых, как Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко, А. А. Потебня, И. Р. Гальперин, О. А. Нечаева, Т. В. Булыгина, М. Гиро-Вебер, И. Ю. Хандархаева, Fr. Daneš и др. Библиография статьи насчитывает 14 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Обращаем внимание на то, что автор(ы) совсем не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методологическую базу исследования составили метод структурно-семантического описания, включающий в себя наблюдение, обобщение, классификацию языковых явлений; семантико-контекстуальный, основанный на рассмотрении семантических особенностей глагольных предикатов в контексте описания, метод лингвистического наблюдения и описания языковых фактов и др. Выбор методов оправдан и соответствует цели и задачам работы. Эмпирической базой исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, позволяющие проанализировать на материале основного корпуса тексты с середины XIX в. по начало XXI в. Для анализа были отобраны группы предикатов, которые в «динамическом описании» выражают: физическое, психическое, эмоциональное состояния человека для анализа описания его портретной характеристики (внешности), а также явления природы.

В ходе исследования подробно рассмотрены предикаты со значением состояния в описании портрета, внешности человека и со значением состояния в описании пейзажа; выделены типы «динамического описания» (описание быстрой смены состояния, описание медленного изменения состояния, описание циклического действия, описание изменения состояния). Выявлено, что статальные глаголы, будучи маркированными членами оппозиции статальность / акциональность, выражают семантику состояния не только в статической разновидности описательного текста, но и в динамической. Сделан обоснованный вывод о том, что «динамическое описание» представляет собой сложное и многогранное явление художественной речи; «динамическое описание» функционирует в таких описательных жанрах, как описание портрета или внешности человека и описание природы, так как именно в них реализуется идея действия, изменения состояния описываемого объекта, признаки которого могут быть временными,двигающими текст во времени; мастерство автора проявляется в умении выбрать наиболее подходящие языковые средства для передачи конкретного вида движения (быстрого, медленного, циклического, изменения состояния) и достижения определенного художественного эффекта.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она вносит вклад в развитие общей теории текста, в изучение функционально-смыловых типов речи, в расширение представлений об описательном типе текста, о динамическом описании. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов как в дальнейших научных изысканиях по заявленной проблематике, так и в вузовских курсов по теории языка, лингвистике текста, морфологии современного русского языка и др.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует

названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Philology: scientific researches

Правильная ссылка на статью:

Shindel', S.V., Semuhina, E.A., Matasova , O.V., Maslova , A.N. (2025). Advertising Discourse in the Volga Germans' Catholic Magazine 'Klemens' (Based on Commercial Ads). *Philology: scientific researches*, 3, 59–76. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73925

Advertising Discourse in the Volga Germans' Catholic Magazine 'Klemens' (Based on Commercial Ads) / Особенности рекламного дискурса, представленного в католическом журнале немцев Поволжья «Klemens» (на материале коммерческих объявлений)

Шиндель Светлана Владимировна

ORCID: 0000-0002-5253-0068

доктор культурологии

доцент; кафедра экономики и гуманитарных наук; Энгельсский технологический институт (филиал)
СГТУ им.Гагарина Ю.А.

410031, Россия, Саратовская область, г. Саратов, ул. Чернышевского, 223/231, оф. 77

✉ schindelsvetlana@mail.ru

Семухина Елена Александровна

ORCID: 0000-0001-8560-0707

кандидат филологических наук

доцент; кафедра Переводоведение и межкультурная коммуникация (ПМК); Саратовский
государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.

410054 Саратовская обл., ул. Политехническая 77

✉ semuh@rambler.ru

Матасова Оксана Владимировна

ORCID: 0000-0001-6052-7726

кандидат филологических наук

доцент; кафедра Переводоведение и межкультурная коммуникация (ПМК); Саратовский
государственный технический университет им. Гагарина Ю.А.

410054, Саратовская обл., г. Саратов, ул. Политехническая, 77

✉ oxidim@yandex.ru

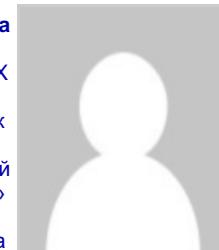
Маслова Антонина Николаевна

ORCID: 0009-0000-0582-922X

кандидат филологических наук

доцент; кафедра романо-германской филологии; ФГБОУ ВО «Астраханский государственный
университет им В.Н. Татищева»

414056, Россия, Астраханская область, г. Астрахань, ул. Татищева, 20 а

✉ tonja-ch@yandex.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73925

EDN:

WDPW HW

Дата направления статьи в редакцию:

22-03-2025

Дата публикации:

01-04-2025

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей рекламного дискурса в периодике немцев Поволжья. Предмет исследования – дискурсивные особенности, объект – лингвистические и экстралингвистические маркеры рекламных объявлений, опубликованных в католическом еженедельнике «Klemens» (1897–1907 гг.). К лингвистическим маркерам относятся специфика имен собственных, названий товаров, услуг, указания цен и употребления специальной лексики, характерной для деловой сферы общения на немецком языке. Готическая фрактура, иллюстрации, широкий спектр шрифтов, расположение надписей, логотипы, графические элементы относятся к экстралингвистическим маркерам. В семиотическом пространстве коммерческих объявлений актуализируется «принцип энергетического императива», который представляет собой оптимальную совокупность всех элементов, обеспечивающую сбалансированность и целесообразность содержания для информирования с целью достижения желаемого результата. В исследовании применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, текстологический метод и интерпретативный анализ эмпирического материала, компаративистский и семиотический методы. Метод дискурсивного анализа, который представляет собой совокупность взаимосвязанных подходов к изучению дискурса через исследование функционирующих в нем языковых единиц и ряда экстралингвистических аспектов. Научная новизна заключается в комплексном характере исследования коммерческих объявлений с точки зрения их дискурсивных особенностей; впервые подобный анализ осуществлен на материале журнала немцев Поволжья «Klemens». Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения своеобразия рекламного дискурса, представленного на страницах уникальных периодических изданий немцев Поволжья рубежа XIX–XX вв. Теоретическая значимость представленного исследования состоит в том, что данная работа вносит вклад в развитие теории дискурса, характеризуя один из его институциональных типов – рекламный дискурс. Результаты исследования могут быть использованы в рамках дисциплин «Теория языка» и «Деловое общение на иностранном (немецком) языке», а также будут интересны тем, кто занимается изучением жанровой специфики рекламного дискурса.

Ключевые слова:

Рекламный дискурс, немецкий язык, еженедельник *Klemens*, рекламное объявление, публицистический стиль, деловое общение, немцы Поволжья, лингвистические маркеры, экстралингвистические маркеры, энергетический императив

Introduction

The history of the Volga Germans begins in 1763, when, at the invitation of Catherine II, representatives of disparate German lands moved to Russia and explored the banks of the great river Volga. In the context of our research, there is no need to provide a detailed review of the historiographical literature; we only note that the monograph by I.R. Plehve [1] highlights the history of the local ethnic group in the period from the middle of the seventeenth to the twentieth centuries, A.A. German [2] studied the events of the twentieth century. Both of them are descendants of Volga Germans, and both have dedicated their lives to researching the history of their people.

In 2023, the 100th anniversary of the formation of the autonomy was celebrated. Once again, the society remembered the Germans of the Volga region, a difficult fate representing a path of more than 200 years, literally *Zweihundert Jahre unterwegs* in German. It is symbolic in this regard to mention the monograph of the same name by the ethnographer K. Stumpp, who described in detail the most diverse aspects of culture and everyday life, as well as the peculiarities of the people's way of life. The contents of the book *Zweihundert Jahre unterwegs* are prefixed by a preface written by Pastor G. Remmich, in which, in particular, he noted: "Although we, who live in freedom, make up a much smaller part of Russian Germans, we alone can testify about our traditions, folk characteristics and Christian way of life, as well as about our cultural and economic achievements" [3, p.4]. This phrase is more like a formula in which the sum of all the components provided a high level of economic culture of the local ethnic group. G. Remmich's phrase gets relevance and a new reading when you get acquainted with commercial advertisements on the pages of the Catholic magazine *Klemens*. The content of the ads reveals not only the specifics of the representation of the economic achievements of the Volga Germans but also traces the processes of the formation of advertising discourse.

Earlier in the publications [4,5], we touched upon some aspects of the analysis of printing objects of the Volga Germans from the point of view of cultural studies: collecting scattered leaflets, posters, photographs, objects (exhibits of the Saratov Museum of Local Lore), we have given this foundation an author's name – "Artifacts of the Volga Germans" [6]. Although it was clear from all indications that, if not all, then much could be classified as objects of advertising, at the time of the study, such a statement seemed to us not only bold but also premature. However, as we became familiar with the content and artwork in various periodicals (for example, the magazine *Unsere Wirtschaft*), it became apparent that we were looking at advertising in a form that served not only to inform but also to encourage action.

So, the research subject in this article is the discursive features of ads published on the pages of the Catholic weekly *Klemens* (1897–1907). The study aims to identify specific linguistic and extralinguistic markers, the totality of which gives grounds to attribute these ads to the genre of a particular style of advertising discourse. The work is relevant because advertising discourse is one of the most common types of institutional communication, and a multi-faceted study of written evidence allows us to identify its outlines and reveal its

specifics and originality. The scientific novelty lies in the complex nature of the research based on digitized German-language advertisements in the Catholic weekly *Klemens*, the issues presented on the resource www.Wolgadeutsche.net. The article offers an author's translation of authentic German-language texts of ads, about which semiotic and comparative research methods are applied.

The main part.

As you know, modern scientific literature does not have a shortage of publications covering various aspects of discourse in general and advertising discourse in particular. Both domestic and foreign researchers write about different types of discourse and approaches to their research [7, 8, 9]. In modern linguistics, the term "discourse" correlates with the concept of "text": linguistic communication's dynamic, time-evolving nature is noted. In contrast, text is understood as the final result of linguistic activity. It seems to us to be a reasonable opinion that "discourse" includes two components simultaneously: the dynamic process of linguistic activity, inscribed in its social context, and its result (E.A. Terpugova. Advertising text as a special type of imperative discourse: abstract of the dissertation of the Candidate of Philology. Kemerovo, 2000). T.A. Van Dijk defines discourse as a social phenomenon: "Discourse is a stream of speech, a language in constant motion, absorbing all the diversity of the historical epoch, the individual and social characteristics of both the communicant and the communicative situation in which communication occurs. The discourse reflects mentality and culture, national, universal, and individual, private" [10, p. 47]. In the presented study, we rely on the definition of discourse given by V.V. Krasnykh: "Discourse is a verbalized speech-thinking activity taken in the totality of linguistic and extralinguistic factors (author's note. we use the term markers), fixed in the form of texts (oral and written)" [11, p. 113]. Let's also define the very concept of "advertising," which we found in the dictionary of foreign words: "Advertising is information about goods, various types of services, etc. to notify consumers and create demand for these goods, services, etc." [12, p.426].

Despite the lack of a single classification describing the discourse in the complex of all its characteristics, it is customary to distinguish between oral and written types of discourse; by the purpose, there are (personality-oriented) and institutional (status-oriented) discourses. The institutional type traditionally includes (to list just a few) political, legal, military, religious, medical, business, scientific, and advertising discourse. According to the classification proposed by V.I. Karasik [13, 14], advertising discourse is represented by genres: an advertisement, an advertising video, advertising rumors, an advertising letter, an advertising poster, a billboard, or a stand.

Traditionally, advertising discourse is a special kind of discourse to encourage activity, even when it comes to simple information or reminders. At the same time, the presence of all elements that express motivation is optional; in addition, "advertising is not subject to careful analytical reading and is perceived in a single information stream, as a rule, without a clear attitude to perception" (M.A. Banshchikova On the question of the term "advertising discourse" <http://www.nop-dipo.ru/ru/node/329>). At the same time, advertising discourse should be considered, taking into account the totality of accompanying extralinguistic and psychological factors. It is also essential to "reconstruct" the historical context in the most concise form and describe the socio-cultural prerequisites and the economic situation to investigate the features of advertising discourse, in our case, created by the Germans of the Volga region, as objectively as possible.

To begin with, the industrial revolution that started in the territory of Saratov province in the second half of the 1880s changed its economic appearance and affected, among other things, the printing industry: The capacities and technical equipment of the printing equipment have increased. The text of E.V. Pozdnyakova's dissertation, *Book Publishing in the Saratov Province: the End of the Eighteenth to the Beginning of the Twentieth* notes the following: "Ethnic Germans owned most of the printing establishments that produced books in German. In some cases, there was a certain continuity between Russian and German printing houses. So, in 1883, Fyodor Maximovich Kimmel, a native of Reval, became the owner of the printing company of I. S. Kuvardin. This printing company published, as stated in the **advertisement**, "business cards, wedding and engagement cards." It should be noted that we have not previously found any publications in the scientific literature covering the topic of advertising in the business environment of Volga Germans.

In general, it is challenging to analyze the features of the formation of advertising discourse in the periodicals of the Volga Germans based on the theoretical works of our contemporaries: they are mainly of a theoretical descriptive nature, and there is no empirical material in publications. In this regard, it is necessary to refer to scientific works published at the turn of the nineteenth and twentieth centuries, in which advertising is viewed retrospectively in the context of the relevant historical period. So, in 1925, the second edition of the monograph was written by German researcher T. Kennig, who wrote *The Psychology of Advertising. Its current state and practical application* [15]. In our opinion, a consistent analysis of the advertising creation methodology and examples of specific illustrations presented in Kennig's book is quite applicable to the study of ads by Volga Germans. The theoretical provisions of the monograph allow us to consider and compare the advertising discourse of two cultures—Germany and the Volga Germans—from the point of view of a synchronous approach since the immigrants maintained ties with ethnic Germans in their historical homeland and introduced progressive business practices in their territory of residence. In addition, the monograph summarizes the experience of colleagues of Kennig's predecessors and contemporaries. For example, the scientist in his work refers to the works of K. Lissinsky [15, p.90], who analyzes advertising from the point of view of its perception in line with psychology and considers the design features of the poster as one of the forms of advertising. Further, the artistic design and the specifics of the semantic content of the advertising poster were described in the work of K. Knutz. The scientist Schulte [15] paid special attention to the means of advertising decoration. The peculiarities of the psychology of advertising as the most important guarantee for the promotion of goods to the market in particular and the success of trading, in general, were described in a study by S. Gerting [15]. To understand the peculiarities of advertising discourse in Germany in general [16] and the formation of its foundations in the economic space of the Volga Germans in particular, let us turn to the history of advertising.

"German" advertising appeared in 1722: information sheets (*Intelligenz Blotter* [literally translated from German as sheets for the intelligentsia]) were published in the city of Frankfurt, which served as the prototype of the first advertising booklet. Several recent studies have been devoted to the history of the formation of the advertising genre based on the German language [17, 18]. In 1802, the textbook *How to Write Advertisements* was published in Weimar. It presented samples of successful essays with brief comments on advertising principles and an alphabetical list of news agencies ready to assist in their publication. In Germany, advertising was treated with restraint for a long time, noting only its functional purpose: "The whole advertising business is just an auxiliary tool to quickly

and widely inform about new and good ..." [15, p. 178]. There should be a thing in the center of the advertisement (R. Kronau); this item must be of high quality since the manufacturer bears full responsibility for it: "A housewife should, if possible, insist that the manufacturer's name and address be on the packaging of the gloves she buys; this will give her a guarantee of the quality of what she buys because the reputation and existence of the manufacturer are at stake in this case." [15, p. 178]. Of great interest for his time was the work of Professor Hartung, who pointed out the need to take into account the "mental" characteristics of the nation. For example, he wrote the following about the national characteristics of Italians: "The Italian mostly lives by the mood, he is often ingeniously inventive and resourceful, and he lacks self-control, and stubbornness, which is inherent, for example, in the German" [15, p. 178]. And further: "An Italian is like a student to whom the same material should be explained several times" [15, p. 178].

It is also valuable that in his monograph, Koenig uses the term "energy imperative" in relation to advertising. This concept was introduced into scientific use by the Russian-German chemist V. Ostwald (1853–1932). The scientist developed the theory of "energetism," believing that everything that happens in the world should be perceived as an exchange of energy and a transition from one energy to another. Koenig means by the "energy imperative" the principle of creating advertising, according to which a balance of all semantic elements should be organized in an ad, poster, or leaflet. The "energy imperative" presupposes an optimal combination of content and decoration—only then, according to the researcher, can one count on the success of advertising. The balance of elements, such as font, color and light contrasts, drawings, ornamental motifs, multidirectional text, and letter discharge, plays a very important role. Thus, the drawing creates an installation (trigger) necessary for informing and, possibly, subsequent purchase, enhances visibility; the discharge between the signs facilitates the process of reading and perception. The font is essential: the Gothic fracture is immanent in German written culture and recalls the "black art" tradition founded by the printer I. Gutenberg.

The material for this study was ads published in the weekly Catholic magazine *Klemens*, which was published in Saratov from 1897 to 1907. A detailed periodical history is available on the Volga Germans website at the link (<https://lexikon.wolgadeutsche.net/article/154> (accessed 03/20/2025)).

Let's examine the graphic and text elements that organize a newspaper page (strip). Then, we'll turn to the newspaper's name, the so-called "cap" of the publication.

Fig.1. The header of one of the issues of the weekly *Klemens*

The frames on the left and right contain information about the frequency of the issue (every Wednesday). The cost per year is three rubles. The publisher's address is Saratov, Catholic Seminary, Krushinsky—Typolithography "G.H. Shelgorn and Co.," opposite the theater. The third issue, dated October 15, 1897, the first advertisement (Fig. 2) about Alexander Ivanovich Kerner's felt and spinning establishment was published. Below is the screenshot of the ad, which is a translation of the text.

Fig. 2. The announcement of A.I. Kerner, the owner of the felt-spinning workshop (<https://wolgadeutsche.net/uploads/newspaper-items/2/22.pdf>), p.16 (accessed 03/20/2025)

Felt and spinning establishment

Alexander Ivanovich Kerner

In Ekaterinenstadt (Baronsk)

I hereby inform you that in my workshop, all kinds of felt products are made by the best **German craftsmen** under careful supervision.

Wholesalers get a discount.

Postal address: c. Baronsk, Samara province, A.I. Kerner

Here is an advertisement for a spinning workshop that makes felt. Of the extralinguistic markers, a decorative frame around the text and arrows (which horizontally separate the name of the workshop and the owner's data) should be highlighted; using fonts of different sizes in the Gothic fractural style serves as a trigger for switching and focusing on the most critical information in advertising: in the part where the company name, address, and full names are given (the last name and patronymic of the owner). It is emphasized that the production is carried out by the best German craftsmen, which implies the high quality of the product. The peculiarities of the advertising discourse are reflected at the lexical level, in particular, in the use of phrases such as *Händler* (wholesalers) and the expression *Rabatt bekommen* (get a discount)". In the 6th issue of November 5, 1897, the announcement was published again, and then it was found with a certain frequency in subsequent weekly issues. In the same issue, along with the advertisement of Kerner's workshop, Mr. Borel's announcement was published about the transfer to him of the monopoly right to sell millstones to the company (Fig. 3.).

Fig.3. Announcement by A.E. Borel, the official representative of the French company

"Grande Société Meulière Dupéty et Cie", (<https://wolgadeutsche.net/uploads/newspaper-items/2/62.pdf>), p.16 (accessed 03/20/2025)

Borel Andrey Egorovich

Official Representative

Real French millstones

Dupety brands

Gentlemen mill owners, I hereby inform you that

that at the address on the corner of Bolshaya Sergievskaya and Solyanaya streets, in my
house, there is a **warehouse of millstones**.

You can purchase them with a full warranty.

If the purchased product turns out to be defective, we will fully compensate for its cost.;

The buyer has the right to do this for 3 full months from the date of purchase.

Axes weighing from 2 to 3 pounds of 1p. 80k are also available.

Lighter axes 60 kopecks. piece

Grinding chambers and so on.

Straps made of leather and camel hair.

I deliver the goods directly from abroad, so they come out cheaper and better.

Silk for top hats at the following prices:

No	00 and	23	Width in	2	-	19	Width in	1	80	The mailing of
----	--------	----	----------	---	---	----	----------	---	----	----------------

	0		vertices	-		vertices	-	orders for more
Nº 1	„	„	„	2	10	„	„	than 20 items
Nº 2	„	„	„	2	20	„	„	is at my
Nº 5	„	„	„	2	50	„	„	expense. For
Nº 6	„	„	„	2	60	„	„	smaller orders,
Nº 7	„	„	„	2	70	„	„	the invoice is
Nº 8	„	„	„	2	80	„	„	issued in the
Nº 9	„	„	„	2	90	„	„	recipient's
Nº 10	„	„	„	3	-	„	„	name.

Deliveries of goods not listed here are possible.

Address: Saratov, Andrey Egorovich Borel. Sarpin Store.

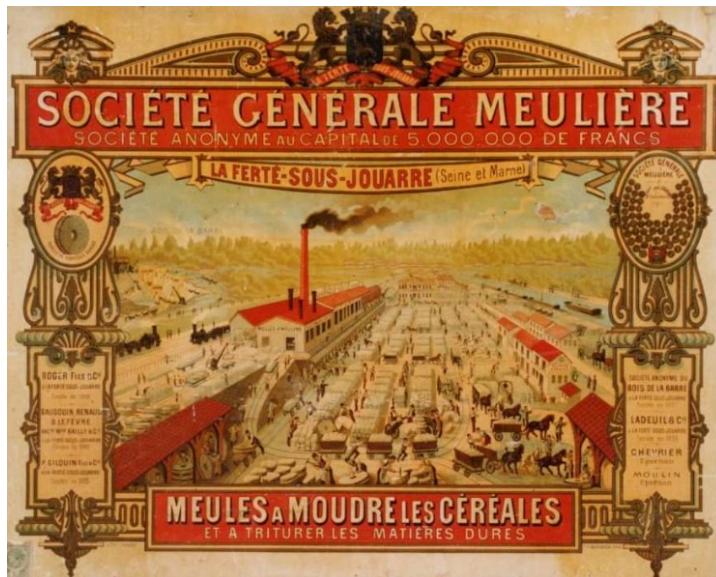
Telegram: Saratov, Andrey Borel.

In this publication, at the lexical level, the semantics of advertising is organized by words and expressions: *Alleiniger Vertreter* (official representative), *Herren Mühlbesitzer* (gentlemen mill owners), *Kufer* (m) (buyer), *Von Dupety* (from Dupety)—the brand name of the manufacturer, *Verkaufe mit voller Garantie* (the opportunity to purchase the product with a full warranty), *einen Mangel haben* (to have a defect), *bereit sein* (to be ready, in this case, to assume obligations), *mit voller Vergütung zurücknehmen* (to compensate the cost in full), *der Kufer hat das Recht* (buyer has the right), *Riemen aus dem Auslande erhalten* (to receive goods [belts] from abroad), *Lager halten* (to keep [have] a warehouse), *Bestellungen per Post* (postal shipments), *auf meine Rechnung* (at my expense), *bei kleineren Bestellungen die Postausgaben vom Käufer empfangen werden* (for small shipments, the invoice is billed to the buyer), *zu folgenden Preisen* (at the following prices).

Next, we will highlight the words and expressions describing the subject area and forming the lexico-semantic field "milling": *französische Mühlsteine* (French millstones), *lederne Riemen* (leather belts), *Kamelhaarriemen* (camel hair belts), *Zylinderseite* (silk for top hats), *Mühlkammern* (the grinding chambers). It should be noted that the adjective *die echten* (real) semantically emphasizes the quality of the goods offered; in the proposal on the conditions for the export of goods by an official representative (A.E. Borel), the comparative degree of the adjectives *billiger und besser* (cheaper and faster) is used, which, due to the decrease in cost, contributes to the growth of consumer attractiveness of millstones. Syntactically, the announcement uses constructions with the personal pronoun *ich* (I) (first-person narration), for example, *ich erhalte* (I hold, have), *ich bin bereit* (I am ready)—in cases where an official representative assumes responsibility for the quality of the goods and services offered for the sale of the French company's millstones. There are constructions using passive voice when it comes to the possibilities and conditions for the purchase of goods by customers (*vom Kufer empfangen werden*). We also note the presence in the price list table of the obsolete word *Werschok*, translated into German by transliteration and marking the ethnocultural realities of Russia, as well as the expression of value in the currency in circulation in the territory of sale (ruble, kopeck).

The artistic design of the ad deserves attention. An image of two hands with pointing fingers is added to the decorative frame with floral ornaments. At the same time, cuffs are depicted on the wrists, which in their design are very similar to the decoration of the sleeves of the clergy's vestments (in our case, representatives of Catholicism). I must say that some other advertisements contain such an element, which is explained, in our

opinion, by the symbolism of the weekly, which has a religious orientation and is aimed at the Germans of the Volga region, in one way or another connected with the confessional culture of Catholicism. This element is emphasized by horizontal lines, emphasizing the buyer's attention on an important message: the buyer's right to return goods of inadequate quality within 3 months. The primary information is highlighted in bold; the text in the table with the product range in the last column is not horizontal but vertical (multidirectional text). The trigger that attracts attention in the ad is the logo of the French company Grande Société Meulière Dupéty et Cie, and an image of millstones. Figure 4 also shows the company's own advertisement for Grande Société Meulière Dupéty et Cie.

4. Advertisement of the French millstone manufacturing company "Grande Société Meulière Dupéty et Cie"

As for the history of the manufacturing company, in its most concise form, it is as follows. The Société Generale Meulière, a French millstone manufacturing company, was founded in the small town of La Ferte-sous-Jouard in the Seine-et-Marne department near Paris. In this area, not far from the surface, two to 25 meters away, there are layers of silicon rock where the production of millstones in these places began in the Middle Ages. In 1664, the town already had its own large millstone seller. In 1884, the company " Société Generale Meulière" brought together six French manufacturers of millstones (including Dupéty and Roger fils), also known as G.S.M., who were making some of the highest quality mills in the world and were widely known and exported their goods to the UK, USA, Germany, Russia, etc. The industry's millstones flourished in 1900 (<http://moulinsdefrance.free.fr/pages/3tr02n51t6.htm> (accessed 03/20/2025)).

During the Second World War, the market for the production of millstones was greatly reduced. As a result, the company's production declined, and in 1958, G.S.M. was finally closed. On the advertising leaflet in black and white, you can read the company's motto: "Do not forget that the millstone is the soul of the mill, that is, the most important part of the mechanism!" (*Ne jamais oublier que la meule est l'âme du moulin, c'est-à-dire la partie la plus essentielle du mécanisme!*).

Another entrepreneur, A.A. Boke, is associated with the French company Grande Société Meulière Dupéty et Cie. His services are advertised repeatedly in the pages of the magazine *Klemens* (Fig.5).

Fig. 5. Advertisement of the Joint-stock company of the plant for the production of foundry and milling equipment "M.A. Yakulsky" Elizavetgrad (<https://wolgadeutsche.net/uploads/newspaper-items/2/54.pdf>), p.16 (accessed 03/20/2025)

Officially registered

Joint-stock Company of the foundry and Milling equipment Manufacturing plant

"M.A. Yakulsky" Elizavetgrad.

Representative in the East of Russia

A. A. Boke, Saratov.

Moskovskaya street, Borisov-Morosov house No. 70.

The company for the production, assembly and sale of equipment for the milling industry offers Mr. melnikov a wide range of:

French-made millstones from the most famous French factories.

Société Générale Meulière (Roger Fils et Cie) and Grande Société Meulière Dupéty et Cie

France, La Ferte sous Jouars.

Mobile mills.

Gaz-chiffon for cylinders at the following prices:

Nº	Nº	19	Vershok		23	Vershok		Nº	Nº	19	Vershok		23	Vershok			
00	1	Rub.	80	Cop.	2	Rub.	-	Cop.	7	2	Rub.	50	Cop.	2	Rub.	10	Cop.
0	1	"	80	"	2	"	-	"	8	2	"	70	"	2	"	85	"
1	1	"	90	"	2	"	20	"	9	2	"	80	"	3	"	95	"

-	-	"	-	"	-	"	-	"	-	"	-	"	-	"	-	"	-	"
5	2	,	20	,	2	,	50	,	10	2	,	90	,	3	,	10	,	
6	2	,	30	,	2	,	60	,	11	3	,	-	,	3	,	50	,	

Deliveries of goods not listed here are also possible.

A novelty! Custom roller machines that are perfect for your company. As well as grain cleaning machines, aspiration equipment, sorting machines, air blowing machines, crushers, cylinders, shaft caps, and sellers transmissions.

Turbine parameters are calculated separately depending on the amount of water used and the maximum possible exposure to soot.

Full equipment of oil mills. Hydraulic presses for working with raw materials.

A full warranty is provided for each machine. The price tag and estimated cost are provided free of charge.

Fig. 6. The announcement of the manufacturing company in France; fragment of the advertisement in the weekly magazine *Klemens* (from left to right) (<https://wolgadeutsche.net/uploads/newspaper-items/2/54.pdf>), p.16 (accessed 03/20/2025)

Considering the ad by A.A. Boke, we note that the logo in the entrepreneur's advertisement has an exact copy of the logo of the French manufacturing company (Fig.6). And, the frame repeats the grooves of the millstones themselves. From the point of view of artistic design, it has elements similar to the advertising of A.A. Borel: the logo of the Grande Société Meulière Dupéty et Cie company, a decorative frame with floral compositions located inside the frame, an image of hands on the left and right with pointing fingers (wrists in cuffs decorated with clerical vestments), here is an example with an enlarged image (Fig.7).

Fig. 7. Image of hands on the left and right with fingers pointing to a fragment of text

At the lexical level, the text of the advertisement is organized by the following expressions marking the business style: *Die Allerhöchst besttigte Aktien-gesellschaft* (officially registered Joint Stock Company), *in grosser Auswahl empfehlen* (to offer a wide range), *zu folgenden Preisen* (at the following prices), *Neuheit* (new), *Mühlenbau Compteur und Lager aller Muhlenbedarfsartikel* (company for the production, assembly, and sale of equipment for the milling industry). Next, we will highlight the words and expressions that form the lexico-semantic field (subject area) "equipment for the flour milling industry": *Transportable Mahlgönge* (mobile mills), *Seidenzyllergase* (gas chiffon for cylinders), *Getreidereinigungsmaschinen*, *Getreidebürstmaschinen* (grain cleaning machines),

Aspirationstarare (aspiration equipment), *Briezputzmaschinen* (air blowing machines)," *Walzenstuhlungen* (shaft caps), *Transmissionen nach dem System Sellers* (Sellers system transmissions, etc.).

The price list table uses, as in the previous announcement, the obsolete word *Werschok*; prices for items are indicated in the national currency of the Russian Empire in rubles and kopecks. From the text of the announcement, we learn that the production itself was located in Elizavetgrad, a district formed in 1776 on the territory of the Kherson region; the enterprise's name is the M.A. Yakulsky plant. Mill owners and manufacturers with creameries could order and purchase the equipment indicated in the advertisement by a Saratov representative at AA Boke, Saratov. Moskovskaya street, Borisov-Morozov house No. 70.

The information highlighted in bold is noteworthy, framed by the palms of the hands with pointing fingers on the right and left. As in the previous announcement, this image focuses on the warranty period of the equipment being sold. Russian ads by A.E. Borel and A.A. Boke indicate only the address of the representative offices; in later ads, all information was initially stated in two languages, German and Russian, for example, in the magazine *Unsere Wirtschaft*, and over time, flyers and posters were mainly in Russian, that is, the same can be said about the publication of ads. This trend testified to the entrepreneurial spirit of industrialists and manufacturers among the Volga Germans: business people understood that information presented in a language understandable to the indigenous population of Russia would contribute to flourishing trade and, ultimately, lead to the prosperity of the Gesheft. At the same time, the processes of linguistic assimilation were rapidly developing, as evidenced by later samples of polygraphy exhibited in one of the halls of the Saratov Museum of Local Lore, for example, the price lists shown in Fig.8.

8. The price list of the Russian society Shukkert and Co. (1), the price list for tools and hardware K.G. Treibal (2), the price list of the technical and mill-building office A.A. Borel (3)

Let's make a small comment. Figure 8 shows the price list of the Russian Society of Shukkert and Co., which contains a list of available items in Saratov stock. The cover of the price list shows a ceiling horn chandelier: the lighting device is made with ornate decorative elements, and the design of the document repeats the style of the chandelier on the cover thanks to floral arrangements. The company was engaged in the production of various electrical appliances. As a result of the merger of two plants, Shukkert and Co. and Siemens and Galske, a new electrical engineering company, Siemens-Shukkert, was formed in 1913. Russian engineers collaborated with German companies, as stated by the chairman of the Society of Electrical Engineers, A.L. Linev, at the General Meeting (November 30, 1914):

"Russian electrical engineers, with few exceptions, either served or were closely associated with German companies" (<https://famhist.ru/famhist/klasson/0010f3df.htm> [accessed 03/20/2025]).

Let's look at another ad published repeatedly in different issues of *Klemens* magazine.

9. Advertisement of the catalog of the factory of products made of nickel, bronze, and silver
<https://wolgadeutsche.net/uploads/newspaper-items/2/23.pdf>, p.12 (accessed 03/20/2025)

Catalog

Products made of nickel, silver, and bronze of the 84th grade presented:

The NORBLIN Joint-Stock Company, Buch and Werner in Warsaw, and the A. Krupp Berndorf Factory in Southern Austria.

Saratov, German street, Kuznetsov house, Nikolskaya corner.

A large and exquisite selection of church souvenirs	Big admission NEW PRODUCTS From Germany, Austria, England and France VARIETY OF PRODUCTS	Wedding sets made of silver and nickel silver
---	---	---

Made of 84-grade silver and nickel silver, which are suitable for decorating dining tables, receptions, restaurant interiors, and steamships.

CHURCH UTENSILS:

Bowls, wine jugs, candlesticks

All products are paid at factory prices. The corresponding discount
for churches and schools

From the point of view of decoration, the ad looks more like an invitation wedding card: the information is framed in a decorative frame with floral arrangements, different fonts of the Gothic fraction make a favorable impression, the letters are discharged and tilted, the list

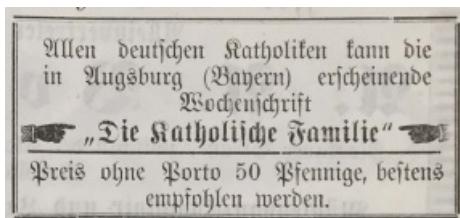
of goods is presented in two symmetrically arranged tables, with the keywords *Geschenken* (souvenirs) and *Heiratsausstattung*"(wedding sets) are shown in bold.

Linguistic tools include lexical tools representing the business sphere: *Fabrik-magazin* (catalog), *Aktien-gesellschaft* (joint stock company), *eine Masse von Neugkeite* (large influx of new products), *alle Waren werden zu Fabrikpreisen berechnet* (payment is made at factory prices), *entschprechender Rabatt* (corresponding discount). The discount offer uses a passive voice construction (*werden berechnet*). The announcement mentions the manufacturers' names of 84-grade silver, nickel silver, and bronze products. In addition to expensive tableware, manufacturers sold accessories for church rituals: bowls, wine jugs, and candlesticks. However, advertisements on the *Klemens* magazine pages did not only offer church utensils. Other advertisements were periodically published, which contained information about the possibility of purchasing religious literature, for example, as shown in Fig.10.

Fig.10. The announcement of the sale of the Roman Missal
<https://wolgadeutsche.net/uploads/newspaper-items/2/31.pdf>, p.16 (accessed 03/20/2025)

As you know, the Roman Missal (Latin: *Missale Romanum*) is the central liturgical book in the Roman Catholic Church, which sets out the basic rules of the Mass, as well as related texts: modifiable prayers, quotations from Holy Scripture, prescribed readings, the church calendar, notes for the performance of liturgical hymns and practical instructions for the clergy (<https://bigenc.ru/c/rimskii-missal-9c7163> [date of request 20.03.2025]), [\[19, 20\]](#). We will not dwell in detail on the extralinguistic markers in this example; they are easily recognizable and essentially repeat the elements in the previously discussed ads. The text informs about the release of the liturgical book of the 1896 edition, measuring seven by five *vershkov*, with an indication of new holidays. The edition has a beautiful binding and offset printing. The price without shipping is 21 rubles and 54 kopecks. For example, an advertisement for the sale of the weekly *Die katholische Familie* ("Catholic Family"), published in Augsburg (Bavaria), with a recommended price of 50 pfennigs (Fig. 11).

11. Announcement of the sale of the weekly newspaper "Die Katholische Familie"
<https://wolgadeutsche.net/uploads/newspaper-items/2/57.pdf>, p.15 (accessed 03/20/2025)

Conclusion

The growth of industrial production in the Saratov province revived the dynamics of the region's economic development, affecting almost all spheres of society. A unique role in this process was played by the activities of Volga German enterprises, which were distinguished by hard work and a high level of economic culture. Along with the development of industry, the possibilities of the printing industry increased: books and periodicals were produced in large numbers, one of which was the weekly *Klemens*, a religious magazine addressed to representatives of the Catholic faith. Most often, various advertisements were placed on the last page of the publication, which were clearly informative in nature and, in fact, were written evidence representing Volga Germans' contribution to the region's economic development. As you know, advertising is an integral part of the economic activity of any business entity: the Germans who settled in the Volga region adopted and broadcast the best practices of business from Germany, a country in which advertising had by that time taken shape as a separate phenomenon of business communication. The formation of advertising discourse also took place in the business environment of the Volga Germans, one of the written genres of which is an advertisement offering certain goods and services.

So, in the course of the research, we analyzed six of the most common ads, among which: the advertisement of A.E. Borel for the sale of millstones of the French company Grande Société Meulière Dupéty et Cie; A.A. Boke, who was engaged in the sale of equipment for oil and flour mills (plant A.M. Yakulsky); A.I. Kerner, the owner of the spinning mill, the felt factory. The advertisements of the catalog of metal products from leading German manufacturers and advertisements offering editions of the *Roman Missal* and the *Catholic Family* for sale were also investigated. Almost all the samples studied have a similar structure, formed by specific lexical means peculiar to the advertising discourse. The article presents a detailed analysis of German words and phrases, identifies transliteration cases, the use of obsolete words marking the historical era, and lexical units of the Russian language reflecting the socio-cultural realities of the Russian Empire. The semiotic space of ads is organized according to the principle of the "energy imperative," which ensures the balance of all elements, allowing the advertising creators to achieve the desired result and make their "product" successful. Among the extralinguistic markers of the advertising discourse in *Klemens* magazine, a graphic element should be highlighted: two palms pointing from the left and right with pointing fingers, the hands of which are depicted in the cuffs of the priesthood vestments. In our opinion, this technique is very symbolic. It indicates not only the most important information in the text of the advertisement but also emphasizes the affiliation of the posted ads to a religious magazine. An important role is played by the use of Gothic fracture as a style of typography, the roots of which go back to the tradition of printing by I. Gutenberg. Other artistic design techniques focus attention (logos) and make it easier to read (bold, letter spacing and tilt, multidirectional text).

Following the peculiarities of advertising discourse, the advertisements in the Catholic magazine *Klemens* represent an integral set of specific features and are characterized by a discursive speech system. The research conducted gives us every reason to recognize these ads as a separate genre of advertising discourse actualized in the business environment of Volga Germans.

Библиография

1. Bertholet A. Wörterbuch der Religionen. – Stuttgart, 1985. – 679 s.
2. Генералова Н.П. Религиозная жизнь как фактор сохранения национальной идентичности и родного языка первых Поволжских немцев-колонистов // Science Time. 2014. № 9. С. 67-71. EDN: STIKSV
3. Schweins J. Der Wandel der Textsorte Werbeanzeige - repräsentativ anhand von "Nivea".

- München: GRIN Verlag, 2019. – 32 s.
4. Heiser A. Textsorten der Werbung 1 // Wirkstoff Werbetext, edition 2, chapter 9. – Wiesbaden: Springer, 2022. P. 101-128.
5. Кёниг Т. Психология рекламы: ее современное состояние и практическое значение / пер. с нем. С.В. Кравкова. – М.: "Современные проблемы", 1925. – 271 с.
6. Veraksha A.A., Davidovich T.G. Werbung als besondere Textsorte, syntaktische und stilistische Mittel der deutschen und der belarussischen Werbung // Иностранные языки: инновации, перспективы исследования и преподавания: материалы II Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 21-22 марта 2019 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: Е. А. Пригодич (отв. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2019. С. 375-382.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с. EDN: UGQAMP
8. Auboussier J. La diversité en discours: contextes, formes et dispositifs // Mots. Les langages du politique. 2023. № 131. P. 9-26.
9. Maingueneau D. Chapitre 13 // L'espace du discours. Discours et analyse du discours. 2-е изд. 2021. P. 145-156.
10. Семухина Е.А. Специфические фраземы французского религиозного медиадискурса // Язык и мир изучаемого языка. 2020. № 10. – Саратов: ГАУ ДПО "СОИРО". С. 90-94.
11. Карасик В.И. О типах дискурса. Языковая личность: институциональный и персональный дискурсы. – Волгоград: Перемена, 2000. С. 5-20.
12. Ван Дейк Т.А. Язык, Познание, коммуникация. – М.: Прогресс, 2000. – 308 с.
13. Красных В.В. "Свой" среди "чужих": миф или реальность? – М.: ИТДГК "Гнозис", 2003. – 375 с.
14. Словарь иностранных слов / отв. ред. А.Г. Спиркин, И.А. Анчурин, Р.С. Карпинская и др. – М., 1987. – 624 с.
15. Шиндель С.В., Гюнтер Л., Рябова Г.В. Элементы визуальной коммуникации в традиционной культуре немцев Поволжья // Перспективные полимерные композиционные материалы. Альтернативные технологии. Переработка. Применение. Экология. Сборник материалов IX Международной конференции. Энгельс, 2022. С. 400-407. EDN: USCLAM
16. Плеве И.Р. Немецкие колонии на Волге во второй половине XVIII века. – Москва, 1998. – 448 с.
17. Герман А.А. Образы исторического прошлого как фактор формирования настоящего (на материалах истории российских немцев и их общественного движения в конце ХХ в.) // Ежегодник Междунар. ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2020. № 2 (8). С. 119-127.
18. Stumpf K. Die Russlanddeutschen: zweihundert Jahre unterwegs. – Stuttgart: Verlag Ladsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1993. – 147 s.
19. Шиндель С.В. Феномен национальной идентичности, представленный в пространстве визуальной коммуникации немцев Поволжья // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2023. Т. 25. № 89. С. 100-110. DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-100-110 EDN: QUVZDZ
20. Шиндель С.В., Маслова А.Н., Кошелева О.Н. Конфirmaция как жанр религиозного дискурса (на материале эго-документов лютеран колонии Брунненталь XIX-XX вв.) // Филология: научные исследования. 2025. № 2. С. 197-219. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.72957 EDN: OIQTQK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72957

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой работе являются дискурсивные особенности коммерческих объявлений, опубликованных на страницах католического еженедельника «*Klemens*» (1897-1907 гг.). Эмпирической базой послужили объявления, опубликованные в еженедельном католическом журнале «*Klemens*», издававшемся в 1897-1907 гг. в Саратове. Актуальность работы определяется, во-первых, возрастающим интересом научного сообщества к изучению лингвокультуры и языковой картины мира той или иной общности, в частности, немцев Поволжья, во-вторых, недостаточной изученностью рекламного дискурса как одного из распространенных видов институционального общения в совокупности с сопутствующими экстралингвистическими и психологическими факторами: «разноспектрное изучение письменных свидетельств позволяет обозначить его очертания, раскрыть специфику и своеобразие».

Теоретической базой научной работы послужили труды по разным аспектам дискурса и по рекламному дискурсу таких отечественных и зарубежных исследователей, как В. И. Карасик, В. В. Красных, И. Р. Плеве, Н. П. Генералова, Е. А. Семухина, С. В. Шиндель А. Н. Маслова, О. Н. Кошелева, А. А. Веракша, Т. Г. Давидович, К. Штумпп, Т.А. Вай Дейк, Т. Кёниг, J. Schweins, A. Heiser, J. Auboussier и др. Библиография насчитывает 20 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью («выявление специфических лингвистических и экстралингвистических маркеров, совокупность которых дает основание отнести данные объявления к жанру специфического стиля рекламного дискурса») и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, текстологический метод и интерпретативный анализ материала, компаративный и семиотический методы, методы лингвокультурологического и дискурсивного анализа, последний позволяет изучать дискурс и функционирующие в нем языковые единицы в совокупности с различными экстралингвистическими факторами.

В ходе исследования проанализировано 6 наиболее часто встречающихся коммерческих объявлений (реклама А. Е. Бореля по сбыту жерновов французской компании «*Grande Société Meulière Dupéty et Cie*»; А.А. Боке, занимавшегося продажей оборудования для предприятий маслобойни и мукомольного дела (завод А.М. Якульский); А.И. Кернера, владельца прядильно-войлокной фабрики), изучены рекламные объявления каталога изделий из металла ведущих производителей Германии, и реклама, предлагающая к продаже издания «Римский миссал», «Католическая семья»; представлен подробный анализ слов и словосочетаний на немецком языке, выявлены случаи транслитерации, использование устаревших слов, маркирующих историческую эпоху, а также лексических единиц русского языка, отображающих социокультурные реалии Российской империи. Сделан вывод о том, что в соответствии с особенностями рекламного дискурса, тексты объявлений в католическом журнале «*Klemens*» репрезентируют целостный комплекс специфических черт и характеризуются дискурсивно-речевой системностью; данные объявления можно признать отдельным жанром рекламного дискурса, актуализированного в деловой среде немцев Поволжья.

Теоретическая значимость и практическая ценность работы заключаются в ее вкладе в развитие теории дискурса вообще и в частности рекламного дискурса, а также в возможности использования ее результатов в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по языкоznанию, стилистике, по

лингвистике текста, теории дискурса, межкультурной коммуникации и социолингвистике. Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Работа выполнена в русле современных научных подходов. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, магистрантам и аспирантам профильных вузов и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Litera».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Бурнашева Л.Р. Проблема оценки качества языковой локализации компьютерной игры (на примере S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky) // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73809
EDN: YURNMV URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73809

Проблема оценки качества языковой локализации компьютерной игры (на примере S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky)

Бурнашева Лия Рафаэлевна

преподаватель; кафедра английского языка; Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

192238, Россия, Санкт-Петербург, ул. Фучика, 15

 burnasheva-liya@mail.ru

[Статья из рубрики "Перевод"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73809

EDN:

YURNMV

Дата направления статьи в редакцию:

23-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является качество языковой локализации видеоигр. Объектом является официальная англоязычная локализация S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky. В статье рассматривается разграничение понятий «перевод» и «локализация» в контексте теории перевода, анализируются их различия и пересечения. Языковая локализация видеоигр представляет собой не просто перевод текста, а адаптацию его к языковым, культурным и стилистическим особенностям целевой аудитории. Основное внимание уделяется выявлению проблемных аспектов адаптации игровых текстов для целевой аудитории, включая частотные ошибки и несоответствия, возникающие в процессе локализации. Рассматриваются типичные проблемы, такие как нарушение эквивалентности перевода, стилистическая несогласованность, избыточные добавления информации, а также ошибки, связанные с интерпретацией игровых реалий. Особый акцент сделан на анализе влияния переводческих трансформаций на восприятие текста и его соответствие оригиналу, что позволяет глубже понять специфику локализации в игровой индустрии. Цель исследования – разработка системы оценки качества языковой локализации компьютерной игры с последующей апробацией на примере официальной

англоязычной локализации S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky. В исследовании применяется анализ научно-практических источников, контекстно-семантический и сравнительно-сопоставительный анализ. Используется комплексный подход к оценке качества локализации, основанный на классификации переводческих ошибок В. Н. Комиссарова и системе переводческих трансформаций Э. Честермана. Проведён количественный и качественный анализ локализованных текстов. Научная новизна исследования заключается в разработке системы оценки качества языковой локализации, которая сочетает количественные и качественные критерии анализа. В результате анализа выявлены наиболее частотные ошибки: нарушение денотативной эквивалентности, стилистические несоответствия, избыточные добавления информации и отклонения от норм целевого языка. Полученные результаты подчёркивают необходимость стандартизации критериев оценки локализации, подтверждают необходимость разработки и внедрения строгих стандартов оценки качества локализации игровых текстов, а также более детальной адаптации оригинального содержания с учётом культурных и языковых особенностей целевой аудитории, что позволит переводчикам-локализаторам обеспечивать более точное соответствие перевода оригиналу и, следовательно, более качественный игровой опыт. Предложены варианты корректировки выявленных ошибок и сформулированы рекомендации по улучшению качества локализации игровых текстов.

Ключевые слова:

видеоигра, адаптация игрового текста, перевод, локаль, языковая локализация видеоигр, перевод vs локализация, оценка локализации видеоигр, ошибки локализации видеоигр, переводческие трансформации, переводческая стратегия

Введение

В современных условиях глобализации компьютерные игры стали значимым элементом мировой культуры, а их локализация – необходимым процессом, позволяющим адаптировать игровые тексты для различных целевых аудиторий. За более чем восьмидесятилетнюю историю развития как видеогровая индустрия в целом, так и языковая локализация в частности претерпела огромное количество изменений, тем не менее, до сих пор остаются нерешёнными вопросы объективной оценки её качества. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что несмотря на объективную потребность уже утвердившихся разработчиков и молодых компаний в качественной языковой локализации, её уровень остаётся достаточно низким, что приводит к необходимости в выявлении, систематизации и формализации критериев анализа и контроля качества. Кроме того, разработка вопроса оценки качества перевода и локализации видеоигр имеет многоплановое значение, затрагивая экономические, лингвистические, профессиональные и пользовательские аспекты. Так, повышение качества локализации с экономической точки зрения способствует коммерческому успеху видеоигр, укреплению репутации разработчиков и издателей на международном рынке; в языкоznании – позволяет совершенствовать методологию изучения перевода, уточнять критерии его эквивалентности и адекватности; с профессиональной позиции – способствует развитию переводческой отрасли и улучшению подготовки специалистов в данной сфере; для игроков – позволяет глубже погружаться в игровой мир, избегать искажения смысла и снижения эмоционального воздействия игры.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- соотнести понятия «перевод» и «локализация»;
- проанализировать существующие подходы к оценке перевода и локализации и определить перспективы их применения;
- выявить проблемные тексты игры S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky и провести качественный и количественный анализ на предмет характера и частотности ошибок;
- оценить применимость классификации переводческих трансформаций Э. Честермана для анализа видеоигровой локализации и выявить частотные трансформации;
- сформулировать рекомендации по повышению качества локализации видеоигр на основе выявленных ошибок и удачных решений.

Материалом исследования послужили 136 оригинальных русскоязычных текстов видеоигры S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky (2008) компании GSC Game World и их англоязычные локализации, выполненные компанией-разработчиком.

Теоретическую базу составили научные и прикладные исследования, посвященные изучению вопросов теории перевода, в частности, проблемам содержания переводческой деятельности и её взаимосвязи с языковой локализацией (Комиссаров, 1990; Esselink, 2000; Казакова, 2002; Сдобников, 2018; Sdobnikov, 2018; Ачкасов, 2019; Барышев, Сдобников, 2020; Чистова, 2020; Сенчук, 2021; Малёнова, 2022), трансформациям текста при переводе (Chesterman, 2016), а также проблеме оценки качества перевода и локализации (Павлова, 2012; Каширина, Крыкова, 2018; Борисова, 2024). Кроме того, в исследовании учтены онлайн-материалы отечественных локализационных компаний, что позволило получить актуальную практическую перспективу на процесс языковой локализации видеоигр (Красновид, 2017; Дубовой, 2018; Alconost, 2020).

В данной статье применяются следующие методы исследования:

- анализ научно-практических источников для выявления актуальных подходов к определению основных понятий исследования (перевод, локализация), их основных характеристик, а также изучения существующих подходов к классификации переводческих ошибок и оценке качества перевода и локализации;
- предпереводческий анализ для определения основных стратегий перевода и направления дальнейшего качественного и количественного анализа;
- контекстно-семантический анализ для изучения языковых единиц в исследуемых текстах;
- сравнительно-сопоставительный анализ для сравнения оригинальных и локализованных текстов;
- элементы количественного анализа для оценки частотности ошибок, успешных / неуспешных решений и балльного соотношения текстов.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения предложенной системы оценки качества локализации для дальнейших исследований в области перевода и адаптации видеоигр, а также в разработке методических рекомендаций для специалистов, занимающихся локализацией. Также исследование имеет потенциал применения в обучении переводчиков и локализаторов, так как предложенная система может быть применена как инструмент самоконтроля или

взаимной экспертизы на занятии.

Обсуждение и результаты

Компьютерные игры — это многомерные мультимодальные произведения, обладающие уникальным изобразительным и коммуникативным потенциалом, история которых начинается в 1939-1940 гг. За своё недолгое существование этот вид мультимедиа претерпел множество изменений, развил сложную жанровую систему, обрёл огромную аудиторию по всему миру. Современные компьютерные игры являются не только средством досуга, обучения, самосовершенствования и платформой для общения, но и культурными продуктами, которые создаются, в основном, за рубежом на английском языке. Объективная потребность в расширении аудитории и, следовательно, увеличении прибыли обуславливает необходимость адаптации для различных рынков, которую традиционно именуют локализацией.

Локализация – многоаспектный производственный процесс, включающий различные этапы, среди которых переводческая работа не на первом месте в смысле очерёдности, но зато, пожалуй, самая трудная и важная. Однако, прежде чем начнётся работа переводчиков, нужно пройти ещё несколько шагов в зависимости от некоторых условий. Так, например, игру может локализовать сам разработчик, тогда нужно выбрать между машинным или краудсорсинговым переводом, штатными переводчиками, фрилансерами или профессиональной локализационной компанией. В общих чертах можно обозначить следующие шаги как со стороны заказчика, так и исполнителя:

Так, заказчик:

- 1) анализирует рынок и выявляет страны, для которых требуется локализация игры;
- 2) готовит документы для перевода (локализационные таблицы, инструкции и т. д.);
- 3) при необходимости заключает договоры на выполнение локализации и пересыпает документы исполнителю.

Затем, когда документы уже попали к исполнителю, начинается подготовка к выполнению локализации:

- 1) в отдельных случаях извлекаются и систематизируются файлы, подлежащие переводу (если этого не сделал заказчик);
- 2) выбирается платформа (программа) для осуществления перевода, устанавливаются сроки, распределяется работа между переводчиками;
- 3) наконец выполняется перевод, редактирование и тестирование готового перевода. Этот шаг можно обозначить как непосредственно языковую локализацию;
- 4) после – происходит кастинг актёров, озвучивание текста, обработка звука;
- 5) и в итоге – сборка локализованной версии игры, её выпуск и продвижение. [\[8, 14\]](#).

Таким образом, языковая (межъязыковая) локализация является частью производственного процесса локализации. Кроме того, можно провести различие по областям знания: локализация – объект исследования теории локализации (Localization Studies), а межъязыковая локализация – объект теории перевода (Translation Studies) [\[13, с. 166\]](#).

Языковая локализация призвана преобразовывать иноязычный текст на языковом и культурном уровнях адекватно потребностям и ожиданиям целевой аудитории и с соблюдением нормативно-правовых, политических и прочих особенностей принимающей культуры. Берт Эсселинк, автор одного из первых и самых популярных определений локализации в сфере ПО, как раз отмечает важность двух аспектов – языкового и культурного: локализация – это «процесс лингвистического и культурного преобразования продукта для соответствия целевой локали (стране / региону и языку), в которой он будет использоваться и продаваться» [15, с. 3]. Понятие локали в современных источниках рассматривается не только в контексте региона и языка: границы локалей не всегда совпадают с географическими, культурными, языковыми и другими границами, они скорее определяются, помимо прочего, покупательской способностью, маркетинговыми, политическими, юридическими, этическими, гендерными и другими параметрами. Так, можно говорить о различных локалях: языковая, юридическая, культурная, географическая локаль и т. д. Локаль также можно понимать в узком и широком значениях: в узком значении это набор компонентов, требующих модификации в процессе локализации цифровых продуктов, а в широком – набор параметров целевого рынка, определяющих общую стратегию вывода продукта или бренда на новый рынок [1, с. 82–83].

В индустрии ПО, в том числе, развлекательного, понятие локализации используется синонимично переводу, однако между ними следует провести различие. Наиболее простое и ёмкое определение перевода принадлежит Т. А. Казаковой: перевод – это «преобразование сообщения на исходном языке в сообщение на языке перевода» [5, с. 9]. Иными словами, это межъязыковая трансформация текста оригинала с использованием определенных переводческих методов с целью получения переводного текста эквивалентного исходному [12, с. 137]. Так, перевод – это трансформация, преобразование оригинала в дублирующий его на другом языке продукт (транслят). Языковая локализация же не просто преобразование одного текста в другой, эквивалентный первому, а адаптация, приспособление оригинала к различным нормам локали-реципиента.

О явлении, похожем на локализацию, – адаптивном транскодировании – говорил ещё В. Н. Комиссаров. В то время как перевод выступает полноценной заменой оригинала на другом языке, адаптивное транскодирование выступает лишь особой репрезентацией содержания оригинала и представляет комбинацию двух последовательных преобразований – перевода и заданной адаптации текста [7, с. 48]. Однако при кажущемся сходстве адаптивного транскодирования и межъязыковой локализации, нельзя отождествить эти два понятия [13, с. 168]; межъязыковая локализация скорее включает в себя элементы перевода и приемы адаптивного транскодирования [13, с. 169].

Несмотря на, казалось бы, уже установившуюся практику употребления термина «локализация» в контексте преобразования видеоигрового контента, не утихают дебаты о необходимости различия языковой локализации и перевода, а тем более существования двух терминов в рамках теории перевода. Так как в процессе языковой локализации происходит, по сути, перевод текста игры с одного языка на другой, выражаются мнения об избыточности термина «локализация». Так, В. В. Сдобников выступает, пожалуй, главным противником этого термина и считает наивным мнение некоторых теоретиков и практиков, что перевод – это лишь воспроизведение когнитивной информации в той же форме, что и в исходном тексте, а локализация – отдельный процесс, направленный уже на культурную подстройку переводимого текста в

зависимости от особенностей применения переводимого текста или важности культурного фактора в его рамках. Между тем, в собственно переводе культурная подстройка для реципиента неизбежна и неоспорима – разница только в степени выраженности этой подстройки [17, с. 1495–1496], ведь перевод – это и лингвистический, и культурный трансфер текстов на языке оригинала в лингвокультурное пространство языка перевода [2, с. 19]. Таким образом, можно сказать, что качественный перевод также включает прагматическую адаптацию и принципиально ничем не отличается от локализации [11, с. 76].

Однако в контексте как минимум видеоигровой индустрии видится вполне уместным проведение такого различия, так как речь идёт о разной эквивалентности: при непосредственно переводе подразумевается эквивалентность содержания сообщения, а при локализации – эквивалентность уникального пользовательского опыта в рамках родной лингвокультуры [9, с. 73]. Немаловажным также представляется указать и на порой возникающую разницу в полноте текста, который в результате попадает к пользователю. Как отмечает И. В. Борисова, не всегда переведённый контент оказывается полностью интегрирован в конечный продукт [3, с. 193]. Такие изменения не редкость и для разных видов собственно перевода (реферирование, аннотирование, литературный пересказ и т. п.), однако в случае языковой локализации действует другая мотивировка: непосредственно содержание текстов или части оригинального нетекстового контента могут быть недопустимы для конечного пользователя, в связи с чем подвергаются замене или удалению в финальной версии. То есть языковая локализация может повлиять не только на текстовую составляющую, но и на сам игровой контент, который может быть частично изменён, заменён или удалён. При непосредственно переводе же не предполагается влияние продукта перевода на содержание и форму исходного текста, а отличия от оригинала в объёме и полноте обусловлены целью перевода.

Спорное положение межъязыковой локализации приводит к попыткам выявить её принципиальные отличия от других видов переводческой деятельности. Например, Е. В. Чистова приводит сравнение художественного перевода, отраслевого перевода и межъязыковой локализации по следующим параметрам:

- учёт культурных особенностей;
- учёт юридических аспектов;
- учёт потребностей рынка и маркетинговых стратегий;
- учёт стилистических особенностей;
- учёт визуальных элементов поликодовых текстов;
- учёт аудиальных и медийных компонентов мультимодальных текстов;
- адаптация шуток;
- распознавание языка программирования.

Так, межъязыковая локализация удовлетворяет всем из перечисленных параметров, в то время как художественный и отраслевой перевод удовлетворяют только некоторым из них (художественный перевод учитывает стилистические особенности и адаптирует шутки, а также редко учитывает культурные особенности и визуальные элементы

поликодовых текстов; отраслевой перевод учитывает только стилистические особенности и визуальные элементы) [\[13, с. 170\]](#).

На основании вышесказанного можно сформулировать следующие основные различия между локализацией как производственным процессом, языковой локализацией и собственно переводом:

1. Локализация как производственный процесс:

- состоит из множества этапов, лишь один из которых – языковая локализация.

2. Языковая локализация:

- включает собственно перевод, но выходит за его рамки за счёт изменения текстов в соответствии с юридическими, маркетинговыми и прочими требованиями целевого рынка;
- задействована в работе с мультимодальными текстами, в связи с чем помимо лингвокультурных особенностей учитывает аудиовизуальные компоненты;
- стремится к эквивалентности уникального пользовательского опыта;
- может приводить к изменению или сокращению переведённого текста и даже непосредственно игрового контента из соображений неуместности для целевой аудитории. В отдельных случаях может влиять на процесс создания игры.

3. Перевод:

- ориентирован на передачу содержания исходного текста без изменения его формы и структуры;
- стремится к эквивалентности содержания сообщения;
- не приводит к изменениям оригинального текста и нетекстовых компонентов;
- отличия в объёме и полноте от оригинального текста обусловлены целью перевода.

Таким образом, локализация охватывает весь процесс адаптации продукта к рынку, языковая локализация – это именно работа с текстами в рамках этого процесса, а перевод – это трансформация текста без дополнительных изменений в структуре контента.

Какое бы ни было отношение к языковой локализации в академической и профессиональной среде, существует объективная необходимость оценивать её качество и определённый перечень рекомендаций и требований к системе оценивания. Но прежде следует отметить следующую осложняющую особенность работы по локализации видеоигрового продукта – это частая невозможность «видеть полную картину», иными словами – вынужденная работа без деталей контекста. Поэтому оценка качества языковой локализации может проходить до выхода игры (предрелизная оценка), так и после выхода игры с учётом фактической обратной связи от игроков (пострелизная оценка).

Ещё не выработан единый общепринятый подход к оценке: специалисты предлагают разные параметры и их характеристики [\[6, с. 124\]](#). Однако можно выделить несколько рекомендаций при разработке подобной системы. Во-первых, нужно понимать, с какой точки зрения следует проводить анализ: лингвистической (в терминах переводоведения)

или общественной (с позиции игроков). Во-вторых, в основе эффективной системы оценки качества перевода должна лежать чёткая классификация переводческих ошибок, что позволит выявить отклонения от общепринятых норм перевода. Тем не менее, ввиду высокой вариативности способов передачи информации и творческого подхода к переводу нельзя назвать однозначно правильный или ошибочный вариант перевода. Кроме того, невозможно однозначно определить природу и момент появления ошибки [6, с. 125]. Среди требований к системе оценки качества перевода специалисты выделяют следующие: беспристрастность оценки незаинтересованным лицом, универсальность, понятная и точная классификация переводческих ошибок, конкретные критерии оценки, чёткая шкала оценок, применимость на практике [6, с. 126]. Дополнительно можно назвать технические требования соблюдения количества символов (для элементов пользовательского интерфейса, субтитров; могут различаться в зависимости от ограничений движка и региональных стандартов) и липсинка.

Однако, что касается беспристрастности, то, думается, любая оценка не может быть абсолютно объективной: даже обращение к формализованным способам оценки не может полностью устраниТЬ субъективность оценивающего, а также не решает проблему субъективности восприятия со стороны игрока. Например, оценивающий может быть никак не связан с оцениваемой локализацией и проектом в целом, тем не менее, на оценку будут влиять личные лингвистические и стилевые предпочтения, игровой опыт, культурные различия. Кроме того, предрелизовую оценку локализации не может производить лицо, не знакомое с общим процессом локализации, так как эта оценка будет непрофессиональной и во многом поверхностной. А в случае, если локализация прошла оценку специалиста и вышла в свет, она, несмотря на правильность, может быть сочтена ошибочной из-за несоответствия ожиданиям аудитории. Таким образом, абсолютно беспристрастная оценка качества видеоигровой локализации видится невозможной, однако к этому можно приблизиться за счёт привлечения квалифицированного независимого эксперта, использования формализованных критериев оценки, принятия во внимание уже существующих локализованных частей игры и прочих материалов, на которых может быть основана игра, а также анализа особенностей и ожиданий целевой аудитории.

Говоря об ошибках языковой локализации, специалисты из компании Inlingo Games называют следующие ключевые ошибки, определяющие её качество:

- 1) собственно ошибки перевода (непереведённый текст, ошибочный перевод, самовольные добавления переводчика);
- 2) языковые ошибки (на уровне грамматики, орографии, пунктуации, стиля);
- 3) пренебрежение рекомендациями (несоблюдение инструкций, правил работы на проекте, комментариев редактора, менеджера проекта или клиента);
- 4) ошибки в терминологии (интерфейс, глоссарий проекта, неоднородность);
- 5) технические ошибки (несоблюдение лимитов и т. п.);
- 6) кочующие смысловые ошибки (из-за «мостового» перевода, т.е. выполненного с помощью третьего языка-посредника) [4].

Уместно привести и типологию ошибок собственно перевода, предложенную В. Н. Комиссаровым:

- 1) грубое искажение содержания оригинала, дезинформирующее реципиента, которое происходит в результате ошибочного понимания текста на ИЯ;
- 2) неточная передача смысла оригинала, не искажающая его полностью;
- 3) снижение качества текста перевода как результат отклонения от стилистических норм ПЯ, использования малоупотребительной лексики и т. п., приводящие к искажению смысла оригинала;
- 4) нарушение обязательных норм ПЯ, не влияющие на эквивалентность перевода, но ставящие под сомнение общеязыковую культуру и грамотность переводчика [\[7, с. 241–245\]](#).

А. В. Павлова разработала более развёрнутую систему оценки качества перевода – многомерную матрицу критериев оценки перевода, состоящую из 13 требований к эквивалентности, обусловленной исходным дискурсом; 6 требований к эквивалентности, обусловленной принимающим дискурсом; параметра равноценной/неравноценной функциональности, обеднения / обогащения; параметра степени свободы переводчика. Эта детальная матрица описывает аспекты, влияющие на полноту и, в конечном счёте, качество перевода, на предмет которых можно проанализировать перевод, сравнивая и сопоставляя его с оригиналом. Эта матрица призвана если не избавить оценку от субъективности, то, по крайней мере, её минимизировать и повысить справедливость оценки [\[10, с. 36–38\]](#).

Подобные типологии ошибок можно дополнить балльными обозначениями в соответствии с «тяжестью» каждого из пунктов и на их основе проводить количественный (цифровой) анализ качества перевода (что описывал, например, В. Н. Комиссаров [\[7, с. 242\]](#)). Распределение баллов может варьироваться в зависимости от сложности проекта и личного опыта оценивающего, что вновь сопряжено с субъективностью, тем не менее, такой подход позволяет систематизировать оценку и обеспечить больший уровень объективности, чем, например, при отсутствии балльных обозначений.

Типология ошибок, предложенная Inlingo Games, подходит как для предрелизной, так и пострелизной оценки качества локализации, однако скорее ориентирована на самих переводчиков-локализаторов ввиду критерия о рекомендациях и инструкциях по работе с проектом. Матрица А. В. Павловой отлично подходит для глубокого пострелизного лингвистического анализа перевода, однако ввиду большого количества элементов и очевидно больших трудо- и временных затрат не может быть эффективным инструментом предрелизной оценки качества видеоигровой локализации, процесса, часто крайне ограниченного по времени. Поэтому на этапе предрелизного тестирования и оценки качества локализации представляется достаточным провести общую оценку качества перевода, для чего можно воспользоваться системой ошибок, предложенной В. Н. Комиссаровым; для пострелизной оценки также возможно базирование на типологии ошибок В. Н. Комиссарова.

В дальнейшем анализе фокус направлен на работу с непосредственно текстовым контентом без учёта технических и прочих организационных аспектов ввиду объективной невозможности погрузиться в реальные условия, в которых проходила работа с текстом видеоигры. В результате получается следующая система оценки качества перевода, в которой каждой категории присвоены балльные обозначения, а максимальная сумма баллов равна 7:

1. Грубые ошибки, приводящие к серьёзному искажению смысла оригинала (3 балла).

Самый критичный и многомерный тип ошибок, поэтому ему присвоено самое большое количество баллов в данной системе. Этот тип ошибок состоит из шести аспектов:

- нарушение денотативной эквивалентности;
- нарушение прагматической эквивалентности;
- неправомерное добавление или опущение информации;
- грамматическая ошибка;
- лексическая ошибка;
- неправильное прочтение или понимание оригинала.

(Дополнительно 3 балла можно поровну разделить между этими аспектами для более количественно точного анализа; в данном исследовании, однако, такого разделения не предусмотрено.)

2. Негрубые ошибки, неточности при передаче смысла оригинала, не связанные с серьёзными искажениями (2 балла).

3. Стилистические и прочие недочёты, приводящие к снижению качества перевода (1 балл).

4. Нарушение обязательных норм и узуза ПЯ (1 балл).

В рамках данной системы локализованные тексты с максимальным баллом 7 можно считать неэквивалентным и неадекватным переводом, а тексты, набравшие 0 баллов, можно считать адекватным переводом, учитывающим оригинальную прагматику и нормы ПЯ. Приведённую систему можно применять как для оценки перевода в целом, так и частных компонентов: перевода имён персонажей, топонимов, элементов интерфейса и т. п.

По описанной системе оценивания проанализирована официальная англоязычная локализация текстов видеог游 S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky, выполненная самой студией-разработчиком GSC Game World. Для проведения количественного анализа также была применена классификация переводческих трансформаций Э. Честермана, который выделяет следующие группы и трансформации: синтаксические (дословный перевод, кальки, транспозиции и т. п.), семантические (конверсии, синонимия, антонимия, гипо-, гиперонимия и т. п.), прагматические (культурная фильтрация, изменение уровня эксплицитности, частичный перевод и т. п.) [\[16, с. 91-109\]](#).

В результате анализа текстов игры S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky выявлено следующее: из 136 текстов игры, попавших в выборку, треть (46 текстов) являются адекватным переводом (получили 0 баллов), две трети же (90 текстов) признаны не вполне адекватными и эквивалентными оригиналу.

На категорию грубых ошибок приходится 46% всех ошибочных переводов, из которых 57% (25 текстов) – неправомерное добавление или опущение информации, примерно по 15% – нарушение денотативной эквивалентности и лексические ошибки (7 и 6 текстов соответственно); остальные 13% приходятся на нарушение прагматической эквивалентности (3 текста), неправильное прочтение оригинала (2 текста) и грамматические ошибки (1 текст).

Соотношение остальных категорий ошибок следующее: негрубые ошибки – 31% (29 текстов), снижение качества перевода – 21% (20 текст), нарушение обязательных норм ПЯ – 2% (2 текста).

Стоит проиллюстрировать вышеуказанные подсчёты. Из трети текстов, получивших 0 баллов в описанной системе оценивания, можно привести следующие примеры:

1. Семантическая трансформация:

«...Ну и мы всех встречаем-привечаем: **кого хлебом-солью, кого просто солью, а кого и свинцом**» / "...We welcome them all, only **some get the open-arms treatment, and some the feet-first kind**". В локализации реплики происходит замена пищевого компонента русского фразеологизма («хлебом-солью») и метонимии («встречать свинцом») на идиому с соматическими компонентами в английском языке ("open-arms treatment", "feet-first treatment"), что сохраняет необходимую коннотацию и придаёт динамики в переводе, так как задействует иные механизмы мотивировки.

2. Синтаксическая трансформация:

«Приветствую на Янтаре, **или в Дзинтарс!** Это мы так между собой его называем. Шутка юмора, да» / "Welcome to Yantar lake, **where you can catch a hake.** Ha-ha! You get it? It rhymes! Ha-ha!" В локализации нерелевантная для реципиента отсылка к латвийскому производителю парфюмерии и косметики Dzintars (в переводе – Янтарь), была компенсирована введением рифмованного каламбура, усиленного смысловым несоответствием: морская рыба хек не водится в пресной озёрной воде.

3. Прагматическая трансформация:

«... Ещё пара заброшенных деревень имеется, можно на выбор себе дом подобрать. **С соседями или без – это уж как повезет**» / "... Oh, there are also a couple of deserted villages where you can settle down in a home of your choice. **If you're lucky you'll even get an invisible roommate with tentacles and all**". В локализации происходит добавление информации, что обогащает реплику иронией и ненавязчиво предупреждает игрока о грядущих опасностях.

Необходимо проиллюстрировать и ошибки по приведённой классификации. Так, можно выделить следующие примеры самых частотных грубых ошибок (46%):

1. Неправомерное добавление информации (57%):

«А ты слыхал, чего "должане" с нами сделать похваляются? Стереть в порошок – это ещё по минимуму. Если честно, беспокоит меня это дело...» / "Have you heard what the Duty boys are saying they'll do to us? They're promising to grind us to dust, and that's just for starters. I'm pretty worried about the whole thing... **Especially given that they're said to have re-equipped themselves with some top-notch hardware**". В локализации оказывается добавлено целое предложение, не заявленное в оригинале и логически не выводимое. Добавление не несёт сколь-нибудь важной информации для игрока, более того может дезориентировать и к тому же без надобности увеличивает объём текста.

2. Нарушение денотативной эквивалентности (16%):

«Раньше Болота были спокойным местом: никто сюда не забредал, ничего интересного для искателей **хабара** здесь не было» / "The Swamps used to be a peaceful place. No one disturbed us, no one came looking for **artifacts**". В локализации наблюдается нарушение

референтной соотнесённости, что может привести к дезориентации игрока: «хабар», включающий артефакты, оружие и прочие предметы, в переводе превратился в "artifacts", что актуализирует только один из компонентов оригинального референта. Однако далее в текстах игры можно увидеть и лексемы "loot", "looting", поэтому не вполне ясно, почему переводчики, имея необходимые средства, не привели тексты к лексической однородности и денотативной точности.

3. Лексическая ошибка (14%):

«Что ещё... Ну, слышал, на Свалке нашли **схроны** старой техники, оборудование и прочее добро, которое ещё во времена аварии восемьдесят шестого года закапывали» / "Let's see what else... They found a **cache** of old vehicles, equipment and other goodies at the Garbage – stuff that dates back all the way back to 1986, the time of the original accident". В локализации налицо искажение текста с экстралингвистическими культурно-историческими реалиями: реальное кладбище заражённой техники лучше передать узульными "cemetery of radioactive vehicles" или "the Chernobyl car graveyard", так как использованное "cache", хоть и действительно имеет значение «схрон», но скорее обозначает некий тайник, что не вполне соответствует оригинальному смыслу.

Негрубые ошибки можно проиллюстрировать следующим текстом (31%):

«Первый раз на болотах? Тогда слушай меня. Прежде всего надо других людей опасаться, а уж потом монстров и **топких мест**. Держись камышей, тогда дольше проживешь» / "Your first time at the Swamps? Then you listen up. Above all else, it's the humans you gotta watch out for. Monsters and **quicksand** are a distant second. Stick to reed beds and you'll live longer". В локализации сочетание «топкие места» в данном случае (а также лексема «топи» в других) передано как "quicksand", что за счёт семантического компонента "sand" может привести к ложной ассоциации болот – равнинных, поросших травой топей – с зыбучими песками. Уместным будет замена "quicksand" на синонимы "bog" или "marshes" (последнее даже употребляется в других текстах рассматриваемой локализации). Видно, что ошибки этого типа хоть и не приводят к серьёзным искажениям, всё же влекут за собой неточное восприятие оригинальных смыслов.

Из стилистических и прочих недочётов можно выделить следующие яркие примеры (21%):

Название бара «Глоток свободы» получило дословный перевод "Gulp of Freedom". Денотативная эквивалентность сохранена, однако в контексте реализуется игра слов на основе названия бара: «... А уж если зайдешь в **«Глоток свободы»**, так **наглотаешься** вдоволь, это я тебе обещаю. Там тебя и пригреют, и накормят – а то и работёнку подкинут». В переводе эта игра слов утрачивается, и фраза звучит следующим образом: "... but if you wanna take a well-earned break, visit the **Gulp of Freedom**. The **Gulp** is known throughout the Zone for its generous servings, and it's a good place to pick up a job if you're up for it". Перевод можно сделать ярче, обогатить каламбуром, введя многозначную лексему "shot": это и выстрел, и глоток (то есть «рюмка» – "shot glass"). Полученное сочетание "Shot of Freedom" можно воспринять двояко: «Глоток свободы» и «Выстрел Свободы», при этом оба значения актуальны в контексте игры.

Многозначная в русском языке «Зона» (Зона отчуждения и жаргонное название пенитенциарного учреждения) не совпадает по семантике с англоязычным "Zone", отчего утрачивается игра слов в переводе и даже теряется смысл некоторых фраз. Например, на вопрос: «Что ты можешь рассказать о Зоне?» – персонаж отвечает

следующее: «Тебе о какой **зоне** рассказать? А, об этой... Ну, это и не **зона** вовсе, а рай земной для настоящего вора». В переводе же эта реплика принимает следующий вид: "Which **Zone** are you asking about? This one? This is just a children's playground compared to some other **joints** I've been in. A real paradise for a thief". Дополнительно за счёт лексемы "joint" Зона (отчуждения) приобретает негативную окраску. Объективно нельзя сохранить оба рефераента в переводе, поэтому имеет смысл заменить один из них, сохранив при этом игру слов и речевой портрет персонажа: "Which **Zone** are you asking about? A **Friend Zone**? Ha-ha! Well, listen, this **Zone** that we're in is a real paradise – a happy skimming ground for a thief. Ha-ha!"

В качестве примера нарушения норм и узуса ПЯ можно привести локализацию следующей реплики (2%):

«Эх, устал я из Зоны хабар таскать, с тварями да бандюганами за **место под солнцем** драться. Тут передышку небольшую себе устроил» / "Man, I'm tired. I'm tired of trying to get loot out of the Zone, tired of fighting monsters and tired of competing with bandits for **a place under the Sun**. I'm taking a little break here". Калькованное "a place under the Sun" следует заменить на грамматически верное "a place in the sun".

Приведенные примеры из сплошной выборки представляют «срез» локализации, то есть можно более-менее уверенно экстраполировать подсчёты на всю локализацию части.

Балльное соотношение среди 136 текстов локализованной версии S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky согласно приведённой системе оценки следующее:

- 33% (46 текстов) получили 0 баллов, что соответствует адекватному переводу без ошибок;
- 33% (45 текстов) получили 3 балла и 19% (26 текстов) – 2 балла, что примерно соответствует соотношению грубых ошибок и неточностей;
- 13% (17 текстов) были оценены в 1 балл, что соответствует стилистическим и прочим недочётам и нарушению обязательных норм и узуса переводящего языка;
- только примерно 2% текстов (2 единицы) получили в сумме 4 балла, что соответствует комбинации грубых ошибок и стилистических неточностей.

Учитывая полученное балльное соотношение, англоязычную локализацию S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky можно оценить как среднюю по качеству из-за наличия значительного количества грубых искажений и неточностей, а также утраты оригинальной выразительности. Важно отметить, что подобная оценка перекликается с критикой англоязычной локализации со стороны игроков, которые также указывают на стилистические несоответствия и слабую передачу атмосферы оригинала.

Соотношение переводческих приёмов и успешности результата в локализации как таковое не выявлено, однако можно однозначно сказать, что добавление или опущение информации (30% ошибок против 7% адекватного перевода) и приём синонимии (29% ошибок против 20% адекватного перевода) приводят к подавляющему количеству ошибок и неточностей в переводе. Среди остальных приёмов сильного расхождения в количестве адекватных и неадекватных (ошибочных) переведённых текстов замечено не было. В связи с этим вывод следующий: нет прямой связи между применяемыми переводческими приёмами и успешностью результата перевода. Однако очевидно, что вольное вмешательство в непосредственно содержание текстов, а также манипуляции с семантической составляющей на уровне слова могут и будут приводить к нарушениям

оригинального смысла, что в свою очередь в виду интерактивной и мультимодальной природы видеоигры влечёт комплекс других осложнений для игрока.

Подводя черту количественного анализа, стоит отметить потенциальные причины ошибочного перевода. Так, грубые ошибки и неточности стали результатом достаточно вольного подхода к переводу: многие тексты претерпели необоснованные добавления или опущения информации, а также замену оригинальных единиц синонимами, неуместными в контексте. Ранее было указано, что локализацией на английский язык занималась компания-разработчик; предположительно, это и стало причиной подобных манипуляций с содержанием текстов: локализаторы были погружены в детали сюжета, находились в контексте и проявили местами чрезмерную креативность (а местами, наоборот, недостаточно проработали оригинал, вероятно, также из-за уверенности в глубоком знании материала). То есть, нахождение в контексте необязательно приводит исключительно к положительным результатам, иногда оно, напротив, влечёт пагубные несоответствия оригиналу на многих уровнях – от лексического и стилистического до культурного. Нарушения норм и узуса ПЯ встречаются реже всего, так как их легко выявить и устраниТЬ, тем не менее их наличие, хоть и в малом количестве говорит, например, о нежелании сверяться со справочными материалами ввиду той же уверенности в своих знаниях.

В целом английская локализация справляется со основными задачами, но выглядит неаутентичной, сухой и даже неживой. Хотя фразеологические обороты, разговорные формулы и прочие маркированные выражения переданы формально-логическими эквивалентами, что позволяет понять оригинальный смысл, динамическая эквивалентность часто отсутствует. На это нередко дополнительно накладывается увеличение лексического состава в переводе, что утяжеляет текст, лишает его изящности и размывает содержание. В результате получается некое собрание стилистически достаточно разрозненных «полуакадемических» текстов, передающих речь хорошо образованных личностей (что фактически идёт вразрез с общим контекстом игры) с вкраплениями разговорных элементов. Подобный исход объясним: локализаторы не являются носителями английского языка. Тем не менее, ничто, думается, не мешало провести лингвистическое тестирование с привлечением носителей или нанять консультанта для помощи с локализацией, так как не стоит забывать, что в видеоигровой локализации точная передача фактической информации часто уступает в важности достижению необходимого pragматического эффекта [\[6, с. 125\]](#).

Заключение

Таким образом, проведённое исследование позволяет прийти к следующим выводам:

1. Соотнесение понятий «перевод» и «языковая локализация» показало, что второе охватывает более широкий спектр задач, включая адаптацию контента к культурным, техническим, юридическим и прочим особенностям целевой аудитории.
2. В ходе исследования были рассмотрены существующие подходы к оценке качества перевода и локализации, а также предложена адаптация системы ошибок В. Н. Комиссарова, дополненная балльными обозначениями, для повышения объективности при оценке качества локализованных текстов.
3. Качественный и количественный анализ текстов игры S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky продемонстрировал, что наиболее частотными ошибками являются неправомерное добавление информации, нарушение денотативной эквивалентности, стилистические несоответствия.

4. Классификация переводческих трансформаций Э. Честермана имеет потенциал применения для подобного анализа позволяет выявить некоторые паттерны (например, вольности в работе с содержанием оригинала, приводящие к неточностям и ошибкам в переводе), однако нельзя сделать однозначный вывод о взаимосвязи применяемых трансформаций и успешности их исхода.

5. На основе выявленных ошибок и удачных решений сформулированы следующие рекомендации по оценке качества языковой локализации, которые определяют перспективы для дальнейшего изучения:

- изучение различий в подходах к локализации на различные рынки и выявление универсальных и специфических проблем;
- разработка единого методологического подхода к оценке качества локализации видеоигр, отдельных подходов для разных жанров или рынков;
- формулирование более чёткого понятия переводческой ошибки и их разновидностей;
- внедрение в систему оценки следующих критериев для более глубокого анализа: «соответствие существующим реалиям», «соответствие ожиданиям целевой аудитории», «естественность речи» / «аутентичность текста», «удобство восприятия», «однообразие терминологии», «учёт количества символов», «удобная длина отображаемого субтитра», «соблюдение липсинка» и т. п.;
- составление таблиц / документов с классификацией и описанием наиболее частотных ошибок в каждом жанре для учёта в будущих проектах;
- возможно, внедрение автоматизированной оценки с помощью искусственного интеллекта;
- привлечение носителей языка к проведению предрелизного тестирования локализованных версий игр.

Таким образом, исследование подтверждает необходимость разработки стандартизованных методик оценки качества языковой локализации, тем не менее вслед за К. Ю. Кашириной и И. В. Крыковой, на данный момент можно прийти только к одному выводу: пока трудно представить систему оценки качества перевода и языковой локализации, которая была бы полностью четкой, объективной и универсальной [\[6, с. 129\]](#). Даже когда она появится и будет учитывать всё многообразие факторов, решающее слово останется за игроками.

Библиография

1. Ачкасов А. В. Англоязычная терминология локализации // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2019. – № 194. – С. 80-88. EDN: UDMNZT
2. Барышев Н. В., Сдобников В. В. Культурный код в аспекте переводческой деятельности // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2020. – Спецвыпуск. – С. 18-31. DOI: 10.47388/2072-3490/Iunn2020-si-18-31 EDN: KAZOWM
3. Борисова И. В. Выбор переводческих решений при локализации видеоигр // Российский социально-гуманитарный журнал. – 2024. – № 3. – С. 188-206. URL: www.evestnik-mgou.ru. DOI: 10.18384/2224-0209-2024-3-1503 EDN: KRVOVU
4. Дубовой С. Что такое локализация и чем она отличается от перевода? [Электронный ресурс] // DTF. – URL: <https://dtf.ru/flood/21327-chto-takoe-lokalizaciya-ichem-naotichaetsya-ot-perevod> (дата обращения: 15.02.2025).
5. Казакова Т. А. Практические основы перевода. English – Russian: Учебное пособие. / Т. А. Казакова. – СПб.: Лениздат; Издательство "Союз", 2002. – 320 с.

6. Каширина К. Ю., Крыкова И. В. Оценка качества перевода при локализации компьютерных игр нового поколения // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. – 2018. – Т. XV. Вып. 1. – С. 124-130. EDN: YWIXYT
7. Комиссаров В. Н. Теория перевода (Лингвистические аспекты) / В. Н. Комиссаров. – Москва: Высшая школа, 1990. – 253 с.
8. Красновид В. Перевод и озвучка игр: пособие для начинающих // Overclockers.ru. – 2017. – URL: <https://overclockers.ru/lab/show/85979/perevod-i-ozvuchka-igr-posobie-dlya-nachinajuschih> (дата обращения: 15.02.2025).
9. Малёнова Е. Д. Перевод vs локализация: терминологическая дилемма или естественная интеграция? // Вестник НГЛУ. – 2022. – № 1 (57). – С. 59-77. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-59-77 EDN: WVQQME
10. Павлова А. В. Оценка качества перевода // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. – 2012. – № 6 (45). – С. 18-39.
11. Сдобников В. В. Новые тенденции в переводоведении // Казанский вестник молодых учёных. – 2018. – № 4 (7). – С. 72-79. EDN: YNGCLR
12. Сенчук А. Н. Определение термина "перевод" в лингвистике // Идеи. Поиски. Решения. – Минск: БГУ, 2021. – С. 133-138.
13. Чистова Е. В. Теоретический статус межъязыковой локализации как особого вида переводческой деятельности // Культура и текст. – 2020. – № 3 (42). – С. 161-175. DOI: 10.37386/2305-4077-2020-3-161-175 EDN: QEHPOR
14. Alconost. Как локализовать игру? Пошаговое руководство [Электронный ресурс] // Habr. – URL: <https://habr.com/ru/companies/alconost/articles/527292/> (дата обращения: 15.02.2025).
15. Esselink B. A Practical Guide to Localization. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 488 p.
16. Chesterman A. Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. – 225 p.
17. Sdobnikov V. V. Translation vs Localization: What's the Difference? // Journal of Siberian Federal University Humanities & Social Sciences. – 2018. – № 11 (9). – Р. 1487-1498. DOI: 10.17516/1997-1370-0317 EDN: YLJQAH

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена проблеме оценки качества языковой локализации компьютерной игры. Предмет исследования достаточно актуален в силу того, что «несмотря на объективную потребность уже утвердившихся разработчиков и молодых компаний в качественной языковой локализации, её уровень остаётся достаточно низким, что приводит к необходимости в выявлении, систематизации и формализации критериев анализа и контроля качества». Кроме того, «разработка вопроса оценки качества перевода и локализации видеоигр имеет многоплановое значение, затрагивая экономические, лингвистические, профессиональные и пользовательские аспекты». Материалом исследования послужили 136 оригинальных русскоязычных текстов видеоигры S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky (2008) компании GSC Game World и их англоязычные локализации, выполненные компанией-разработчиком.

Теоретической базой научной работы послужили труды таких российских и зарубежных ученых, как В. Н. Комиссаров, А. Н. Сенчук, Н. В. Барышев, В. В. Сдобников, Е. В. Чистова, А. В. Павлова, К. Ю. Каширина, И. В. Крыкова, B. Esselink, A. Chesterman и

др., посвященные изучению вопросов теории перевода, проблемам содержания переводческой деятельности и её взаимосвязи с языковой локализацией, трансформациям текста при переводе, а также проблеме оценки качества перевода и локализации. Важно, что в исследовании учтены онлайн-материалы отечественных локализационных компаний, что позволило получить актуальную практическую перспективу на процесс языковой локализации видеоигр. Библиография статьи насчитывает 17 источников, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями.

Методология проведенного исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы анализ научно-практических источников для выявления актуальных подходов к определению основных понятий исследования (перевод, локализация), их основных характеристик, а также изучения существующих подходов к классификации переводческих ошибок и оценке качества перевода и локализации; предпереводческий анализ для определения основных стратегий перевода и направления дальнейшего качественного и количественного анализа; контекстно-семантический анализ для изучения языковых единиц в исследуемых текстах; сравнительно-сопоставительный анализ для сравнения оригинальных и локализованных текстов; элементы количественного анализа для оценки частотности ошибок, успешных / неуспешных решений и балльного соотношения текстов и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования решены поставленные задачи исследования; проведено сравнение между локализацией как производственным процессом, языковой локализацией и собственно переводом; выявлены ошибки языковой локализации; проанализирована официальная англоязычная локализация текстов видеоигры S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky, выполненная самой студией-разработчиком GSC Game World; сделан ряд существенных выводов относительно соотношения понятий «перевод» и «языковая локализация», существующих подходов к оценке качества перевода и локализации, качественного и количественного анализа текстов игры S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky. Сформулированы рекомендации по оценке качества языковой локализации, которые определяют перспективы для дальнейшего изучения.

Теоретическая значимость работы обусловлена ее вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с языковой (межъязыковой) локализацией. Практическая значимость исследования неоспорима и заключается в возможности применения предложенной системы оценки качества локализации для дальнейших научных изысканий в области перевода и адаптации видеоигр, а также в разработке методических рекомендаций для специалистов, занимающихся локализацией. Полученные результаты могут применяться в подготовке переводчиков в области языковой локализации.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль изложения соответствует требованиям научного описания и характеризуется оригинальностью и логичностью, доступностью и высокой культурой речи.

Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Мясищев Г.И., Бурмистрова Е.А., Манжуров Е.В., Ивченко У.С., Ковалева О.С. Феномен "рунглиш" и его влияние на современный язык молодежи (опыт контент-анализа коммуникации в социальных сетях) // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.70667 EDN: YZCJUW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70667

Феномен "рунглиш" и его влияние на современный язык молодежи (опыт контент-анализа коммуникации в социальных сетях)

Мясищев Георгий Игоревич

кандидат филологических наук

доцент, кафедра "Интегративная и цифровая лингвистика", Донской государственный технический университет

34000, Россия, г. Ростов-На-Дону, Гагарина, 1, оф. 8603а

✉ georgy-2583@yandex.ru

Бурмистрова Елизавета Артемовна

магистр; кафедра "Интегративная и цифровая лингвистика", Донской государственный технический университет

34000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ novik1915@ya.ru

Манжуров Евгений Владимирович

магистр, кафедра Интегративная и цифровая лингвистика, Донской государственный технический университет

34000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ geg33@rambler.ru

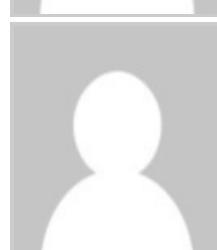

Ивченко Ульяна Сергеевна

магистр, кафедра Интегративная и цифровая лингвистика, Донской государственный технический университет

34000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ geg75@rambler.ru

Ковалева Ольга Сергеевна

магистр, кафедра Интегративная и цифровая лингвистика, Донской государственный технический университет

34000, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, ул. Гагарина, 1

✉ geg72@rambler.ru

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.70667

EDN:

YZCJUW

Дата направления статьи в редакцию:

06-05-2024

Аннотация: Предметом исследования является степень влияния «рунглиша» (смешения русского и английского языка в речи) на коммуникацию современной молодежи. Объектом исследования является разговорная речь современной молодежи как в реальной жизни, так и в виртуальной. Вестернизация и западная культура, поглощающая русский язык, все больше оказывает влияния на речь и лексический запас среди молодого поколения, поэтому эта проблема должна быть рассмотрена как в структуре живого общения, так и в Интернете. Целью исследования является изучение влияния "рунглиша" на молодежный современный язык. Задачами выступают изучение работ ученых на тему "рунглиш", опубликованных до данного момента, а также изучение социальных сетей. Цели и задачи определяют методы исследования.

Методами исследования являются контент-анализ и наблюдение. Такой метод как контент-анализ, позволяет выявить наиболее частотно-употребляемые лингвистические единицы, используемые молодёжью и относящиеся к понятию "рунглиш". В то время как метод наблюдения позволяет составить языковой портрет современной молодежи. Новизна данной работы заключается в исследовании изменений лексического запаса молодого поколения, произошедших относительно недавно, и появление новых сленговых выражений, относящихся к "рунглишу". Достигнутые результаты исследования позволяют определить влияние английских слов и выражений на формирование сленговых конструкций и изменение речи современных носителей русского языка. Выявить возрастной аспект изменений в наиболее пассионарной и социально активной группе, определить дальнейшие тенденции этого явления. Выявленные в ходе исследования социальных сетей англицизмы, позволяют составить языковую картину современной молодежи и пополнить список новых сленговых выражений, пришедших из английского языка. Полученные выводы могут быть полезными для дальнейших исследований в области социальных языков, в частности сленга как молодежного жаргона.

Ключевые слова:

коммуникация, лексикология, речевое поведение, сленг, социальный диалект, лингвокультурология, речевой портрет, социальные сети, стилистика, контент-анализ

Язык – это динамичная и постоянно развивающаяся сущность, постоянно адаптирующаяся к потребностям и желаниям своих носителей. Нигде это не проявляется так очевидно, как в русском языке, который на протяжении всей своей истории претерпел значительные изменения. Хотя на развитие языка повлияло множество

факторов, одной из самых мощных сил, формирующих язык сегодня, несомненно, является популярная культура. На сегодняшний момент велико влияние английского языка на сленговую культуру молодого поколения. Любой язык, конечно, символичен. Сленг, однако, представляет собой особый случай. Он передает формальные значения неформальным образом, а также может символизировать целый ряд убеждений и/или взглядов субкультуры [\[4\]](#).

Рассмотрим само понятие сленг. В последнее время представители различных гуманитарных наук проявляют особый интерес к данному понятию с целью более глубокого изучения молодежной субкультуры. Разнообразие в подходе к данной теме велико, поэтому такие исследователи как А. А. Арутамова [\[1\]](#), Т.О. Жаркова [\[2\]](#), О.В. Кубаева [\[3\]](#), Т. В. Мизюрина [\[4\]](#), Т. А. Петриченко [\[5\]](#) и другие рассматривают особенности формирования и функционирования сленга с разных сторон. В таких работах часто подчеркивается его гибкость, динамичность развития, частая изменчивость, а также его функция отражения современных тенденций различных субкультур. [\[6-8\]](#) Большое распространение получило определение, данное В. А. Хомяковым: «сленг - это относительно устойчивый для определенного периода, широко употребительный, стилистически маркированный (сниженный) лексический пласт (имена существительные, прилагательные и глаголы, обозначающие бытовые явления, предметы, процессы и признаки), компонент экспрессивного просторечия, входящего в литературный язык, весьма неоднородный по своим истокам, степени приближения к литературному стандарту, обладающий пейоративной экспрессией [\[6, с. 32\]](#).

Арутамова Ася Артавазовна в своей статье: «Современный молодежный сленг и особенности его функционирования» предлагает следующую трактовку понятия «сленг»:

Сленг является своеобразным способом выражения отношения к явлениям и трансформациям общественного развития [\[1, с. 13\]](#).

Появление Интернета произвело революцию в общении и оказало глубокое влияние на язык [\[9-11\]](#). Платформы социальных сетей, онлайн-форумы и приложения для обмена мгновенными сообщениями предоставили благодатную почву для лингвистических инноваций и создания новой лексики. Такие аббревиатуры, как «LOL» (громкий смех) и «OMG» (о боже мой) стали обычным явлением в повседневной речи, выйдя за пределы цифровой сферы и войдя в общепринятое использование языка [\[3,12,13\]](#).

Интернет также породил мемы, которые стали значительным культурным явлением. Эти визуальные и текстовые представления общего опыта часто используют язык творческим и неожиданным образом. Мемы по своей природе основаны на общих культурных отсылках и шутках, что приводит к созданию новых слов и фраз, которые быстро распространяются в популярной культуре. Влияние мемов на английский язык невозможно переоценить, поскольку они продолжают формировать лингвистические тенденции и влиять на то, как мы общаемся [\[14-16\]](#).

Так, английский язык оказывает все большее влияние на русский язык, как в повседневной речи, так и в письменных текстах различных жанров [\[16-18\]](#). Цель эмпирического исследования данной статьи – выявить влияние рунглиша на современный молодежный язык. Исследование позволит получить новые данные о влиянии английского языка на русскую речь.

Анализ фактического материала осуществляется на основе традиционных и новейших

методов лингвистического исследования. Среди них такие приемы, как наблюдение, описание, контент-анализ. На основе опроса были выявлены количественные употребления сленга, использующегося в повседневной речи в различных коммуникативных ситуациях.

Ожидаемые результаты:

- Выявить наиболее употребляемые слова и выражения «рунглиша» в сленге современной молодежи и степень их преобладания.
- Дать портрет современного человека, говорящего на «рунгише».
- Выявить причины использования английских слов в речи.

Процесс исследования начался с определения степени использования английских слов и выражений среди носителей русского языка разных возрастных групп. Для этого был проведен опрос, в котором участвовали представители разных возрастных групп (всего 23 человека). Использовались открытые вопросы, позволяющие респондентам свободно высказывать свое мнение и представление о степени использования английских слов в их речи.

В результате исследования было обнаружено, что молодые люди в возрасте до 25 лет чаще всего используют английские слова и выражения в своей речи. Они считают их модными и привлекательными, и поэтому активно внедряют их в свой словарный запас. Среди людей старше 25 лет наблюдается более умеренное использование английских слов, но они все равно в значительной степени присутствуют в их речи.

Проанализировав данные, также выяснилось, что многие молодые люди отдают предпочтение «сленговому» языку, поскольку он облегчает и ускоряет общение. Люди пожилого возраста наименее используют сленговый язык за счет меньшей коммуникации с современными технологиями. Результаты также показывают, что, хотя молодые люди заинтересованы в включении «сленга» в нормы русского языка, они чувствуют, что это ослабляет язык и уменьшает их способность мыслить более широко и запоминать, как писать определенные слова. Сленговые слова, используемые подростками и молодыми людьми до 25 лет, обладают определенными характеристиками [\[5, с.107;19;20\]](#), среди которых наиболее распространены следующие:

- 1) Слэнг, который они используют, соответствует высоким стандартам по той причине, что группы с более высоким статусом иногда пытались затруднить копирование.
- 2) Чем выше будет стандарт, тем меньше будет вероятность выучить или подражать жаргонным словам, которые являются символом гордости для подростков.
- 3) Подросткам легче понять и полностью овладеть сленгом, поэтому таким образом они способны развивать свой собственный «стиль», который делает их «универсальными» среди других товарищей и друзей. Вероятно, таким образом им удается выстроить собственный имидж перед противоположным полом.

Несмотря на то, что официально слэнг не вошёл в нормы русского языка, он широко используется многими людьми, особенно современной молодёжью и некоторыми пожилыми людьми.

Также мы провели контент-анализ, направленный на выявление основных тенденций в использовании английских слов и выражений в сленге русской молодежи. Был

проанализирован корпус текстов, включающий в себя публикации нескольких сообществ социальной сети «ВКонтакте», а также комментарии молодых пользователей под ними. А точнее, за основу были взяты сообщества: «VOG IS MY RELIGION» [8.04.24], «Рифмы и Панчи» (10.04.24), «ВПШ» [15.04.24], «Female memes» [6.04.24]. В ходе исследования было выявлено 530 слов, входящих в понятие рунглиша. В результате проделанной работы выяснилось, что английские слова и выражения широко используются в текстах социальных сетей, где они позволяют выразить себя более точно и кратко («OMG, просто это был самый лучший день в моей жизни!»). Самыми употребляемыми оказались слова и образованные от них понятия: «хайп» - шумиха/что-то крутое (34), «кринж» - стыд за кого-либо/что-либо (31), «хейт» - ненависть, негативные высказывания (28). В наши дни они популярны и используются как признак принадлежности к какой-либо группе. А в пласт редких вошли понятия, обозначающие определенный круг пользователей (зумеры – представители поколения Z, к которому традиционно относят людей, родившихся между 1997-2012 годами; бести – лучшая подруга, косплеер – человек, преображающийся в образ какого-либо персонажа, селеба – популярный человек, звезда) или являющиеся заменой русских слов, также не часто употребляемых в речи или только при необходимости (кэш - деньги, фотошоп - любой фоторедактор/измененное фото; траблы - проблемы, стайл - стиль).

В итоге, если мы говорим про англоязычное влияние на сленг, то мы можем сделать основной вывод, что английский язык, в первую очередь, оказывает влияние на формирование сленга среди молодежи. Многие выражения и слова из английского языка становятся популярными и употребляются в неформальных разговорах. Более того, некоторые английские слова претерпевают некоторые изменения при переходе в русскую речь, а также от них образуются новые понятия, даже не существующие в коммуникации носителей английского языка. (агриться – от английского слова *agress*, который переводится как «нападать, выражать агрессию». Также в русской речи от него образованы слова: агро, агрик – агрессивный человек, агрошкольник – агрессивный ребенок, используется как оскорбление; заагриться – разозлиться)

Анализ полученных данных в ходе анкетирования позволяет выявить следующие тренды и различия в использовании английских слов и выражений:

- Молодежь активно использует английские слова и выражения в повседневной речи, выделяя их как модные и стильные элементы: «Корпоративы всегда очень интенсивные, они же как *team building*.»
- Взрослые люди часто использовали английские слова и выражения в профессиональном контексте, чтобы подчеркнуть свою компетентность в соответствующей области: «В данный момент мы работаем над проектом в формате аутсорсинга».
- Пожилые люди проявляют относительно низкую грамотность в использовании английских слов и выражений, обратившись к русским эквивалентам.

Сравнение результатов анализа текстов публикаций в социальной сети показывает следующие тенденции:

- Сленговые выражения на английском языке широко используются в различных текстах, особенно в разговорной речи и интернет-коммуникации, что отражает влияние английского языка в повседневной жизни. Пример: «На вечеринке был такой крутой *vibe*, что все просто оторвались!»

- Иногда английские выражения служат лишь заменой фразам с русским происхождением, однако чаще они используются для обозначения приспособления к какой-либо группе или проявления собственной индивидуальности.

По своей природе сленг постоянно меняется под воздействием различных факторов, таких как социокультурные изменения и прогресс, технологическое развитие и средства массовой информации, процесс аккультурации и глобализации, эволюция и естественное развитие языка. Язык по своей природе динамичен. Каждый язык меняется, модифицируется и развивается с изменением социальной структуры, культурных ценностей и норм, коммуникативных потребностей, поведения и стратегий, способов общения и т. д. с течением времени. Поскольку эволюция языка представляет собой непрерывный процесс, в котором слова изменяются по своей структуре и функциям, некоторые из них вымирают из-за отсутствия или уменьшения их использования среди членов речевого сообщества, и в то же время в словарь входит много новых слов, способствующих обогащению словарного запаса языков. Новые слова и фразы пополняются в список слов посредством различных процессов словообразования.

Естественно, сленг зависит от языка и культуры. Но с развитием электронных коммуникаций, в частности Интернета и мобильных телефонов, сленг нашего языка и культуры переходит в другой язык и культуру. В мультикультурной и многоязычной среде частота смешения сленга с языком высока.

Опираясь на проделанную работу и вышеперечисленные факты, можно сделать вывод, что «крунглиш» преобладает в языке современной молодежи и используется как основное коммуникативное средство. Причиной особенно частого употребления английских слов в речи среднего представителя русской молодежи является желание соответствовать новому времени, проявить свою индивидуальность или указать на принадлежность к какой-либо группе.

Библиография

1. Арутамова А. А. Современный молодежный сленг и особенности его функционирования. 2006, с. 13.
2. Жаркова Т.О. О сленге современной молодежи / Т.О. Жаркова // Иностранные языки в школе. – 2005. № 1. – С. 96-100.
3. Сумцова, О. В. Влияние английского языка на формирование компьютерного сленга в русском языке / О. В. Сумцова, Т. Ю. Шевякова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2011. – № 4 (27). – Т. 1. – С. 240-242. – URL: <https://moluch.ru/archive/27/2924/> (дата обращения: 14.02.2024).
4. Кубаева О. В. Употребление англицизмов в русском молодежном сленге // Социально-гуманитарные знания. 2021. № 3. – С. 204-210.
5. Мизюрина Т. В. Определение и общие характеристики понятия «Сленг», его роль в языке и культуре современной России // Вестник ЧелГУ. 2013. № 1 (292).
6. Петриченко Т. А. Использование англоязычного молодежного сленга среди подростков // Иностранные языки в контексте межкультурной коммуникации. 2021. № XIII. – С. 103-106.
7. Хомяков В. А. Нестандартная лексика в структуре английского языка национального периода: автореф. ... канд. филол. наук. Л., 1980. 168 с.
8. Рубцова Е.А. Лингвокультурологический анализ молодежного сленга начала XXI века. 2009, с. 3.
9. Казачкова Е.М. Формирование и функционирование молодежного сленга в лингвокультурной среде. 2006, с. 1-17.

10. Аминова Л.В. Структурно-семантические особенности молодежного сленга в английском и французском языках. 2004, с. 1-18.
11. Петросова Е. Г., Алиева Н. Р. К. Переключение языкового кода в русском, английском и французском коммуникативном поведении // Вестник ТГГПУ. 2022. № 4 (70).
12. Бутуханова З.А., Желаев Г.А., Янькова Н.А. Влияние «рунглиша» на языковую коммуникацию и культуру // Вестник науки. 2023. № 12 (69).
13. Лебедева И. Л. О некоторых особенностях функционирования русского варианта английского языка в письменном дискурсе // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. № 1.
14. Годунова Е.В. Особенности функционирования сленга как разновидности социального диалекта в синхронном и диахронном аспектах // Современное педагогическое образование. 2019. № 7.
15. Лебедева И. Л. Русский вариант английского языка сети Инстаграм: миф или реальность? // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. № 4.
16. Баранова А. Р., Ахсанова Л. Н., Моисеева А. А. Интернет-сленг // Евразийский Союз Ученых. 2016. № 4-4 (25).
17. Ахметдинова А.Р. Британский сленг // Теория и практика современной науки. 2017. № 5 (23).
18. Багдасарова Э. В. Влияние хип-хоп сленга на развитие американского сленга // Перевод и сопоставительная лингвистика. 2016. № 12.
19. Морозова О.Е. Концептосфера молодежного сленга // Вестник ННГУ. 2015. № 2-2.
20. Сосновская А. А. Роль сленговых метафорических номинаций в интернет-общении // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2010. № 2.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Представленная на рассмотрение статья «Феномен "рунглиш" и его влияние на современный язык молодежи (опыт контент-анализа коммуникации в социальных сетях)», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной, ввиду обращения автора к изучению особенностей функционирования молодежного сленга как особого языкового феномена.

Цель эмпирического исследования данной статьи – выявить влияние рунглиша на современный молодежный язык. Исследование позволит получить новые данные о влиянии английского языка на русскую речь.

Научная работа выполнена в русле современных научных подходов, профессионально, с соблюдением основных канонов научного исследования. В своем исследовании автор прибегает к научному обобщению литературы по избранной теме и анализу фактических данных. Структурно работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, традиционно начинающейся с обзора теоретических источников и научных направлений, исследовательскую и заключительную, в которой представлены выводы, полученные автором. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. При комплексном и подробном описании использовались методы теоретического исследования и метод сравнения. Анализ фактического материала осуществляется на основе традиционных и новейших методов лингвистического исследования. Среди них такие приемы, как наблюдение,

описание, контент-анализ. На основе опроса были выявлены количественные употребления слэнга, использующегося в повседневной речи в различных коммуникативных ситуациях.

Практическим материалом исследования послужили сленговые единицы выделенные из корпуса текстов, включающий в себя публикации нескольких сообществ социальной сети «ВКонтакте», а также комментарии молодых пользователей под ними.

Библиография статьи насчитывает 20 источников, среди которых присутствуют исключительно работы на русском языке. К сожалению, в статье отсутствуют ссылки на зарубежные публикации, в том числе на работы исследователей, изданные на иностранном языке.

Однако, данные замечания носят рекомендательный характер и не оказывают существенное влияние на восприятие представленного на суд читателя научного текста. В статье намечена перспектива дальнейшего исследования. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым, понятным для читателя языком, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц, филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. Полученные результаты могут быть использованы при разработке курсов по теории и практике перевода. Общее впечатление после прочтения рецензируемой статьи «Феномен "рунглиш" и его влияние на современный язык молодежи (опыт контент-анализа коммуникации в социальных сетях)» положительное, она может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Харченко М.А. Английский язык как инструмент формирования глобальной идентичности: вызовы и перспективы // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73610 EDN: YZMBIZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73610

Английский язык как инструмент формирования глобальной идентичности: вызовы и перспективы

Харченко Мария Александровна

ORCID: 0000-0002-4363-2388

старший преподаватель; кафедра иностранных языков №3, Институт филологии; ФГАОУ ВО "Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского"

295048, Россия, республика Крым, г. Симферополь, ул. Трубаченко, 14Е

✉ kharchenkomariia88@gmail.com

[Статья из рубрики "Лингвокультурология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73610

EDN:

YZMBIZ

Дата направления статьи в редакцию:

07-03-2025

Аннотация: Статья посвящена анализу роли английского языка в формировании глобальной идентичности в условиях современных процессов глобализации. Рассматриваются ключевые вызовы, возникающие в связи с его доминирующим положением в международной коммуникации, образовании и профессиональной сфере. Исследование акцентирует внимание на феномене лингвистического империализма, проблеме сохранения языкового разнообразия и процессах культурной адаптации и гибридизации. Применяя социолингвистический подход, автор исследуют влияние английского языка на самоидентификацию русскоязычных пользователей. В работе приведены данные исследования, в котором анализируются языковые предпочтения, дискурсивные практики и отношение к английскому как к средству межкультурной коммуникации в институциональной среде. В заключении обсуждаются возможные направления языковой политики и образовательных стратегий, направленных на сохранение многоязычия в условиях глобального распространения английского языка.

В рамках данного исследования применены следующие методы: сравнительно-

сопоставительный метод, метод опроса и анкетирования, метод контент-анализа. Основное внимание уделяется не только распространению английского языка как лингва франка, но и его влиянию на языковую идентичность русскоязычных пользователей. Новизна исследования заключается в анализе восприятия английского языка среди русскоязычных студентов и преподавателей, выявлении тенденций адаптации англоязычных дискурсивных практик; выявлении специфики влияния английского языка на институциональную идентичность русскоязычных пользователей; оценке перспектив языковой политики и образовательных стратегий в условиях доминирования английского языка в глобальном контексте. Английский язык как фактор глобальной идентичности является не просто средством коммуникации, но и механизмом формирования новых типов билингвальной и гибридной идентичности. Процесс адаптации англоязычных дискурсивных практик свидетельствует о его глубоком влиянии на институциональное самоопределение. Использование английского языка приводит к формированию новых речевых и культурных норм, что подтверждается результатами исследования среди русскоязычных информантов. Важна адаптация методик преподавания английского языка с учетом межкультурной специфики и глобальных изменений в коммуникации. Цифровизация и мультимодальная коммуникация открывают новые возможности для изучения и использования английского языка без угрозы утраты языкового многообразия. Таким образом, исследование подчеркивает необходимость сбалансированного подхода к глобальному распространению английского языка, с учетом его роли в межкультурном взаимодействии и сохранении лингвистического разнообразия.

Ключевые слова:

А Л Ф , языковая идентичность, билингвизм, межкультурная коммуникация, институциональная среда, многоязычие, языковое разнообразие, гибридизация, АЯО, глобализации

Введение

Современные процессы глобализации оказывают значительное влияние на языковую ситуацию во всем мире, делая английский язык не просто средством международного общения, но и важным инструментом формирования глобальной идентичности. Его повсеместное распространение влияет на процессы самоидентификации индивидов, вызывая новые лингвистические и социокультурные явления. **Актуальность темы** исследования обусловлена необходимостью изучения взаимодействия английского языка с национальными языками и культурами, а также анализа вызовов и перспектив, связанных с его доминированием в мировом пространстве. Английский как лингва франка (АЛФ) занимает центральное место в коммуникации между представителями различных культур, а его роль выходит за рамки традиционного понимания языка как средства передачи информации [14, 9].

В последние десятилетия английский язык становится основой для профессионального и академического взаимодействия, что влечет за собой необходимость осмыслиения его роли в процессах конструирования идентичности. Глобальный характер АЛФ приводит к возникновению новых форм языкового взаимодействия, которые отражают культурную гибридность, многоязычие и динамичную природу современной коммуникации [4].

Целью данной статьи является анализ роли английского языка как фактора

формирования глобальной идентичности, а также рассмотрение вызовов и перспектив, связанных с его использованием в межкультурном взаимодействии.

Для достижения этой цели ставятся следующие **задачи**: определить концептуальные основания формирования глобальной идентичности через язык; рассмотреть влияние АЛФ на процессы конструирования культурной идентичности в многоязычных сообществах; выявить вызовы, связанные с использованием английского языка в контексте глобального взаимодействия; предложить возможные перспективы развития языковой политики и обучения английскому как средству межкультурного общения.

Современные исследования в области социолингвистики подтверждают, что язык является не только инструментом коммуникации, но и важным механизмом формирования идентичности [15]. В условиях глобализации английский язык выполняет роль лингва франка, обеспечивая возможность общения между представителями различных культур и создавая основу для формирования коллективной глобальной идентичности. В этом контексте необходимо учитывать социально-конструктивистский подход, согласно которому идентичность является динамическим конструктом, формирующимся через дискурсивные практики [7]. Английский язык, используемый в международных коммуникациях, становится не просто средством передачи информации, но и пространством для пересечения и взаимодействия различных культурных идентичностей.

Теоретическая база исследования. Исследование основывается на социолингвистических теориях. Социолингвистическая концепция лингва франка рассматривает английский язык как средство международного общения, адаптирующееся к локальным условиям [14, 9]. Теории языкового империализма подчеркивают асимметрию влияния английского на другие языки и культуры [13]. Подходы, основанные на теории дискурса, акцентируют внимание на том, как язык конструирует идентичность через коммуникацию [7]. Российские исследователи также активно изучают влияние английского языка на культурные идентичности. В частности, В. М. Смокотин подчеркивает, что использование английского в образовательной и профессиональной сферах приводит к формированию новых типов билингвальной идентичности, в рамках которой английский существует с родным языком, не вытесняя его [11]. С. Г. Тер-Минасова и З. Г. Прошина отмечают, что эффективная языковая политика должна учитывать не только необходимость владения английским языком, но и сохранение национальных языковых традиций [2, 3].

Глобальное распространение английского языка несомненно привнесло значительные преимущества в сферу международной коммуникации и науки. Однако этот процесс не лишен ряда вызовов, среди которых особенно выделяются такие **проблемы**, как языковой империализм, потеря языкового разнообразия и культурная адаптация, сопровождающаяся гибридизацией. Данные явления стали объектом глубокого анализа многих исследователей, работающих в области социолингвистики.

Структура экспериментальной части. В исследовании приняли участие 143 русскоязычных информанта (студенты и преподаватели Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского), использующих английский язык в образовательной и профессиональной деятельности.

Анкета включала вопросы о частоте использования английского языка, предпочтениях в его изучении, восприятии влияния английского на личную и профессиональную идентичность. Примеры вопросов: «Какую роль английский язык играет в вашей

академической и профессиональной деятельности? Каков Ваш уровень знаний об АЛФ (английском как лингва франка)? Как Вы понимаете выражение «говорить на английском как носитель языка»? Согласны ли Вы с утверждением «следует предотвратить широкое использование английского языка (во всех областях) в мире»? При обучении английскому языку выбор тем, близких по культурным аспектам обучающимся, позволяет студентам чувствовать себя уверенно. Согласны ли Вы?». Изучены письменные и устные высказывания русскоязычных пользователей английского языка в институциональной среде. Анализировались записи из полуструктурированных интервью информантов. Проанализированы различия в восприятии и использовании английского языка среди русскоговорящих студентов и преподавателей в институциональной среде.

Обсуждение и результаты

Одним из ключевых вызовов, связанных с глобализацией английского языка, является языковой империализм. Термин, введённый Р. Филипсоном, отражает процесс, при котором доминирование одного языка — в данном случае английского — способствует усилению политической и культурной власти англоязычных стран [13]. Р. Филипсон рассматривает языковой империализм как явление, охватывающее не только широкое распространение английского языка в качестве основного средства международного общения, но и формирование образовательных и институциональных структур, в которых владение английским становится ключевым фактором социального и профессионального успеха. Это, в свою очередь, может приводить к вытеснению языков меньшинств и снижению их значимости в культурной и общественной сферах. В странах, где английский занимает ведущие позиции в научных, технических и деловых областях, можно наблюдать тенденцию к ослаблению позиций местных языков, что способствует росту чувства культурной утраты и социальной изоляции.

Одним из наиболее значимых вызовов, связанных с глобальным распространением английского языка, является уменьшение языкового разнообразия. Согласно данным ЮНЕСКО, примерно 40% языков мира находятся под угрозой исчезновения, и одной из причин этого процесса является доминирующее положение английского [16]. В условиях глобализации этот язык становится главным инструментом международной коммуникации, из-за чего локальные языки теряют свою актуальность. Подобные процессы создают препятствия для сохранения лексических, грамматических и фонетических особенностей многих языков, что неизбежно ведёт к снижению культурного и языкового разнообразия.

Распространение английского языка также ведёт к культурным изменениям, что порождает процесс адаптации и гибридизации. Принятие английского языка как основного средства общения в различных сферах жизни требует от его пользователей адаптации к новым нормам общения, что порой вызывает конфликт идентичностей. В странах, где английский язык активно используется в образовательных и профессиональных контекстах, нередко возникает ситуация, при которой молодые люди начинают воспринимать англоязычные культуры как более престижные и современные, а традиционные культурные нормы и языки — как устаревшие и второстепенные. Это может спровоцировать разрыв между традиционными и новыми формами самоидентификации.

Кроме того, английский язык, будучи глобальным средством общения, подвергается процессу гибридизации. Это выражается в заимствовании элементов различных языков, что приводит к появлению новых речевых форм и культурных практик. Такой процесс может как способствовать более лёгкому взаимодействию между различными сообществами, так и создавать риски для сохранения уникальных языковых и культурных

традиций, поскольку размывает границы между ними. Что касается будущего английского языка, исследователи предлагают различные сценарии его развития. Среди наиболее значимых тенденций выделяются изменения в моделях владения языком, расширение мультимодальных способов коммуникации и влияние факторов лингвистической экологии [15, 13, 7].

Одним из наиболее заметных изменений в контексте глобализации английского языка является эволюция моделей его владения. Традиционно английский язык рассматривался как средство коммуникации, которым владеют носители языка и те, кто учит его как второй. Однако в последние десятилетия всё более актуальной становится концепция «гибридного английского» (Hybrid English), предложенная М. Модиано [12]. Этот подход предполагает, что английский, распространяясь по всему миру, адаптируется под местные условия, и таким образом возникают новые формы языка, сочетая элементы английской и местной лексики, грамматики и произношения.

Гибридный английский может проявляться в различных формах в зависимости от региона и социокультурного контекста. Эти формы английского становятся удобными и понятными для местного населения, что демонстрирует гибкость языка в адаптации к новым условиям. Таким образом, гибридизация английского языка способствует его распространению и повышению доступности для различных групп населения. Это приводит к переосмыслению традиционной модели владения языком, где больше не существует чёткой границы между носителями и неносителями, а также открывает новые горизонты для понимания роли английского в глобальном контексте.

Одним из факторов, которые будут определять будущее английского языка в глобальной идентичности, является развитие мультимодальной коммуникации. В условиях стремительного развития цифровых технологий, интернет-ресурсов и социальных медиа, традиционная вербальная коммуникация всё чаще комбинируется с визуальными и аудиовизуальными элементами. Такие формы коммуникации создают новые способы взаимодействия, где английский язык сосуществует с изображениями, видео, графикой и анимацией, усиливая свои позиции как глобального средства общения.

Как отмечает О. Грасиа, в цифровой эпохе английский язык не ограничивается лишь текстовым взаимодействием, но начинает активно сочетаться с визуальными и аудиовизуальными средствами [8]. Например, в социальных сетях и на платформах обмена контентом всё чаще используется видео с субтитрами на английском языке, что способствует более широкому распространению языка в контексте глобального взаимодействия. В таких условиях английский язык становится не только средством письменной и устной речи, но и частью визуального контента, что открывает новые возможности для межкультурного общения и способствует повышению его универсальности. Преобразования в коммуникации, обусловленные цифровизацией, также могут изменить восприятие и использование английского языка, усиливая его роль в гибридных и многоязычных формах общения. Это может стать важным фактором в формировании новой глобальной идентичности, основанной на комбинированных способах коммуникации.

Одним из ключевых **вопросов** будущего английского языка является проблема языковой экологии [5]. Современные языковые политики направлены на сохранение многоязычного мира и создание условий для сосуществования английского языка с национальными и региональными языками. Будущее английского языка как глобального средства коммуникации зависит от способности общества найти баланс между его

распространением и поддержанием многоязычия. В условиях цифровизации и глобализации важно развивать механизмы, способствующие сохранению лингвистического разнообразия, что позволит минимизировать негативные последствия доминирования одного языка.

Одним из ключевых **вызовов**, связанных с ролью английского языка в формировании глобальной идентичности, является его вариативность. В настоящее время существуют десятки национальных и региональных вариантов английского (Indian English, Singaporean English, African Englishes и др.), что ставит под вопрос существование единого стандарта языка [10]. При этом модели преподавания английского языка в образовательных учреждениях во многих странах до сих пор ориентированы на британский и американский варианты, что создает противоречие между нормативными установками и реальным языковым использованием [14].

Одним из ключевых вопросов институционального использования английского языка является соотношение между английским как языком обучения (АЯО) и АЛФ. Оба подхода используются в академической среде, но преследуют разные цели и требуют различных стратегий концептуализации.

АЯО предполагает, что английский используется как основной язык преподавания в университетах, требуя от студентов и преподавателей владения академическим дискурсом, который чаще всего ориентирован на нормы носителей языка. АЛФ, напротив, рассматривает английский как средство коммуникации между неносителями языка, что делает акцент на его функциональности, а не на строгом следовании нормам. В контексте академической среды использование АЛФ может рассматриваться как стратегия, дополняющая АЯО. В то время как АЯО нацелен на достижение высокого уровня академического английского, АЛФ ориентирован на обеспечение взаимопонимания между студентами и преподавателями независимо от их языкового происхождения [11].

На основе проведённых интервью мы пришли к выводу, что преподаватели, использующие элементы АЛФ в АЯО, помогают студентам лучше понимать материал. Например, перефразирование сложных конструкций, использование визуальной поддержки, четкое произношение ключевых терминов – всё это облегчает восприятие лекционного материала. Как отмечает один из студентов, слушатель целевых курсов: «*When the teacher explains complex terms in different words, it becomes easier for me to understand the material, even if I don't know all the expressions*» («Когда преподаватель объясняет сложные термины разными словами, мне становится легче понять материал, даже если я не знаю всех выражений»). Другой студент (1 курс, магистратура) добавляет: «*If the professor speaks too quickly, I lose track, but when they pause and repeat important points, it helps me better absorb the information*» («Если преподаватель говорит слишком быстро, я теряю нить, но когда он делает паузы и повторяет важные моменты, это помогает мне лучше усвоить информацию»). Эти стратегии оказываются особенно полезными для студентов, чей уровень английского не соответствует академическим стандартам АЯО.

В ходе полуструктурированных интервью преподаватели и студенты подтверждали необходимость в модифицированных стратегиях преподавания. Один из преподавателей отметил: «*I try to use simplified structures and paraphrasing because I see that it helps my students understand the material more easily*» («Я стараюсь использовать упрощённые конструкции и перефразирование, так как вижу, что это помогает студентам легче

воспринимать материал»). Другой преподаватель подчеркнул: «*When I slow down my speech and emphasize key points with intonation, students become more engaged in the discussion*» («Когда я замедляю темп речи и делаю интонационные акценты, студенты становятся более вовлечёнными в обсуждение»). Студенты также делились своими наблюдениями:

С.Д. (1 курс, бакалавриат): «*When our teachers use visual examples and explain complex topics in simpler words, it becomes easier for me to remember the information*» («Когда преподаватели используют визуальные примеры и объясняют сложные темы более простыми словами, мне легче запоминать информацию»).

П.А. (1 курс, бакалавриат): «*I feel more confident in class when I understand what is being discussed, even if my English is far from perfect*» («Я чувствую себя увереннее на занятиях, когда понимаю о чем идет речь, даже если мой английский далёк от идеального»). Эти выдержки из интервью подтверждают, что адаптация преподавания с элементами АЛФ способствует более глубокому пониманию материала и облегчает академическое взаимодействие.

Для эффективного обучения в АЯО необходимо учитывать языковые трудности студентов, для которых английский не является родным. Интеграция стратегий АЛФ помогает сделать учебный материал более доступным и понятным. Важными шагами в этом направлении являются поощрение преподавателей к использованию таких стратегий, как перефразирование и пояснение терминов, разработка учебных материалов, модифицированных для многоязычной аудитории, а также включение в процесс преподавания методов смыслоразличения и преодоления языковых барьеров. Кроме того, сочетание АЯО с гибкими коммуникативными стратегиями АЛФ в смешанных форматах преподавания способствует лучшему пониманию и усвоению материала студентами. Таким образом, концептуализация АЛФ в институциональной среде показывает, что успешное обучение на английском языке не должно ограничиваться стандартами АЯО, а должно учитывать реальную языковую вариативность, характерную для межкультурного академического взаимодействия.

Еще одним вызовом является неравномерный доступ к английскому языку как ресурсу глобального взаимодействия. Хотя его распространенность обеспечивает широкие возможности для коммуникации, уровень владения английским языком остается разным в различных частях общества [5]. С учетом глобальной роли английского языка и его функциональной вариативности необходимо переосмысление традиционных моделей его преподавания. В последние годы активно развивается концепция АЛФ, которая предлагает обучать английскому не как нациальному языку носителей, а как средству международной коммуникации [9]. Этот подход подразумевает развитие стратегий эффективного межкультурного общения, таких как: толерантность к различным акцентам и грамматическим вариациям; использование адаптивных стратегий коммуникации; развитие способности к интерпретации различных культурных контекстов. Важным направлением является также развитие языковой политики, направленной на поддержку многоязычия и сохранение языкового разнообразия. В этом контексте английский язык может рассматриваться не как угроза национальным языкам, а как дополнительный инструмент для глобального взаимодействия.

Заключение Английский язык играет ключевую роль в формировании глобальной идентичности, создавая новые формы межкультурного взаимодействия и интеграции. Однако его распространение сопряжено с рядом вызовов, включая проблему языковой вариативности, неравный доступ к образовательным ресурсам и риски культурной

гомогенизации. Для эффективного использования английского языка в условиях глобализации необходимо развивать новые образовательные подходы, основанные на принципах межкультурной коммуникации, а также совершенствовать языковую политику, способствующую сохранению многоязычия. Таким образом, распространение английского языка сопровождается не только положительными аспектами глобализации, но и рядом значительных вызовов. Языковой империализм, потеря языкового разнообразия и культурная адаптация с элементами гибридизации являются основными проблемами, требующими внимания исследователей. Решение этих проблем предполагает необходимость разработки политики сохранения языков и культурных традиций, а также обеспечения равенства в использовании разных языков в глобальном контексте.

Результаты исследования и перспективы дальнейшего исследования проблемы.

Анализ ответов информантов показал, что 75% респондентов считают английский языком академической и профессиональной мобильности, но лишь 30% отмечают его влияние на их культурную самоидентификацию. Обнаружено, что значительная часть респондентов демонстрирует тенденцию к адаптации англоязычных дискурсивных практик (например, использование вводных конструкций "*In my opinion*", "*It should be noted that*"), что свидетельствует о влиянии англоязычного академического дискурса на формирование их языковой идентичности.

Для эффективного развития языковой политики и совершенствования методик преподавания английского языка в глобальном контексте целесообразно создавать многоуровневые образовательные программы, ориентированные на развитие коммуникативных навыков в межкультурной среде; развивать билингвальное образование, обеспечивающее баланс между английским и родными языками студентов; интегрировать цифровые технологии в обучение, включая онлайн-платформы, искусственный интеллект и виртуальную реальность для повышения языковой компетенции; разрабатывать курсы по межкультурной коммуникации, помогающие учащимся адаптироваться к международной профессиональной среде.

Таким образом, изучение цифровых коммуникационных платформ, когнитивных аспектов билингвизма и региональных особенностей английского языка в русскоязычной среде позволит не только оптимизировать языковую политику, но и создать эффективные методики обучения, адаптированные к глобальным изменениям и требованиям цифровой эпохи.

Библиография

1. Смокотин, В. М. Английский язык в контексте глобализации. Новосибирск: НГУ, 2014.
2. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. Москва: Слово, 2004.
3. Прошина, З. Г. Основные положения и спорные проблемы теории вариантности английского языка. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2015.
4. Baker, W. Culture and Identity through English as a Lingua Franca: Rethinking Concepts and Goals in Intercultural Communication. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
5. Canagarajah, S. Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations. New York: Routledge, 2014.
6. Crystal, D. English as a Global Language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
7. Fairclough, N. Language and Globalization. London: Routledge, 2006.
8. García, O., & Wei, L. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan, 2014.

9. Jenkins, J. Global Englishes: A Resource Book for Students. 3rd ed. London: Routledge, 2014.
10. Kirkpatrick, A. World Englishes. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
11. Macaro, E. Exploring the role of language in English medium instruction // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2020. Т. 23, № 3. DOI: 10.1080/13670050.2019.1620678.
12. Modiano, M. International English in the Global Village // English Today. 1999. Vol. 15, No. 2. С. 22-28.
13. Phillipson, R. Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992.
14. Seidlhofer, B. Understanding English as a Lingua Franca. Oxford: Oxford University Press, 2011.
15. Widdowson, H. G. English in the World and World Englishes: Discourse, Ideology and Literacies // The Handbook of English Linguistics. 2nd ed. Edited by B. Aarts, J. McMahon, and L. Hinrichs. Oxford: Wiley-Blackwell, 2015. С. 373-390.
16. ЮНЕСКО. Atlas of the World's Languages in Danger. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://unesdoc.unesco.org> (дата обращения: 15.02.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в рецензируемой статье является английский язык как инструмент формирования глобальной идентичности, актуальность которого очевидна и обусловлена «необходимостью изучения взаимодействия английского языка с национальными языками и культурами, а также анализа вызовов и перспектив, связанных с его доминированием в мировом пространстве». Целью данной работы является анализ роли английского языка как фактора формирования глобальной идентичности. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: определить концептуальные основания формирования глобальной идентичности через язык; рассмотреть влияние английского как лингва franca на процессы конструирования культурной идентичности в многоязычных сообществах; выявить вызовы, связанные с использованием английского языка в контексте глобального взаимодействия; предложить возможные перспективы развития языковой политики и обучения английскому как средству межкультурного общения.

Теоретическую основу работы обоснованно составили труды таких российских и зарубежных исследователей, как С. Г. Тер-Минасова, В. М. Смокотин, З. Г. Прошина, Суреш Канагараджа, Дэвид Кристал, Норман Фэрклаф, Эрнесто Макаро, Марко Модиано, Роберт Филлипсон, Барбара Зайдльхофер, Генри Джордж Уиддоусон и др., охватывающие широкий круг вопросов по проблемам языка в контексте глобализации; роли английского как лингва franca и английского как языка обучения; теории языкового империализма; теории вариантности английского языка; концепции «гибридного английского» и пр. Библиография насчитывает 16 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако автор(ы) совсем не апеллируют к научным трудам, изданным в последние 3 года. Конечно, это замечание не умаляет значимости представленной на рассмотрение рукописи, однако в данном случае достаточно сложно судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

С учётом специфики предмета, объекта и цели работы использованы общенаучные

методы анализа и синтеза; описательный метод с элементами наблюдения, обобщения, интерпретации; количественный метод, а также анкетирование, в котором приняли участие 143 русскоязычных информанта (студенты и преподаватели Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского), использующих английский язык в образовательной и профессиональной деятельности. Участникам предлагалось ответить на вопросы анкеты о частоте использования английского языка, предпочтениях в его изучении, восприятии влияния английского на личную и профессиональную идентичность.

Анализ теоретического материала и его практическое обоснование позволили автору(ам) решить обозначенные задачи; определить вызовы и перспективы, связанные с глобализацией английского языка; прийти к выводу о том, что «распространение английского языка сопровождается не только положительными аспектами глобализации, но и рядом значительных вызовов. Языковой империализм, потеря языкового разнообразия и культурная адаптация с элементами гибридизации являются основными проблемами, требующими внимания исследователей».

Полученные результаты однозначно имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в такие разделы теоретического знания, как теория лингвокультурной идентичности, теория межкультурной коммуникации, лингвокультурология и могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике. Обозначены перспективы дальнейшего исследования, связанные с изучением цифровых коммуникационных платформ, когнитивных аспектов билингвизма и региональных особенностей английского языка; с развитием языковой политики и совершенствованием методик преподавания английского языка в глобальном контексте.

Обращаем внимание автора(ов) на ошибки технического характера (см «Анализировались записи из полуструктурированных интервью информантов», «Анализ ответов информантов показал, что...»).

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Все замечания носят рекомендательный характер. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ян И., Грабельников А.А. Типология слухов и фактчекинг в социальных медиа Китая: на примере WeChat // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73551 EDN: YPDHOD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73551

Типология слухов и фактчекинг в социальных медиа Китая: на примере WeChat

Ян Ихуа

ORCID: 0000-0001-8209-8192

аспирант; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ 1042228091@rudn.ru

Грабельников Александр Анатольевич

ORCID: 0000-0003-1415-824X

доктор исторических наук

профессор; кафедра массовых коммуникаций; Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, Обручевский р-н, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

✉ grabelnikov-aa@rudn.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73551

EDN:

YPDHOD

Дата направления статьи в редакцию:

03-03-2025

Аннотация: Предметом исследования являются типология слухов и механизмы фактчекинга в социальных медиа Китая на примере платформы WeChat. В качестве материала исследования выбраны 300 случаев распространения дезинформации, извлеченных из приложения «Ассистент по разоблачению слухов WeChat» (微信辟谣助手) в WeChat в период с 2023 по 2025 годы с помощью Python-инструментов. Авторы

подробно рассматривают такие аспекты темы, как структурные и содержательные характеристики слухов, их тематическая классификация по различным категориям в китайском цифровом пространстве, а также институциональные и пользовательские стратегии верификации информации. Особое внимание уделяется взаимосвязи между типами распространяемых слухов и эффективностью различных механизмов фактчекинга в контексте национальной специфики китайской системы регулирования информационного пространства. В исследовании применена комплексная методология анализа заголовков слухов, включающая контент-анализ для тематической категоризации, компьютерную лингвистику с применением алгоритмов TF-IDF и Латентного размещения Дирихле (LDA), дополненные дискурсивным анализом риторических стратегий и количественным моделированием распространения дезинформации в китайских социальных медиа. Основными выводами проведенного исследования являются выявленные закономерности в тематическом распределении слухов в китайских соцсетях, где использование алгоритмов и социальных институтов значительно влияет на восприятие и распространение информации. Установлено, что в тематическом распределении слухов доминируют сообщения, связанные со здравоохранением (31%), потребительскими правами (19%), а также политикой и регулированием (18%). Особым вкладом авторов в исследование темы является детальный анализ специфики механизмов верификации информации в контексте китайских социальных медиа, а также выявление взаимосвязи между типологией слухов и эффективностью различных стратегий их опровержения. Новизна исследования заключается в детальном изучении типологии слухов и механизмов фактчекинга в китайском контексте, с акцентом на использование WeChat как социальной сети для распространения и верификации информации. Данное исследование позволяет лучше понять, как цифровая экосистема Китая управляет дезинфекцией. Доказано, что успешная борьба с дезинфекцией требует интеграции искусственного интеллекта и активного участия пользователей в процессе фактчекинга, а также эффективного нормативно-правового регулирования информационного пространства.

Ключевые слова:

слухи, фактчекинг, социальные медиа, WeChat, дезинформация, верификация информации, Китай, СМИ, разоблачение слухов, дискурсивные стратегии

ВВЕДЕНИЕ

В условиях развития технологий больших данных в цифровом пространстве информационный контент и механизмы его получения приобретают всё большую значимость в медиасреде. Интеграция китайских платформ социальных медиа, таких как Weibo и WeChat, в повседневные коммуникационные практики трансформировала традиционную парадигму информационной диссеминации: модель массового распространения контента по принципу «один ко многим» уступила место циркуляции информации в микросоциальных коммуникативных кластерах, которые становятся фундаментальными единицами медиакоммуникации, формируя феномен информационных эхо-камер в закрытых сообществах. Интернет-пространство, вопреки ранним прогнозам, не трансформировалось в очередной канал массмедиа, а приобрело свойства принципиально новой коммуникационной экосистемы. Это принципиально новая коммуникативная среда, поглощающая все предшествующие массовые информационные каналы [4, С. 334].

Согласно отчёту «Digital 2025», опубликованному компанией We Are Social совместно с консалтинговой компанией Kepios, количество пользователей социальных сетей в мире достигло 5,24 миллиарда, что на 4,1% больше по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [19]. Платформы социальных медиа, предоставляя информационные услуги и повышая эффективность передачи информации, одновременно создают благоприятную среду для распространения интернет-слухов, что приводит к разнообразию форм их проявления и способов распространения. Особое распространение дезинформация получила в сети Интернет, а именно, в социальных сетях, так как происходит бесконтрольное появление новых публикаций, а также проблема своевременного выявления недостоверности материалов [10, С.49].

Дезинформационный контент, представляя собой исторически устойчивый коммуникационный феномен, прошел значительную трансформацию в эволюции медиасистем человечества: от устно-речевой трансляции в традиционных социумах до вирального распространения в условиях цифровой медиасреды и новых экосистем массовой коммуникации. Слух (молва) – специфический вид коммуникации, который определяется как стихийная форма передачи информации по каналам межличностного общения, а также действующая система интерпретации событий массовым сознанием в соответствии со сложившимся менталитетом [5, С.13]. В эпоху интернета социальные медиа снизили порог доступа к информации, а такие негативные эффекты социальных сетей, как «эхо-камеры» (Echo Chamber) и «информационные пузыри» (Filter Bubble), усиливают изоляцию социальных отношений в информационных коконах [21, С.103]. Такие ключевые понятия, как авторитет и общественное мнение, истина и видимость, разоблачение и опровержение, переплетаются, создавая общественное мнение с высокой степенью неопределенности, в котором слухи с ещё более сложной динамикой становятся составной частью, представляя потенциальную угрозу стабильности общественного порядка. Слухи характеризуются быстротой распространения, широким охватом и значительным эффектом воздействия [24, С.27]. Слухи в Интернете создаются как профессиональными, так и непрофессиональными коммуникаторами, более того, неопределенные, противоречивые критерии качества и достоверности информации в глобальной сети предоставляют значительный потенциал для функционирования слухов [9, С. 377]. Такие угрозы информационной безопасности, как фейки, характерны не только для новостных сообщений, но и для всего поля интернет-коммуникации [3, С. 637]. Дезинформационный контент в цифровой среде не только существенно деструктурирует информационный порядок в сетевом пространстве, но и оказывает значительное деформирующее воздействие на медиаэкологию социума в целом. Акторы социальных медиа катализируют процессы мутации информационных фальсификаций посредством ретрансляции, комментирования и рекомпозиции контента, что многократно усиливает энтропию информационной диссеминации. Интерактивность, темпоральная оперативность и деперсонализированность цифровой среды формируют благоприятный экосистемный контекст для вирального распространения дезинформации. В связи с этим актуализируется научно-исследовательская необходимость детального изучения феноменологии информационных фальсификаций в современных социальных медиа, их диссеминационных паттернов и потенциальных механизмовнейтрализации данной проблематики в аспектах массово-коммуникационных парадигм, на уровне индивидуальных медиапрактик и в публичном дискурсивном пространстве.

СЛУХИ КАК КОММУНИКАТИВНЫЙ ФЕНОМЕН: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Дезинформация как распространённый социально-психологический феномен

сопровождает человеческое общество практически с момента его институционализации. Эволюционная трансформация от вербальной трансляции в традиционных социумах до стремительной циркуляции посредством цифровых каналов в современном коммуникативном пространстве демонстрирует, что модификация медиаканалов и интенсификация информационного обмена не только не нивелировали экосистемные условия для генерации и распространения информационных фальсификаций, но и существенно расширили ареал их дискурсивного влияния и социального воздействия. Слухи как элемент системы коммуникаций обладают рядом уникальных характеристик, которые позволяют им успешно адаптироваться к изменениям социальной реальности [\[18, С.115\]](#). Возникновение и распространение слухов имеет множество причин, находясь под влиянием как индивидуального и коллективного сознания, так и общей социальной и коммуникационной среды.

В информационном пространстве общественно-политической и социально-экономической жизни общества проблема функционирования слухов, мифов и целенаправленных вымыслов существует давно [\[15, С.157\]](#). Устойчивость веры в слухи представляет собой комплексное явление, не исчерпывающееся личными диспозициями и укоренённое в социальном контексте [\[11, С.221\]](#). С точки зрения определения, слухи классифицируются на два основных типа: первый — непроверенная информация, не подтвержденная официальными авторитетными источниками, но потенциально достоверная; второй — заведомо ложная информация, намеренно искаженная или полностью сфабрикованная с манипулятивными целями.»

Американские социальные психологи Гордон Олпорт и Лео Постман в 1947 году предложили определение слухов: «Слухи — это особый вид утверждений, обычно распространяемых устно среди людей, для которых в настоящее время нет надёжных критериев подтверждения» [\[17, С.247\]](#). С этого момента исследования слухов постепенно начали развиваться. На основе этих исследований американские учёные Уоррен Петерсон и Ноэл Гист считали, что слухи — это непроверенные утверждения, распространяемые в частном порядке, относящиеся к объектам, событиям или вопросам, представляющим общественный интерес (Peterson, Gist, 1951). Слухи понимаются как утверждения о происходящих событиях без достаточных оснований для того, чтобы считать их правдой [\[18, С.240\]](#).

Китайские исследователи в области массовых коммуникаций в ранних работах склонялись к негативной трактовке определения слухов, считая их необоснованной, сфабрикованной ложью. Согласно концепции китайского исследователя Го Цингуана, рассматривающего данный феномен через призму интенциональности, слухи представляют собой «ложную информацию, субъективно сконструированную и целенаправленно транслируемую коммуникатором» [\[20, С.49\]](#). Он отмечает, что западный термин «rumor» относится к широко распространяемым сообщениям с неясным источником, которые могут быть как правдивыми, так и ложными. В китайском же контексте термин «слухи» указывает на сообщения с чётко определённым источником и ложным содержанием [\[22, С.26\]](#). В своих работах Лю Цзяньмин акцентирует внимание на корреляции между дезинформационным контентом и фактологическими данными, концептуализируя слухи как «фальсифицированные информационные сообщения, лишённые достоверной фактологической основы». Ху Юн, Чжоу Юйцун и другие исследователи предлагают осуществить декриминализацию китайского терминологического эквивалента понятия «слухи», реинтерпретируя его в контексте, более приближенном к англоязычной коннотации лексемы «rumor», то есть как

нейтральное информационное сообщение с индетерминированной степенью достоверности. В условиях медиатизации коммуникационного пространства цифровые формы информационных фальсификаций приобрели дополнительные атрибутивные характеристики. Куан Вэньбо и У Сяоли, оперируя аксиологическими категориями, дефинируют цифровую дезинформацию как контент, циркулирующий в сетевом пространстве, который не верифицирован, сознательно искажает фактологические данные или полностью фабрикуется, с имплицитной интенцией манипулятивного воздействия на аудиторию. Сетевые слухи в китайских социальных медиа, являясь разновидностью слухов, не утратили основных характеристик слухов; они называются интернет-слухами потому, что процесс их публикации и распространения осуществляется через интернет [23].

В процессе недостоверной циркуляции информационные фальсификации могут характеризоваться бивалентным статусом: режимом ожидания верификации и режимом ожидания аналитической интерпретации, в то время как на этапе экспликации они трансформируются в состояния фактологического подтверждения или установления дезинформационной природы. Диссеминация ложного информационного контента детерминируется двумя ключевыми параметрами: релевантностью и индетерминированностью. Релевантность определяет степень корреляции дезинформационного сообщения с интересами субъекта циркуляции и целевой аудитории; индетерминированность обеспечивает семантическую амбивалентность, создающую благоприятное дискурсивное пространство для пролиферации недостоверной информации в континууме между фактологической достоверностью и фабрикацией. Взаимодействие и взаимовлияние общественного мнения и слухов является процессом многогранным. Слухи формируют общественное мнение, служат своеобразным основанием для него, но и общественное мнение определяет объекты слухов, в смысле значимости темы для обсуждения, задает ему тот или иной эмоциональный оттенок [17. С.50].

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что слухи локализуются в дискурсивном пространстве между верифицированной истиной и абсолютной ложью, что свидетельствует о неполной идентичности между недостоверным контентом и заведомо ложной информацией. В структуре дезинформационных сообщений нередко присутствует определённый градиент достоверности, в то время как в контенте, маркируемом как достоверный, может имплицитно присутствовать избирательность представления фактов и намеренное исключение значимых фактологических элементов. Следовательно, детерминация демаркационных критериев между дезинформационным и верифицированным контентом трансформируется в актуальную социально-коммуникативную проблематику, требующую разрешения на институциональном уровне медиасистемы.

РОЛЬ ФАКТЧЕКИНГА И РАЗОБЛАЧЕНИЯ СЛУХОВ В СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ СМИ

Трансформационное развитие современных медиатехнологий, с одной стороны, создает новые возможности для коммуникации, а с другой — способствует быстрому и скрытому распространению фейковых новостей. Роль слухов в массовой информации достаточно велика. Появляясь в глобальной сети, слухи могут становиться инструментом агрессивного коммуникативного воздействия [16. С.36]. Циркуляция современных цифровых форм интернет-слухов катализирует трансформационные процессы в структуре общественного мнения, стимулирует пролиферацию недостоверных информационных

конструктов, псевдообщественных мнений и имитационных эмоциональных реакций в сетевом коммуникативном пространстве, что приводит к деструкции онтологической связи между виртуальным и реальным измерениями цифровой медиасреды и генерирует феномен информационной контаминации. Языковая репрезентация событий на новостных интернет-лентах СМИ действительно существенно искажает реальную действительность, медиаобраз события оказывает влияние на состояние лингвистической и информационной безопасности всего интернет-пространства и его пользователей [12, С.12]. Механизмы разоблачения слухов должны выполнять свою функцию в сетевом пространстве для обеспечения информационной и эмоциональной стабильности.

Фактчекинг (fact-checking) как медийная практика и новый журналистский формат формирует особый тип сетевой инфраструктуры. Широкое определение фактчекинга дает Д. В. Соколова: «процесс проверки достоверности сведений, аудиовизуальной информации, их соответствие действительной реальности, направленный на выявление фактов искажения, в том числе и преднамеренного» [13, С.7]. Разоблачение слухов — это процесс, при котором субъекты противодействия слухам публикуют информацию, опровергающую слухи, с целью прояснения фактов, отрицания достоверности слухов и снижения их правдоподобности. Начиная с 2018 года, в Китае стали активно появляться различные проекты по проверке информации. Последовательно были созданы платформы для опровержения слухов под руководством правительства, проекты фактчекинга в традиционных медиа, платформы по проверке фактов в новых медиа, сетевые группы добровольного сотрудничества, а также платформы интеллектуальной верификации в университетах и научно-исследовательских институтах, которые сыграли важную роль в создании благоприятной информационной среды, формировании правильных ориентиров общественного мнения, защите идеологической безопасности и поддержании социальной стабильности. По мере непрерывного развития цифровых технологий происходит трансформация существующих способов производства информации. Интернет-коммуникация стала, прежде всего, «источником своеобразной социокультурной среды, которая, собственно, и формирует специфику синергийного сетевого взаимодействия» [1, С.53]. Фактчекинг развивается параллельно с информационными технологиями, что определяет его технологические характеристики, отличающие его от традиционных методов опровержения слухов. В наше время фактчекинг — это не простая техническая проверка должностей и названий, а глубокий анализ уже опубликованных фактов, интерпретация смыслов [6, С.155].

Однако в практике управления общественным мнением существует дилемма: распространять слухи легко, а опровергать их сложно. Стратегии разоблачения слухов в СМИ часто оказываются неэффективными или даже безрезультатными. С одной стороны, скорость и охват распространения опровержений значительно уступают распространению самих слухов; с другой стороны, опровержения недостаточно убедительны, и СМИ сложно эффективно опровергать ложную информацию. Таким образом, эффективность стратегий разоблачения слухов зависит от результативности распространения опровергающей информации. Эффективность распространения в основном относится к охвату и широте распространения опровергающей информации и не касается влияния на отношение и поведение аудитории. Воздействие в основном относится к степени влияния опровергающей информации на взгляды и поведение аудитории, то есть к уровню принятия и признания аудиторией опровергающей информации. Проблема дезинформации требует не только выявления и анализа различных инструментов её распространения, но и разработки комплексных подходов к проверке информации [12, С.70].

В качестве основной площадки распространения слухов в китайских социальных медиа пользователи WeChat неизбежно сталкиваются с дезинформацией при ознакомлении с новостным контентом на данной платформе. В ответ на проблему дезинформации, циркулирующей в процессе публикации контента, WeChat разработал специальную систему борьбы со слухами, включающую официальные аккаунты (такие как «Центр безопасности WeChat», «Фильтр слухов» и др.) и интегрированные с ними мини-приложения (например, «Ассистент по разоблачению слухов WeChat»), которые в совокупности образуют комплексный механизм, направленный на сдерживание распространения недостоверной информации. В рамках настоящего исследования проводится всесторонний анализ эффективности распространения опровергающей информации на платформе WeChat и детерминирующих её факторов с позиций средств массовой коммуникации.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В рамках настоящего исследования был реализован комплексный методологический инструментарий для анализа кейсов слухов, зафиксированных в мини-приложении «Ассистент по разоблачению слухов WeChat» (微信辟谣助手). Данный подход сочетает контент-анализ, лингвистический анализ и автоматизированную обработку данных. На этапе сбора материала использовался специализированный скрипт на языке Python для извлечения данных с приложения «Ассистент по разоблачению слухов WeChat» за период с 6 сентября 2023 года по 7 января 2025 года. После очистки и ручной перепроверки итоговая выборка составила 300 заголовков слухов. Полученные данные, приведенные в табличный формат, были структурированы: заголовок, дата публикации, адрес ресурса в сети интернет, контент слухов. В дальнейшем для обработки данных использовались библиотеки Python Pandas и spaCy, визуализация данных была проведена с использованием библиотеки NetworkX для построения графов и библиотеки Matplotlib для их визуализации. Для выявления латентных тематических структур был применен метод LDA (Latent Dirichlet Allocation). Оптимальное количество тематических кластеров ($n=6$) было определено путем анализа кривых когерентности и перплексии модели. Это позволило выявить вероятностное распределение лексем по идентифицированным темам и построить семантическую карту исследуемого дискурсивного поля. Одновременно с этим был проведен дискурсивный анализ заголовков с выделением типичных риторических стратегий и лингвистических маркеров псевдостоверности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Согласно данным, представленным в Таблице 1, исследование выявило гетерогенную структуру тематического распределения слухов в китайском социальных медиа на примере платформы WeChat. Доминирование тематики здравоохранения (31%) среди анализируемых слухов является значимым показателем. Это демонстрирует, что восприятие и оценка пользователями информации о здоровье существенно определяются уровнем их компетентности в данной сфере, а также специфическими характеристиками самой платформы. Результат подтверждает теорию иерархии потребностей (Маслоу, 1954), согласно которой физиологические потребности и безопасность являются базовыми и первостепенными для человека. По теории информационной двусмысленности (Даунс, 1957), в условиях информационной неопределенности люди склонны придавать большее значение сообщениям, связанным с личной безопасностью и благополучием. Существенная доля слухов о политике и регулировании (18%) согласуется с концепцией спирали молчания (Ноэль-Нойман,

1974), отражая стремление аудитории восполнить предполагаемые информационные пробелы в официальном дискурсе. Примечательно также, что категория потребительских прав составляет значительные 19%, иллюстрируя практическую ориентацию современного информационного потребления.

Таблица 1. Классификация распределение слухов

№	Тематика	Количество	Процент (%)
1	Здравоохранение	93	31,00
2	Потребительские права	57	19,00
3	Политика и регулирование	54	18,00
4	Риски безопасности	42	14,00
5	Технологии и промышленность	36	12,00
6	Образ жизни	18	6,00

Анализ дискурсивных стратегий, представленный в Таблице 2, демонстрирует типичные риторические приемы, используемые для конструирования заголовков слухов. Наиболее эффективными оказываются стратегии, эксплуатирующие эмоциональную уязвимость аудитории. Стратегия «паники и нагнетания» опирается на теорию аффективной реакции (Зайонц, 1980), согласно которой эмоциональная обработка информации предшествует когнитивной и не требует осознанной оценки. Заголовок 1 задает когнитивное искажение доступности, описанное (Канеман и Тверски, 1973), повышая субъективную оценку вероятности обсуждаемого риска. Стратегия «сомнения в авторитетах» соответствует теории когнитивного диссонанса (Фестингер, 1957), предлагая решение для разрешения противоречий между официальной позицией и личным опытом. Примером служит заголовок 2. «Потребительская тревожность» как стратегия использует явление «информационного конформизма» (Аш, 1956). Например, заголовок 4 создает ощущение массового сдвига потребительских предпочтений, побуждая аудиторию к пересмотру собственных представлений о бренде. «Спорные социальные вопросы» апеллируют к механизму групповой поляризации (Московичи, 1969), когда обсуждение острых тем приводит к усилению предварительно существовавших установок на примере заголовок 5.

Таблица 2. Дискурсивный анализ заголовков слухов

Стратегия	Особенности выражения	Пример заголовка
Паника нагнетание	Использование предупреждающих слов: и «тревога», «опасность», «канцероген» для создания ощущения срочности и паники	1 . Тревога! За сладостью мандаринов: возможный риск рака и «жестокие технологии» (惊！砂糖橘甜蜜背后：可能藏着癌症风险与“科技狠活”)
Сомнение в авторитетах	Подвергает сомнению доверие к официальным источникам, авторитетным институтам или системам	2. [Пересылка] Неизвестные секреты высокоскоростных поездов. Надеюсь, это не будет удалено, граждане имеют право знать... ([转] 中国高铁不为人知的秘密。希望不要被和谐掉，国人都有知情权.....)
Практические	«Полезные» предупреждения	3 . Питьё воды во время еды приводит к нарушению

советы	рекомендации для пищеварения повседневной жизни	(吃饭时喝水会导致消化不良)
Потребительская тревожность	Индуцирование беспокойства потребительском выборе и безопасности продуктов	4 . Xiaomi SU7 обрушил Taycan, Porsche сокращает персонал в Китае до 30% (小米SU7压垮Taycan 保时捷中国裁员最高30%)
Спорные социальные вопросы	Противоречивые темы вызывающие общественный резонанс	5 . Руководитель из Чэнду совершил ДТП в нетрезвом состоянии и скрылся, ветеран требует справедливости, но дорожная полиция заявляет: «Вы устраиваете скандал» (成都一领导酒驾肇事逃逸, 退伍军人讲说法, 交警竟说'你无理取闹了')
Разоблачение инсайдов	Заявляет о раскрытии «неизвестных» инсайдерских сведений	6 . Анализ причин вывода капитала иностранными предприятиями из Сучжоу (苏州外企撤资现象背后的原因分析)

При анализе лингвистических особенностей заголовков слухов обнаруживается ряд закономерностей, соответствующих теории фреймирования (Гофман, 1974). Использование специфических лексических маркеров («тревога», «риск», «опасность») задает определенные интерпретационные рамки для восприятия сообщения. Формирование заголовков сообщений в современных сетевых СМИ сопровождается имплицитной агрессивностью повышенного уровня. [14, С.373]. Согласно лингвистической теории хеджирования (Лакофф, 1973), заголовки слухов часто содержат языковые конструкции, снижающие ответственность говорящего за достоверность информации (например, «возможный», «предполагаемый»), что позволяет транслировать недостоверные сведения, сохраняя видимость объективности. Слухи в риторике заголовков характеризуются апелляцией к авторитету и страху, широким использованием новостного формата и числовых показателей; конструирование повестки дня часто осуществляется с помощью алгоритмизированных устойчивых структур, элементов повествования и формирования социальной валюты.

Результаты комплексного анализа тематического распределения и дискурсивных стратегий в заголовках слухов демонстрируют системный характер конструирования и распространения недостоверной информации. Преобладание определенных тематических категорий отражает базовые информационные потребности аудитории, а использование специфических дискурсивных стратегий направлено на преодоление когнитивных фильтров критического мышления. С точки зрения теории медиаэкологии (Постман, 1992), слухи заполняют информационные ниши, не занятые официальным дискурсом, отвечая на запросы аудитории в условиях информационной перегрузки. Выявленные закономерности могут служить основой для разработки более эффективных стратегий медиаграмотности и противодействия дезинформации в современном медиапространстве.

Заключение

В современном пространстве социальных медиа слухи представляют собой

специфический дискурсивный феномен, который генерируется и распространяется посредством сетевых медиа. Эти информационные конструкты не имеют фактического основания и характеризуются целенаправленностью, адресностью и зачастую агрессивным потенциалом. В этой связи особую значимость приобретают платформы фактчекинга и опровержения слухов, которые становятся важнейшим инструментом информационного регулирования. Системная работа по выявлению и разоблачению недостоверной информации способствует формированию более здоровой информационной экосистемы и снижает потенциальные социальные риски, связанные с распространением слухов. Ключевой особенностью слухов является их неверифицированный статус в процессе циркуляции, что создает значительные трудности для рядовых пользователей в определении их достоверности. Особую актуальность проблема слухов приобретает в контексте социальной трансформации, которую переживает китайское общество. Фундаментальное устранение социальных оснований и многочисленных факторов, способствующих генерации слухов, представляет собой долгосрочную и сложную задачу, требующую комплексного подхода. Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением эффективности автоматизированных систем фактчекинга на основе искусственного интеллекта и разработкой методов повышения медиаграмотности пользователей социальных сетей в условиях информационной перегрузки.

Библиография

1. Алефиренко Н.Ф., Нуртазина М.Б., Сарбаева М.Б. Информационный повод как масс-медийная категория: аспекты репрезентации // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сб. ст. З Междунар. науч.-практ. конф. РУДН. М.: Изд-во РУДН, 2019. С. 47-54.
2. Барабаш В.В., Трофимова Г.Н. Новые ситуации в массовой коммуникации-новые вызовы и подходы к многополярности // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы: Материалы XII Всероссийской научно-практической конференции: в 2-х томах, Москва, 11 ноября 2021 года. Том 1. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. С. 11-16.
3. Вартанова Е.Л., Шилина М.Г. Конфликты и медиа: реверсивные парадигмы в новой реальности? Открывая новые междисциплинарные подходы к исследованиям // Вестник Российской университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2023. Т. 28, № 4. С. 635-648. DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-635-648.
4. Грабельников А.А., Гегелова Н.С. Экранная коммуникация и визуализация журналистики. Тверь: Тверской государственный университет, 2019. 334 с. ISBN 978-5-7609-1425-5.
5. Губенко М.С., Адутов Р.Р. Слух как средство негативного информационно-психологического воздействия (на примере слуха о введении повторного карантина) // Вестник адъюнкта. 2020. № 3(9). С. 13.
6. Демьянова А.В. Фактчекинг как инструмент медиаграмотности // Молодежный вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2023. № 1(19). С. 155-159.
7. Емельянов И.В., Савицкая Ю.П. Место и роль слухов в сознании современной молодёжи // Социология. 2023. № 3. С. 49-58.
8. Куликов Е.М., Лапсарь М.В. Распространение слухов в условиях пандемии коронавируса COVID-19: социологический аспект // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 2(52). С. 113-116.
9. Куликов Е.М. Слухи как элемент сетевой коммуникации в интернет-пространстве современной России: специальность 22.00.04 "Социальная структура, социальные институты и процессы": диссертация на соискание ученой степени доктора

- социологических наук. Краснодар, 2014. 377 с.
10. Ламинина О.Г., Грязюк А.Е., Недорезова К.Д. Информационно-аналитические технологии противодействия дезинформации на примере социальных сетей // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 6. С. 48-51. DOI: 10.23672/SAE.2023.35.10.026.
11. Петрова Д.В. О слухах и их разоблачениях: как бороться с недостоверной информацией? Рецензия на книгу: Berinsky A.J. Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023. 240 р. // Экономическая социология. 2024. Т. 25, № 3. С. 213-228.
12. Соколов А.В. Типология инструментов фактчекинга: на пути к устойчивой информационной среде // Вопросы медиабизнеса. 2024. Т. 3, № 3. С. 68-76. DOI: 10.24412/3034-1930-2024-0230.
13. Соколова Д.В. Фактчекинг и верификация информации в российских СМИ: результаты опроса // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2018. № 4. С. 7.
14. Трофимова Г.Н., Савастенко Р.А. Проблемы когнитивного дисбаланса в новостных сообщениях сетевых СМИ // Неофилология. 2023. Т. 9, № 2. С. 365-377. DOI: 10.20310/2587-6953-2023-9-2-365-377.
15. Тхориков Б.А. Фейковые новости: анализ изученности, классификация, влияние на поведение человека // Вестник МГПУ. Серия: Экономика. 2023. № 1(35). С. 156-167. DOI: 10.25688/2312-6647.2023.35.1.11.
16. Шейбак В.В. Роль слухов в средствах массовой информации // Научные горизонты. 2021. № 7(47). С. 31-39.
17. Allport G.W., Postman L. The psychology of rumor. Oxford: Henry Holt, 1947. 247 p.
18. Berinsky A.J. Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023. 240 p. URL: <https://doi.org/10.2307/jj.196962> (дата обращения: 01.03.2025).
19. Digital 2025: Global Overview Report. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (дата обращения: 24.02.2025).
20. Го Цингуан. Курс теории коммуникации (Второе издание). Пекин: Издательство Китайского народного университета, 2011. 49 с. (На кит. яз.)
21. Ли Бяо, Юй Гомин. Исследование дискурсивного пространства и коммуникационного поля интернет-слухов в эпоху "постправды": на основе анализа 4160 слухов в WeChat Moments // Университет журналистики. 2018. № 2. С. 103. (На кит. яз.)
22. Лю Хайлун, Юй Ин. Политика концептов и связи между концептами: реконструкция понятий слух, сплетня, вводящая в заблуждение информация, ложная информация и фейковые новости // Исследования журналистики. 2021. № 12. С. 23-40. (На кит. яз.)
23. Пань Сянго. Интернет-слухи и журналистская правда: магистерская диссертация. Центральный Китайский педагогический университет, 2002. (На кит. яз.)
24. Чжан Айцзюнь. Наделение силой, разочарование и повторное очарование: политическая функция антидискурсивного эффекта в механизме опровержения слухов в WeChat // Исследования южных медиа. 2024. № 4. С. 26-34. (На кит. яз.)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают слухи и фактчекинг в социальных медиа Китая, актуальность изучения которых обусловлена остротой и общественной значимостью изучаемого явления и его влиянием на общественное

сознание. Как отмечается в работе, «интерактивность, темпоральная оперативность и деперсонализированность цифровой среды формируют благоприятный экосистемный контекст для вирального распространения дезинформации. В связи с этим актуализируется научно-исследовательская необходимость детального изучения феноменологии информационных фальсификаций в современных социальных медиа, их диссеминационных паттернов и потенциальных механизмов нейтрализации данной проблематики в аспектах массово-коммуникационных парадигм на уровне индивидуальных медиапрактик и в публичном дискурсивном пространстве».

Теоретическую базу работы составили труды таких российских и зарубежных исследователей, как Е. М. Куликов, Д. В. Соколова, Б.А. Тхориков, В. В. Шейбак, Д. В. Петрова, А. В. Демьянова, В. В. Барабаш, Г. Н. Трофимова, G. W. Allport, L. Postman, A. J. Berinsky, Ли Бяо, Юй Гомин, Лю Хайлун, Юй Ин и др., посвященные различным аспектам феномена «слухи» в интернет-пространстве; фактчекингу и верификации информации в СМИ; фейковым новостям и др. Библиография статьи насчитывает 24 источника, представляется достаточной для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики, соответствует специфике изучаемого предмета и содержательным требованиям. Все цитаты сопровождаются авторскими комментариями.

Подробно представлена методология проведенного исследования: реализован комплексный методологический инструментарий для анализа кейсов слухов, зафиксированных в мини-приложении «Ассистент по разоблачению слухов WeChat». Данный подход сочетает контент-анализ, лингвистический анализ и автоматизированную обработку данных. На этапе сбора материала применялся специализированный скрипт на языке Python для извлечения данных с приложения «Ассистент по разоблачению слухов WeChat» за период с сентября 2023 года по январь 2025 года. Для обработки данных использовались библиотеки Python Pandas и spaCy, визуализация данных проведена с применением библиотеки NetworkX для построения графов и библиотеки Matplotlib для их визуализации. Для выявления латентных тематических структур использован метод LDA (Latent Dirichlet Allocation). Оптимальное количество тематических кластеров ($n=6$) определено путем анализа кривых когерентности и перплексии модели. Также проведен дискурсивный анализ заголовков с выделением типичных риторических стратегий и лингвистических маркеров псевдодостоверности. Полученные данные приведены в табличный формат, что позволяет сделать материал более доступным для восприятия и способствует более глубокому пониманию масштабов проведенного исследования. Так, согласно данным таблицы 1 («Классификация распределение слухов»), исследование выявило гетерогенную структуру тематического распределения слухов в китайском социальных медиа на примере платформы WeChat, причем установлено доминирование тематики здравоохранения. Анализ дискурсивных стратегий, представленный в таблице 2, демонстрирует типичные риторические приемы, используемые для конструирования заголовков слухов, причем наиболее эффективными оказались стратегии, эксплуатирующие эмоциональную уязвимость аудитории. Делается вывод о системном характере конструирования и распространения недостоверной информации; о преобладании определенных тематических категорий и специфике дискурсивных стратегий, направленных на преодоление когнитивных фильтров критического мышления.

Результаты, полученные в ходе анализа, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в решение проблем теории медиаэкологии и теории массовых коммуникаций, феноменологии информационных фальсификаций в современных социальных медиа и могут быть использованы в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в курсах по теории дискурса, когнитивной лингвистике, медиалингвистике и пр.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Содержание работы соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Лысова О.Р. Визуализация как механизм креолизации при адаптации текстов учебно-педагогического дискурса // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.69672 EDN: YMХIKW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=69672

Визуализация как механизм креолизации при адаптации текстов учебно-педагогического дискурса

Лысова Ольга Романовна

ORCID: 0000-0002-1565-8038

преподаватель; кафедра Мировые языки и культуры; Донской государственный технический университет

344010, Россия, Ростовская область, г. Ростов-На-Дону, пл. Гагарина, 1, оф. Ростовская

✉ lysova.or@yandex.ru

[Статья из рубрики "Коммуникации "](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.69672

EDN:

YMХIKW

Дата направления статьи в редакцию:

25-01-2024

Аннотация: Современные тексты учебно-педагогического дискурса являются негомогенными по своей структуре и форме, т.к. состоят не только из вербального компонента, но и визуального, представленного рисунками, фотографиями, схемами и т.д. Рост числа таких текстов в последние годы был вызван появлением доступных мультимедийных технологий для их создания с одной стороны, а с другой – желанием авторов апеллировать к первой сигнальной системе, усиливая перлокутивный эффект коммуникации. Целью нашего исследования является обобщение полученных данных о том, какую роль играет визуализация в адаптации текстов учебно-педагогического дискурса и выявление общих механизмов создания креолизованных адаптированных текстов. Объект исследования – креолизованные тексты научно-педагогического дискурса, а предмет – визуализация как механизм адаптации таких текстов. Для анализа были отобраны тексты из различных областей знаний учебно-педагогического дискурса, представленные в школьных учебниках и сети Интернет. Затем при помощи контент-анализа мы изучили тексты, состоящие из верbalного и невербального компонента,

которые принято называть креолизованными, проследив механизмы их создания и функции визуального компонента в адаптации таких текстов. Полученные в ходе исследования результаты позволили сделать следующие выводы: визуализация, наряду со схематизацией и поликодированием, как механизм креолизации присутствует в абсолютном большинстве текстов учебно-педагогического дискурса. Также, визуальная и вербальная информация в текстах взаимосвязана и имеет определенные формы взаимодействия. Визуальный компонент может замещать вербальный, добавлять новую информацию или информация вербальная и визуальная могут пересекаться в определенной степени. Такие формы взаимодействия визуального и вербального компонентов мы называем замещением, добавлением и пересечением. Под замещением мы понимаем такое взаимодействие, при котором визуальный компонент представляет понятие, явление или процесс, а вербальный дает только его номинативную характеристику. Визуальный компонент может дополнять вербальный, внося новую информацию, например, изображение какого-либо явления окружающего мира и вербальные подписи, дающие его научную номинацию. При пересечении вербального и невербального компонентов, визуальный компонент раскрывает лишь часть общего значения того или иного понятия.

Ключевые слова:

адаптация текста, креолизованный текст, учебно-педагогический дискурс, визуальный компонент текста, механизмы адаптации текста, прагмалингвистика, лингвосемиотика, поликодовые тексты, гетерогенные тексты, визуализация текста

Введение

Последние годы стремительное развитие способов передачи информации привело к широкому использованию различных визуальных средств в процессе коммуникации, в частности, в рамках учебно-педагогического дискурса. Для лингвистов актуально изучить способы визуализации текстов, участвующих в коммуникации в рамках этого дискурса. Тексты, в которых сочетается вербальный и визуальный компоненты, образуя при этом единую коммуникативную единицу, вызывают особый интерес у преподавателей и авторов учебных пособий. В лингвистических исследованиях Е.Е. Анисимовой тексты с вербальным и визуальным компонентами составляют единое целое и называются креолизованными [1]. В работах М.Б. Ворошиловой уточняется взаимодействие верbalного и компонента и особенности их восприятия читателем [2]. Согласно теории "двойного кодирования" Аллана Пальвио, информация, представленная вербально и визуально, ускоряет обучение и лучше запоминается [3]. Данная теория находит продолжение в работах Рута Кларка и Ричарда Майера, сформировавших основные положения мультимедийного обучения, эффективность которого зависит, в том числе, от соединения вербального и невербального способа передачи информации [4]. Цель нашего исследования - изучить способы взаимодействия вербального и визуального компонентов в ходе адаптации текстов учебно-педагогического дискурса с точки зрения лингвистики. Объектом исследования стали креолизованные тексты учебно-педагогического дискурса, а предметом - визуализация как механизм адаптации таких текстов. Полученные результаты могут быть полезны для понимания природы поликодовых текстов и их функционирования в рамках учебно-педагогического дискурса.

Методы и принципы исследования

Для исследования было отобрано больше 100 текстов из различных областей знаний (биология, география, английский язык, математика и т.д.) учебно-педагогического дискурса, представленные в школьных учебниках и сети Интернет. Затем при помощи контент-анализа мы изучили тексты негомогенной природы, состоящие из невербального и вербального компонента, которые принято называть креолизованными. Применяя методы классификации и систематизации были исследованы механизмы создания креолизованных текстов и выявлены функции визуальных компонентов в процессе адаптации таких текстов.

Основные результаты

В современной лингвистике существует несколько терминов, которые обозначают тексты негомогенной природы: синкетический, семиотически осложненный, поликодовый, полимодальный, гетерогенный, креолизованный и др. Одним из наиболее употребляемых в отечественных исследованиях является термин «креолизованный». В науку его ввели лингвисты Ю. А. Сорокин и Е.Ф. Тарасов^[5], проводя аналогию с креолизованным (креольским) языком, который образовался при взаимодействии двух языков – коренного местного и колониального иностранного, став в последствии основным средством общения в данном коллективе. По мнению Е.Е. Анисимовой^[11], креолизация – это объединение различных средств семиотических систем, которые образуют текст как коммуникативную единицу и определяют его прагматику. Согласно М. Б. Ворошиловой, креолизованный – это текст, состоящий из верbalного и невербального компонента, реализующих единую коммуникативную задачу комплексного воздействия на адресата^[6]. В частности, в педагогическом дискурсе коммуникативная задача обусловлена целью процесса коммуникации – «объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов»^[7]. Для решения данной коммуникативной задачи нужно принимать во внимание такие особенности адресата, как знание языка, наличие понятийной базы, характерной для этой предметной области знаний, лингвокультурную компетентность, психофизические особенности. Все это следует учитывать, так как, с точки зрения дидактики «содержание образования тем прочнее усвоено человеком, чем более развиты связи нового со старым, чем более новый жизненный опыт согласован с имеющимся ранее, введен в систему картины мира»^[8]. Новый жизненный опыт должен быть доступен для понимания адресата, а для этого необходимо опираться на уже существующую понятийную систему и вводить новую информацию умеренно и доступно. Обращение к первой сигнальной системе при помощи визуального компонента отвечает требованию доступности.

В научно-педагогическом дискурсе адресат – это человек, априори обладающий недостаточным знанием в той или иной области, а учитель (адресант) – автор вторичного адаптированного текста, созданного для того, чтобы восполнить этот пробел^[9]. Необходимо отметить, что текст может быть трудным для адресата исходя из ряда субъективных и объективных параметров. К субъективным можно отнести возраст, образованность, фоновые знания, определенные заболевания и т.д., другими словами – все, что зависит от ученика, а к объективным – собственно текстовые (термины, размер предложений и текста и т.д.^[10]). Учителю – адресанту, автору-составителю учебного текста, способному к восприятию научной картины мира, представленной текстом-

источником, необходимо адаптировать его так, чтобы сделать понятным [11]. Научная картина мира обладает некоторыми особенностями, в частности, абстрактностью номинативной базы, т.к. моделирует мир посредством языка, специфического для каждой науки, например, язык математических формул, химических знаков и т.д. [12]. Трудности восприятия такого языка нивелируются в ходе адаптации текста в соответствии с особенностями адресата. Приведем несколько примеров.

Проанализируем оригинальный научный текст и его адаптированную версию для школьников. Обратимся для этого к учебному пособию для будущих врачей – профессионалов в области медицины, обладающих специфическими научными знаниями, и к школьному учебнику, написанному для подростков, имеющих самые общие представления об анатомии. Сопоставим понятия в этих двух текстах, а также способы предъявления информации: на что опирается адресант при предъявлении новых знаний. В пособии для будущих врачей, изданном в Башкирском государственном медицинском университете в 2016 году, дается такое определение понятию органа глаза: «Глаз (ophthalmos oculus) – орган зрения, представляющий собой периферическую часть зрительного анализатора, в котором рецепторную функцию выполняют нейроны сетчатой оболочки». Это понятие представлено верbalным текстом, с большим количеством специфических терминов (*периферическая часть, зрительный анализатор, нейроны* и т.д.) и номинациями на латинском языке. Эти лексические единицы составляют научную картину мира для специалиста, что и объясняет их присутствие в тексте. В учебнике Биологии для 8 класса (авторы Д. В. Колесов, Р. Д. Маш, И. Н. Беляев, 2019 год) то же понятие описывается иначе: «Глаза, точнее глазные яблоки (рис.133), расположены в глазницах – парных углублениях черепа. В глубине глазницы заметна щель, через которую в глаз входят сосуды и нервы...». Если сравнить лексические единицы, репрезентирующие эти понятия для студентов и школьников, то можно заметить сокращение количества терминов и отсутствие номинаций на латинском языке. Кроме того, в тексте школьного учебника сразу дается ссылка на рисунок глаза. На нем можно увидеть детализацию строения глаза и визуальный образ тех терминов, которые упоминаются в определении (Рис.1).

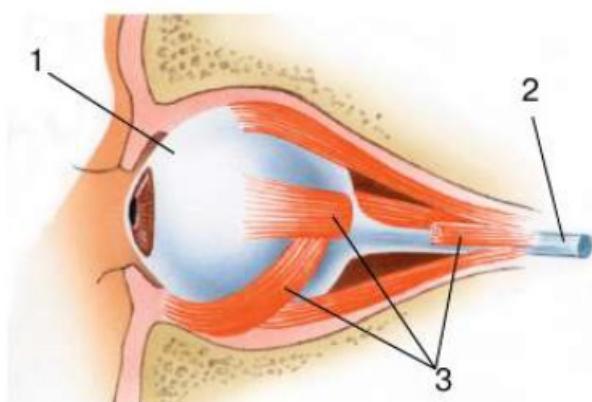

Рис. 133. Положение глазного яблока в глазнице: 1 — глазное яблоко; 2 — зрительный нерв; 3 — мышцы, приводящие в движение глазное яблоко

Рис.1 Изображение строения глаза из учебника биологии для 8 класса.

Рисунок и вербальное его описание представляют собой адаптированный

креолизованный текст, созданный для представления научной картины мира адресату, обладающему наивной картиной мира, во многом опирающейся на зрительное восприятие и имеющей описательный характер. Обращаясь к теории Чарльза Пирса [13] и его семиотическому треугольнику, в креолизованном тексте можно увидеть сразу эксплицированный денотат (описание структуры глаза) и референт (изображение глаза). Кроме того, на рисунке представлена часть лица, кожный покров и скуловая кость, которые добавляют новую визуальную информацию, не представленную вербально, с целью формирования более целостного восприятия изучаемого понятия, создавая единый образ, который прочно сохранится в памяти, что является важным преимуществом включения креолизованных компонентов в образовательный процесс [14].

Проанализировав тексты учебно-педагогического дискурса, мы пришли к выводу, что визуальный компонент может замещать вербальный, дополнять его или представлять лишь часть понятия, описываемого вербально. Такие модели построения креолизованного текста с визуальным компонентом мы назвали *дублированием, добавлением и пересечением*. При дублировании происходит экспликация одного и того же знания 2 способами: вербальный способ эксплицирует понятие или процесс, затемдается схема, на которой видно проистекание этого процесса. Модель добавления подразумевает, что один из компонентов представляет более полную информацию о процессе или понятии, а визуальный компонент несет дополнительную информацию, не представленную вербально, как на Рисунке 1, приведенном выше. Модель пересечения предполагает, что визуальный компонент содержит какую-либо общую часть с вербальным, а также включает дополнительную информацию. Другими словами, в визуальном образе есть то, что не присутствует в вербальном, а в вербальном есть то, что не представлено на рисунке. Давайте рассмотрим еще примеры.

В онлайн учебнике для школьников Якласс по химии (<https://www.yaklass.ru/p/himija/8-klass/rastvory-58606/-reaktci-i-onnogo-obmena-reaktciia-neitralizaci-141555/re-f6c5ee94-d198-4feb-846b-6a64363907d4>, дата обращения: 23.04.2024) приводится вербальное описание реакции ионного обмена с выделением газа: «Если в пробирку с раствором карбоната натрия прилить раствор соляной кислоты, будет наблюдаться характерное «всплытие» из-за выделяющегося углекислого газа»; и дается схематизированное изображение этого процесса на рисунке. Таким образом, вербальный текст дублирует текст креолизованный (Рисунок 2), который, апеллируя к первой сигнальной системе адресата, облегчает понимание сложной химической реакции. Такую модель построения креолизованного текста мы называем *дублированием*.

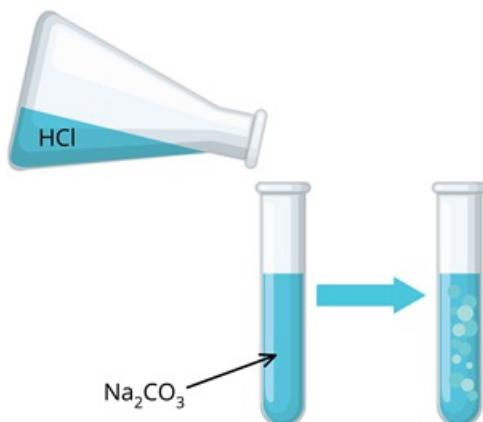

Рис. 1. Реакция кислоты с карбонатом натрия

Рис. 2 Изображение процесса реакции кислоты с выделением газа.

Вербально описывается ход эксперимента, а рисунок подтверждает текст, упрощая его восприятие адресатом при помощи концептов реального мира, с которыми школьники уже наверняка сталкивались на уроках, делая новую информацию более понятной.

Так же, при адаптации текстов визуальный компонент может быть опосредованно связан с верbalным, внося при этом дополнительную информацию или привлекая внимание к тексту. Например, в учебнике истории для 8 класса (авторы А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, 2015 г.) текст про завершение войны 1812 года и освобождение стран Европы от Наполеона дополнен фотографией с изображением медали в честь победы в этой войне (Рисунок 3). При этом фотография представляет собой креолизованный текст с подписью, который опосредованно связан с текстом параграфа учебника и вносит дополнительную новую визуальную информацию, которая не представлена вербально. Можно предположить, что авторы учебника хотели заинтересовать читателей, приведя пример реального артефакта событий, далеких от настоящего времени, и невербальный компонент тут выполняет аттрактивную функцию. С другой стороны, фотография медали подчеркивает, что победа в войне была важной вехой для страны, и это соотносится с вербальными характеристиками описываемых в учебнике событий: например, *изгнание врага, освобождение Европы, русские войска – главная сила в борьбе против Наполеона*. Отметим, в тексте нет упоминания о самой награде или ее описания, но изображение, представленное креолизованным текстом, опосредовано связано с содержанием параграфа и имеет понятийные признаки концепта «победа» [15], которые могли бы быть выражены вербально словами «награда», «знак победы», что соотносится с содержательно-фактуальной информацией текста [16].

Медаль в честь победы
в войне 1812 г.

Рис.3 Фотография медали и подпись к ней из учебника истории.

Такую модель построения креолизованного текста мы называем *пересечением*. В данном примере визуальный компонент несет в себе часть или опосредованные признаки понятия, представленного вербально.

Заключение

Полученные в ходе исследования результаты позволили сделать следующие выводы: визуализация, наряду со схематизацией и поликодированием, как механизм креолизации, присутствует в большинстве современных текстов учебно-педагогического дискурса, которые представляют собой креолизованные тексты. Визуальная и верbalная информация в креолизованных текстах взаимосвязана и имеет определенные формы взаимодействия: 1) визуальный компонент может замещать вербальный; 2) визуальный компонент может добавлять новую информацию; 3) информация вербальная и визуальная может пересекаться в определенной степени. Такие формы взаимодействия визуального и вербального компонента мы называем *замещением*, *добавлением* и *пересечением*. Под замещением мы понимаем такое взаимодействие, при котором визуальный компонент представляет понятие, явление или процесс, а вербальный дает только его номинативную характеристику. Визуальный компонент может дополнять вербальный, внося новую информацию, например, изображение какого-либо явления окружающего мира и вербальные подписи, дающие его научную номинацию. При пересечении вербального и невербального компонентов визуальный компонент раскрывает лишь часть общего значения того или иного понятия.

Таким образом, современные технологии создали иной языковой механизм передачи информации с помощью объединения первой и второй сигнальных систем: визуальный

компонент представляет собой первую сигнальную систему с большой воздействующей и объясняющей силой. Вербальный компонент креолизованного текста представляет собой вторую сигнальную систему, которая дискретно поясняет визуальный образ.

Библиография

1. Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М.: Академия, 2003. С. 128.
2. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: Аспекты изучения // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2007. С. 75-80.
3. Clark J.V., Paivio A. Dual coding theory and education // Educational Psychology Review. Springer Science and Business Media, 1991. Pp. 149-210.
4. Clark R.C., Mayer R.E. E-Learning and the Science of Instruction: Proven Guidelines for Consumers and Designers of Multimedia Learning. 3rd ed. San Francisco: Pfeiffer, 2011. P. 69.
5. Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Высшая школа, 1990. С. 180-186.
6. Ворошилова М.Б. Методология, методы и методика анализа креолизованного текста // Эволюция лингвистической экспертизы: методы и приёмы. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2017. С. 125-199.
7. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. С. 476.
8. Занков Л.В. Дидактика и жизнь. М.: Просвещение, 1968.
9. Первухина С.В. Креолизованность как одна из характеристик адаптированного текста // Гуманитарные исследования. Языкознание. 2015. № 2 (54). С. 7-10.
10. Кисельников А.С. К проблеме характеристик текста: читабельность, понятность, сложность, трудность // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11 (53). С. 79-83.
11. Микк Я.А. О факторах понятности учебного текста: Автореферат дис. на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1970. С. 22.
12. Соколова Е.Е., Гурина Р.В. О соотношении языковой и научной картин мира // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3. С. 86.
13. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения / Пер. с англ. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000. С. 202.
14. Перова Е.С. Лингводидактический потенциал креолизованных текстов // Достижения науки и технологий. Красноярск, 2023. С. 567.
15. Бодриков А.Б. Понятийные признаки концепта "победа": когнитивный и лингвокультурологический анализ // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 2 (116). С. 130-135.
16. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / Отв. ред. Г.В. Степанов. М.: Ленанд, 2020. С. 27.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Актуальность рецензируемой статьи обусловлена тем, что последние годы стремительное развитие способов передачи информации привело к широкому использованию различных визуальных средств в процессе коммуникации, в частности, в рамках учебно-

педагогического дискурса. Автор отмечает, что «тексты, в которых сочетается вербальный и визуальный компоненты, образуя при этом единую коммуникативную единицу, вызывают особый интерес как у лингвистов, так и у преподавателей, авторов учебных пособий». Следовательно, конструктивная оценка этих изданий должна быть сделана. Цель исследования – «изучить способы взаимодействия верbalного и визуального компонентов в ходе адаптации текстов учебно-педагогического дискурса с точки зрения лингвистики», «объектом исследования стали креолизованные тексты учебно-педагогического, а предметом – визуализация как механизм адаптации таких текстов». Автор отмечает, что «полученные результаты могут быть полезны для понимания природы поликодовых текстов и их функционирования в рамках учебно-педагогического дискурса». Считаю, что работа имеет верную структуру, основные т.н. смысловые блоки выдержаны. Методы и принципы рассмотрения вопроса актуальны; стиль соотносится с собственно научным типом. Например, «В современной лингвистике существует несколько терминов, которые обозначают такого рода тексты негомогенной природы: синкетический, семиотически осложненный, поликодовый, полимодальный, гетерогенный, креолизованный и др. Одним из наиболее употребляемых в отечественных исследованиях является термин «кеоилизованный», или «кеоилизованный – это текст, состоящий из верbalного и невербального компонента, реализующих единую коммуникативную задачу [5]. В частности, в педагогическом дискурсе коммуникативная задача обусловлена целью процесса коммуникации – «объяснение устройства мира, норм и правил поведения, организация деятельности нового члена общества в плане его приобщения к ценностям и видам поведения, ожидаемым от ученика, проверка понимания и усвоения информации, оценка результатов» и т.д. Видно, что автор ориентирован на объективности оценки, следовательно, ссылки и цитации частотны. Считаю, что текст все же желательно вычитать, устраниТЬ ошибки и опечатки: например, «Эти лексические единицы составляют научную картину мира для специалиста, что объясняет их появление в тексте», или «При пересечении визуальный компонент содержит какаю-либо общую часть с вербальным, а также дополнительную информацию, не соотносящуюся вербальному напрямую» и т.д. Анализ, выбранных для оценки учебных пособий, вполне конструктивен: например, «Так же, при адаптации текстов визуальный компонент может быть опосредованно связан с вербальным, при этом вносить дополнительную информацию, или привлекать внимание к вербальному тексту. Например, в учебнике истории для 8 класса (авторы А.А. Данилов, Л.Г. Косулина, 2015 г.) текст про завершение войны 1812 года и освобождение стран Европы от Наполеона дополнен фотографией с изображением медали в честь победы в этой войне (Рисунок 3). При этом фотография представляет собой креолизованный текст с подписью, который опосредованно связан с текстом параграфа учебника и вносит дополнительную новую визуальную информацию, которая не представлена вербально» и т.д. Основные требования издания учтены, цель достигнута, поставленные задачи решены. Выводы по работе не противоречат основной части. Автор в финале отмечает, что «полученные в ходе исследования результаты позволили сделать следующие выводы: визуализация, наряду со схематизацией и поликодированием, как механизм креолизации, присутствует в большинстве современных текстов учебно-педагогического дискурса. Также, визуальная и вербальная информация в текстах взаимосвязана и имеет определенные формы взаимодействия. Визуальный компонент может замещать вербальный, добавлять новую информацию или информация вербальная и визуальная могут пересекаться в определенной степени. Такие формы взаимодействия визуального и вербального компонента мы называем замещением, добавлением и пересечением». Думаю, что работа может быть интересна подготовленным читателям, да и тема, вероятно, далее может быть расширена в новых исследовательских проектах.

Библиографический список достаточен. После вычитки статья «Визуализация как механизм креолизации при адаптации текстов учебно-педагогического дискурса» может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования является визуализация как механизм креолизации при адаптации текстов учебно-педагогического дискурса. Актуальность работы аргументируется тем, что «последние годы стремительное развитие способов передачи информации привело к широкому использованию различных визуальных средств в процессе коммуникации, в частности, в рамках учебно-педагогического дискурса. Тексты, в которых сочетается вербальный и визуальный компоненты, образуя при этом единую коммуникативную единицу, вызывают особый интерес как у лингвистов, так и у преподавателей, авторов учебных пособий». Материалом исследования послужили тексты из различных областей знаний (биология, география, английский язык, математика и т.д.) учебно-педагогического дискурса, представленные в школьных учебниках и сети Интернет.

Теоретической основой научной работы выступили труды по лингвистике текста и межкультурной коммуникации; креолизованным текстам, их коммуникативной функции и лингводидактическому потенциалу; методологии анализа креолизованного текста и т.п. таких российских и зарубежных ученых, как В. И. Карасик, И. Р. Гальперин, Л. В. Занков, С. В. Первухина, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тараков, М. Б. Ворошилова, Я. А. Микк, Е. С. Перова, J. V. Clark, A. Paivio, R. E. Mayer и др. Библиография статьи насчитывает 15 источников, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике рассматриваемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология проведенного исследования носит комплексный характер. С учётом специфики предмета, объекта, поставленной цели («изучить способы взаимодействия верbalного и визуального компонентов в ходе адаптации текстов учебно-педагогического дискурса с точки зрения лингвистики») использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод с элементами наблюдения, обобщения, интерпретации, метод отбора и контент-анализ, позволивший изучить креолизованные тексты, проследив механизмы их создания и функции визуального компонента в процессе адаптации таких текстов при помощи методов классификации и систематизации.

В результате анализа теоретического материала и его практического обоснования автор(ы) сделали ряд выводов о том, что «визуализация, наряду со схематизацией и поликодированием, как механизм креолизации, присутствует в большинстве современных текстов учебно-педагогического дискурса»; «визуальная и вербальная информация в текстах взаимосвязана и имеет определенные формы взаимодействия» и др. Все выводы сформулированы логично и отражают содержание рукописи.

Теоретическая значимость работы очевидна и обусловлена ее вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с изучением креолизованного текста и выявлением характера и степени взаимодействия вербального и визуального компонентов текстов учебно-педагогического дискурса. Практическая значимость определяется возможностью использования полученных результатов в курсах по теории

языка и теории дискурса, лингвистике текста и др.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания.

Однако в тексте встречаются языковые недочеты, в том числе технического характера: см «Эти лексические единицы составляют научную картину мира для специалиста, что и объясняет их присутствие в тексте», «Так же, при адаптации текстов визуальный компонент может быть опосредованно связан с вербальным, при этом вносить дополнительную информацию, или привлекать внимание к тексту», «Затем, при помощи контент-анализа мы изучили тексты негомогенной природы, состоящие из невербального и вербального компонентов» и др.

Также рекомендуем расширить объем материала в соответствии с требованиями редакции («рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков»).

Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья "Визуализация как механизм креолизации при адаптации текстов учебно-педагогического дискурса" представляет собой исследование в области педагогики и методики преподавания.

Теоретическая база исследования основывается на большом количестве отечественных источников, что обуславливает интерес специалистов и актуальность данной темы.

Целью работы является - изучить способы взаимодействия верbalного и визуального компонентов в ходе адаптации текстов учебно-педагогического дискурса с точки зрения лингвистике.

Автор отмечает, что согласно теории "двойного кодирования" Аллана Пальвио, информация, представленная вербально и визуально, ускоряет обучение и лучше запоминается.

Объект исследования - креолизованные тексты учебно-педагогического дискурса. Предметом является принцип визуализации как механизм адаптации текстов.

Методика исследования основана на методе контент-анализа, а также общенаучных методов систематизации и классификации.

Материалом для исследования послужили более 100 текстов общенаучной тематики, посвящённые таким разделам, как биология, математика, химия и т. д.

Исследователь рассматривает визуализацию и, в частности, одну из её форм - рисунок. Рисунок, по мнению автора исследования, и вербальное его описание представляют собой адаптированный креолизованный текст, созданный для представления научной картины мира адресату, обладающему наивной картиной мира, во многом опирающейся на зрительное восприятие и имеющей описательный характер.

Новым в работе является изучаемый материал, так как о нем имеется достаточно ограниченное число исследований.

Количество собранных данных представляется достаточными.

Выводы автора о роли визуализации в процессе обучения представляются правдоподобными, а также имеют практическое значение в качестве возможного материала для работы с группами учащихся естественно-научного направления.

Стиль статьи полностью соответствует предъявляемым требованиям к написанию научных

статьей.

Структуру статьи составляют введение с обзором актуальных источников по теме исследования, анализ и систематизация полученных результатов, а также выводы и библиография.

Несомненным достоинством статьи является большое количество проанализированных примеров.

В качестве недостатка можно упомянуть некоторое количество опечаток, что в целом не снижает качество представленного в статье фундаментально-практического исследования и не влияет на финальную оценку проделанного автором систематического анализа аутентичного научно-визуального креолизованного материала.

В заключении автор делает вывод о том, что

Статья "Визуализация как механизм креолизации при адаптации текстов учебно-педагогического дискурса" соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям данного направления исследований (педагогика, методика преподавания естественных и математический дисциплин в рамках школьного курса и на занятиях дополнительного образования), в связи с чем статья может быть рекомендована к публикации в журнале "Филология: научные исследования".

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ожерельев К.А. Метамиры А.Г. Атеева и А.П. Владимирова как две композиционно-стилевые тенденции в современной русской литературе ужасов // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73533 EDN: YNBUUZ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73533

Метамиры А.Г. Атеева и А.П. Владимирова как две композиционно-стилевые тенденции в современной русской литературе ужасов

Ожерельев Константин Анатольевич

ORCID: 0009-0002-9077-8424

кандидат филологических наук

доцент; кафедра филологии, журналистики и массовых коммуникаций; Частное учреждение
образовательная организация высшего образования «Омская гуманитарная академия»
заведующий кафедрой филологии, журналистики и массовых коммуникаций; Частное учреждение
образовательная организация высшего образования «Омская гуманитарная академия»

644105, Россия, г. Омск, ул. 4-я Челюскинцев, 2А ауд. 300

✉ ozhereljevc@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73533

EDN:

YNBUUZ

Дата направления статьи в редакцию:

02-03-2025

Аннотация: В статье происходит обращение к актуальным вопросам жанровой, образной и стилевой проницаемости на материале творчества почти не исследованных на современном этапе самобытных авторов-беллетристов – А.Г. Атеева и А.П. Владимирова. Предметом рассмотрения выступают литературные метамиры (особые композиционно-стилевые феномены, чьи признаки также прописаны в работе) двух современных писателей, творчество которых органично вписано в контекст новейшей литературы «ужасов». Проводится компаративный анализ их образных миров и стилевой преемственности как русской (Н.В. Гоголь, М.А. Булгаков), так и зарубежной классике (Э.Т.А. Гофман, А. Дюма-отец), а также акцентируется диалог с новейшей мировой литературой (К. Баркер, С. Кинг). Методология работы опирается на методы сравнительно-сопоставительного и контекстуального анализа. В качестве

вспомогательных методик применяются семиотический, интертекстуальный и структурно-функциональный типы анализа. Автором уточняются концептуальные подходы к недавно возникшему теоретико-литературному понятию «метамира» (вариант – «художественная вселенная») применимо к прозе русских представителей литературы «ужасов»; доказывается органическая связь т. н. «легкой», беллетристической словесности и классических жанровых конструктов. Выделяются основные локусы и персонажные типы по аналогии с артефактной стороной метамиров Г.Ф. Лавкрафта и С. Кинга; проводится анализ финалов, который служит дополнительным доказательством авторского тезиса о наличии в новейшей русской литературе «ужасов» двух стилевых и сюжетно-композиционных линий в организации повествования – условно «счастливой» и «неопределенной» («с многоточием»). Приводится мифологический контекст (славянской мифологии и древнееврейских преданий) как сюжетообразующий для текстов «страшных» жанров у рассматриваемых авторов.

Ключевые слова:

литературные метамиры, русская литература, беллетристика, композиция, сюжет, стилистический феномен, А.Г. Атеев, А.П. Владимиров, интертекстуальный анализ, мифологический контекст

Теоретическое введение (проблема литературного метамира)

Предлагаемая работа посвящена некоторым выбранным аспектам малоизученного в современном литературоведении феномена русской прозы в сфере «ужасного» и «страшного» (своеобразного отечественного – глубоко специфического – аналога западноевропейского и мирового horror`а, а также субжанра «weird tales»). Данная статья, по сути, является заявкой на внесение определенных корректив в очевидную и давно назревшую теоретическую проблему – конститутивного описания образных и композиционно-стилевых признаков т. н. литературного метамира (вариант – «литературной вселенной»); точнее говоря, нашу работу можно назвать лишь «введением в проблему», своего рода prolegomena, если воспользоваться знаменитой кантианской терминологией.

Объектом рассмотрения и теоретического осмысления в работе являются предметно-образные и сюжетно-композиционные особенности произведений двух наиболее известных и, по мнению автора статьи, «характерных» для современного русского литературного хоррора писателей-беллетристов: А.Г. Атеева (1953–2011) и А.П. Владимира (1958–2023), наглядно демонстрирующих своим творчеством две плодотворные художественно-стилевые тенденции в отечественной «страшной» словесности:

- 1) условно-оптимистическую, опирающуюся (с определенными оговорками, присущими «массовому жанру») на христианскую концептологию с элементами «неославянофильской» ценностной парадигмы (А.П. Владимиров);
- 2) гностически-дуальную («неозападническую»), при которой «злое» начало в мире воспринимается как неизбежное, что определяет, в конечном счете, почти «индифферентное» отношение автора к проблеме возмездия и справедливости (А.Г. Атеев).

Для объяснения, почему в приводимой статье используется именно словосочетание

«литературный метамир», а не иная терминология, обратимся к истории изучения данного теоретико-литературного феномена (хотя вполне возможно – при более развернутой пространственно-временной перспективе – говорить даже о «метавселенной» анализируемых авторов, однако книги А.Г. Атеева и А.П. Владимира, на наш взгляд, не выработали столь широкой и обстоятельной художественной концепции, несмотря на то, что хронология в их текстах достаточно подвижна – здесь есть и злободневное настоящее («Перекресток разумов» (2010) А.Г. Атеева) и далекое прошлое («Волчья чаща» (1999) А.П. Владимира).

Одной из первых концепций, заявивших о необходимости автономного (имманентно-эстетического, не замутненного социологией) рассмотрения литературного произведения была работа выдающегося медиевиста Д.С. Лихачева, в которой ученый предложил понятие «внутреннего мира художественного произведения» [1], что позволяло расширить исследовательскую оптику не только на период древнерусской литературы, но и на последующие этапы развития отечественной словесности (включая XX в.). Оригинальным и в некотором роде новаторским развитием идей Д.С. Лихачева стала монография «О природе поэтической реальности» одного из наиболее последовательных учеников М.М. Бахтина в поэтических штудиях, яркого представителя «Донецкой филологической школы» в СССР, В.В. Федорова [2] («поэтическая реальность», по мысли исследователя, становилась пересозданной, художественной версией бытия реального, в которой, тем не менее, действовали свои, отличные от земных, законы и правила – в том числе: грамматические, логические и пр.).

Упомянутые работы, как и возникшая чуть позже теория М.М. Гиршмана о художественной целостности литературного произведения [3], опирались, в общем и целом, на бахтинские универсалии и онтологический статус художественного текста, апеллируя к фактам «серьезной» словесности и классическим образцам. В.В. Савельевой впоследствии была обозначена проблема организованного взаимодействия элементов структуры произведения в дилеммии «художественный мир – художественный текст» и привлекались для анализа уже примеры «массовой литературы» [4]. На современном этапе В.В. Абашевым и М.П. Абашевой рассматриваются т. н. «вымышенные миры» в разрезе трансфункциональности; ученые используют термин «литературная вселенная» и справедливо отмечают, что «отечественная массовая культура в строительстве литературных вымышленных миров проявляет пока некоторую робость» [5, с. 77].

Тенденция к созданию литературных метапространств, свойственная творческому методу ряда писателей-беллетристов, объединяющих в нескольких своих произведениях «сквозные» топосы, характерные локусы, частотных геров и даже некоторую общую «философскую» подоплеку излагаемых событий, становится на рубеже ХХ–XXI вв. предметом изучения целого ряда исследователей-гуманитариев: В.И. Козлова (обращающего внимание, прежде всего, на историческую трансформацию категории «художественного мира» [6]), С.В. Казаковой и И.А. Бубновой (анализирующих т. н. «квазиреалии» в рамках вымышленного «литературного мира» [7, с. 62]), Р.В. Еланчинцева (проводящего мысль о неотъемлемой связи создаваемого писателем «художественного мира» (как совокупности его произведений) с «ценностными ориентациями его создателя» [8, с. 20]), А.К. Каримовой (трактующей «литературное пространство» в т. ч. и как «...пространство внехудожественной литературы, где размещены: литература философская, религиозная, научная, политэкономическая и др.» [9, с. 68]), Л.Н. Луньковой (оперирующей понятием «возможные миры» в литературе [10]),

Ю.Г. Пыхтиной (предлагающей в качестве целесообразного подхода использовать определение «виртуального пространства в литературе» [\[11\]](#)), А.Ф. Седовым и М.З. Тугушевой (дополняющим в своей работе более или менее устоявшийся вариант термина «мир литературного произведения» [\[12\]](#)), И.В. Нероновой (описывающей «возможные миры литературы» с точки зрения западной аналитической философии, в частности – модальной логики [\[13\]](#)) и В.В. Дубровской (использующей теоретическую дефиницию «поэтического мира» [\[14\]](#)).

Как мы можем заметить, о собственно «литературном метамире» не говорит никто из вышеуказанных исследователей, хотя даже в называемых по-разному историко-литературных и теоретических феноменах «внутреннего мира», «вселенной», «возможной» / «поэтической реальности» угадываются схожие явления (общность образных и предметных констант, хронотопическая – «сквозная» – определенность вымышленной реальности, узнаваемые герои и т. д.). Добавим, что понятие «метамира» в отечественной гуманитарной традиции встречается развернуто, пожалуй, лишь у И.Д. Левина [см. об этом: 15, с. 176–180], но в исключительно философской интерпретации, что выходит за рамки наших размышлений, чьим предметом все же является «массовый» литературный жанр.

В предлагаемой работе используется термин «метамир» (по аналогии с тем, как понимается «метатекст» творчества того или иного автора: «шекспировский», «пушкинский», «гоголевский»), отличительными особенностями которого, на наш взгляд, являются следующие слагаемые:

- 1) узнаваемые, характерные локусы (топосы) – вымышленные или реальные (деревни, города, институты, географические «точки отсчета», сюжетные «реперы» – т. е. исходные пункты и пр.);
- 2) цветовая или иная (например, символическая) колористика в ряде текстов (излюбленные у авторов эпитеты, создающие узнаваемую «атмосферу» мира человеческих страхов и «ужаса»);
- 3) переходящие из одного текста в другой знакомые читателю героя, персонажные пары.
- 4) интертекстуальный диалог с русской и мировой литературной (и культурной в целом) традицией;
- 5) регулярно повторяющиеся предметные образы и артефакты, вырастающие в сюжетном пространстве произведений до универсальных «концептов»;
- 6) «сиквельная» (с тенденцией продолжения) природа многих текстов, входящих в «метамир», так или иначе определяющая характер их финалов (условно-положительный или «неопределенный»);
- 7) последовательный уклон в сторону диффузии жанров даже в рамках избранной стилевой и композиционной стратегии (например, «ужасного» рассказа или «страшной» новеллы).

Необходимо еще раз подчеркнуть важность «метамира» именно для «беллетристики» и «массовой литературы», тяготеющих к пресловутой «формульной поэтике» (по Д. Кавелти), поскольку в «популярной» литературе (и «ужасы» здесь – не исключение) отсутствует, например, такая характерная черта «серъезной» (в пределе – классической, философской и т. д.) прозы, как «...мысли **«здесь и далее выделено мной –**

K.O.>, конкретные же картины, явления, жизненные ситуации в подобном произведении обретают удвоенную ценность и призваны объяснить, подтвердить ход мышления автора или героя, направленный на постижение философии жизни» [\[16, с. 90\]](#).

Конститутивные признаки метамиров А.Г. Атеева и А.П. Владимира

Конспективно и тезисно охарактеризуем (буквально – перечислим) ключевые особенности организации художественного пространства у двух прозаиков. В произведениях дебютировавшего под псевдонимом «Аркадий Бутырский» профессионального журналиста с филологическим образованием А.Г. Атеева (всероссийская известность к нему пришла после публикации в журнале «Смена» романа «Загадка старого кладбища» (1990), в 1993–1994 гг.) и А.П. Владимира, начинавшего свою профессиональную деятельность в науке (талантливый экономист и преподаватель, кандидат наук, выпустил в свет свое первое произведение – повесть «Шестое измерение» – в 1991 г.), присутствуют знаковые для литературы «ужасов» приметы художественного метамира: характерные локусы / города / «пункты назначения» (реальный / опоэтизированный Старый Оскол (малая родина писателя) и вымышленные Святоград и Незнамовск – у А.П. Владимира (в более чем половине текстов); придуманные А.Г. Атеевым Соцгородок – в романе «Дно разума» (2009) или Тихореченск – в романах «Бешеный» (другое название «Обреченный пророк», 1996) и «Код розенкрайцеров» (известен также как «Пасынки ночи», 1997), зловещая деревня Лиходеевка в популярнейшей «Загадке старого кладбища»; городок Светлый, воздвигнутый, к слову, на месте упомянутой Лиходеевки («Город теней» (также – «Театр теней»), 2000).

Аналогичная топика, как широко известно, встречается и у «классиков», западных «королей жанра» «страшных историй»: С. Кинга (см. города-фикции в его романах и повестях: Чемберлен («Керри» (*Carrie*), 1974), Хейвен («Томминокеры» (*The Tommyknockers*), 1987), Дерри (отрывок «Птица и альбом» (*The Bird and the Album*), 1981; «Оно» (*It*), 1986), Джерусалемс-Лот, Касл-Рок (*Мертвая зона* (*The Dead Zone*), 1979); Г.Ф. Лавкрафта (проходящие сквозь огромное количество текстов жуткие городки (Данвич, Иннсмут); мифическая речка Мискатоник, возле которой расположен одноименный университет; мрачный Аркхем, где есть печально знаменитая лечебница для душевнобольных).

Некоторые герои А.Г. Атеева и А.П. Владимира часто выступают как «сквозные» персонажи целой группы текстов. Например, у Атеева несколько раз встречается ученый Струмс – фактически «двойник» знаменитого доктора оккультных наук Van Хельсинга из романов Б. Стокера и его последователей; важную сюжетогенную роль играет антигерой с «говорящим» (инфэрナルным) именем Асмодей Чернопятов (*Загадка старого кладбища*, *Бешеный*); библиотекаря Петухову, ставшую невольной свидетельницей ритуала с самыми настоящими восставшими мертвецами-зомби, писатель делает сначала главным (*Загадка старого кладбища*), а затем и второстепенным (*Город теней*) персонажем.

У Владимира частыми фабульными субъектами-акторами являются историки-краеведы, хранящие секретные тайны прошлого. Так, в сюжетно-виртуозном романе «Племя Каина» (2002) фигурирует архивист Владимир Кошелев, редактор журнала «Возрождение Руси» и автор научных трудов «История Русского Черноземья» и «Исчезнувшие племена»; в романе «Шоу зловещих сказочников» (2009) упоминается «научно-исторический труд Мефодия Викулова: "История Старого Оскола"» [\[17, с. 8\]](#), а в мистическом пространстве последнего романа А.П. Владимира «Чаровница. Исповедь ведьмы» (2020)

присутствует некий Чарский – чудаковатый историк Белгородской области, всячески предостерегающий главную героиню от встречи с потусторонними силами. Укажем, что и у Атеева встречается похожий образ – колоритного хранителя таинственного музея в «Городе теней», археолога Сергея Белоярова (являющегося «по совместительству» еще и т. н. «белым магом»), направляющего незадачливого искателя сокровищ Георгия Лескова.

Есть в хронотопической перспективе произведений А.Г. Атеева и А.П. Владимира и яркие артефакты, разрастающиеся до уровня «знаковых» концептов, которые определяют сам характер сюжетной связки (часто связующей разновременные пласти: досоветский, социалистический, перестроочный). К подобным предметным («вещным») образам относится, например, жестяная баночка из-под коробки дореволюционных конфет знаменитой фабрики Абрикосова в маленькой повести Атеева «Черный винил» (2010) и в уже отмеченном романе «Город теней»; есть здесь и явно неслучайные лингвистические переклички – фамилия одной из героинь (Аделаида **Абрикосова**) в «Бешеном» рифмуется грамматически и по смыслу с упомянутой железной коробочкой от широко популярных в царской России «абрикосовских» сладостей (данный предмет выступает в тексте образом хранимой в веках страшной тайны).

Мотив поиска кладов и многоаспектный образ болотных (точнее – «кладбищенских») огоньков появляются почти в каждом произведении А.Г. Атеева (особенно часто – в «Загадке старого кладбища», «Бешеном» и «Городе теней»), что напрямую соотносится с русской традицией изображения «загадочного» и «страшного» (ср. с не собственно «страшными», но «тайными» и, одновременно, «поучительными» «Сказками о кладах» (1830) О.М. Сомова). Древняя проклятая монета «с крестом и дыркой» в романе Атеева «Дно разума» выполняет ту же губительную роль, что и фальшивый купон в одноименной повести Л.Н. Толстого (1904). Яркий и запоминающийся образ «Черной книги», найденной скромным студентом медуниверситета, Веней Радищевым, на развалинах разрушенного старого дома («Шоу зловещих сказочников» А.П. Владимира); проклятый дневник, который читает учитель Олег Тузов в «Бешеном» А.П. Атеева, и легендарный «Некрономикон» из произведений Г.Ф. Лавкрафта – представляют собой звенья одной образно-символической цепи, которая соединяет многие тексты указанных авторов в единое образно-концептуальное метапространство (собственно, «метамир»).

Связь образа трамвая в русской литературе с темой смерти, «страшного» рока, «чудовищного» и «ужасного» начал берет свои истоки, как известно, с хрестоматийного сюжетного поворота из романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1928–1940) (жуткая гибель Берлиоза). Образной параллелью булгаковской отрезанной «голове Берлиоза» и смертоносному трамваю могут выступать не только «мертвые головы» («вместо капусты и брюквы»), продаваемые в лавке зеленщика в «поликодовом» и многослойном стихотворении Н.С. Гумилева «Заблудившийся трамвай» (1919), но и необъяснимая поначалу смерть (под воздействием колдовского желания героя) под колесами трамвая одного из «бледных» персонажей в «Дне разума» А.Г. Атеева. К слову, с Булгаковым в оригинальную, собственно художественную, полемику вступал в своих романах и А.П. Владимиров (сам писатель признавался, что ему близка интерпретация «Мастера и Маргариты», которую предлагал профессор М.М. Дунаев, – о «сатанинском» и гностическом подтексте романа; об этом, без негативной оценки (но и не в прямую), писали в свое время и выдающиеся советские искусствоведы, например, И.Ф. Бэлза [18]). Относительно фигуры М.А. Булгакова стоит отметить, что оба современных автора в жанре «хоррор» любят использовать смещение временных

пластов («далекое прошлое – настоящее», по принципу монтажа), как это было в «Мастере и Маргарите».

В произведении А.Г. Атеева «Бешеный» есть частотный не только для русского, но и для мирового «хоррора» топос психбольницы (уже названная Аркхемская лечебница у Г.Ф. Лавкрафта): так, в городе Тихореченске, в подобной лечебнице томится необычный пациент-провидец, Владимир Сергеевич, не понимаемый большинством, но, несомненно, знающий некую важную тайну. Схожим образом, в начале романа А.П. Владимира «Чаровница. Исповедь ведьмы» возникает некогда популярный писатель, Андрей Фирсов, заключенный в психиатрическую палату как потерявший рассудок «творческий человек» (что, как нетрудно догадаться, лишь частично соответствует реальности). Это, несомненно, обобщенный оммаж двух современных писателей М.А. Булгакову и узнаваемая отсылка к сюжетной ситуации «Мастер в психиатрической клинике» из самого известного произведения художника слова. В «Бешеном» А.Г. Атеева важными для всей композиционной и идейной структуры романа являются образы Козопасова и Ситникова – резко и отчетливо «потусторонние», напоминающие совокупно сразу всех спутников булгаковского Воланда (Азазелло, Коровьева etc.). Появляется там и некий «человек кошачьего вида», который был «одет в отлично сшитый костюм и белую крахмальную сорочку с галстуком-бабочкой, заколотым золотой булавкой с темно-зеленым прозрачным камнем» [19] (данный портрет – это, безусловно, весьма определенная «реминисцентная цитата» на «темного» трикстера, Кота Бегемота из «Мастера и Маргариты»).

Эпитет «серебряный», являющийся частым семантическим коррелятом противодействия нечистой силе и – реже – связи с «ужасным» и потусторонним, можно встретить у обоих авторов: у Атеева есть мотив «убийства серебряной пулей» в «Бешеном», равно как и в романе «Черное дело» (второе название – «Серебряная пуля», 1995), а у Владимира образом-символом защиты русской земли от разнородной нечисти в Старом Осколе позапрошлого века становится «серебряный Крест» князя Игнатова, который тот передал сыну перед смертью как предметный завет (рассказ «Волчья чаща»). Отметим, что контекстуальную параллель рассказу А.П. Владимира может составить один из наиболее интересных текстов малой прозы А.И. Куприна в жанре «страшного рассказа» (предания), «Серебряный волк» (1901), оригинально обыгрывающий полесскую (и общеславянскую) легенду о человеке-оборотне («вовкулаке / волколаке»).

Ключевым композиционным и семантическим (шире – концептуальным) отличием двух, на первый взгляд, типологически схожих писателей является их отношение к сюжетно-композиционному исходу своих произведений, которое имеет не только художественный, но и аксиологический подтекст. Позитивный финал произведений, иногда переходящий в схематичный «хэппи-энд», является прерогативой большинства сочинений А.П. Владимира, в то время как открытая концовка (постулирование идеи о том, что « зло по-прежнему живет в мире») – это излюбленный композиционно-стилистический «конёк» А.Г. Атеева (см. знаменитый экспрессивный образ «черной птицы» в finale «Загадки старого кладбища»).

С оговорками можно признать «неославянофильскую» (иногда даже с налетом национализма или жесткого консерватизма) и «неозападническую» (терпимую к разным идеологическим конструктам) позиции писателей (Владимиров и Атеев, соответственно). Характерно, что А.П. Владимиров наделяет своих антагонистов подчеркнуто нерусскими, иноязычными именами (Георг Гершель, Дан Сибириус в романе «Власть проклятых» (1999)), а славянская антропонимика его героев является субSTITУТОМ защитников

Родины и подвижников русской веры (журналист Светлана Додонова в «Племени Каина», художник Дмитрий Ивашов в новелле 1999 г. «Изгнание»). Однако можно говорить и о том, что в последний период своего творчества (незадолго до смерти) А.П. Владимира частично отошел от тенденции «счастливого конца» в своих произведениях, и, например, в финале одного из лучших поздних рассказов «Шинель – 2 (о чем умолчал Гоголь)» (2020) (сочетающем в себе черты т. н. «текста-продолжения» и «текста-интерпретации» [см. об этом: 20]) была представлена не только светлая ипостась образа бедного чиновника (собственно Акакий Башмачкин), но и его «инфериальная» копия (Франсуа Аполлонов).

Стилевые источники творчества двух авторов. Проблема интертекстуальных связей

Стилевые учитель А.П. Владимира в литературе и культуре (признание и свидетельства об этом были неоднократно сделаны как в авторском курсе видеолекций «Технологии творческого процесса» на СГУ-ТВ, так и в многочисленных интервью писателя): А.С. Грин, Э.Т. Гофман, Н.В. Гоголь и М.А. Булгаков. Последние два, несмотря на сложное отношение Владимира к идейному слою произведений Булгакова, несомненно, повлияли на современного беллетриста в плане художественного языка: ср. примеры экфрасиса из «Шоу зловещих сказочников» («На **серебряных** подносах лежали окорока, румяные пироги, **серебристая** рыба **<вновь отметим словно бы назойливое подчеркивание «серебряного», «нечистого» (нереального) признака чудесной еды в этом отрывке – К.О.**», в братинах поблескивала, переливалась красными и черными искорками икра, золотом отливал мед, в бутылях плескалось вино» [17, с. 106]) со знаменитым описанием стола Собакевича в гоголевских «Мертвых душах» (1 том, 1842) или с изысканной сервировкой блюд у профессора Преображенского в булгаковском «Собачьем сердце» (1925).

От С. Кинга и Д.Р.Р. Толкина А.П. Владимира позаимствовал сюжетную модель «убегаю – догоняю», которая была тонко использована, например, в «Шоу зловещих сказочников». Трудно переоценить и роль Р.Л. Стивенсона для современного автора – мотив двойничества, восходящий к образам доктора Джекила и мистера Хайда стал доминантным в таких произведениях Владимира, как «Темный лик двойника» (2009), «Двойники. Раскол мира» (2011). А. Дюма-отец оказал влияние на Владимира в плане сюжетики («закрученная» фабула, несколько сюжетных планов) и обрисовки типов героев – так, русские персонажи-охотники «Волчьей чащи» завуалированно отсылают к приметам знаменитых мушкетеров: бражника и драчуна Атоса, обжоры и недалекого в целом Портоса, любвеобильного и циничного красавца Арамиса (см.: «Виктору было уже за сорок. В его жестком лице и черных колючих глазах читались смелость, воля и решительность. Второй охотник – высокий, толстый, любил отменно поесть и славился необычайной силой. Рядом с Петром скакал Николай, человек с красивым, но слишком бледным и мрачным лицом. Зато противоположностью Николаю был Иван – двадцатидвухлетний щеголеватый парень с копной ниспадающих до плеч белых кудрявых волос. Он без конца болтал и смеялся» [21, с. 318–319]).

Образная орнаментика лирики и драматургии У. Шекспира также находится в первом ряду литературных влияний на стиль А.П. Владимира. Среди высоко ценимых прозаиком явлений и персоналий истории литературы прошлого и настоящего – стихотворения-стилизации А.К. Толстого в жанре «былин» (это нашло прямое отражение в «Племени Каина»), избранная поэзия Серебряного века (И. Северянин, В.В. Гофман). Однако неумеренное включение «былинных» и «неофольклорных» элементов в повествовательную ткань произведений А.П. Владимира иногда нарушает

художественную меру «вымысла» и «злободневности», что дает возможность некоторым критикам справедливо относить подобные случаи «литературной игры-стилизации» к постмодернистским упражнениям по типу «постишия» или иронического интертекста («В основной сюжет хаотично вставлены совершенно необъяснимые главы, в постмодернистской манере пересказывающие сюжеты русских былин. То Василий Буслаевич изводит на Сорочинской горке вампиров, обожающих ужастики и панк-рок, то Василиса Микулична возглавляет движение новгородских феминисток» [\[22, с. 279\]](#)).

Стилевые и образные «фантазмы» вымышленных миров К. Баркера с его фантастическими чудищами, бесполыми антропоморфными сущностями (как, например, «мистиф» в романе «Имаджика» (*«Imajica»*), 1991), убийцами с ножами или увечными мстителями с руками-крюками по типу жуткого карателя-«сладкоежки» Кэндимэна (из рассказа британского мастера «ужасов» «Запретное» (*«The Forbidden»*), 1985) послужили А.П. Владимирову визуальной основой для обрисовки типов имморалистических злодеев из триллера «Посланец ночи» (1999, в частности – «вневременной» убийца на мотоцикле с холодным оружием), фэнтезийного романа «Утопия хаоса» (2016) и мистико-философского детектива «Чаровница. Исповедь ведьмы» (у земной версии «вечной ведьмы» Чаровницы покалечена рука после жуткого самосуда разъяренной толпы («рука-клешня»), совсем как у баркеровского Кэндимэна).

Роман Владимира «Посланец ночи», а также новеллы «Человек в шляпе», «Заговор мертвецов», «Рыжий» (из цикла «Хроники ужасов», все – 1999) связаны и темой двойничества, и общим топосом (неизменный и любимый писателем Старый Оскол), и «сквозными» персонажами (например, полковник Федор Сазанов появляется в «Посланце ночи» и «Рыжем»). В новелле «Заговор мертвецов» автором неслучайно выбрано странное для России имя главной героини – Кора (явная отсылка к древнегреческой Персефоне (чье второе имя – Кора, от др.-греч. Κόρη); обманутая женщина как будто мстит из подземного царства предавшим людям, и ей, как царице мира мертвых, покоряются для мести неверному мужу тени других умерших и преданных кем-либо людей). Применима к этой новелле и мотивно-сюжетная параллель, типологически восходящая к рассказу Д. Дю Морье «Яблоня» (*«The Apple Tree»*, 1952; мотив мести уже умершей жены, с того света, мужу) и к сюжету уже упомянутой истории о Кэндимэне у К. Баркера (аналогичный мотив предательства жены легкомысленным мужем и последующее возмездие).

Другие виды искусства, повлиявшие на поэтику литературного метамира А.П. Владимира: живопись К.А. Васильева (псевдоним «Константин Великоросс») (как образец показана в «Племени Каина») и музыкальная оперетта (И. Кальман, И. Штраус, Ф. Легар, Н.М. Стрельников; опять же – в «Племени Каина», например, партия мистера Икс (*«Снова туда, где море огней...»*, из «Принцессы цирка» И. Кальмана (*«Die Zirkusprinzessin»*), 1926) в смятенном сознании журналистки Додоновой сменяется дуэтом Сильвы и Эдвина (из кальмановской же «Королевы чардаша» (*«Die Csárdásfürstin»*, 1915): «Помнишь ли ты, как счастье нам улыбалось?»). Среди прочего, нельзя не отметить, что А.П. Владимиров в стилевом отношении весьма осторожен к ненормативной лексике (чаще всего он использует отточия-«намеки» на обсценизмы).

Образно-стилевое влияние на художественную специфику большинства текстов А.Г. Атеева (по данным интернет-интервью с писателем [\[23\]](#)) оказали сочинения Э. По (но не собственно «ужасы», а детективы: «Убийство на улице Морг» (*«The Murders in the Rue Morgue»*, 1841), «Золотой жук» (*«The Gold-Bug»*, 1842) – причем именно в ранний период увлечения литературой). «Российский король ужасов» (по характеристике В.Г. Тихонова)

достаточно сдержанно относился к поэтике Г.Ф. Лавкрафта («для меня важно, чтобы мистическая линия не доминировала, а органично переплеталась с реальной жизненной фактурой» [23], но не наоборот, как в случае с полностью придуманными мирами гениального затворника из Провиденса), однако очень любил и ценил С. Кинга, хотя и был далек от его «стилистики».

В романе «Бешеный» Аделаида Абрикосова показывает школьному учителю Олегу Тузову чудесный корень «мандрагоры» – по ее словам, «первейшее колдовское средство» [19]; в «Городе теней» также упоминается древнее практическое руководство «Как правильно выкапывать и использовать корень мандрагоры», что в совокупности является вполне конкретной интертекстуальной ссылкой к роману выдающегося представителя т. н. «Пражской» немецкоязычной школы, Г.Г. Эверса «Альрауне: История одного живого существа» («Alraune. Die Geschichte eines lebenden Wesens», 1911) – по средневековым преданиям многих европейских народов «альраунами» называли духов низших существ, обитавших как раз в корнях мандрагоры. Образ Старого Морехода (так называют одного из персонажей «Города теней») является реминисценцией на одну из художественных версий образа «Вечного странника» («Вечного Жида», «Летучего Голландца» и пр.) из великой поэмы С.Т. Кольридж «Сказание о Старом Мореходе» («The Rime of the Ancient Mariner», 1789).

Профessionально занимавшийся нумизматикой, Атеев широко применял свои знания семиотики металлических денежных знаков к литературным реалиям и выводил в повестях и романах впечатляющие образы «дьявольских» или «проклятых» монет, описанных с дотошной и чарующей детализацией («Дно разума»).

Если у А.П. Владимирова среди музыкальных фаворитов, лейтмотивно упоминаемых в пространстве художественного метамира, первенство делают оперетта и популярная музыка («ABBA», «Arabesque»), то у А.Г. Атеева среди приоритетов искушенного меломана (каким был и сам писатель, и многие его герои) – неутомимый «драйв» тяжелого рока и романтическая классика, густо замешанные на мистике и «ужасах» (например, среди последнего, в романе «Бешеный» есть неслучайное упоминание о «Дьявольских трелях» Г. Берлиоза – здесь, вероятно, присутствует случайная авторская контаминация в заглавии: собственно сочинение Д. Тартини под названием «Дьявольская трель» («Il trillo del diavolo», примерно 1713) и 5 часть опуса Г. Берлиоза «Фантастическая симфония» («Symphonie fantastique», 1830), именуемая иногда «Шабаш ведьм» («Songe d'une nuit du sabbat»)). Атеев очень любит рок-стилистику (точнее – хард-н-хэви образы): глэм-поэтику Элиса Купера (у него, среди прочего, ярко выражено «ужасное» начало в текстах песен и названиях альбомов), эпатирующую символику «черного», «тяжелого металла» Кинга Даймонда и неоготическую холодность лирики группы «Lacrimosa»); данное увлечение отразилось в упомянутой выше повести «Черный винил» из сборника 2010 г. «Аватар бога».

А.Г. Атеев причудливо переплетает в своих произведениях как древнееврейские предания (см. ироничную трансформацию легенды о Диббуке (впервые литературно обработанной в драме С.А. Анского 1916 г. «Гадибук» (גָדִיבָּקְעַת רָעַת - צְוִיָּה וְעַלְלָה) в одной из вставных новелл в романе «Девятая жизнь нечисти», 2004), так и славянские мифологические дуальные образы (см. «равновесное» противостояние адептов Чернобога и Белобога в «Городе теней» – по сути гностически-манихейская, авторская мотивировка неразделимого союза «добра» и «зла» в мире).

По собственному признанию (из приведенного ранее интервью), ближе всего А.Г. Атееву русская классика: Н.В. Гоголь (любимый автор прозаика), Н.С. Лесков, А.К. Толстой (но,

в отличие от Владимира, ценящего языковые «стилизации» поэта под «старины» и «былины», Атееву интересны именно «ужасные тексты» Толстого). Из современных авторов художников слова стоит отметить столь несхожих писателей, как С.Д. Довлатов и Ю.И. Коваль (А.Г. Атееву оказывается внутренне созвучен как «скупой», безэмоциональный язык прозы «русского американца» Довлатова («ворованный воздух» в определении критика В.Г. Бондаренко, из переиначенной по смыслу известной формулы О.Э. Мандельштама) и сочная, яркая образность создателя многоуровневого романа-«пергамента» «Суер-Выер» (1995 / 1998) Коваля. Главными литературными уровнями для Атеева выступают «сюжет» и «слог» [23]. Уточним, что Владимира среди подобных констант обозначает «идею», «сюжет», «образы» и «язык ("слог")». Примечательно, что два оригинальных автора никогда не принимали жесткого деления на «низкую» и «высокую» литературу, на «серьезных» и «несерьезных» писателей, выделяя лишь «талантливо» и «не талантливо» написанные тексты.

А.Г. Атеев более терпим к обсценной лексике, нежели А.П. Владимира. Что касается живописного интертекста его прозаического творчества, то у Атеева в «Бешеном» встречается гобелен, воспроизводящий знаменитую гравюру А. Дюрера «Рыцарь, Смерть и Дьявол» («Ritter, Tod und Teufel», 1513), иконографическая образность которой частично (по большей части – суггестивно) отсылает к сюжетным перипетиям всего атеевского метатекста (и, таким образом, авторского метамира), где есть спутники, провожатые и вдумчивые наблюдатели (как на полотне немецкого мастера).

И А.Г. Атеев, и А.П. Владимира экспериментировали с жанрами «массовой литературы», выходя далеко за пределы чистого «хоррора» и детективных сочинений: так, Атеев отдал дань жанру «спецслужбистского (конспиративного) боевика» в книге «"Скорпион" нападает первым» (1998) (хотя и в ней присутствуют элементы литературы «ужасов» – например, сцена гибели взбалмошного скунхеда от крыс в старомосковском подземелье очень напоминает жуткие картины из рассказа Г.Ф. Лавкрафта «Крысы в стенах» («The Rats in the Walls», 1924)), а Владимира успел попробовать себя в написании альтернативной художественной истории – на манер антиутопии В.П. Аксенова «Остров Крым» (1981) был создан роман-фантазия «Призрак Белой страны» (2015) (на замысел романа, по свидетельству самого писателя, не в последнюю очередь, оказал влияние известный фильм К. Менола в жанре альтер-истории «Фатерлянд» («Fatherland», 1994; экранизация одноименного романа Р. Харриса 1992 г.). Даже в своих собственно «ужасных» текстах А.П. Владимира проводит прозрачные политко-фантастические аллегории (в нашумевшем «Племени Каина» под злодеями-каинитами могут недвусмысленно пониматься инородцы и чужаки, а в «Чаровнице» присутствует еще более сильная погруженность в современность, вплоть до обнажения самых злободневных проблем: нелегальной миграции, войны за Донбасс, неравномерного распределения государственных богатств между народом и правящей элитой). О загадочных египетских пирамидах («Лже-Абсолют», 2012) Владимира написал почти в духе признанных когда-то квазинаучными «Колесниц богов» («Erinnerungen an die Zukunft: Ungelöste Rätsel der Vergangenheit», 1968) Э. фон Дэнкена; частыми мифологическими топонимами в его художественных поисках прародины человечества выступают «Гиперборея» и «Арктида».

Оба автора тяготеют к претенциозным (иногда даже излишне вычурным), «завлекательным» названиям своих опусов («Ты умрешь в замке призраков» (2000), «Создатель страшных идолов» (2010) А.П. Владимира; «Аватар бога» (1991), «Код розенкрейцеров» (1997) А.Г. Атеева), что дополнительно оттеняет именно «беллетристический» (в чем-то прямо «коммерческий») аспект их творчества.

Отношение к фольклорной и литературной традиции. Рецепция гуманистического наследия в культуре

А.П. Владимиров искренне переживал об утрате в современных литературных сказках доброты и светлого начала и создавал новые интерпретации известных сказочных («Пойди туда – не знаю куда, или Святая простота» (в 10 частях, о царе Берендеев), «Странствия Колобка» – оба 2019) и литературных («Алиса в Зазеркалье: Современная версия» (2018), «Шинель – 2 (о чем умолчал Гоголь)» (2020)) сюжетов, их своеобразные «продолжения» (в этом отразилась «сиквелльная» тенденция творчества художника слова, дополнительно адресующая к феномену всегда находящегося «в зарождении» (*in statu nascendi*) «литературного метамира»). А.Г. Атеев считает «нормальным» и «позитивным» наличие субжанра «детских страшилок и ужастиков» (восходящих к Р.Л. Стайну) и спокойно воспринимает (как некую не зависящую от человека «данность») кризис монотеистических религий (христианства, ислама) в современном мире [\[23\]](#).

Если брать отношение к гуманистической традиции в культуре, то А.П. Владимиров (пусть и с оговорками) является человеком эпохи «модерн», гуманистом, противником любого изменения природы человека: «чикирования», «клонирования» и пр. («Последние времена», 2018). В свою очередь, А.Г. Атеев «индифферентен» к данным понятиям в художественном творчестве, поскольку его интересует «чистая развлекательность». Сложное отношение оба писателя выражают к «виртуальной реальности», иногда приобретающей, по их мнению, оттенки подлинно «дьявольского» замысла. Например, Атеев в «Аватаре бога», который в качестве исследовательской перспективы было бы любопытно сравнить с романом Е.И. Парнова «Бог паутины» (1997), тесно сплетает тему «ужасного» и «виртуального» (люди-克лоны); среди прочего в «Аватаре бога» есть тонкое обыгрывание культурных концептов прошлого (см. ночной клуб со странным названием «No Sfera Too», оформляющий явный «вампирический» контекст и почтительную отсылку-оммаж к культовому фильму-адаптации романа Б. Стокера «Дракула» («Dracula», 1897) («Носферату, симфония ужаса» («Nosferatu – Eine Symphonie des Grauens»), 1922, реж. Ф.В. Мурнау).

Среди последних интерпретаций научно-философских и метафизических проблем двумя авторами стоит особо выделить рассмотрение феномена «детей-индиго» («Индиго – раса грядущего» (2015) А.П. Владимира) и решенную в «серъезно-ироничном» (по М.М. Бахтину) ключе идею переселения разумов, «метемпсихоза» («Перекресток разумов» (2010) А.П. Атеева). В пространстве последней из повестей сойдутся (в лице хрупкой девушки) «разумы» и «души» ее бесшабашного брата-мотоциклиста (чья мстительная воля, в итоге, пересилит остальные «энергетические центры»), пожилого гражданина Андрея Владимира и застенчивого от природы адвоката Шлагбаума.

В заключение стоит отметить, что заявленная нами в заглавии проблематика, несомненно, требует более развернутого и основательного исследования, а оставшиеся за рамками нашей работы важные вопросы (о влиянии двух обозначенных композиционно-стилевых тенденций в современной русской литературе «ужасов» на тех или иных молодых авторов, о модификационной и концептуальной «подвижности» данных тенденций и пр.) должны стать темой для будущего большого теоретико-литературного труда.

Библиография

1. Лихачев Д.С. Внутренний мир художественного произведения // Вопросы литературы. 1968. № 8. С. 74–87.

2. Федоров В.В. О природе поэтической реальности: моногр. М.: Сов. писатель, 1984. 184 с.
3. Гиршман М.М. Литературное произведение: теория художественной целостности. М.: Языки славянской культуры, 2002. 527 с.
4. Савельева В.В. Художественный текст и художественный мир: проблемы организации. Алматы: Дайк-Пресс, 1996. 191 с.
5. Абашев В.В., Абашева М.П. Трансфикциональные опыты российской массовой культуры // Филологический класс. 2024. Т. 29, № 4. С. 77–85.
6. Козлов В.И. Историчность категории художественного мира // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 3. С. 38–53.
7. Казакова С.В., Бубнова И.А. Влияние автора искусственной литературной вселенной на взаимосвязь типа квазиреалии с ее функцией (на материале литературных вселенных Дж.Р. Толкина и Ф. Герберта) // Вопросы психолингвистики. 2024. № 1 (59). С. 60–71.
8. Епанчинцев Р.В. Изучение художественного мира литературных произведений в контексте системного подхода // Вестник Северо-Восточного государственного университета. 2014. № 22. С. 18–20.
9. Каримова А.К. Опыт структурирования литературного пространства: от номинаций к реалиям // Литература и язык в современном поликультурном пространстве: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Стерлитамак, 2017. С. 68–75.
10. Лунькова Л.Н. Возможные миры художественной литературы // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 35. С. 111–114.
11. Пыхтина Ю.Г. Виртуальное пространство в литературе: типология, структура, функции // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 1 (201). С. 114–118.
12. Седов А.Ф., Тугушева М.З. Мир литературного произведения. Балашов: Арья, 2014. 106 с.
13. Неронова И.В. Теория возможных миров литературы: предпосылки создания, основные задачи и подход к художественному миру литературного произведения // Социальные и гуманитарные знания. 2016. Т. 1, № 4. С. 277–283.
14. Дубровская В.В. Литературоведение: поэтический мир: уч. пособие. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2016. 122 с.
15. Рацковский Е.Б. Между универсумом и землей (о «еврейских мотивах» в российской философской мысли XX столетия) // Россия и современный мир. 2006. № 4 (53). С. 172–185.
16. Еремеев А.Э. К вопросу о понятии «философская проза» // Вопросы русской литературы: респуб. межведом. научн. сб. Львов: «Свит», 1990. Вып. 1 (55). С. 84–91.
17. Владимиров А.П. Шоу зловещих сказочников: роман. Старый Оскол: Изд-во кпц «Роса», 2009. 194 с.
18. Бэлза И.Ф. Генеалогия «Мастера и Маргариты» // Контекст: литературно-теоретические исследования. М.: Наука, 1978. С. 156–248.
19. Атеев А.Г. Обреченный пророк [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://litvek.com/book-read/80320-kniga-aleksey-grigorevich-ateev-beshenyiy-chitat-online?p=70&ysclid=m7q32n2luw51769422> (дата обращения: 14.02.2025).
20. Ожерельев К.А. Casus «Шинели» Н.В. Гоголя в новейшей отечественной литературе: интерпретация исходного сюжета и создание продолжений // Россия и мировые тенденции развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / науч. ред. П.Г. Макухин. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2023. С. 305–315.
21. Владимиров А.П. Волчья чаща // Власть проклятых. Роман и рассказы. М.: «Евразия+», 1999. С. 318–335.
22. Соколов А. Александр Владимиров. Племя Каина [рецензия] // Если. 2002. № 10. С. 278–279.

23. «Буду и дальше пугать народ!» (интервью В. Тихонова с «королем ужасов» Алексеем Атеевым) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://samlib.ru/t/tihonow_w_g/ateev.shtml?ysclid=m7q9253l28910731795 (дата обращения: 14.02.2025).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступают метамиры А. Г. Атеева и А. П. Владимира как две композиционно-стилевые тенденции в современной русской литературе ужасов. Отмечается, что «предметно-образные и сюжетно-композиционные особенности произведений двух наиболее известных и, по мнению автора статьи, «характерных» для современного русского литературного хоррора писателей-беллетристов: А. Г. Атеева (1953–2011) и А. П. Владимира (1958–2023), наглядно демонстрирующих своим творчеством две плодотворные художественно-стилевые тенденции в отечественной «страшной» словесности». Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью феномена русской прозы в сфере «ужасного» и «страшного» в современном литературоведении.

Теоретической основой исследования обоснованно явились труды по теории возможных миров литературы; теория художественной целостности; категории художественного мира; природе поэтической реальности и пр. таких ученых, как Д. С. Лихачев, В. В. Федоров, В. В. Савельева, Р. В. Епанчинцев, Л. Н. Лунькова, И. В. Неронова, В. В. Абашев, М. П. Абашева, С. В. Казакова, И. А. Бубнова и др. Библиография включает 23 источника, что представляется достаточным для обобщения и анализа теоретического аспекта изучаемой проблематики. Библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; метод структурного анализа текста, сравнительный метод, методы интертекстуального и дискурсивного анализа.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования автор(ы) уточнили понятия «метамир» и «литературный метамир»; обобщили отличительные особенности феномена метамир (узнаваемые, характерные локусы; цветовая или иная (например, символическая) колористика; интертекстуальный диалог с русской и мировой литературной (и культурной в целом) традицией; последовательный уклон в сторону диффузии жанров даже в рамках избранной стилевой и композиционной стратегии и др.); проследили конститтивные признаки метамиров А. Г. Атеева и А. П. Владимира («сквозные» персонажи целой группы текстов; эпитет «серебряный», являющийся частым семантическим коррелятом противодействия нечистой силе и – реже – связи с «ужасным» и потусторонним; позитивный финал большинства сочинений А.П. Владимира и открытая концовка у А.Г. Атеевой) и стилевые истоки их творчества. В заключение отмечено, что заявленная проблематика, несомненно, требует более развернутого и основательного исследования, а оставшиеся за рамками работы важные вопросы (о влиянии двух обозначенных композиционно-стилевых тенденций в современной русской литературе «ужасов» на тех или иных молодых авторов, о модификационной и концептуальной «подвижности» данных тенденций и пр.) должны стать темой для будущего теоретико-литературного труда.

Теоретическая и практическая значимость исследования неоспорима и обусловлена его вкладом в решение современных языковедческих проблем, связанных с теоретическими положениями концепции литературного метамира и феноменом русской прозы в сфере «ужасного» и «страшного». Полученные результаты могут использоваться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по общей теории литературы, по русской литературе, лингвистике текста, в спецкурсах, посвященных современной русской литературе ужасов и пр.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Содержание рукописи соответствует названию. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания и характеризуется логичностью и доступностью. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Гун А. Дзен-буддистская практика в прозе В. Пелевина (на примере романов «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня») // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73693 EDN: ZOOKHN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73693

Дзен-буддистская практика в прозе В. Пелевина (на примере романов «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня»)

Гун Аньлин

аспирант; кафедра истории русской литературы; Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9-11В

✉ gap0921liza@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73693

EDN:

ZOOKHN

Дата направления статьи в редакцию:

14-03-2025

Аннотация: В поэтике Виктора Пелевина важное значение имеет использование философии дзен-буддизма. В данной статье в качестве материалов для анализа выбраны романы В. Пелевина с наиболее очевидными проявлениями философии дзен-буддизма — «Чапаев и Пустота» (1996) и «Священная книга оборотня» (2004). В конце этих двух романов герои совершили свои дзен-буддийскую практику и исчезают из мира. Хотя в обоих романах показывается процесс дзен-буддийской практики главных героев, методы практики эти различны: Петр Пустота больше полагается на коаны дзен, он достигает просветления через внешнюю тренировку и вдохновение словом, в то время как дзен-буддийская практика А Хули исходит изнутри, из особенностей ее личности. Для выявления дзен-буддийской философской идеи и методы практики в романах (напр. Использование коанов, понятия «Пустоты» и «Природы будды» и т. д.) в статье применялись культурно-исторический и интертекстуальный методы. Центральным для данной работы выступил сравнительно-сопоставительный метод, позволивший выявить различия в методах и высших учениях практик героев. Научная новизна данного

исследования заключается в том, что, несмотря на интерес исследователей к дзен-буддийским идеям в произведениях В. Пелевина, на данный момент слабо изучена методы и высшие учения дзенской практики его персонажей. В результате исследования установлено, что различие практики героев проявляется не только в методах их практики, но и в познании «высшего учения». В романе «Чапаев и Пустота» — это познание понятия «Пустоты», а в романе «Священная книга оборотня» — «Природы будды». Эти ключевые понятия дзен-буддизма выступают в качестве единственного пути к спасению для главных героев. Автор через них постепенно приводит героев к просветлению. В парадигме В. Пелевина философия дзен-буддизма — это инструмент, используемый для спасения главного героя, влияющий на сюжет и композицию романа. Философская мысль дзен-буддизма не только дает идеологическую основу литературному произведению, но и формирует логику текста.

Ключевые слова:

Виктор Пелевин, коан, дзен-буддизм, Чапаев и Пустота, Священная книга оборотня, философия, дзен-буддийская практика, Пустота, Природа будды, просветления

Введение

В прозе Виктора Пелевина всегда встречаются схожие концовки: главные герои завершают свою духовную практику и затем исчезают. В романе «Чапаев и Пустота» Петр Пустота с помощью мастера Чапаева завершает практику дзен-буддизма и прибывает во «Внутреннюю Монголию»; в романе «Generation П» электронный двойник Татарского повсеместно присутствует на телевидении, но становится иллюзией, в конце романа «Священная книга оборотня» героиня А Хули находит способ перестать создавать мир и исчезает в радуге. В. Пелевин использует уникальную литературную стратегию: главная задача романа как литературной формы — спасти главного героя. Средство спасения главных героев в романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня» — это дзен-буддизм. Однако процесс духовной практики в двух романах совершенно разный. В данной работе анализируются практика и учение дзен-буддизма в названных романах и определяется функциональное значение этого философского учения в формировании художественного мира В. Пелевина.

Дзен-буддистская практика

Чапаев, герой романа «Чапаев и Пустота», — не практикующий дзен мастер, а учитель. Настоящий практик — это Петр Пустота, поэт из Петербурга, и его фамилия — Пустота — представляет собой игру слов. В романе подробно описана внешность каждого персонажа при первом его появлении, за исключением Пустоты. Столь расплывчатый образ этого героя соответствует объяснению «Пустоты» в «Сутре помоста шестого патриарха»: «Пустота бесформенна, изначальная природа в точности подобна этой пустоте, и осознание того, что нет там такой вещи, которую можно было бы увидеть, и зовется «истинным прозрением» [4, с. 280]. Петр Пустота обладает ровно таким же объемом информации, как и читатель: у него нет воспоминаний о прошлом и идей о будущем. Поэтому каждый читатель может стать Пустотой и следовать за ним в его дзен-буддистской практике. Или же читатель может наблюдать за его практикой как посторонний человек. В романе «Священная книга оборотня» объем знаний А Хули намного больше, чем у всех персонажей и читателя. Тысячелетние память и опыт позволяют А Хули стать мастером дзен для читателя. Она не только завершила свою

собственную практику, но и оставила метод практики «бесхвостой обезьяне» (человеку). Роль А Хули в романе — роль стороннего наблюдателя за обществом. В романе А Хули и ее сестры живут в разных точках земного шара, пытаясь найти наиболее подходящее место для жизни. Они наблюдают не только за Россией, но и за такими странами, как Таиланд и Великобритания. Поскольку А Хули обладает одновременно нечеловеческой и китайской идентичностями, она может «выпрыгнуть» из всех вещей и идей и объективно наблюдать за обществом, к которому у нее нет чувства принадлежности.

Духовная практика героев Петра Пустоты и А Хули — это два различных типа практики дзен-буддизма. Время практики Петра было недолгим, и он достиг просветления с помощью дзен-коанов и мастера дзен Чапаева. Древнекитайская лиса-оборотень А Хули прожила две тысячи лет, практикуя метод «созерцания сердца (синь)». В этом также состоит разница между Северной и Южной школами китайского дзен-буддизма. Шэньюю, дзен-буддистский мастер Северной школы, выступает за постепенную практику и предлагает метод «созерцания сердца». Он считает, что изначальный ум подобен чистому зеркалу и его нужно протирать ежечасно, чтобы ни одна пылинка не осквернила его поверхности [\[2, с. 88\]](#). Основная практическая задача и цель практики созерцания синь — удалить три яда (в буддизме они относятся к трем коренным загрязнениям ума: моха (неведение, спутанное сознание), рага (жадность, чувственная привязанность) и двеша (отвращение, ненависть)). Коренная причина неспособности живых существ к освобождению заключается в том, что три яда обманули их сердца. Только устранив их с помощью практики «созерцания синь», можно восстановить изначальный ум и увидеть свою природу Будды. Метод духовной практики А Хули более близок к методу постепенной практики дзен Северной школы. Она расслаивает сознание на три независимых потока: «1) вспоминание всех своих темных дел с незапамятных времен; 2) спонтанное и неожиданное дергание себя за хвост; 3) отрешенное наблюдение за первыми двумя потоками сознания и за самим собой» [\[8, с. 169\]](#). В практике А Хули присутствуют три вида ума, то есть ее практика является более сложной, основанной на идеях Северной школы дзен-буддизма. Мастер дзен Желтый Господин в романе не играет центральной роли в ее пути к просветлению, акцент в ее практике сделан больше на размышлениях практикующего. Большая часть сюжета романа вращается вокруг поиска сверхоборотня. Сверхоборотень — это тот, кем может стать любой из оборотней в результате нравственного самоусовершенствования и максимального развития своих способностей. С точки зрения дзен-буддизма суть сверхоборотня на самом деле относится к «Природе Будды».

Южная школа дзен-буддизма интегрирует практику дзен в повседневную жизнь, подчеркивая, что в каждом моменте и в каждом деле присутствует дух дзен. В романе «Чапаев и Пустота» это показано через использование коанов. Первоначальное значение слова «коан» — это судебный документ древнекитайского правительства. Коан стал популярным после правления династии Тан (618–907 гг.). Теперь этим термином обозначают анекдоты и истории древних мастеров дзен-буддизма, беседы между мастерами и учениками, а также советы или вопросы мастера в классе [\[12, с. 102\]](#). Понимание коанов не требует каких-либо специальных действий, оно может произойти в любое время и в любом месте. Данный метод дзен-буддистской практики объясняет большое количество диалогов в романе «Чапаев и Пустота», который определяется автором как психологический дневник. Из-за небольшого объема внутренней деятельности духовная практика Петра Пустоты кажется пассивной. Основная мысль коанов в романе «Чапаев и Пустота» — отказаться от дуализма и логики и осознать «пустоту» мира. Но единственная разница между Южной и Северной школами дзен-

буддизма — это способ практики. По сути, они обе стремятся к внезапному просветлению.

Использование коанов

Одним из самых больших различий в дзен-буддистской практике героев является использование языка и слов, что представляет собой две разные тенденции дзен. В романе «Чапаев и Пустота» практика Петра Пустоты полностью основана на диалоге о философии дзен-буддизма и коанах. В романе «Священная книга оборотня» больше рассказывается о внутренней деятельности главного героя. В современной школе дзен-буддизма эти две схемы реализуются вместе, но на самом деле их значения совершенно противоположны. Дзен-буддизм презирает словесную ученость и подчеркивает интуитивное понимание; последователи дзен убеждены, что интуиция — самый непосредственный, эффективный инструмент для постижения высшей реальности [10, с. 58]. Поэтому дзен в Японии также широко применяется в бусидо, кендо, стрельбе из лука и других видах спорта, которые больше полагаются на опыт и интуицию. Мастер дзен Такуан констатирует суть искусства владения мечом: «Все пустота: ты сам, твой обнаженный меч и твои руки, сжимающие его. Даже сама мысль о пустоте исчезла. Из такой абсолютной пустоты чудесным образом рождается действие» [11, с. 101].

Будучи социальным существом, человек не может ограничиваться простым опытом: он хочет передать его другим. То есть интуиция должна обладать каким-то содержанием, выражаться в виде идей, воспроизводиться на интеллектуальном уровне. Поэтому мастер дзен направляет учеников и помогает им с помощью сутр и коанов. Причина, по которой коан позже стал основным направлением дзен-буддизма, заключалась в том, что он был проще и давал ученикам с низким культурным уровнем шанс достичь просветления. В эпоху, когда не существовало системы коанов, дзен-буддизм, возможно, был более естественным и чистым, но лишь немногие люди могли понять его дух. Коан сделал дзен популярным и понятным. Независимо от того, сколько людей критикуют неправильное использование коанов, именно это не дает дзен-буддизму умереть. Обращением именно к этому методу практики дзен и объясняется большое число диалогов в романе «Чапаев и Пустота». Весь процесс просветления Петра был пассивным, поэтому невозможно определить, почему он достиг просветления. В духовной практике А Хули процесс, ведущий к просветлению, проявляется гораздо яснее. Коан присутствует и в романе «Священная книга оборотня», но он не занимает там важного места. Дзен-буддистская практика А Хули не требует слишком большого словесного вдохновения, больше внимания уделяется внутренней практике и практическим ритуалам. Помимо разного отношения к языку, важной причиной различий являются и «высшие учения», к которым герои стремятся в своей практике.

«Высшие учения» в романах: «Пустота» и «Природа Будды»

Истинная причина исчезновения героев В. Пелевина заключается в том, что они уже стали просветленными. В романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня» просветление может быть достигнуто сразу после понимания сути учения дзен-буддизма: «высшим учением» в романе «Чапаев и Пустота» является понятие «Пустота», и в романе «Священная книга оборотня» — «Природа Будды». Эти учения дзен-буддизма — единственный способ самоспасения для практикующих в романе. Они задаются автором заранее и постепенно ведут героев романа к просветлению.

Внимание критиков привлекает само понятие «Пустота». С. Корнев утверждает, что восточная пустота Пелевина основана на дзен-буддизме и представляет собой вечную

религиозную пустоту [3. С. 244–259]. А. Б. Сейдашова рассматривает использование концепции пустоты в романе как метафору, выражающую принцип постепенного отстранения человека от истины [9, с. 449–456]. В романе «Чапаев и Пустота» имеются некоторые неточности в толковании понятия «Пустота» и других философских идей дзен-буддизма. Согласно Ф. Ницше, Будда является негативным нигилистом, и буддийская мысль представляет опасное искушение для европейцев. В демократическом обществе из-за изобилия материальных благ у людей возникают большие желания и беспокойства, поэтому дзен-буддизм и буддийская медитация стали для них видом психологической терапии. По его мнению, буддизм применяет такие методы для лечения измученной души людей: «Он предписывает жизнь на свежем воздухе, в странствованиях; умеренность и выбор в пище, осторожность относительно всех спиртных напитков» [6, с. 27]. Например, в романе «Бродяги Дхармы» (1958) представителя литературы «бит-поколения» Джека Керуака описывается история молодых американцев, которые с увлечением учатся практикам дзен и отправляются в странствия в поисках духовного освобождения. Методом, задуманным для преодоления нигилизма, является создание сверхчеловека в бессознательном мире. В то же время Ницце признает, что Будда действительно обращал внимание на «себя»: «Если он встречает духовное утомление, которое выражается в слишком большой «объективности» (т. е. в ослаблении индивидуального интереса, в потере «эгоизма»), он с ним борется тем, что придает даже и вполне духовным интересам строго личный характер. В учении Будды эгоизм делается обязанностью» [6, с. 27–28]. В данном контексте главным критерием оценки нигилистических тенденций в буддийской мысли является интерпретация восточного понятия «Пустота». Пустота, представленная в романе, является абсолютной «Пустотой», которая в буддизме также известна как «злокачественная пустота». Только осознав, что все — лишь сон, а мир — это мираж, Петр Пустота может по-настоящему достичь просветления. Когда буддисты говорят, что все пусто, они не сближаются с нигилизмом, напротив, в буддистском учении о пустоте содержится намек на некую высшую реальность, которую невозможно передать в логических понятиях.

Понятие «Пустота» также является способом, по мнению Петра Пустоты, решить проблему России. Он говорит: «Когда в сознании появляются понятие и образ России, надо им самораствориться в собственной природе. А поскольку никакой собственной природы у понятия и образа России нет, в результате Россия окажется полностью обустроенной» [7, с. 342]. То есть когда будет раскрыта сущность феномена «Россия», а не его постоянно меняющиеся понятия и образы, то появится возможность найти путь к бессмертию. После распада Советского Союза Россия попала под влияние Запада в разных сферах — экономике, политике, культуре. В результате оригинальная национальная сущность российского народа оказалась вытесненной. Когда две виды культуры смешиваются, природа и характеристики вновь созданной культуры изменяют каждую из предыдущих культур. Этот динамичный, интерактивный и напряженный процесс теоретик постколониализма Хоми Бхабха называет гибридностью (hybridity) [1, с. 161–192]. Западные концепции капиталистического общества и демократии несовместимы с уникальностью России, поэтому в этот период Россия утратила свою национальную идентичность.

В романе «Священная книга оборотня» между А Хули и Александром, которые по своему мышлению и идентичности являются типичными представителями Востока и Запада, случилась кратковременная любовь. По самоотчетам главных героев, образ оборотня Александра сочетает в себе черты четырехглазого гигантского пса Гарма и огромного волка Фенрира из скандинавской мифологии, а А Хули является лисой-оборотнем А-Цзы

из древнего китайского произведения Гань Бао «Записки о поисках духов». В романе А Хули — единственный оборотень, обладающий Природой Будды. Она знала это, когда начала практиковать. Подобный тип героя и духовной практики фактически представляет собой деструкцию дзен-буддистской концепции «Природа Будды». Введение философского концепта «Природа Будды» не направлено на объяснение ее первоначального значения, его истинная цель заключается в создании противопоставления внутри романа. Но и эта оппозиция в романе не разрешена: восточная философия самосовершенствования, представленная А Хули, и западное мышление, находящееся под влиянием власти денег и материальных благ, воплощенное в Александре, всегда являются контрастными [5, с. 168]. Хотя в романе сестра А Хули полагает, что такое самосовершенствование означает потерю любви ко всему сущему, ее духовная практика все равно торжествует.

Разницу понятий А Хули и Александра можно продемонстрировать на примере их отношении к сказке «Крошечка-Хаврошечка». В этой сказке пестрая корова помогла Хаврошечке выполнить все непосильные задания, которые давала ее мачеха, после чего мачеха пыталась убить корову. Корова попросила девочку не есть ее мясо и схоронить ее кости в саду, из которых выросла яблоня, изменившая судьбу девочки. После превращения в волка Александр плакал и выл перед коровьим черепом. Его слезы и вой тронули до слез А Хули, которая решила, что он выл и плакал о себе, о стране, о смерти, о жалкой жизни. Однако все это было лишь для того, чтобы получить нефть. Взгляды Александра и А Хули существенно различны, поэтому они и расстались. Разрыв отношений Александра и А Хули символизирует в романе неизбежные противоречия между восточной и западной цивилизациями. Возникает также противопоставление оборотней, обладающих Природой Будды, и оборотней, в которых нет начала Будды. Подобная оппозиция нарушает самые основные концепции дзен-буддизма.

Философские взгляды составляют идеологическую основу романа и влияют на его структуру. Поскольку концепция «Пустота» является самой базовой концепцией в дзен-буддизме, сфера ее влияния очень широка: от человека до всего мира. Понимание «Пустоты» мира неизбежно будет сопровождаться деконструкцией существующего мира, в результате чего пространственная структура романа «Чапаев и Пустота» усложняется. Чтобы доказать нереальность мира, в романе создаются два основных пространства. Происходящее в одном из пространств является свидетельством нереальности другого. Так, для Петра Пустоты 1919-го года лечение в психиатрической больнице в 1990 году было его кошмаром; для Петра Пустоты 1990-го года знакомство с Чапаевым в 1919 году было доказательством его психического заболевания. Реальность пространства проблематизируется. Но кроме названных пространств в романе есть и другие. Дворец Вальхаллы, в который Черный барон отвез Петра, — это третий мир и духовное пространство. Поскольку Петр Пустота стал просветленным, в конце романа два мира сливаются в один совершенно новый мир. Появление этих пространств ломает первоначальный дуалистический взгляд Петра на мир. Понятие «Природа Будды» больше относится к способности, которой обладают все живые существа, но всегда игнорируется. Поэтому роман «Священная книга оборотня» фокусируется на самоисследовании этой способности, уделяя больше внимания личностям и психологической деятельности героев.

Заключение

Таким образом, духовная практика главных героев в романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня», Петра Пустоты и А Хули, является дзен-буддийской

практикой. Различие их духовных практик заключается в том, что Петр больше полагается на коаны дзен-буддизма и на помощь мастера дзен, а А Хули – на себя. Причиной данных различий является различие в стремлении познать «высшее учение», которое ими движет. В этих двух романах «высшее учение» основано главным образом на дзен-буддизме, но включает в себя и другие идеи. В романе «Чапаев и Пустота» понятие «Пустота» — это не только «высшее учение», которое Петр должен познать в своей практике, но и метод, данный автором для решения социальных проблем. В романе «Священная книга оборотня» основным учением является понятие «Природа Будды», однако в произведении присутствует скорее антидзенская тенденция: наиболее фундаментальные черты данного понятия «были проигнорированы, и дуалистическая оппозиция Востока и Запада не была разрешена. Таким образом, роль дзен-буддизма в произведениях Пелевина заключается не только в том, чтобы дать идеологическую основу литературному произведению, но и в формировании логики текста.

Библиография

1. Бхабха Х. Местонахождение культуры // Перекрестки: Журнал исследований восточноевропейского пограничья. 2005. № 3-4. С. 161-192.
2. Дюмулен Г. История дзэн-буддизма / Пер. с англ. Ю. В. Бондарева. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 317 с.
3. Корнев С. Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной авантюре Виктора Пелевина // Новое лит. обозрение. 1997. № 28. С. 244-259.
4. Маслов А. А. Классические тексты дзэн. Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. 480 с.
5. Морева Ю. С. Использование и трансформация дальневосточного мифологического сюжета о женщине-лисице у Д. Гарнетта и В. Пелевина // Бестиарий в словесности и изобразительном искусстве. М.: Intrada, 2012. С. 160-170.
6. Ницше Ф. Антихрист. Ессе Номо. Сумерки идолов: [перевод с немецкого]. М.: АСТ, 2019. 352 с.
7. Пелевин В. О. Чапаев и Пустота. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 352 с.
8. Пелевин В. О. Священная книга оборотня. СПб.: Азбука-Аттикус, 2022. 384 с.
9. Сейдашова А. Б. Мотив пустоты в романе В. О. Пелевина "Чапаев и Пустота" // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2017. № 3. С. 449-456.
10. Судзуки Д. Т. Дзэн и японская культура / Пер. с яп., послеслов. С. В. Пахомова. СПб.: Наука, 2003. 522 с.
11. Херригель Е. Дзэн и искусство стрельбы из лука. Пути дзэн / Пер. с нем. Е. Б. Бурняшова; Под ред. С. В. Пахомова. СПб.: Наука, 2005. 12. 264 с.
12. Suzuki D. T. An introduction to zen buddhism. New York: Evergreen Black Cat Book, 1964. 132 p.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статей, критических наработок, частных и монографических исследований по творчеству Виктора Пелевина достаточно много, но это не мешает вновь и вновь обращаться к его произведениям с позиций декодирования смыслов. Виктор Пелевин – фигура феноменальная, непростая; он пишет в рамках поэтики постмодернизма, где нарочито разрушение всего, начиная с формы и заканчивая буквально буквой / словом. На мой

взгляд, его раннее творчество более конструктивно и выверено, романы / тексты последних двух-трех лет имеют несколько коммерческий характер. Литературной базой рецензируемой статья становится роман В. Пелевина «Чапаев и Пустота», а также «Священная книга оборотня» и это очень хорошо. Здесь есть и качество, и специфика, и то, на что собственно обращен взгляд исследователя – дзен-боддистская практика. В целом считаю, что работа сложилась, она оригинальна, целостна, самостоятельна. Текст удобен для чтения даже неподготовленному реципиенту, автор старается полностью прописать наиболее важные моменты в рамках раскрытия темы. Вектор аналитики выдержан на протяжении всего труда, начиная с самого начала: «В прозе Виктора Пелевина всегда встречаются схожие концовки: главные герои завершают свою духовную практику и затем исчезают. В романе «Чапаев и Пустота» Петр Пустота с помощью мастера Чапаева завершает практику дзен-буддизма и прибывает во «Внутреннюю Монголию»; в романе «Generation П» электронный двойник Татарского повсеместно присутствует на телевидении, но становится иллюзией, в конце романа «Священная книга оборотня» героя А Хули находит способ перестать создавать мир и исчезает в радуге. В. Пелевин использует уникальную литературную стратегию: главная задача романа как литературной формы – спасти главного героя» и т.д. Дробность статьи на смысловые блоки оправдана, ступенчатый характер важен, таким образом тема раскрывается спектрально. Считаю, что стиль работы соотносится с собственно научным типом: например, «Чапаев, герой романа «Чапаев и Пустота», – не практикующий дзен мастер, а учитель. Настоящий практик – это Петр Пустота, поэт из Петербурга, и его фамилия – Пустота – представляет собой игру слов. В романе подробно описана внешность каждого персонажа при первом его появлении, за исключением Пустоты. Столь расплывчатый образ этого героя соответствует объяснению «Пустоты» в «Сутре помоста шестого патриарха»: «Пустота бесформенна, изначальная природа в точности подобна этой пустоте, и осознание того, что нет там такой вещи, которую можно было бы увидеть, и зовется «истинным прозрением», или «Духовная практика героев Петра Пустоты и А Хули – это два различных типа практики дзен-буддизма. Время практики Петра было недолгим, и он достиг просветления с помощью дзен-коанов и мастера дзен Чапаева. Древнекитайская лиса-оборотень А Хули прожила две тысячи лет, практикуя метод «созерцания сердца (синь)». В этом также состоит разница между Северной и Южной школами китайского дзен-буддизма. Шэнью, дзен-боддистский мастер Северной школы, выступает за постепенную практику и предлагает метод «созерцания сердца» и т.д. Не исключаются цитации собственно текстов, но их могло быть больше. Термины и понятия, которые используются автором для оценки текстов Виктора Пелевина, не искажены, унификация выдержана. Общие требования издания учитываются, формальной правки текста не требуется. Промежуточные выводы / общая оценка текстов В. Пелевина, на мой взгляд, тоже является лишней: например, «Истинная причина исчезновения героев В. Пелевина заключается в том, что они уже стали просветленными. В романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня» просветление может быть достигнуто сразу после понимания сути учения дзен-буддизма: «высшим учением» в романе «Чапаев и Пустота» является понятие «Пустота», и в романе «Священная книга оборотня» – «Природа Будды». Эти учения дзен-буддизма – единственный способ самоспасения для практикующих в романе. Они задаются автором заранее и постепенно ведут героев романа к просветлению». Это дает возможность целостно посмотреть на фигуру писателя-постмодерниста, масштабно оценить его творчество. Рецензируемый материал удобно использовать в вузовской практике, при изучении истории новейшей русской литературы, творчества Виктора О. Пелевина. В финале автор приходит к выводу, что «духовная практика главных героев в романах «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня», Петра Пустоты и А Хули, является

дзен-буддийской практикой. Различие их духовных практик заключается в том, что Петр больше полагается на коаны дзен-буддизма и на помошь мастера дзен, а А Хули – на себя. Причиной данных различий является различие в стремлении познать «высшее учение», которое ими движет. В этих двух романах «высшее учение» основано главным образом на дзен-буддизме, но включает в себя и другие идеи. В романе «Чапаев и Пустота» понятие «Пустота» — это не только «высшее учение», которое Петр должен познать в своей практике, но и метод, данный автором для решения социальных проблем. В романе «Священная книга оборотня» основным учением является понятие «Природа Будды», однако в произведении присутствует скорее антидзенская тенденция...». Думаю, что подобное заключение вполне соотносится с темой. Библиографический список полновесен, формальные грейд выдержан. Рекомендую рецензируемую статью «Дзен-буддистская практика в прозе В. Пелевина (на примере романов «Чапаев и Пустота» и «Священная книга оборотня»)» к публикации в журнале «Филология: научные исследования» ИД «Nota Bene».

Филология: научные исследования*Правильная ссылка на статью:*

Дубаков Л.В., Чжан И. Оборотничество как способ обретения трансцендентной реальности (на материале рассказов Юрия Мамлеева «Учитель», Марты Кетро «Жена-лисица» и Дмитрия Воденникова «Исповедь китайского лиса-оборотня») // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.70604 EDN: ZLAGVO URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70604

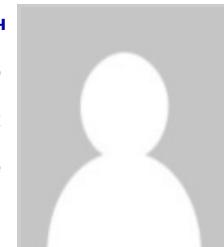
Оборотничество как способ обретения трансцендентной реальности (на материале рассказов Юрия Мамлеева «Учитель», Марты Кетро «Жена-лисица» и Дмитрия Воденникова «Исповедь китайского лиса-оборотня»)**Дубаков Леонид Викторович**

ORCID: 0000-0003-1172-7435

кандидат филологических наук

доцент; филологический факультет; Университет МГУ-ППИ в Шэнъчжэне

518172, Китай, г. Шэнъчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru**Чжан Ихань**

магистр, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэнъчжэне

518172, Китай, г. Шэнъчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ 1409280516@qq.com[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)**DOI:**

10.7256/2454-0749.2025.3.70604

EDN:

ZLAGVO

Дата направления статьи в редакцию:

28-04-2024

Аннотация: В статье анализируется образ лисы-оборотня, сформировавшийся в дальневосточной мифологической традиции и русифицируемый в рассказах российских авторов – Юрия Мамлеева, Марты Кетро и Дмитрия Воденникова. При этом мотив оборотничества у названных писателей имеет неопределённый характер: с одной

стороны, оборотничество может быть понято у них буквально, с другой – как метафора (например, женской природы или поэтической инаковости). Лисы-оборотни в рассказах «Учитель», «Жена-лисица», «Исповедь китайского лиса-оборотня» помещаются авторами в российский культурно-бытовой контекст 1980-х и нулевых годов XXI века и встраиваются в пространство меняющегося, но неослабевающего русского духовного поиска. В этих произведениях они выступают в роли соприкасающихся с двумя мирами духовных искателей и наставников, устремляющихся к трансцендентной реальности и приоткрывающих её людям. Так, лиса-оборотень Юрия Мамлеева обретает мир вне порождаемой концептуализирующим умом двойственности, героиня Марты Кетро следует по пути героя-воина Карлоса Кастанеды и ищет для себя состояния безупречности, отказываясь от продуцирования наваждений, лис-оборотень Дмитрия Воденникова покидает мир людей, отчаваясь утвердить свою иноприродную правду. Представленная статья написана в рамках большого исследования, посвящённого «китайскому тексту» современной русской литературы. Помимо указанных произведений в ней упоминаются и некоторые другие отечественные тексты, в которых также присутствует лиса-оборотень. Актуальность представленной статьи определяется активным интересом российского литературоведения к пограничным, межкультурным феноменам, рождающим в конкретных произведениях новые художественные смыслы. Одним из таких феноменов является дальневосточная лиса-оборотень, варианты образа которой в последние годы появляются у большого числа современных русских писателей. Также актуальность статьи обуславливается постоянно расширяющимися в последние годы прямыми и типологическими связями между русской и китайской культурами и литературами. Новизна данной статьи определяется впервые произведённым в ней сравнением между указанными текстами Юрия Мамлеева, Марты Кетро и Дмитрия Воденникова в аспекте различного и одновременно схожего освоения и понимания писателями разных поколений и разных эстетических установок образа дальневосточной лисы-оборотня.

Ключевые слова:

Юрий Мамлеев, Марта Кетро, Дмитрий Воденников, лиса-оборотень, китайская традиция, японская традиция, бестиарность, оборотничество, русификация, трансцендентная реальность

Лиса-оборотень – один из значимых символов дальневосточной мифологии. В её образе воплощается множество смыслов (мировоззренческих, религиозно-мистических, художественных), отражающих одну из составляющих восточного менталитета (см.: [\[1; 2; 3; 4\]](#)).

Свои версии лис-оборотней есть в китайской традиции, это хули-цзин, в японской – кицунэ, в корейской – кумихо, во вьетнамской – хо тинь. Русская литература конца XX века, и в особенности литература новейшая, активно осваивают и русифицируют этот образ. При этом отечественные писатели опираются по большей части на китайскую традицию, у которой есть давно переведённая на русский язык литературная кодификация – сборник новелл Пу Сунлина «Описание чудесного из кабинета Ляо», или «Ляо-чжай-чжи-и». Образы хули-цзин представлены в поэзии Е. Шварц (см.: [\[9\]](#)), у В. Пелевина в «Священной книге оборотня» (см.: [\[7; 10\]](#)), в романах «Дело лис-оборотней» Хольма ван Зайчика (псевдоним Игоря Алимова и Вячеслава Рыбакова) и «Лисьи Броды» А. Старобинец, в повести А. Коростелёвой «Цветы корицы, аромат сливы». Одно из

первых обращений к образу лисы-оборотня в русской литературе – это рассказ Ю. В. Мамлеева «Учитель» (1980).

Н. Ю. Кононова в работе «Система метафизических мотивов в рассказах Ю. Мамлеева 1960–1974 годов» в разделе «Образы животных и нечистой силы: репрезентация метафизичности нечеловеческих существ» пишет, что нечеловеческие образы мамлеевской прозы, равно как и мотивы телесности и сумасшествия, связаны у него с раскрытием «метафизического начала человека», направлены на поиск «"мистической ауры", которая есть у каждого живого существа»; в том числе эти образы свидетельствуют, что «действительный мир – это "кажимость"» и что «только с постижением смысла своего земного воплощения возможен выход на уровень высшего Бытия» [16, с. 17]. Применительно к рассказу «Учитель» о том же самом говорят Н. Ю. Евтушенко в статье «"Мифологичность" художественной картины мира: образ оборотня-лисы в рассказе Ю. Мамлеева "Учитель"»: «Через мифологический образ лисы-оборотня писатель показывает безграничность Бытия, в котором кроме видимой реальности, существует иная (Абсолют, Постороннее)» [11, с. 90] – и М. В. Яковлев и А. В. Карпенко в статье «Мотив оборотничества в творчестве Ф. М. Достоевского и Ю. В. Мамлеева (на материале рассказов "Крокодил" и "Учитель")»: у Мамлеева лиса-оборотень – «мифическое существо, которому присуще трансцендентальное понимание Абсолюта» [21, с. 146].

Помимо онтологического совпадения образов лисы и крокодила, отмеченного вышеуказанными исследователями, с художественным миром Ф. М. Достоевского мамлеевский рассказ роднит поведенческая и речевая юродивость главного героя, схожего с типом «маленького человека». Эта его юродивость, рождающая мысль одновременно о капитане Снегирёве и капитане Лебядкине, выражается в социальной невстроенности, а также в обилии уменьшительно-ласкательных суффиксов его речи. Отдельно можно обратить внимание на вкрапление в прозаический текст двух стихотворных строк пародийно-гротескного вида: «У деревьев, укрывшись от дождика, рисовали что-то сюрреалистическое два художника» [17], – напоминающих стихотворение из черновиков «Крокодила» «В долину слёз гражданства...» [19, с. 221]. Кстати, возможное присутствие Достоевского в рассказе проявляется в самом начале «Учителя» в пейзажной зарисовке: «Катились листья, тучи неслись по небу, как мысли эпилептика» [17]. Но, конечно, главное в герое «Учителя» – это его способность к прозреванию инобытия в повседневности: «у меня было странное состояние. Одна его особенность состояла в том, что все, что происходило в мире, имело реальный смысл, как будто обычный покров видимости был сдёрнут» [17].

Встречу с лисой-оборотнем предваряет фиксируемое героем смещение внутренней и внешней реальности. Реальность ощущается им не безусловной, она имеет пессимистично-онейрический характер: у него была «сонная сосредоточенность на самом себе, точно мира не существовало», сам мир «был какой-то отодвинутый, точно ему надоело существовать» [17]. Герой даже сомневается в своём собственном бытии и хочет увидеть себя в зеркале и услышать стук своего сердца. Реальность не безусловна, неслучайно и встреча с лисой-оборотнем происходит у кинотеатра – места, где демонстрируются иллюзии. Мамлеев далее разворачивает эту метафору: возле кино толпились люди («людишки») – желающие получить билет, – но билет, который есть у лисы-оборотня, никому из них не нужен. Люди отвергают его, как Иван Карамазов, что «почтильнейше» [8, с. 276] возвращал Богу свой входной билет в рай. У Толи и Ирины

есть лишний билет, но люди покупали другие лишние билеты. Здесь определение «лишний», как кажется, мерцает двумя значениями: лишние билеты, которые покупают люди, для них лишние, не нужные, так как приведут их на просмотр ещё одной земной иллюзии, лишний билет Толи и Ирины – лишний для них, но на самом деле нужный другим билет в потустороннее. Жизнь людей на земле подобна кружению в тумане: они «кругом сновали», «около» покупали билет; мы «походили как в тумане вокруг людей», «я огляделся: дамы вокруг не было» [17]. В последней фразе интересен также лексический сбой: лиса-оборотень, «дама с лисичкой» на шее видится герою постоянно пребывающей в движении, кружащей рядом с людьми.

Ирина – оборотень, и её зрение, кроме прочего, двойное: она видит реальность глазами человека и глазами животного: так, она «солнце принимает за ягоду» [17]. Кроме того, её оборотничество проявляется также в грамматике речи: «Подлежащее она употребляет как сказуемое, а сказуемое становится подлежащим» [17]. Но главная особенность её зрения заключается в способности видеть Постороннее «всему Бытию (и даже Небытию)» [17].

Ирина способна влиять на окружающий мир, заражая своим видением и своей природой других. Так, герой, поговорив с Толей и с ней, уходя, «плаксиво проскулил» [17]. При этом нечто оборотническое присутствовало в нём и изначально: одна из его бывших жён считала его оборотнем.

Лиса, ставшая человеком, в лице имеет «что-то лисье», но портретное сходство для героя – не главное: лисьи черты, по его мнению, можно обнаружить и у людей, «особенно у женщин» [17]. «Чудовищный переход» лисы, пойманной под Рязанью, выразился в появлении в её сознании, по-видимому, человеческих мыслей. Но то, что для героя – чудо: «несколько миллионов лет сложнейшей эволюции» [17], то для неё «нелепость» и катастрофа. Концептуализирующее мышление – это, скорее, поражение того, кто связан с потусторонним: у главного героя «тело было лёгкое, родное, словно слившееся с мыслями», у Ирины же, напротив, «когда появились первые мысли», она «от страха <...> стала лаять на них» [17]. Интеллект заслоняет от человека иnobытие: профессор считает метаморфоз героини «пустяками», сосед-врач считает её психопаткой. Ирина же, точнее её бывшее тело, лисья шкура, облегающая её шею, воспринимается героем как «видавшая виды»: фразеологизм здесь может быть прочитан и буквально: лиса-оборотень способна видеть подлинную субстанциональную основу реальности: её «взгляд был немного туповатый <...> субстанциональный» [17]. Последнее определение, впрочем, может быть и ироническим синонимом определения «тяжёлый» (взгляд).

Ирина, подобно, например, китайской лисе-оборотню, вольно или невольно оказывается способна к наведению сексуализирующего морока на человека или к обострению тех страстей, что заложены в человеческой природе. Так, после разговора с ней герой погружает свою душу в туман, чуть позже снова появившийся рядом с ним Толя «хихикнул» в его «плоть», потом и сам герой хехекает, проговаривая желание брака втроём. Но её настоящие намерения иные. Ирина становится учителем для героя рассказа и своего мужа, но её стремление открыть им Постороннее/Потустороннее наталкивается на их неготовность к этому: подобно зрителям возле кинотеатра, они не покупают у неё настоящий «билет» в иnobытие и, главное, не стараются его увидеть. Она даже «занялась читать учебник по сопромату» [17]: человеческий материал сопротивляется её учению. В результате мужчины просыпаются кастрированными, а

лиса-оборотень исчезает («ушла она к Отцу своему, вознеслась» [\[17\]](#)). Кастрация делает их умнее, «но только в самом гнусном, карьеристском, направлении» [\[17\]](#). У них развивается заблуждающийся и порождающий агрессивные и суицидальные мысли ум. Их хихиканье в конце демонстрирует, кроме того, наличие некоего сбоя в этом уме. Они становятся учёными, но от спасения, от обретения трансцендентной реальности, напротив, отдаляются: «...где ты, Учитель наш, сам себя спасший?» [\[17\]](#). Люди не победили свой концептуализирующий ум и низменную природу и потому остались одни – без божества и вдохновенья.

Рассказ Марты Кетро «Жена-лисица» (2009), на первый взгляд, может быть отнесён к любовной или психологической прозе, посвящённой отношениям. Главная героиня рассказа Олењка, приехавшая в Москву из провинции, выходит замуж за богатого, повторяя судьбу «золушки». Однако самое начало первой главы, являющееся вольным ироническим пересказом японской народной сказки «Жена-лисица» [\[18\]](#), вводит в повествование образ лисы-оборотня и проявляет скрытые мысли Олењки: «Я бегу и бегу – по сухой траве, по чёрной земле, по белому снегу. Позади следы, впереди чистое поле. Однажды, когда я сделаюсь безупречной, я перестану оставлять следы. Оглянусь, а за мною чистое поле» [\[15\]](#). Эти четыре предложения указывают на концепцию безупречности, разработанную американским писателем и мистиком Карлосом Кастанедой, и заставляют вспомнить о его мысли о непривязанности ищущего к земной реальности. Безупречность в его книгах – это особое психофизическое состояние, при котором человек не испытывает ни чувства важности по отношению к себе, ни чувства жалости и оценивает любой свой поступок через перспективу приближающейся смерти: цель воина состоит «в избавлении от чувства собственной важности, принятии ответственности за свои поступки и использовании смерти как советчика» [\[14\]](#); воин «слегка касается» мира, оставаясь в нём ровно столько, сколько необходимо, и затем быстро уходит, не оставляя никаких следов» [\[12\]](#). В рассказе Марты Кетро Карлос Кастанеда упоминается в ироническом контексте: «...посреди типичного кастанедовского трёпа, немного постыдного между людьми за тридцать» [\[15\]](#), – однако эта ирония, скорее, видится вуалированием активного его присутствия в подтексте.

Марта Кетро не называет Олењку лисой-оборотнем напрямую, однако текст содержит множественные намёки на её лисью природу. Когда Павел обводит цифры телефонного номера, который оставила ему Олењка после первой встречи, он отмечает «заострённые углы семёрки, изящный выгиб единицы и лихой хвост двойки» [\[15\]](#). Зооморфную графику цифр здесь, наверное, можно счесть и за портрет героини, как минимум «графологический». Героиня переезжает в Москву, и покупает себе «гадкую конуру» [\[15\]](#). Конура – укрытие для собак, но собаки и лисы – ближайшие родственники. Павел покупает ей в Турции рыжий полуушубок. Любовник Олењки Клевер оставляет у неё «серые шерстинки, уносит рыжие» [\[15\]](#). Окончательно привязавшись к мужу, Олењка, сравнивая себя с лисой и вызывая воспоминания о дальневосточных легендах, думает, что ей «Теперь не уйти незаметно в ночь, разве только отгрызть лапу, попавшую в капкан, как это принято у лисиц, или отрезать рукав халата по обычаям императоров, ну, остричь волосы, говоря по-простому» [\[15\]](#). Балансируя между метафорой оборотня и реальностью, писательница наделяет Олењку присущим кицунэ даром проникать в мужские сны. Секс-героини с Клевером в рассказе передан через образ сплетающихся хвостов (что, кроме того, отсылает к «Священной книге оборотня» В. О. Пелевина [\[20\]](#), где лиса-оборотень А Хули и волк-оборотень Саша Серый именно таким образом

вступали в любовные отношения).

Оленька, подобно лисе-оборотню, обманывает, и в этом создании красивого и острого обмана она видит свою миссию по расцвечиванию жизни: «Вдруг возникает острое желание закрутить реальность особым образом, чтобы получилась сложная изящная конструкция, включающая в себя «то, чего не было», осколки правды и <...> нервную реакцию того, кому обман адресован» [\[15\]](#). Оленька способна не только к наведению любовного морока, но и автоморока: так, она оказалась она сумела сымитировать глубинный стиль писателя Укропова. Также героиня вспоминает историю «Лизы» (Елизаветы) «Дмитриевой», поэтессы Серебряного века, создавшей литературную мистификацию, «личину» – китайского поэта Ли Сян Цзы. И в контексте рассказа в этом имени невольно слышится отзвук слова «лисица». Как и уменьшительной форме имени самой поэтессы – слово «лиса». Китайский мотив проявляется в рассказе также через встроенную в текст иронизированную через контекст цитату из стихотворения Н. С. Гумилёва «Я верил, я думал...»: «Проснулась от тонкого звона. Немедленно всплыл колокольчик фарфоровый в жёлтом Китае, но сразу сообразила, что это звук бокалов – парни решили за что-то выпить» [\[15\]](#).

Главный страх Оленьки состоит в том, что её могут увидеть – увидеть её подлинную природу: она боялась «чужих холодных глаз, которые попытаются рассмотреть её, настоящую» [\[15\]](#). Но в finale рассказа именно это и происходит. Она узнаёт, что о её любовных отношениях с Клевером и о причинах этих отношений давно знает её муж. Как в японской сказке «Монах и лиса», где лиса-оборотень недостаточно умело наводила морок и притворялась красавицей [\[22\]](#), так и в «Жене-лисице» Марты Кетро главная героиня утрачивает власть над людьми. После употребления мескаля (отсылающего к Карлосу Кастанеде) и пробуждения правды, она видит мир безупречным, и рассказ завершается поэтическим, использующим сказочные лексические формулы пассажем, которым он начинался, но теперь готовность к побегу сменяется на его осуществление, а первое лицо оборачивается третьим: героиня «спешила за синие леса, за высокие горы, – никто не замечал маленькое рыжее тело, летящее стрелой и не случилось никого, кто разобрал бы, остаются ли следы на белом снегу» [\[15\]](#).

Как и в начале «Жены-лисицы», так и в конце нет однозначного ответа на вопрос, была ли Оленька лисой-оборотнем, или Марта Кетро описывает в нём определённый женский психотип, метафорически соотносимый с лисой-оборотнем из дальневосточных сказок. Однако любовный сюжет и психологические наблюдения рассказа отодвигаются в сторону историей возможного духовного преображения главной героини. В Примечании 2 к «Жене-лисице» писательница указывает, что история про лису, потерявшую себя в зеркалах и ищущую безупречности («наверное, чтобы не так страшно было отражаться в тысяче зеркал» [\[15\]](#)), историю, которую она когда-то прочла в детстве и которая стала одной из основ этого рассказа, для неё не имеет однозначного завершения: она сама не знает, «Обрела рыжая душа покой и безупречность или в страхе бежит до сих пор» [\[15\]](#).

Однако точно можно сказать, что лиса-Оленька стремится к обретению трансцендентной реальности, убегая от людей и, возможно, вообще из земного мира. Говоря о своём поражении, она вспоминает о команде «Умри, лиса», которая в свою очередь напоминает о стихотворении А. А. Витухновской «Умри, лиса». Героиня Витухновской то ли через любовь, то ли через своё убийство передаёт свою природу и свой облик другому: «Перед зеркалом ты рыжий шерстяной, / Словно зверь с чудовищем внутри. / Ты однажды отразишься мной. / Я скажу тебе: "УМРИ, ЛИСА, УМРИ"» [\[5\]](#). Таким образом,

рассказ «Жена-лисица» может быть прочтён как отказ оборотня от телесной формы и порождаемых им иллюзорных форм с целью достижения кастанедовской свободы, а как сказано в «Силе безмолвия», «билетом мага к свободе является его смерть» [13].

«Исповедь китайского лиса-оборотня» (2008) Д. Б. Воденникова можно назвать рассказом, можно увидеть в этом произведении жанр эссе. Сам же автор вынес в заглавие жанр исповеди, хотя эта исповедь постоянно переходит в инвективу. Герой «Исповеди» – лис-оборотень, но его фантастический облик видится, скорее, метафорой инаковости. Он – альтер этого автора. Неслучайно в конце звучит фраза: «В самый короткий день в году, в день зимнего солнцестояния, мне исполнится сорок лет. И у меня нет сил ждать еще десять, чтобы превратиться в человека» [6, с. 208]. Речь, конечно, идёт о самом писателе, которому сорок лет исполнялось именно в 2008 году, когда состоялась первая публикация этого рассказа.

Внутренний сюжет «Исповеди», окантованный цитатами из рассказов Пу Сунлина и «Путешествия на Запад» У Чэнъяна и сращённый со стилистикой русской сказки и народных песен, – это взросление лиса-оборотня, у которого постепенно отрастает один хвост за другим. Эти хвосты – метафора опыта множества любовей и разочарований. Лис-оборотень изображается в его отношениях с человеком – с родителями и возлюбленными, из которых никто не желает принимать то, что он другой, не хочет принимать его свободу. «Исповедь»-инвектива показывает обычные человеческие страхи: страх одиночества при утрате любви и страх одиночества при отвержении обществом. Лис-оборотень не боится ни того, ни другого, и потому его возможная любовь предстаёт вольной и чистой.

Лис-оборотень у Воденникова способен к превращениям, созданию иных образов самого себя, но люди умеют создавать образы не хуже – только образы других, а не себя: «... тебя не видят тем, кто ты есть на самом деле, – а придумают какой-то образ и живут с ним» [6, с. 204]. Подобный морок порождает предсказуемый и душный человеческий быт, и не лис-оборотень живёт в могиле, как говорится в китайских рассказах о хули-цзин, но люди помещают себя в «любовную могилу» [6, с. 199], в свою нору, у них «За дверьми – хозяйство, укорененность, родня, пёс цепной лает» [6, с. 200].

Герой «Исповеди» в finale отказывается от превращений: «У меня вообще больше нету сил ни в кого превращаться. Ни в мальчика, ни в девочку, ни в женщину, ни в мужчину, ни в говорящего с Небесами, ни в старика, ни в учёного» [6, с. 208]. Это перечисление выглядит не только как перечень фантастических образов, доступных оборотням, но и как набор поэтических ролей автора, которые он отвергает. Вспоминая о мифе о лисе, у которой отрастает девять хвостов и мех которой преображается, герой «Исповеди» уходит и оставляет своё тело людям: «...давайте считать, что вот эта пыльная грязная тряпочка с девятью хвостами – это мой вам подарок. На шапку. А чё? По-моему, вам идёт» [6, с. 208]. Образ «тряпочки» здесь снова вызывает в памяти стихотворение А. А. Витухновской «Умри, лиса»: «Разложи меня как тряпочку в траве, / И скажи: "Умри, лиса, умри"» [5]. Лис-оборотень оставляет земной мир, рассыпаясь «в дорожную пыль», становясь «сброшенной мёртвой шкуркой» [6, с. 206], превращаясь в лиса небесного, людям же достаётся лишь грубая материальная пустота, которую можно применить в бытовых нуждах. Иными словами, традиционный конфликт поэта и толпы разрешается в «Исповеди китайского лиса-оборотня» реализацией их разновекторного движения – человек остаётся в земной «норе», лис-оборотень обретает свою трансцендентную реальность.

Итак, в проанализированных рассказах Ю. В. Мамлеева, Марты Кетро, Д. Б. Воденникова центральным является образ лисы (лиса)-оборотня. При этом писатели оставляют вопрос о том, подлинный ли оборотень их герой или оборотничество у них выступает лишь в качестве метафоры пограничного статуса, состояния героя, до конца непрояснённым.

В каждом из произведений этот персонаж дальневосточной мифологии, сохраняя некоторые свои традиционные черты и цели, оказывается вписан в современный автору контекст – коммунальную советскую жизнь 1980-х гг. или российскую консумерную реальность нулевых годов, русифицирован.

Образ лисы-оборотня у них – это образ героя, который благодаря своей инверсированной природе обладает способностью соприкосновения с инореальностью. Можно сказать, что герои «Учителя», «Жены-лисицы», «Исповеди китайского лисы-оборотня» являются в той или иной степени духовными искателями, устремляющимися к трансцендентной реальности, и одновременно открывателями-проводниками этой реальности для людей, с которыми они находятся в отношениях.

Героиня рассказа Юрия Мамлеева учит тому, как обрести «Постороннее», через отказ от интеллектуализма и концептуализирующего мышления, а также через отказ от телесных желаний. Героиня Марты Кетро ищет безупречности в кастанедовском понимании этого слова и возможности избавления от своей оборотнической природы, склонной к порождению хотя и эстетичных, но опасных фантомов. Герой «Исповеди китайского лисы-оборотня», чувствуя и осознавая свою инаковость, отчаявшись от невозможности сказать правду, порывает связи с миром обычных людей.

Библиография

1. Александрова Е. А. Изучение традиционной этнической культуры через семиотический анализ сказочных персонажей (образ лисы в русской и китайской традициях) // Аналитика культурологии. 2011. № 19. С. 230-234.
2. Алексеев В. М. Предисловие переводчика // Пу Сунлин. Рассказы Ляо Чжая о необычайном. М.: Художественная литература, 1988. 559 с.
3. Алимов И. А. Китайский кульп лисы // Алимов И. А. Бесы, лисы, духи в текстах сунского Китая. СПб.: Изд-во «Наука», 2008. 282 с.
4. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. 488 с.
5. Витухновская А. А. Умри, лиса. URL: <https://a-vituhnovskaya.livejournal.com/521558.html> (дата обращения 21.03.2024).
6. Воденников Д. Б. Исповедь китайского лисы-оборотня // Воденников в прозе. Лучшие эссе. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2018. 384 с. С. 198-208.
7. Го Вэй. Лисы-оборотни в китайской литературе и искусстве и в творчестве В. Пелевина // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 3 (82). С. 341-343.
8. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений в 15 томах. Т. 9. Л.: Наука, 1991. 696 с.
9. Дубаков, Л. В., Го Вэнъцзин. Культурный образ лисы-оборотня в поэзии Елены Шварц / Л. В. Дубаков, В. Го // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3(13). С. 81-94.
10. Дубаков Л. В., Го Вэнъцзин. Модернизация образа хули-цзин и трансформационный характер реальности в романе В. О. Пелевина «Священная книга оборотня» // Филология: научные исследования. 2023. № 8. С. 1-11.
11. Евтушенко Н. Ю. "Мифологичность" художественной картины мира: Образ оборотня-лисы в рассказе Ю. Мамлеева "Учитель" / Н. Ю. Евтушенко // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1-1(1). С. 88-90.

12. Кастанеда К. Колесо времени. URL:
<http://www.eunet.lv/library/win/KASTANEDA/kast11.txt> (дата обращения 21.03.2024).
13. Кастанеда К. Сила безмолвия. URL:
<https://www.universalinternetlibrary.ru/book/34929/ogl.shtml> (дата обращения 21.03.2024).
14. Кастанеда К. Сказки о силе. URL: <http://tallinn.cold-time.com/texts/BOOKS/KASTANEDA/kast4.txt.htm> (дата обращения 21.03.2024).
15. Кетро М. Жена-лисица. URL: <https://fb2.top/lisyya-chestnosty-237261/read> (дата обращения 21.03.2024).
16. Кононова Н. Ю. Система метафизических мотивов в рассказах Ю. Мамлеева 1960–1974 годов: специальность 10.01.01 "Русская литература": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Кононова Надежда Юрьевна. Ставрополь, 2009. 20 с.
17. Мамлеев Ю. В. Учитель // Собрание сочинений / Сост., подгот. текста и comment.: Е. А. Горный. Русская виртуальная библиотека, 1999. URL:
<https://rvb.ru/20vek/mamleev/01prose/2stories/2centre/50.htm?ysclid=lu02oq7hx792088111> (дата обращения 21.03.2024).
18. Маркова В. Н. Веер молодости. Японские сказки. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1991. 303 с.
19. Новиков Вл. И. Книга о пародии. М.: Советский писатель, 1989. 544 с.
20. Пелевин В. О. Священная книга оборотня: Роман. М.: Изд-во Эксмо, 2004. 384 с.
21. Яковлев М. В., Карпенко А. В. Мотив оборотничества в творчестве Ф.М. Достоевского и Ю.В. Мамлеева (на материале рассказов "Крокодил" и "Учитель") / М. В. Яковлев, А. В. Карпенко // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 2. С. 142-147.
22. Японские сказки / перевод с японского [В. Марковой и Б. Бейко; предисл. В. Марковой]. М.: Гослитиздат, 1958. 215 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Проблемный вектор рецензируемой статьи касается оборотничества. Автор останавливается на данной номинации как способе обретения трансцендентной реальности. Думаю, что указный вариант вполне имеет место быть и может быть рассмотрен в рамках отдельного / частного исследования. Новизне работе придает выбранный литературный ряд – это на рассказы Юрия Мамлеева «Учитель», Марты Кетро «Жена-лисица» и Дмитрия Воденникова «Исповедь китайского лиса-оборотня». Набор, на первый взгляд, разнороден, но и в такой версии может быть проведено сопоставление, ибо тематически тексты смежны. Суждения автора имеют наукообразный вид, работа подчинена полновесному раскрытию темы: например, «Свои версии лис-оборотней есть в китайской традиции, это хули-цзин, в японской – кицунэ, в корейской – кумихо, во вьетнамской – хо тинь. Русская литература конца XX века, и в особенности литература новейшая, активно осваивают и русифицируют этот образ. При этом отечественные писатели опираются по большей части на китайскую традицию, у которой есть давно переведённая на русский язык литературная кодификация – сборник новелл Пу Сунлина «Описание чудесного из кабинета Ляо», или «Ляо-чжай-чжи-и», или «Помимо онтологического совпадения образов лисы и крокодила, отмеченного вышеуказанными исследователями, с художественным миром Ф. М. Достоевского

мамлеевский рассказ роднит поведенческая и речевая юродивость главного героя, схожего с типом «маленького человека». Эта его юродивость, рождающая мысль одновременно о капитане Снегирёве и капитане Лебядкине, выражается в социальной невстроенности, а также в обилии уменьшительно-ласкательных суффиксов его речи», или «Лиса, ставшая человеком, в лице имеет «что-то лисье», но портретное сходство для героя – не главное: лисы черты, по его мнению, можно обнаружить и у людей, «особенно у женщин». «Чудовищный переход» лисы, пойманной под Рязанью, выразился в появлении в её сознании, по-видимому, человеческих мыслей. Но то, что для героя – чудо: «несколько миллионов лет сложнейшей эволюции», то для неё «нелепость» и катастрофа. Концептуализирующее мышление – это, скорее, поражение того, кто связан с потусторонним: у главного героя «тело было лёгкое, родное, словно слипшееся с мыслями», у Ирины же, напротив, «когда появились первые мысли», она «от страха <...> стала лаять на них» и т.д. Рассказы, выбранные в качестве литературной основы, в статье рассматриваются пропорционально. Фактор сопоставлений не исключается, что является существенным для научного труда. Стиль соотносится с собственно научным типом: например, «рассказ Марты Кетро «Жена-лисица» (2009), на первый взгляд, может быть отнесен к любовной или психологической прозе, посвящённой отношениям. Главная героиня рассказа Оленька, приехавшая в Москву из провинции, выходит замуж за богатого, повторяя судьбу «золушки». Однако самое начало первой главы, являющееся вольным ироническим пересказом японской народной сказки «Жена-лисица», вводит в повествование образ лисы-оборотня и проявляет скрытые мысли Оленьки: «Я бегу и бегу – по сухой траве, по чёрной земле, по белому снегу. Позади следы, впереди чистое поле. Однажды, когда я сделаюсь безупречной, я перестану оставлять следы. Оглянусь, а за мною чистое поле», или ««Исповедь китайского лисы-оборотня» (2008) Д. Б. Воденникова можно назвать рассказом, можно увидеть в этом произведении жанр эссе. Сам же автор вынес в заглавие жанр исповеди, хотя эта исповедь постоянно переходит в инвективу. Герой «Исповеди» – лис-оборотень, но его фантастический облик видится, скорее, метафорой инаковости. Он – альтер этого автора. Неслучайно в конце звучит фраза: «В самый короткий день в году, в день зимнего солнцестояния, мне исполнится сорок лет. И у меня нет сил ждать еще десять, чтобы превратиться в человека» и т.д. Цитации вводятся с учетом стандарта издания. Фактические недочеты не выявлены, объективность суждений налична. Работа имеет явный практический характер, ее можно считать неким образчиком в ритме написания статей смежной тематической направленности. Удачно, что в статье есть как итоговые выводы, так и промежуточные: «Итак, в проанализированных рассказах Ю. В. Мамлеева, Марты Кетро, Д. Б. Воденникова центральным является образ лисы (лиса)-оборотня. При этом писатели оставляют вопрос о том, подлинный ли оборотень их герой или оборотничество у них выступает лишь в качестве метафоры пограничного статуса, состояния героя, до конца непрояснённым». Можно подтвердить цельность работы, ее самостоятельность; материал, действительно, удачно скомпонован, он оригинален и может быть полезен при изучении гуманитарных дисциплин (истории русской и зарубежной литературы). Список источников разнороден, что явно положительно, хронологическая сегментация выдержана. Рекомендую статью «Оборотничество как способ обретения трансцендентной реальности (на материале рассказов Юрия Мамлеева «Учитель», Марты Кетро «Жена-лисица» и Дмитрия Воденникова «Исповедь китайского лисы-оборотня»)» к открытой публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Пролыгина И.В. Гален о греческом языке медицины: отголоски софистических споров об аттицизме и азианизме // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73783 EDN: ZCZSME URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73783

Гален о греческом языке медицины: отголоски софистических споров об аттицизме и азианизме

Пролыгина Ирина Викторовна

ORCID: 0000-0001-7492-9750

кандидат филологических наук

зав. кафедрой; кафедра латинского языка и основ терминологии; Российский университет медицины

127006, Россия, г. Москва, ул. Долгоруковская, д. 4

✉ prolygina99@yandex.ru

[Статья из рубрики "Литературоведение"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73783

EDN:

ZCZSME

Дата направления статьи в редакцию:

21-03-2025

Аннотация: Предметом исследования выступает Галеновский корпус сочинений, который представляет обширный материал для исследования не только медицины и философии II в. н.э., но и культурной и интеллектуальной жизни в Риме этого периода. Автор анализирует ряд отрывков из сочинений Галена, раскрывающих его роль как одного из римских интеллектуалов в софистических дебатах об аттицизме и азианизме и проясняющих его вклад в сохранение терминологического единства греческого языка медицины того времени. Несмотря на то, что Гален писал в основном научную техническую прозу, он уделял пристальное внимание вопросам языка и стиля, подчеркивая полученное в юности классическое греческое образование и следование аттической традиции. В многочисленных комментариях Галена на книги Гиппократа встречаются лингвистические отступления с целью разъяснить устаревшую терминологию и сложные места через обращение к классической аттической литературе. Методологическую основу исследования составляет источниковедческий и историко-филологический анализ релевантных лингвистических терминов и понятий, проведенный

с учетом литературной проблематики II-III вв. н. э. Проведенный анализ показал, что Гален часто обращался к разговорному греческому языку, распространенному в Малой Азии, который он также использовал для интерпретации терминов Гиппократа. Помимо классической литературы он был хорошо знаком с эллинистической лексикографической традицией и критиковал современных врачей за введение неологизмов, не подтвержденных предшествующей литературной и медицинской традицией. В вопросах выбора подходящих медицинских терминов Гален не ограничивался литературными источниками, нередко он опирался на личный опыт и местные разговорные привычки, особенно в области фармакологии. Новизна исследования. В исследовании впервые показано, что замечания Галена о языке свидетельствуют о его хорошем знании греческих диалектов и стремлении сохранить терминологическое единство, восходящее к текстам древних медицинских авторов. Результаты исследования расширяют наши знания о периоде так называемой Второй софистики, восполняя лакуны в области софистических дебатов о языке науки, в частности, о языке медицины, и могут быть использованы при составлении учебных курсов по истории греческого языка и литературы поздней Античности.

Ключевые слова:

Гален, Галеновский корпус, Вторая софистика, греческий язык медицины, лексикология, античный комментарий, стандартизация терминологии, аттицизм, азианизм, греческие диалекты

Ряд авторитетных исследователей культуры II в., таких как С. Суэн и Т. Шмитц, уже отмечали, что Гален не был строгим пуристом или аттицистом, поскольку писал, в основном, техническую научную прозу [1; 2]. Тем не менее, в полемических отступлениях, он неоднократно представлял себя как последователя и знатока классического аттического языка, образцами для подражания которого были классические аттические авторы V в. до н.э. Гален не раз подчеркивал, что благодаря своему отцу он получил классическое греческое образование с уклоном в изучение точных наук (*De libr. pr. K. XIX*, 59, 2-12) [3, с. 665] и аттическим диалектом владел лучше, чем прочими (*Thras. SM*, 3, 78, 4-7). Очевидно, что и целевую аудиторию его сочинений и выступлений составляли римские интеллектуалы со схожим уровнем образования, на которых он ориентировался в преподавании медицины, стоявшей на одной ступени с философией.

В Комментарии Галена «На книгу Гиппократа «О переломах» он прямо пишет о тех, для кого предназначены его комментарии: «Тебе было сказано все возможное о строении руки, что далее подробно разъясняет Гиппократ, используя столь ясный и обстоятельный стиль изложения, что сам по себе он требует лишь небольшого пояснения и, прежде всего, для тех, кто получил в юности соответствующее образование, или тех, кто читал эту книгу под руководством учителей, для кого, собственно, и написаны комментарии» (*In Hipp. fract.*, K. XVIII В 335, 1-6). Традиционный канон изучаемых авторов, который сформировался в Александрийскую эпоху, включал в себя чтение и изучение Гомера и классических авторов V и IV вв. до н.э. Поэтому любой молодой человек, получивший классическое греческое образование, был знаком с языком этих авторов.

В интересы Галена входило и изучение языка науки с теоретической точки зрения. Этим вопросам он посвятил несколько своих утраченных сочинений по лексикологии и

грамматике, список которых Гален приводит в сочинении «О собственных книгах» (*De libr. pr. XX*) [\[3, с. 673\]](#). Представление о взглядах Галена на эту проблему можно частично составить по его отдельным замечаниям о языке, рассеянным в корпусе, в частности, по фрагменту, посвященному рассуждению о метафорических терминах, который сохранился в III книге его сочинения «О разновидности пульсов».

По мнению Галена, язык существует для того, чтобы передавать правильное обозначение вещей и событий, и непременными атрибутами этого обозначения должны быть ясность, однозначность и буквальность. Носители греческого языка пользуются общеупотребительными и всем понятными словами, буквальное значение которых и должно лежать в основе языка науки (*De nomin. med. 16.39-17.9*). Таким образом, ученый должен быть и лингвистом, который сначала анализирует и выбирает буквальные и понятные слова, а затем посредством логических и лингвистических процедур закрепляет за ними научные определения или заменяет их на более подходящие. Однако владение даже обыденной лексикой должно исключать использование солецизмов, варваризмов и диалектизмов, которые препятствуют ясности (*De puls. diff. 2.2; 2.5, К. VIII, 567, 586-588; De meth. med. 1.5; 1.9, К. X, 43, 71*). Поэтому в вопросах правильного словоупотребления необходимо обращаться к литературным образцам классической греческой литературы, прежде всего, к текстам Платона и Аристофана, которые служат примером чистой разговорной аттической лексики [\[4, р. 20; 5, р. 513, 6, р. 371-388; 7, р. 87-99\]](#).

Значительную часть корпуса текстов Галена составляют его комментарии на книги Гиппократа, первостепенной задачей которых было разъяснение устаревшей терминологии и «темных» мест, вызванных как состоянием рукописных источников, так и изменением словоупотребления [\[8, с. 85-89\]](#). Гиппократ был для Галена почти непререкаемым авторитетом, поэтому для объяснения трудностей, связанных с его прочтением, он предлагает универсальное объяснение в виде понятия «древний обычай» (*συνήθεια*), который требует истолкования на основе других литературных источников. Гален прибегает здесь к двум основным методам: с одной стороны, он использует авторитетные «научные» источники для разъяснения трудного места, а с другой, – приводит аттические синонимы-эквиваленты из классической литературы. В качестве примера приведем отрывок из его комментария «На VI книгу «Эпидемий» Гиппократа»: «То, что аттики называют «извержением» (*◻μβλωσιν*), Гиппократ обычно называет «гибелью» (*◻ποφθοράν*) и употребляет в письменной речи относящиеся к этому названию глаголы и так называемые грамматиками причастия, соответствующие этому слову. А «извергать» (*◻μβλώσκειν*) (ибо, возможно, кто-то не знает и это слово) они относят к выкидышу недоразвитого плода, как бы он не произошел, и вызывающие его лекарства называют «извергающими» (*◻μβλωτικά*)» (*In Hipp. Epid. VI, К. XVIIA, 799, 6-800, 2*). Таким образом, аттическое словоупотребление выступает, по сути, средством истолкования и перевода непонятных терминов Гиппократа на знакомый слушателям язык.

Помимо обращения непосредственно к литературным источникам, написанным на аттическом диалекте, Гален, скорее всего, обращался и к сочинениям по лексикографии, как его близких предшественников, например, Эротиана (I в. н.э.), написавшего глоссарий к сочинениям Гиппократа, так и восходящими еще к Александрийской традиции. Гален неоднократно упоминает о своих предшественниках в области экзегетики текстов Гиппократа, с которым он нередко вступает в полемику. Рассмотрим отрывок из его комментария «На книгу Гиппократа «О переломах»» (*In Hipp. fract. К. XVIIIB 403, 13-405, 11*). Комментируя выражение «легкая диета» (*διαιτα*

ύποφαύλη), Гален объясняет его привычным выражением древних, которые использовали прилагательное φαῦλος в значении «простой». Однако он не ограничился этим объяснением, но добавил, что противоположным понятием была бы «строгая диета» (δίαιτα κριβής), которую ионийцы называли σκεθρός, буквально «тщательной». Этот термин уже становился предметом обсуждения у Эротиана, который поддерживает ту же версию, что и Гален (σκεθρός в смысле κριβής), и оспаривает другие толкования этого слова. Таким образом, Гален, несомненно, был хорошо знаком со схолиографической и лексикографической традицией истолкования текстов Гиппократа [9, р. 165-166]. Однако стоит обратить внимание на то, что он выходит за рамки комментирования конкретного отрывка и переводит дискуссию в более широкое лексическое поле, характеризуя обсуждаемый термин как ионийский. В качестве авторитетного источника по древнеионийскому языку Гален обычно приводит свидетельства Геродота (см., например, *In Hipp. art. K. XVIIIA* 599, 9-14). Это еще раз доказывает тот факт, что античная лексикография при реконструкции диалектов опиралась, прежде всего, на литературные источники.

Резкие возражения со стороны Галена встречают те термины-неологизмы, которые вошли в употребление у современных врачей с опорой на разговорный язык и не имели подтверждения в текстах античных авторов. В комментарии «На I книгу Эпидемий Гиппократа» Гален рассуждает о правомочности термина καθημερινός для обозначения «ежедневной» лихорадки, который ввели современные врачи вместо традиционного термина ημερινός (*In Hipp. Epid. I*, К. XVIIIA 221, 1-5). Этот же термин Гален обсуждает и в трактате «О различиях лихорадок», где он открыто обвиняет своих оппонентов в неправильном словоупотреблении, говоря, что никогда не встречал нового термина у греческих авторов: «Я привык называть такую лихорадку ежедневной (ημερινός) и продолжительной, ибо слово «каждодневный» (καθημερινός) невозможно найти ни у одного из греческих авторов, но все ежедневно происходящее они подобным же образом называют словом «ежедневный» ημερινός» *De diff. febr. K. VII*, 354, 12-16). Из последующего рассуждения Галена становится ясно, что его волновал не только и не столько контраст между аттической письменной традицией и современным разговорным языком, сколько нарушение медицинской традиции в области языка и терминологии с введением новых понятий, терминов и классификаций. Восходящие ко временам Гиппократа термины и обычай словоупотребления «древних», по мнению Галена, следовало не заменять, а рассматривать как часть нормативной технической лексики.

Помимо бинарных оппозиций «древний-современный», «аттический-древнеионийский» и «литературный-разговорный» у Галена встречается противопоставление между «общепринятый греческий» и «греческий Азии». В комментариях к текстам Гиппократа можно найти множество примеров, в которых Гален упоминает о своем знании разговорных привычек, распространенных в Азии (напр., *In Hipp. Epid. VI*, К. XVIIB 190, 11; *In Hipp. nat. hom. K. XV*, 122, 11) (10, р. 224; 11; 12, р. 228-252). Кроме того, он резко противопоставляет «общепринятый греческий язык» и «варварские языки». Приведем отрывок из его сочинения «О различиях пульсов», где Гален рассуждает о проблемах многоязычия в Римской империи того времени и выступает за использование в научном языке «койне», в основе которого лежал аттический диалект, и чистоту языка от варваризмов и диалектизмов, особенно от смешения разных диалектов: «И вот, мы выбрали диалект, называемый общим (τὸν κοινὸν καλουμένην διάλεκτον), один ли он с аттическим (ибо афинский диалект претерпел множество изменений) или совершенно иной. Ибо я высказываю свое мнение по этому вопросу в другом месте. И мы стараемся

сохранить этот диалект, и ни в чем не нарушать его правил, и не вводить в него ни одного искусственного слова, и не искажать его. И если ты хочешь разговаривать со мной на этом языке, постарайся сначала выучить его, если же ты используешь какой-то другой диалект, то сообщи мне и об этом. Ведь если это один из греческих диалектов, то, конечно, и его мы более или менее понимаем, ибо прочитали сочинения и ионийцев, и эолийцев и дорийцев. Если же это не один из них, а какой-то варварский язык, то скажи и об этом, только постарайся сохранить его в чистом виде, каким бы он ни был, а не говори мне трех слов из Киликии, четырех из Сирии, пяти из Галатии и шесть из Афин!» (*De puls. diff.*, К. VIII, 584-585).

Следует отметить, что греческий язык, распространенный в Азии, не имеет у Галена отрицательных коннотаций. Напротив, он иногда апеллирует к нему, дабы обосновать верность того или иного словоупотребления, подчеркивая связь между Гиппократом и современным разговорным языком Азии. В комментарии «На III книгу Эпидемий Гиппократа» встречается такой отрывок: «Он [т. е. Гиппократ – прим. авт.] сказал «тенистый» (σκι□δες) в смысле темный (ζοφ□δες), что означает неяркий, непрозрачный и недостаточно ясный. Ибо даже сегодня греки в Азии имеют привычку называет «тенистым» и «затененным» все, что имеет оттенок черного» (*Hipp. Epid. III*, К. XVIIА 655, 1-3). Таким образом, сравнение языка Гиппократа с современными лингвистическими привычками греков Азии служит важным критическим и герменевтическим инструментом при рассмотрении сложных лингвистических случаев.

По всей видимости, Гален проводил также различие между разговорной аттической лексикой (πολιτικά) и местными региональными наречиями (γλωσσηματικά), как показывает один из отрывков его комментария «На книгу Гиппократа «О суставах»» (*In Hipp. art. XVIIА 414, 15-415, 6*), в котором он сравнивает стиль Гиппократа со стилем Ксенофона. По мнению Галена, их стиль похож, поскольку Гиппократ подобно Ксенофонту использует не только разговорные слова, но также фигуры речи и слова местных наречий (γλωσσαι). Таким образом, в языке Гиппократа Гален различает ионийские диалектные формы, основанные на литературной традиции, и местные разговорные формы, характерные для отдельных городов. Это различие может указывать на то, что исследования диалектов в эллинистическую эпоху не ограничивались только литературными свидетельствами, но распространялись на собрание документального материала и опросы носителей языка, подтверждением чему служат сохранившиеся работы, например, Аполлония Дискола и Геродиана (13, р. 74-85).

Большое число отсылок на распространенные в Азии языковые привычки встречается не только в комментариях Галена, но и в его сочинениях по фармакологии. Область ботаники, зоологии, минералогии и фармакологии содержала большое число синонимов и разных наименований в зависимости от географии места. И, конечно, знание широкого спектра фармацевтических терминов, встречающихся в разных уголках Римской империи, было необходимо врачу в его практической деятельности. Известно, что списки синонимов, распространенных в ботанической и зоологической письменной традиции, были распространены еще задолго до Галена [\[14\]](#).

Однако Гален явно выбивается из этой традиции благодаря своему исключительному лингвистическому любопытству, которое выражалось не только в стремлении привести все известные ему греческие синонимы для названия продуктов, минералов, растений или животных, но также провести сравнительный анализ с другими языками, например, с латинским. Так, в сочинении «О свойствах пищи» (*De alim. fac. K. VI*, 483, 13-484, 1) он упоминает о том, что латинское слово σίλιγνις (=siligo), «пшеничная мука тонкого

помола», нельзя заменить никаким греческим эквивалентом. В области фармакологии была исключительно важна роль личного опыта, на который Гален часто ссылается для подтверждения или опровержения мнения своих предшественников. В том же трактате, рассуждая о различных видах злаков, он цитирует отрывок из текста античного врача Мнезифея, который комментирует следующим образом: «Сам я не видел всех северных стран, но и не слышал ни от кого, кто видел их, про злаковое зерно, которое местные жители называют полбой ($\zeta\epsilon\mu\nu$ \square $\zeta\acute{\epsilon}\alpha\nu$). Ибо это слово встречается в разных начертаниях: в одних случаях первый слог заканчивается на <ε> и <i>, а в других – только на <ε>. И можно заметить, что эллины называют это зерно таким образом, а варвары дают ему собственное наименование. Затем, увидев во Фракии и Македонии множество полей, на которых рос не только колос, но и растение целиком совершенно такое же, как и полба у нас в Азии, я спросил у тех жителей, как оно называется. И они все ответили, что это растение и его зерно называется «рожью» ($\beta\rho\acute{\iota}\alpha\nu$), где первый слог пишется и произносится с тремя буквами <β>, <ρ> и <ι>>, а следующий за ним с буквами <ζ> и <α> в именительном падеже, и очевидно, что с буквой <ν> в винительном падеже» (К. VI, 513, 16-514, 15). Упоминание о фракийском и македонском наименовании злака, в котором Гален удостоверился лично, служит подтверждением текста Мнезифея. Таким образом, несмотря на доверие традиции, восходящей к древним врачам, Гален предпочитал проверять ее собственным опытом.

В трактате «О свойствах простых лекарств» сохранилось воспоминание Галена о его путешествии на о. Лемнос в поисках лемнотской глины, которая использовалась при лечении трудно рубцующихся ран, укусов ядовитых змей и диких животных. Поясняя ее название, он пишет следующее: «Лемнотскую землю одни называют лемнотской охрой ($\mu\acute{\iota}\lambda\tauον \Lambda\eta\mu\acute{\iota}av$), а другие еще лемнотской печатью ($\sigma\phi\acute{r}a\mu\acute{\iota}\delta\alpha \Lambda\eta\mu\acute{\iota}av$), потому что она получает священную печать Артемиды. <...> Одни называют ее так, как я уже сказал, из-за того, что она отмечена печатью, тогда как другие называют ее лемнотской охрой ($\Lambda\eta\mu\acute{\iota}av \mu\acute{\iota}\lambda\tauον$) из-за ее цвета. Она обладает таким же цветом, как охра с тем только отличием, что не оставляет следа, если дотронуться до нее, как бывает в случае с охрой, и происходит с лемнотского холма, который весь желтого цвета и не имеет ни дерева, ни камня, ни растения» (*De simpl. med.* IX, 1.2, К. XII, 169-170). Поводом для воспоминания об этом путешествии стал отрывок из рецепта Диоскорида, в состав которого входила козлиная кровь и лемнотская глина. Гален дает подробное описание маршрута следования для удобства будущих путешественников и приводит разные путевые заметки по ходу своего следования, передает разговоры с местными жителями и сообщает о добытых им местных рецептах и лекарствах [\[15, р. 17-39\]](#).

Проведенный анализ репрезентативных отрывков из сочинений Галена показал, что его взгляды на греческий язык медицины намного сложнее и разнообразнее, чем представлялось ранее. Греческий язык должен был обеспечивать, прежде всего, ясность и точность, которые достигались благодаря стандартизации медицинской терминологии и стилю изложения. В дебатах о греческом языке эпохи Второй софистики Гален занимал умеренную позицию, выступая, с одной стороны, против тех, кто создавал языковую путаницу, смешивая языки и диалекты, а с другой – против чрезмерного языкового пуританства софистов, которые занимались пустыми словопрениями. Подобно Сексту Эмпирику Гален осуждал крайности аттицистов, утверждая, что существует множество языковых «обычаев», которые нужно знать и использовать, адаптируя их к контексту и аудитории. Гален хорошо знал не только классическую античную литературу, но и эллинистическую лексикологическую традицию. Благодаря своему малоазийскому происхождению, он владел разговорным греческим языком, распространенным в Азии, знание которого служило для него дополнительным критерием правильного

словоупотребления при комментировании текстов Гиппократа. Четко выделяемые бинарные оппозиции разных языковых категорий, которые нельзя свести к простому противопоставлению атицизма и азианизма, указывают на то, что Гален был одним из активных участников софистических дебатов о языке своего времени. Подтверждением тому служит также большое число утраченных в настоящее время сочинений по лексикологии, о которых он упоминает в своих библиографических сочинениях. Анализ методики комментирования текстов Гиппократа показал, в свою очередь, что при историко-филологической оценке того или иного термина критерием нормы служил «обычай» его употребления у древних авторов, а дополнительным аргументом в экзегетике термина выступало его значение у современников, особенно у греков Малой Азии с учетом разнообразия диалектных форм, как встречающихся в литературных источниках, так и известных Галену из личного опыта. Постоянная апелляция к словоупотреблению в Азии служила также косвенным признаком стремления Галена утвердить собственную греческую идентичность в кругу римских интеллектуалов, многие из которых также были выходцами из богатых азиатских провинций.

Библиография

1. Swain S. Hellenism and Empire: Language, Classicism and Power in the Greek World AD 50-250. Oxford, 1996.
2. Schmitz T. Bildung und Macht: zur sozialen und politischen Funktion der zweiten Sophistik in der griechischen Welt der Kaiserzeit. Zetemata XCVII. Munich, 1997.
3. Пролыгина И. В. Гален. *De libris propriis*. О собственных книгах // Schole. Философское антиковедение и классическая традиция. 2017. Т. 11, № 2. С. 636-677. DOI: 10.21267/AQUILO.2017.11.6485 EDN: ZDOHBT.
4. Hankinson R. J. Galen on the Foundations of Science / J. A. López Férez (ed.). Galeno: obra, pensamiento e influencia: Coloquio internacional, Madrid, 1988. Madrid, 1991. P. 15-29.
5. von Staden H. Science as Text, Science as History: Galen on Metaphor / Ph. van der Eijk, H. F. J. Horstmannshoff, P. H. Schrijvers (eds.). Ancient Medicine in Its Socio-Cultural Context. 1995. Vol. II. Rodopi, Amsterdam-Atlanta. P. 499-518.
6. Mattern S. P. Galen / D. S. Richter and W. A. Johnson (eds.). The Oxford Handbook of the Second Sophistic. Oxford, 2017. P. 371-388.
7. Petit C. Galen, Rhetoric, and the Second Sophistic / P. N. Singer, R. M. Rosen (eds.). The Oxford Handbook of Galen. Oxford, 2024. P. 87-99.
8. Пролыгина И. В. Развитие жанра научного комментария в Галеновском корпусе // Балтийский гуманитарный журнал. 2024. Т. 13, № 4 (49). С. 85-89.
9. Manetti D. Galen and Hippocratic medicine: language and practice / C. Gill, T. Whitmarsh, J. Wilkins (eds.). Galen and the World of Knowledge. Cambridge: CUP, 2009.
10. Strohmaier G. Die Ethik Galens und ihre Rezeption in der Welt des Islams / J. Barnes and J. Jouanna (eds.). Galien et la philosophie. Fondation Hardt Entretiens sur l'Antiquité Classique. Vandoeuvres-Geneva, 2003. Vol. XLIX. P. 307-326.
11. López Férez J. A. El helenismo de Galieno / V. Boudon, A. Garzya, J. Jouanna, A. Roselli (eds.). Ecdotica e trasmissione dei testi medici greci. Naples, 2005. P. 137-165.
12. Brixhe C. Linguistic Diversity in Asia Minor during the Empire: Koine and non-Greek Languages / E. J. Bakker (ed.). A Companion to the Ancient Greek Language. Oxford, 2010. P. 228-252.
13. Cassio A. C. Parlate locali, dialetti delle stirpi e fonti letterarie nei grammatici greci / E. Crespo, J. L. García Ramón, A. Striano (eds.). Dialectologia graeca. Actas del II Coloquio Internacional de Dialectologia griega. Madrid, 1991. P. 73-90.
14. Barnes J. Logique et pharmacologie: à propos de quelques remarques d'ordre

- linguistique dans le *De simplicium medicamentorum temperamentis ac facultatibus de Galien* // A. Debru (ed.). Galen on Pharmacology: Philosophy, History and Medicine. Leiden: Brill, 1997. P. 3-33.
15. Пролыгина И. В. О роли научно-исследовательских путешествий в медицинском образовании II-III вв. н.э. // Hypothekai. Журнал по истории античной педагогической культуры. 2022. № 6. С. 17-39. DOI: 10.32880/2587-7127-2022-6-6-17-39 EDN: PFDOGR.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Статья «Гален о греческом языке медицины: отголоски софистических споров об аттицизме и азианизме» представляет собой исследование в области классической филологии.

Автор анализирует комментарий Галена «На книгу Гиппократа «О переломах», а также другие сочинения, посвященные грамматическому и лексическому осмыслинию языка античной научной мысли.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучить понимание Галеном основ построения научного текста на аттическом диалекте древнегреческого языка с точки зрения грамматической, метафорической и семантической структур.

В работе подчеркивается, что Гален считал основными свойствами научного текста «ясность, однозначность и буквальность».

Текст статьи хорошо структурирован. В статье представлены введение, результаты исследования, а также выводы и библиография.

Цель данного исследования - выявить особенности древнегреческого научного текста в интерпретации Галена.

В качестве методов автором на различных этапах исследования были использованы исторический и сравнительный анализ.

Автор последовательно анализирует примеры, а также отмечает, что существуют рекомендации для написания научных текстов, выведенные Галеном. Так, Гален призывает опираться на язык древних авторов, таких как Платон и Аристофан.

Автор также отмечает важность разъяснительных комментариев Галена к трудам Гиппократа. Автор подчеркивает, что трактовка непонятного словоупотребления ведется Галеном посредством знакомого его читателю аттического диалекта.

В статье описано, каким образом Гален различает слова аттического и ионического диалектов. Анализируя стратегии интерпретации текстов Гиппократа Галеном, автор делает вывод о том, что «античная лексикография при реконструкции диалектов опиралась, прежде всего, на литературные источники».

Кроме того, важным кажется утверждение автора о встречающемся у Галена противопоставлении между «общепринятым греческим» и «греческим Азии».

Анализируя проявления в произведении данной дилеммы, автор пишет, что «Гумилев В заключении автор пишет следующее: «Гален хорошо знал не только классическую античную литературу, но и эллинистическую лексикологическую традицию. Благодаря своему малоазийскому происхождению, он владел разговорным греческим языком, распространенным в Азии, знание которого служило для него дополнительным критерием правильного словоупотребления при комментировании текстов Гиппократа. Четко выделяемые бинарные оппозиции разных языковых категорий, которые нельзя свести к простому противопоставлению аттицизма и азианизма, указывают на то, что Гален был одним из активных участников софистических дебатов о языке своего

времени».

Данный вывод можно считать достоверным.

Стиль статьи научный, информация представлена объективно, выводы обоснованы результатами исследования.

Объём статьи является достаточным.

Статья оформлена в соответствии с требованиями к научным статьям, содержит ссылки на источники и список литературы, включающий в себя наиболее актуальные исследования по данной теме.

Таким образом, можно заключить, что статья «Гален о греческом языке медицины: отголоски софистических споров об аттицизме и азианизме» представляет собой научно-исследовательскую работу высокого уровня, которая вносит вклад в изучение актуальных тенденций в области классической филологии. Работа соответствует требованиям, предъявляемым к научным статьям, и может быть рекомендована к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Остапенко А.Б. Влияние гендерной принадлежности на вариативность языка // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73267 EDN: ZBOYKH URL:
https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73267

Влияние гендерной принадлежности на вариативность языка

Остапенко Анна Борисовна

ORCID: 0009-0003-4621-6296

кандидат социологических наук

доцент; высшая школа лингводидактики; Тихоокеанский государственный университет

680035, Россия, Хабаровский край, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская, 136, оф. 332ц

✉ 009098@tugudv.ru

[Статья из рубрики "Психолингвистика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73267

EDN:

ZBOYKH

Дата направления статьи в редакцию:

06-02-2025

Аннотация: Предметом данного исследования являются различия в языке по признаку пола. Объектом исследования являются работы в области гендерной лингвистики, написанные в разное время. Существует предположение, что проблема андроцентричности языка и влияние гендера по-разному воспринимается мужчинами и женщинами исследователями. Мужская точка зрения представляет андроцентричность как категоризацию и обобществление, тогда как женский взгляд видит в этом мужское доминирование. В статье даны определения понятий "гендер" и "гендерное влияние" в лингвистике. Раскрываются вопросы существования женского и мужского языка, вариации используемых языковых средств, различий в речевом поведении в зависимости от гендерной принадлежности агента речи. Цель статьи проследить ретроспективную динамику гендерных исследований в области языкознания, сравнить выводы, сделанные исследователями гендерного аспекта в языкознании с серединой 20 века до начала 21 века. Данное исследование основано на ряде научных методов, среди которых аналитический и компаративный методы изучения источников по

гендерной лингвистике, метод диахронического анализа ранних и более поздних работ о влиянии гендера на вариативность языка. Основными выводами проведенного исследования являются предположения о том, что всеми исследователями ранних работ отмечается андроцентрочность языка, однако есть сомнения, что эта тенденция является выражением неравного отношения к мужчинам и женщинам и доминирования мужского языка над женским. Есть гипотеза, что выводы об исторической андроцентричности и языковой диспозиции зависят от гендерной идентичности авторов и теряют остроту в более поздних работах. С точки зрения ранних работ по гендерной лингвистике андроцентричность свидетельствует о доминировании мужского языка над женским. Более поздние работы имеют тенденцию предполагать, что принадлежность к мужскому или женскому полу отражается на используемых языковых средствах, а также на риторике и экспрессии речевого поведения. Автор находит схожие точки зрения в поздних, и современных работах. Статья отражает промежуточные выводы автора в исследовании вербализации гендерных стереотипов, которые вносят определенную значимость в понимание картины мира и создании бесконфликтного коммуникативного пространства.

Ключевые слова:

гендер, гендерные стереотипы, вербализация гендерных стереотипов, речевое поведение, языковая вариативность, гендерная лингвистика, гендерный аспект, андроцентричность, доминирование, гендерная идентичность

В настоящее время понятию «гендер» уделяется большое внимание. Его влияние на различные аспекты человеческой жизни неоспоримо. В настоящее время в науке есть целый ряд исследований в области гендерной лингвистики, которые используют различные подходы в обосновании вариативности языка по признаку гендерной идентичности. Однако их системное обобщение не представлено в полной мере в научной литературе. Цель нашего исследования провести хронологический анализ и интерпретировать некоторые работы значимых ученых в области гендерологии.

Данное исследование актуально, так как вопрос причинно-следственной связи влияния социального пола на вариативность языка является дискурсивным. Есть несколько подходов и обоснованных исследований в этой области знания, однако этот вопрос нуждается в методологическом анализе. Язык является вербальной картиной мира и исследования в области гендерного языкознания имеют большое значение для создания бесконфликтного коммуникативного пространства. Следовательно, видится необходимость всестороннего анализа и обобщения имеющихся данных в области изучения фемининности и маскулинности в лингвистике. Научная новизна исследования обусловлена использованием метода диахронического анализа ряда работ в области гендерной вариативности языка.

Предметом исследования является динамика и трансформация гендерных исследований в лингвистике, особенности формирования и функционирования гендерных стереотипов в языке. Объектом исследования являются ранние работы ученых гендерологов в сравнении с более поздними исследованиями гендерной вариативности языка. Теоретическую базу исследования составили труды по лингвистическим аспектам гендера таких зарубежных исследователей, как И. Гердер, В. Гумбольт, Я. Гримм, Ф. Маутнер, Б. Уорф, Д. Хомбергер, Р. Лакофф, Б. Элхинни а также исследования вербализации гендерных стереотипов в языке таких российских ученых как А. В.

Кирилина, Е. И Горошко, М. Ю. Горбунова, Е. С. Зиновьева, Н. Г. Божанова, И. Х. Мигранова, М. И. Дойникова, Е. Д. Ковалева, А. С. Кошмина, Н. И. Власенко, С. П. Хижняк.

В данной работе были использованы методы диахронического анализа научных источников для рассмотрения динамики влияния гендерса и гендерных стереотипов в лингвистике, обобщения данных, их систематизации и интерпретации.

Вопросы о влиянии пола на формирование языка возникли еще в античном мире. Понятие «гендер», происходящее от латинского слова gender («род» или «падеж»), означает социальный пол человека, мужской или женский, который влияет на его поведение в обществе и на то, как это воспринимается окружающими. Биологический пол не является доминирующим фактором, определяющим социальный пол человека. Именно понятие «гендер» используется для определения маскулинных и фемининных личностных характеристик и стратегий поведения, которые отличают мужчин от женщин и влияют на социальные отношения [1].

С момента рождения человек становится частью гендерной системы. Существуют традиционные ритуалы рождения, которые отличаются в зависимости от биологического пола ребенка; различаются также цвет одежды, предметы быта и даже виды игрушек для мальчиков и девочек. Новорожденных мальчиков больше кормят, а с девочками больше разговаривают, поскольку мужчины ассоциируются с силой, а женщины – с заботой. Кроме того, в процессе воспитания и образования в сознание детей внедряются гендерные нормы, определяющие маскулинные и фемининные стратегии поведения в соответствии с гендерной идентичностью. Гендерные стереотипы формируют представления о «настоящем мужчине» и «настоящей женщине» [2].

Вопрос о связи между биологическим полом и грамматической категорией пола в языке возник еще в античном мире. Символико-семантическая гипотеза объясняла существование грамматической категории пола в языке как следствие существования людей разных биологических полов. Эта идея была поддержана рядом известных ученых, таких как И. Гердер, В. Гумбольдт и Я. Гримм, которые внесли значительный вклад в изучение языка и его связи с культурой и обществом.

И. Гердер (1744–1803) считал, что язык является отражением духа народа и его культуры. В своей работе «Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit» (Идеи к философии истории человечества), опубликованной между 1784 и 1791 в четырех томах, он подчеркивал, что язык формируется под влиянием социального контекста и биологических различий. С одной стороны, человек является продуктом природы, а с другой – результатом социальных условий. Это отражено в структуре работы И. Гердера. Он начал с анализа естественных условий, а затем перешел к социально-историческим аспектам жизни людей. И. Гердер открыл свой обзор с описания Земли и ее положения в космосе, стремясь показать, как уникальность нашей планеты, ее вращение вокруг Солнца и оси, а также особенности атмосферы влияют на строение человеческого тела. По мнению И. Гердера, человек органически связан с природой и является ее частью, но при этом обладает рядом отличительных черт. Главным его отличием от животных является способность «ходить с поднятой головой», что позволило освободить руки и сыграло значительную роль в его выживании и духовном развитии. И. Гердер утверждал, что в процессе общения люди создали язык и развили разум, который, в отличие от инстинктов, не является врожденным, а представляет собой результат исторического развития. Он утверждал, что грамматические категории, такие как род,

могут быть связаны с восприятием мужских и женских ролей в обществе [\[4\]](#).

В. Гумбольдт (1767–1835) развивал идеи о том, что язык не просто инструмент общения, но и способ мышления и восприятия мира. В своих работах он подчеркивал, что грамматические категории, такие как род, могут отражать социальные и культурные различия. Он считал, что язык формирует понимание гендерных ролей и идентичностей [\[5\]](#). В. Гумбольдт подчеркивал, что язык действительно не просто средство общения, но и важный инструмент, формирующий наше восприятие мира и понимание социальных структур.

Я. Гримм (1785–1863), известный своими работами в области германистики и фольклора, также исследовал грамматические категории. В своих грамматических исследованиях он анализировал изменения в языках и их связь с культурными и социальными аспектами, включая гендерные различия. Он подчеркивал, что язык и его грамматические структуры могут быть связаны с историческими и культурными традициями, которые определяют роли мужчин и женщин.

Исходя из идей этих ученых, можно сказать, что грамматические категории, словообразование и лексический фонд языка могут отражать и влиять на гендерные роли и идентичности. Например, в языках, где существительные имеют грамматический род, такие как русский или немецкий, использование мужских и женских форм может влиять на восприятие определенных профессий. Например, в русском языке слово "врач" обычно воспринимается как мужская профессия, тогда как "врачиха" может звучать как менее серьезная альтернатива. В немецком языке слово «der Arzt» (врач) подразумевает мужчину, тогда как «die Ärztin» (женщина-врач) подчеркивает гендерную принадлежность. Это может укреплять стереотипы о том, что медицина – это «мужская» сфера. В английском языке использование местоимений «he» и «she» для обозначения людей может способствовать закреплению гендерных стереотипов. Например, если в книгах чаще используются примеры с мужчинами в роли лидеров и женщин в роли помощников, это может формировать у учащихся представление о том, что определенные роли более подходят для одного пола. Слово «nurse» (медсестра) традиционно ассоциируется с женщинами, тогда как «doctor» (врач) может восприниматься как более нейтральное. Это может влиять на выбор профессий молодежью, формируя у них представление о том, какие роли подходят для мужчин и женщин. Эти примеры подчеркивают, как язык не только отражает, но и формирует наше восприятие гендерных ролей и идентичностей, влияя на то, как мы видим себя и окружающий мир.

В некоторых языках, таких как шведский, внедрение гендерно-нейтральных местоимений (например, «hen») позволяет избежать апеллирования к традиционным гендерным ролям. Это изменение в языке может помочь создать более инклюзивное общество, где гендерные идентичности не ограничены стереотипами.

Идеи И. Гердера, В. Гумбольдта и Я. Гримма внесли вклад в понимание языка как социального и культурного явления, и их работы продолжают оставаться актуальными в современных исследованиях гендерса и языка. А их выводы о том, что язык является отражением культуры и социальных реалий, подчеркивают важность изменения языковых моделей для достижения равноправия.

Со временем обусловленный культурно историческими традициями неравный социальный статус мужчин и женщин и стереотипное доминирование мужского пола над женским отразились на контекстуальных значениях маскулинных и фемининных слов. Слова мужского рода ассоциировались с силой, властью и энергией, в то время как слова

женского рода отражали черты пассивности и подчиненности. Были проведены исследования категории пола с точки зрения морфологии и синтаксиса, а также исследована гипотеза о влиянии пола на восприятие человеком языковой действительности [6].

В начале XX века в лингвистике возрос интерес к проблеме гендерной вариативности языка. Именно в это время произошел переход от биологического детерминизма к гендерным исследованиям. Одной из ключевых фигур, оказавших влияние на становление гендерной лингвистики, является австрийский философ и лексикограф Ф. Маутнер (1849 –1923), который занимался вопросами языка и его связи с мышлением и обществом. Его работы по анализу языка как социального конструкта стали основой для новых подходов к изучению связи вариативности языка с гендерными аспектами человеческой жизни и предоставляют полезный контекст для понимания того, как язык может быть инструментом, который как поддерживает, так и оспаривает гендерные стереотипы. В своей работе «Die Sprache» Ф. Маутнер подчеркивал, что язык не является нейтральным инструментом, а отражает социальные структуры и отношения власти. Это утверждение можно применить к гендерной вариативности языка, где язык служит средством для выражения и закрепления гендерных норм [7]. Ф. Маутнер также исследовал, как значения слов формируются в контексте. Гендерные термины и их использование могут варьироваться в зависимости от культурных и социолингвистических факторов, что подчеркивает динамичность языка. Ф. Маутнер объяснял гендерные различия в языке влиянием социально-исторических факторов. Он считал, что создание и всестороннее использование языка присуще мужчинам, в то время как женщины способны овладеть только языком, созданным мужчинами [8]. Его выводы основывались на проблеме неравного положения полов в обществе. Например, в античном театре женские роли исполняли мужчины, и только после того, как женщины были допущены к участию в театральных постановках, возник женский вариант языка. Ф. Маутнер был первым ученым, обратившим внимание на гендерную вариативность языка, однако его идеи долгое время оставались практически неизученными. Позже гендерный аспект стали активнее изучать в лексике и синтаксисе, исследуя особенности грамматического понятия «гендер», семантическое поле его употребления и различные идентичные лексические единицы в языке. Целью этих исследований было описание и объяснение использования слов разного пола в языке, контекстуальных областей, в которых эти слова наиболее часто употребляются, и оценка мужчин и женщин как положительных или отрицательных, а также языковых средств, лежащих в основе этого процесса [8]. Работы Ф. Маутнера предоставляют важный теоретический контекст для изучения гендерной вариативности языка.

Во второй половине XX века активизировались гендерные исследования в различных научных областях. В лингвистике (в английском и немецком языках) возникло направление, известное как феминистская лингвистика. Сторонники феминизма обвиняли язык в андроцентризме, то есть в акценте не на людях в целом, а в большей степени на мужчинах. Они признавали язык средством гендерной дискриминации из-за доминирования мужских форм и равнозначности понятий «мужчина» и «человек», в то время как женские понятия часто имели негативную коннотацию. Гендерный анализ языка и обвинения в его асимметрии были нацелены на изменение патриархального общества и положения женщин в нем путем трансформации языка как средства социального взаимодействия.

Феминистская лингвистика опирается на теорию лингвистической относительности, предложенную Б. Уорфом и Э. Сепиром в разных исследованиях, так называемая

гипотеза Сепир-Уорфа, которая гласит, что «язык структурирует и направляет мысль, и поэтому сознание человека во многом определяется характеристиками языка» [\[9\]](#). Развивая предположение об андроцентризме языка, А. В. Кирилина предлагает следующие характеристики:

- Отождествление понятий «человек» и «мужчина». Например, в английском, немецком и французском языках они обозначаются одним и тем же словом: «man» в английском, «homme» во французском и «Mann» в немецком;
- унификация существительных мужского рода, которые могут использоваться в гендерно-нейтральном значении, то есть обозначать лиц любого пола. Например, «директор», «менеджер» и «начальник» - существительные мужского рода;
- женственность и мужественность разграничиваются и противопоставляются друг другу в качественном (положительная и отрицательная оценка) и количественном (преобладание мужского рода как общего) отношении, что является показателем гендерной асимметрии [\[10\]](#).

Эти аргументы привели феминистских лингвистов к выводу, что все языки построены на мужском взгляде на мир и отдают предпочтение маскулинности больше, чем фемининности.

Другое направление исследований изучало особенности дискурса мужчин и женщин. Это направление предполагает, что традиционные патриархальные стереотипы, присутствующие в языке, влияют на речевое поведение. Например, Э. Хомбергер выделила несколько особенностей женского речевого поведения:

- Женщины часто используют уменьшительно-ласкательные суффиксы;
- В речи женщин больше форм вежливости и смягчения, утверждений, сформулированных как вопросы, и выражений неуверенности, даже если они уверены в себе;
- В коммуникативных актах женщины чаще берут на себя роль слушателей и умеют реагировать на проблемы собеседника;
- В целом речевое поведение женщин характеризуется как более гуманное [\[11\]](#).

Эти характеристики в коммуникативном взаимодействии создают впечатление женской слабости и неуверенности в себе.

Большой вклад в гендерную лингвистику внесла Р. Лакофф. Как она подчеркнула в своей работе «Язык и место женщины» в 1973 году, язык в целом андроцентричен, и образ женщины в мировоззрении, создаваемом языком, несет в себе чувство неполноценности. Согласно исследованиям Р. Лакофф, традиционное женское речевое поведение способствует восприятию женщин как неуверенных в себе и некомпетентных. Когда же женщины перенимают мужские речевые стратегии, они могут восприниматься как мужественные и агрессивные, что противоречит традиционным общественным нормам [\[12\]](#). В своей книге «Язык и место женщины» Р. Лакофф анализирует, как языковые модели, характерные для женщин, формируют восприятие их уверенности и компетентности в обществе. Она утверждает, что эти модели не являются естественными или врожденными, а возникают в результате социальных норм и ожиданий, которые определяют, как женщины должны говорить и вести себя. Р. Лакофф отмечает, что

женщины часто используют уменьшительные формы, такие как «малышка», «котенок» или «солнышко», даже говоря на серьезные темы. Это может создать впечатление, что они менее серьезны или менее уверены в том, что говорят. Например, в деловой переписке женщина может написать: «Надеюсь, вы не возражаете, если я предложу вам небольшую идею» вместо более уверенного «У меня есть предложение, которое я хотела бы обсудить». Такое использование уменьшительных форм можно объяснить, как попытку смягчить свое мнение, чтобы избежать конфликта.

Р. Лакофф также подчеркивает, что женщины часто используют вопросительную интонацию в конце своих высказываний, что может звучать так, будто они ищут подтверждения или одобрения. Например, фраза «Мы можем начать проект на следующей неделе, не так ли?» может быть воспринята как отсутствие уверенности. Это контрастирует с более уверенным стилем, который может звучать как «Мы начнем проект на следующей неделе». Такой стиль может заставить слушателей воспринимать женщин как менее авторитетных. Р. Лакофф также отмечает, что женщины могут использовать слова, которые призывают значимость их высказываний, например «только» или «лишь». Например, фраза «Я просто хотела сказать, что...» может создать впечатление, что высказывание не столь важно или значимо. Это может повлиять на то, как будет воспринято их мнение, особенно в профессиональной среде.

Наблюдения Р. Лакофф, демонстрируют тот факт, что языковые практики, используемые женщинами, могут неосознанно подрывать их авторитет и уверенность в глазах слушателей. Использование вопросительной интонации и смягчающих слов, таких как «только» или «лишь», может создавать впечатление, что женщины ищут одобрения или не уверены в своих высказываниях. Это, в свою очередь, может способствовать укреплению стереотипов о гендерных ролях, где женщины воспринимаются как менее уверенные и авторитетные, чем мужчины. Язык, который мы используем, не только отражает наше восприятие мира, но и формирует его. Важно осознавать, как такие языковые практики могут влиять на восприятие и оценку мнений, особенно в профессиональной среде, где уверенность и авторитет играют ключевую роль. Применение более уверенного стиля общения может помочь женщинам лучше заявлять о своих идеях и мнениях, способствуя более равноправному взаимодействию в обществе.

В конце XX и начале XXI века исследования в области гендерной лингвистики фокусировались на анализе вербализации гендерных стереотипов в языке. Согласно исследованиям отечественных ученых Е. И. Горошко и О. Ю. Лукиной, языковые практики и модели формируются под влиянием социальных норм и ожиданий, которые диктуют, как женщины должны вести себя в обществе. Это чаще всего и интерпретируется как гендерные стереотипы. С раннего возраста девочкам часто внушают, что их роль заключается в том, чтобы быть вежливыми, заботливыми и ненавязчивыми, в то время как мальчиков поощряют быть более агрессивными и напористыми. Это заставляет женщин использовать язык, отражающий эти нормы, что в свою очередь влияет на то, как их воспринимают окружающие [13, 14]. На деловой встрече женщина может сказать: «Я не уверена, но, возможно, мы могли бы рассмотреть вариант...», в то время как мужчина может сказать: «Мы должны это сделать». Первый вариант может восприниматься как менее определенный, что может повлиять на то, как коллеги воспримут ее идеи. Во время социального взаимодействия в группе женщина может использовать фразу: «Это, наверное, не очень важно, но...», что может снизить значимость ее мнения. Мужчина, напротив, может начать с заявления: «Это важно, и я хочу это обсудить». Обсуждая личные темы, женщина может сказать: «Я просто хочу знать, что ты об этом думаешь», в то время как мужчина может задать прямой вопрос:

«Какое твое мнение об этом?». Такая разница в подходах может привести к тому, что мнение женщины будет восприниматься как менее важное.

Понимание языковых моделей, связанных с полом, является ключом к пониманию того, как гендерные роли формируют коммуникацию и влияют на восприятие женщин в обществе. В своих работах О. Ю. Лукина утверждает, что язык не просто отражает реальность, а активно участвует в ее создании, формируя общественные нормы и ожидания [15]. По мнению Н. Г. Божановой, помимо стереотипных представлений о речевой манере, в обществе распространено мнение о том, что существуют «женские и мужские темы» [16]. Например, в компании мужчины чаще говорят о политике, машинах, охоте или рыбалке, в то время как женщины обсуждают воспитание детей, одежду, косметику или кулинарные рецепты.

Используя метод диахронического анализа, мы можем обратиться к аналогичным выводам в современных исследованиях по гендерной лингвистике. В работах по гендерному аспекту в поэзии И. Х. Алхлавова приходит к выводу, что «женщины склонны давать более эмоциональное и патетическое описание своего окружения, любовной и семейной жизни, потому что женщины обычно изображают ту сферу жизни, которая близка и понятна им самим» [17]. Изучая гендерные различия в русском языке, И. Х. Мигрантова утверждает, «что резких границ между мужской и женской речью в русском языке нет, и следует говорить скорее о тенденциях и предпочтениях мужчин и женщин в выборе тех или иных языковых средств, чем о языковых единицах, жестко закрепленных только за мужским или только за женским арсеналом» [18].

По словам зарубежного исследователя Б. Элхинни, современная наука признает, что гендер не является свойством, которым человек обладает, или чем то, что человеку принадлежит [19]. Скорее, гендер может быть определен как некая совокупность действий индивида, продиктованная социальными установками и культурными традициями данного общества [20].

Исследования гендерной вариативности в лингвистике показывают, что язык формирует наше восприятие мира и влияет на то, как мы воспринимаем различные социальные роли. Например, использование гендерно-нейтрального языка в профессиональной среде может помочь изменить представления о том, какие роли подходят для мужчин и женщин, а также способствовать разрушению стереотипов и созданию более инклюзивного общества. В некоторых языках, таких как шведский, внедрение гендерно-нейтральных местоимений (например, «hen») позволяет избежать апеллирования к традиционным гендерным ролям. Это изменение в языке может помочь создать более инклюзивное общество, где гендерные идентичности не ограничены стереотипами. В английском языке в повседневном и профессиональном дискурсе все чаще используются гендерно-нейтральный словосочетания с добавлением лексемы «woman», «man» для идентификации пола. Например, «policeman-police woman (мужчина полицейский-женщина-полицейский)», «stun man-stun woman (мужчина коскадёр-женщина-коскадёр)».

Исследуя использование гендерно-нейтрального языка в университетской среде Германии, М. И. Дойникова отмечает, что в последнее время большинство стран ЕС, а также США и Великобритания уделяют огромное внимание принципу языковой корректности, который реализуется, прежде всего, через инклюзивный язык, исключающий выделение людей в группы по половым, национальным, религиозным и каким-либо другим признакам. Следовательно, основной задачей гендерно-нейтрального

языка становится выбор таких языковых средств, которые помогают избежать дискриминации по половому признаку [\[21\]](#).

Развивая идею о влиянии гендерной нейтральности языка на языковые нормы (на примере английского языка), российские исследователи Е. Д. Ковалева, А. С. Кошмина, Н. И. Власенко утверждают, что трансформация общества в сторону гендерно-нейтрального мышления и толерантности влияет прежде всего на язык, поскольку он является подвижным и гибким инструментом, быстро реагирующим на различные инновации. Появление новых слов является естественным отражением социальной реальности. И несмотря на критику изменений языковых форм и норм, все большее развитие получает гендерная нейтрализация морфосинтаксических и лексических признаков, маркирующих различные части речи как маскулинины или феминины [\[22\]](#). Так, в английском языке для обобщения используется безличное местоимение «they», а слово «man» на гендерно-нейтральное слово «people».

Изучая образование феминитивов и гендерно-нейтральных названий профессий в русском и английских языках, российский филолог С.П. Хижняк приводит примеры из интернет-ресурса «Феминизатор слов – генератор феминитивов» [\[23\]](#), который применяет все варианты женских суффиксов русского языка для образования женских профессий:

шахтер □ ка | шахтер □ иха | шахтер □ иня | шахтер □ киня |

шахтер □ есса | шахтер □ ица

плотник □ иня | плотник □ есса | плотн □ ица

грузчик □ иня | грузчик □ есса | грузч □ ица

Как видим, суффиксальный способ словообразования придает небрежный окрас феминитивам профессий мужского рынка труда. Более уважительно звучат профессии «женщина-шахтер», «женщина-плотник», «женщина-грузчик», образованные путем словосочетаний. В своей работе С. П. Хижняк отмечает, что в российском обществе осторожно относятся к образованию новых форм. Способы формирования гендерно-нейтральных лексических единиц обусловлены лингвистическими возможностями языковых систем [\[24\]](#).

Когда язык становится более нейтральным и свободным от предвзятости и стереотипов, это может привести к сдвигу в общественном сознании и восприятию женщин как равноправных участников различных аспектов жизни. Изменение языковых моделей и разрушение устоявшихся стереотипов может способствовать более равноестественному и уверенному участию женщин в общественной жизни. Это не только создает более инклюзивную языковую среду, но и способствует переосмыслению социальных ролей, которые женщины занимают в профессиональной деятельности, личных отношениях и других аспектах жизни.

В заключение следует отметить, что важно признать активизацию гендерно-ориентированных исследований в лингвистике. Этот аспект может быть рассмотрен и интерпретирован с новой точки зрения и на пересечении многих областей. Гендерные исследования позволяют по-новому взглянуть на многие лингвистические явления и процессы, давая им более многогранную оценку. Исследования в этой области не только подчеркивают важность языка в формировании гендерной идентичности, но и предлагает пути к созданию более справедливого общества, в котором каждый имеет возможность быть услышанным и принятym независимо от гендерной идентичности. Они

свидетельствуют, что язык является не только средством коммуникации, но и инструментом, который активно участвует в формировании и поддержании социальных норм и структур. Понимание этой динамики может помочь в разработке стратегий для борьбы с гендерными стереотипами и формирования более равноправного общественного устоя.

Библиография

1. Остапенко А.Б. Андроцентризм в пословицах английского языка как следствие вербализации гендерных стереотипов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 9. С. 152-155. – DOI: 10.37882/2223-2982.2022.09.24.
2. Остапенко А.Б. Особенности вербализации стереотипных гендерных представлений в разных (русском, английском, французском, польском, чешском, китайском) языках // Современное педагогическое образование. 2021. № 2. С. 178-182.
3. Гердер И.Г. Идеи к философии истории человечества. (Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit) Перевод и примечания А.В. Михайлова. Ответственный редактор А.В. Гулыга. Москва: Наука, 1977. 703 с.
4. Thorne B., Henley N. Language and Sex: Difference and Dominance. Rowley, MA: Newbury House, 1974.
5. Humboldt W. On language: On the diversity of human language construction and its influence on the mental development of the human species. New York: Cambridge University Press, 1999.
6. Зиновьева Е. С. Феминистская лингвистика в контексте постмодернистской философии // Верхневолжский филологический вестник. 2016. № 1. С. 43-47.
7. Mauntner F. Die Sprache. Leipzig: Verlag von J. A. Barth, 1910.
8. Maunthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Band 1 (Zur Sprache und Psychologie), 3. Auflage, Stuttgart und Berlin, 1921 (zuerst 1913).
9. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М.: Ин-т социологии РАН, 1999. 189 с.
10. Homberger D. Männer sprache – Frauensprache: Ein Problem der Sprachkultur? // Muttersprache. 1993. S. 89-112.
11. Lakoff R. "Language and Woman's Place". New York: Harper & Row, 1975. URL: <https://archive.org/details/languagewomanspl00lako/page/n3/mode/2up> (Дата обращения: 06.02.25).
12. Горошко Е.И. Проблемы изучения особенности мужского и женского стиля речи // Формирование коммуникативных и интеллектуальных навыков школьников и студентов. Днепропетровск, 1994. С. 160-169.
13. Горошко Е.И. Теоретическая модель мужского и женского вербального поведения // Маркеры верbalного и невербального поведения мужчин и женщин. Киев. 1996. С. 1-80.
14. Лукина О.Ю. О различиях мужской и женской речи. // Антропологическая лингвистика. 2009. 224 с.
15. Божанова Н.Г. Гендерные исследования в лингвистике: история, современность, перспективы // Вестник Тамбовского университета. Гуманитарные науки. 2012. № 5 (109). С. 69-74.
16. Алхлавова И.Х. Гендерные особенности языка поэзии Джаминат Керимовой (на материале любовной лирики) // Litera. 2019. № 2. С. 126-136. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.2.29787 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29787
17. Мигранова И.Х. Проблема выявления гендерных различий в восприятии письменных научных текстов // Филология: научные исследования. 2017. № 2. С. 1-12. DOI:

- 10.7256/2454-0749.2017.2.22978 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22978
18. McElhinny B. Theorizing gender in sociolinguistics and linguistic anthropology // The handbook of language and gender / J. Holmes, M. Meyerhoff (eds.). Oxford, 2003. P. 21-42.
 19. Зиновьева Е.С. Предпосылки становления гендерной лингвистики // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1, № 3. С. 158-162.
 20. Дойникова М.И. Гендерно-нейтральный язык в университетской среде Германии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. 15 (9). С. 2900-2904. URL: <http://philology-journal.ru> (Дата обращения: 14.03.25).
 21. Ковалева Е.Д., Кошмина А.С., Власенко Н.И. Гендерная нейтральность языка и ее влияние на языковые нормы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2022. 12 (3). С. 68-76.
 22. Электронный ресурс. Феминизатор слов – генератор феминитивов. URL: <http://feminism-russia.ru/feminizator> (Дата обращения: 14.03.25).
 23. Хижняк С.П. Феминитивы vs гендерно-нейтральные слова со значением профессий в русском и английском языках // Язык науки и профессиональная коммуникация. 2020. № 2 (3). С. 24-37. DOI: 10.24411/2658-5138-2020-10002.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензуемая статья посвящена диахроническому анализу гендерно-ориентированных исследований. Актуальность работы обусловлена нацеленностью современной лингвистики, лингвокультурологии, языкоznания, литературоведения и других гуманитарных дисциплин на антропоцентрический подход. В языкоznании сформировалось научное направление, изучающее гендерный фактор в языке и коммуникации - лингвистическая гендерология или гендерная лингвистика. На сегодняшний день наука имеет целый ряд интересных и обоснованных исследований по отдельным вопросам лингвистической гендерологии, хотя их системное обобщение до сих пор не представлено в научной литературе. Следовательно, видится важным анализ и обобщение имеющихся данных в области изучения фемининности и маскулинистики в лингвистике.

Теоретическую базу данной работы обоснованно составили труды по лингвистическим аспектам гендера, гендерным стереотипам и их вербализации в языке таких российских и зарубежных исследователей, как А. В. Кирилина, И. Х. Мигранова, А. Б. Остапенко, Фриц Маутнер, Бенджамин Ли Уорф, Дитрих Хомбергер, Робин Лакофф. Библиография насчитывает 9 источников. В целом, библиография соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако такое количество источников, на наш взгляд, не совсем достаточно для обобщения и анализа изучаемой проблематики, особенного в диахронии. Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: использованы общенаучные методы анализа и синтеза, описательный метод, а также метод диахронического анализа и др.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования рассмотрены понятие «гендер»; грамматическая категория «гендер»; идеи Ф. Маутнера в отношении гендерных различий в языке (Маутнер объяснил гендерные различия в языке влиянием социально-исторических факторов. Он считал, что создание и

всестороннее использование языка присуще мужчинам, в то время как женщины способны овладеть только языком, созданным мужчинами); появление и развитие феминистской лингвистики (феминистская лингвистика основана на теории лингвистической относительности, так называемой гипотезе Сепира-Уорфа); особенности речевого поведения женщин по Хомбергеру (более гуманное речевое поведение, использование уменьшительно-ласкательных суффиксов, форм вежливости и смягчения, утверждений в виде вопросов и пр.); вклад Робин Лакофф в развитие гендерной лингвистики (согласно Лакофф, знание языковых моделей, связанных с гендером, является ключом к пониманию того, как гендерные роли влияют на коммуникацию и на восприятие женщин в обществе; язык не просто отражает реальность, но и активно участвует в ее создании, формируя социальные нормы и ожидания) и др. В результате проведенного анализа сформулированы выводы об активизации гендерно-ориентированных исследований в лингвистике, которые позволяют по-новому взглянуть на многие лингвистические явления и процессы, давая им более многогранную оценку.

Результаты, полученные в ходе диахронического анализа гендерных исследований, имеют теоретическую значимость и практическую ценность: они вносят определенный вклад в изучение гендерной проблематики и могут использоваться в вузовских курсах по общему языкознанию, гендерной лингвистике, социолингвистике, психолингвистике, стилистике и межкультурной коммуникации.

В целом, представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание работы соответствует названию. Однако объем материала слишком мал для раскрытия темы. Рекомендуемый редакцией объем составляет 12-50 тысяч знаков. Статья вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования» после устранения указанных выше замечаний.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

На рецензирование представлена статья «Гендерная принадлежность и язык».

Предмет исследования – эволюция гендерных исследований в лингвистике, функционирование гендера, особенности формирования и функционирования гендерных стереотипов в языке.

Методология исследования основана на комплексном применении таких методов, как анализ научных источников, обобщение данных, их систематизация и интерпретация.

Актуальность работы обусловлена тем, что речевое поведение человека обусловлено гендерными характеристиками и половой принадлежностью коммуникантов, таким образом, исследования особенностей речи мужчин и женщин важно для правильной интерпретации особенностей языковой личности. Подобные исследования имеют большое практическое значение для межличностной коммуникации.

Научная новизна работы обусловлена характером исследования: автор использует метод диахронического анализа для рассмотрения динамики влияния гендера в лингвистике.

Стиль изложения научный, структура, содержание. Статья написана русским литературным языком. Структура рукописи включает следующие разделы: введение (содержит постановку проблемы, автор приводит теоретическую базу исследования);

основная часть (выполнен диахронический анализ динамики влияния гендеря в лингвистике; дана характеристика ключевым исследованиям в этой области; описаны особенности дискурса мужчин и женщин; теоретические измышления автора подкреплены иллюстративными примерами); результаты исследования (автор делает общие выводы); библиография (включает 17 источников).

Выводы, интерес читательской аудитории.

Результаты исследования будут интересны тем, кто занимается исследованием моделей выражения маскулинности и фемининности в языке. Исследование значения полов и их роли в процессе генезиса культуры, их семиотического и символического воплощения в языке дает возможность выявить новые стороны и векторы развития общества.

Рекомендации автору:

1. В статье не сформулированы цель, объект и предмет проведенного исследования. Возможно, стоит расширить название статьи, добавив конкретики.
2. Необходимо уделить большее внимание обзору и анализу научных работ, теоретический анализ современных источников, в том числе зарубежных, также является недостаточным.
3. Было бы уместно привести большее количество иллюстративных примеров как подкрепление теоретические измышлений автора статьи.
4. Следует перепроверить текст на предмет описок и пропусков символов (R. Лакофф, 1849 –1923), присутствует смещение текста (только за мужским или только за женским арсеналом). Кроме того, необходимо унифицировать упоминания имен собственных в статье (Р. Лакофф, R. Лакофф, Мигрантова И. Х., А. В. Кирилина, Фрица Маутнера и др.).
5. Библиографические описания некоторых источников нуждаются в корректировке в соответствии с ГОСТ и требованиями редакции. Стоит расширить библиографию, в том числе увеличить долю отечественных и зарубежных работ за последние 3 года.

Материал представляет интерес для читательской аудитории, после доработки может быть опубликован в журнале «Филология: научные исследования».

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет изучения рецензируемой работы не так уж и нов. Но систематизация знаний в области т.н. «гендерного языкоznания» необходима, собственно на это направляет свой взгляд автор, буквально прописывая «реферативный тон» труда в начале. Стоит согласиться, что «язык является вербальной картиной мира, исследования в области гендерного языкоznания имеют большое значение для создания бесконфликтного коммуникативного пространства. Следовательно, есть необходимость всестороннего анализа и обобщения имеющихся данных в области изучения фемининности и маскулинности в лингвистике». В работе отмечено, что «научная новизна исследования обусловлена использованием метода диахронического анализа ряда работ в области гендерной вариативности языка», цель же рецензируемой статьи «сводится к проведению хронологического анализа и интерпретации ряда работ значимых ученых в области гендерологии». Не стоит реферативный тип исследований относить к работам слабым, не самостоятельным, это не так. Теоретическая база исследования достаточно объемна: «это труды по лингвистическим аспектам гендеря таких зарубежных исследователей, как И. Гердер, В. Гумбольдт, Я. Гримм, Ф. Маутнер, Б. Уорф, Д. Хомбергер, Р. Лакофф, Б. Элхинни а также исследования вербализации гендерных стереотипов в языке таких российских ученых как А. В. Кирилина, Е. И. Горошко, М. Ю.

Горбунова, Е. С. Зиновьевна, Н. Г. Божанова, И. Х. Мигранова, М. И. Дойникова, Е. Д. Ковалева, А. С. Кошмина, Н. И. Власенко, С.П. Хижняк» [автору стоит вычитать фамилии, внести правку], и далее – «эта идея была поддержана рядом известных ученых, таких как И. Гердер, В. Гумбольт и Я. Гримм, которые внесли значительный вклад в изучение языка и его связи с культурой и обществом». Оценка трудов связанных с природой гендера сделана весьма неплохо, автору удается выявить наиболее существенные составляющие исследований, показать разницу в подходах. Стиль работы соотносится с научным типом: например, «Я. Гримм (1785–1863), известный своими работами в области германистики и фольклора, также исследовал грамматические категории. В своих грамматических исследованиях он анализировал изменения в языках и их связь с культурными и социальными аспектами, включая гендерные различия. Он подчеркивал, что язык и его грамматические структуры могут быть связаны с историческими и культурными традициями, которые определяют роли мужчин и женщин», или «идеи И. Гердера, В. Гумбольдта и Я. Гримма внесли вклад в понимание языка как социального и культурного явления, и их работы продолжают оставаться актуальными в современных исследованиях гендера и языка. А их выводы о том, что язык является отражением культуры и социальных реалий, подчеркивают важность изменения языковых моделей для достижения равноправия» и т.д. В целом тема статьи раскрывается последовательно, объективно; серьезных фактических неточностей не выявлено. Думаю, что материал можно использовать при изучении ряда гуманитарных дисциплин. Общие требования издания учтены, но текст нужно вычитать. Методы исследования актуальны, хронологический принцип рассмотрения работы по гендеру вполне подходит. Складывается полная картина изменений отношения к проблеме, а также образуется сетка мнений и точек зрения. Цитации, сноски частотны: «согласно исследованиям Р. Лакофф, традиционное женское речевое поведение способствует восприятию женщин как неуверенных в себе и некомпетентных. Когда же женщины перенимают мужские речевые стратегии, они могут восприниматься как мужественные и агрессивные, что противоречит традиционным общественным нормам [12]. В своей книге «Язык и место женщины» Р. Лакофф анализирует, как языковые модели, характерные для женщин, формируют восприятие их уверенности и компетентности в обществе» и т.д. В finale автор отмечает, что «важно признать активизацию гендерно-ориентированных исследований в лингвистике. Этот аспект может быть рассмотрен и интерпретирован с новой точки зрения и на пересечении многих областей. Гендерные исследования позволяют по-новому взглянуть на многие лингвистические явления и процессы, давая им более многогранную оценку. Исследования в этой области не только подчеркивают важность языка в формировании гендерной идентичности, но и предлагает пути к созданию более справедливого общества, в котором каждый имеет возможность быть услышанным и принятym независимо от гендерной идентичности». На мой взгляд, исследование может быть продолжено, м.б. в рамках иной методологии. Цель работы достигнута, наличного текста достаточно для раскрытия вопроса. Рекомендую статью «Влияние гендерной принадлежности на вариативность языка» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Дубаков Л.В., Го С. Музыкальные образы в романах «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда и «Песнь о бесконечной тоске» Ван Аньи: от земного шума к неземной гармонии // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.70517 EDN: YGBZYN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70517

Музыкальные образы в романах «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда и «Песнь о бесконечной тоске» Ван Аньи: от земного шума к неземной гармонии

Дубаков Леонид Викторович

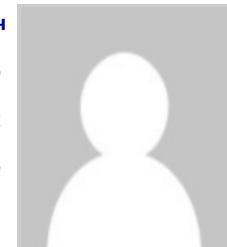
ORCID: 0000-0003-1172-7435

кандидат филологических наук

доцент; филологический факультет; Университет МГУ-ППИ в Шэнчжэне

518172, Китай, г. Шэнчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Го Синь

магистр, филологический факультет, Университет МГУ-ППИ в Шэнчжэне

518172, Китай, Гуандун область, г. Шэнчжэнь, ул. Guojidasueyuan, 1

✉ galina.99@qq.com

[Статья из рубрики "Всемирная литература"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.70517

EDN:

YGBZYN

Дата направления статьи в редакцию:

20-04-2024

Аннотация: В статье анализируются романы М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» с точки зрения присутствия в них музыкальных образов, связанных с конкретными музыкальными произведениями, исполнителями, жанрами, инструментами и т. д. Музыка

оказывает влияние на тематику и проблематику, образы главных героев, систему персонажей, сюжет, композицию, мотивную структуру, стилистические особенности этих книг. Во всех трёх романах обнаруживается наличие двух сфер – земного пространства и времени и иномирной реальности. Эти сферы, имеющие противоположные аксиологические коннотации, проявляют себя в том числе через музыку в различных её вариантах. Актуальность статьи определяется высоким интересом современного литературоведения к сопоставлению произведений, созданных в разных национальных культурах, в частности – в русской, западной и китайской, а также к интермедиальным явлениям, в данном случае – к взаимодействию литературы и музыки. Представленная статья использует методы интермедиального и компаративистского анализа, соотнося типологически схожие произведения, в которых активно взаимодействуют литературная и музыкальная составляющие. Новизна статьи обусловлена ранее не производившимся сравнением романов Булгакова, Фицджеральда и Ван Аньи. Кроме того, статья подробно анализирует музыкальную образность романа китайской писательницы, который также ранее в отечественном литературоведении не рассматривался с этой точки зрения. Нью-Йорк, Москва, Шанхай изображаются указанными писателями как города, существующие внутри реального или условного «века джаза» – в широком смысле внутри эпохи «нервной взвинченности» на фоне прошедших и приближающихся турбулентных перемен. Джаз в «Мастере и Маргарите», «Великом Гэтсби» и «Песне о бесконечной тоске» символизирует иллюзорную романтизацию земной жизни, в которой на самом деле много некрасивого, страдательного и преходящего. Герои Булгакова, Фицджеральда, Ван Аньи в finale историй, будучи убитыми, переходят в инобытие, оставляя за собой грубый и пошлый мир, наполненный земным шумом, характеризующийся фальшью или какофонией, и слыша гармоничную музыку, связанную с природными звуками или исходящую из метафизического беззвучия.

Ключевые слова:

Михаил Булгаков, Фрэнсис Скотт Фицджеральд, Ван Аньи, музыкальные образы, век джаза, травестия, романтизация, компаративистский анализ, метафизический переход, гармония беззвучия

Романы М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и «Песнь о бесконечной тоске» Ван Аньи отстоят друг от друга во времени и написаны внутри разных национальных культур. Однако между этими книгами есть сходство. В этих произведениях особую роль играет музыка. Каждый из них – какой-то больше, какой-то меньше – воплощает в себе т. н. «век джаза» – в фицджеральдовском определении – эпоху нервного веселья, иначе – «пира во время чумы» (после неё или перед ней) или *fin de siècle* [2]. В романах Булгакова, Фицджеральда, Ван Аньи звучит джаз, и эта музыка символизирует собой иллюзорную романтизацию земной жизни, на самом деле полной страданий. Главные герои этих книг в finale переходят в инобытие, оставляя за собой земной шум и слыша музыку иной, неземной гармонии.

Роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (1940) – одно из классических произведений русской советской литературы. Его неоднократно анализировали и в российском, и в зарубежном литературоведении, обращая внимание на различные составляющие текста и исходя из различных точек зрения. Один из важных элементов этой книги – музыкальные образы. Они позволяют осмыслить логику сюжетного развития романа, проследить генезис отдельных персонажей, выявить генеральную интонацию

повествования. А. Н. Комисаренко в этой связи применительно к «Мастеру и Маргарите» говорит о композиционной форме «роман в романе», но имея в виду не роман Мастера об Иешуа Га-Ноцри, помещённый внутри московской истории, а музыкально-образный уровень булгаковского текста [8]. О том же Б. М. Гаспаров: «всё действие романа постоянно имеет музыкальный фон» [5, с. 81]. Действительно, у романа «Мастер и Маргарита» сложная музыкальная концепция и сложная музыкально-образная структура. А. В. Никулина в книге «Музыка романа М. Булгакова "Мастер и Маргарита"» подробно разбирает многие музыкальные аспекты булгаковского текста: музыкальные реалии (темперы, инструменты, жанры); драматургию книги (обращая внимание на становление интонационной идеи в контексте философских прообразов романа и на музыкальные принципы организации звучащего материала); специфику музыкального жанра романа Булгакова. Исследовательница приходит к выводу, что «музыкальный миф романа», в котором сходятся «два мифа – евангельский и романтический (вагнеровский)», является объединяющей субстанцией, и это объясняет «и концепцию музыкального пространства в контексте "музыки сознания", и несочетаемое сочетание стилей и тенденций» в булгаковском гипертексте. При этом «романтизм и Библия (а также и XX век) выражают акценты рассмотрения сна в мировой литературе, складываясь в музыкальный миф романа Булгакова "Мастер и Маргарита"» [10, с. 254].

Но, вероятно, главной идеей, определяющей особенности музыкальной концепции романа и его музыкально-образной структуры, является то, что сюжет романа построен на контрасте двух «звуково-смысловых сфер» – сферы сатанинской какофонии и сферы идеального звучания.

Мир Москвы 1930-х гг. (соотносимый с древним Ершалаимом) в булгаковской книге – это «пространство недифференцированной звуковысотности» [10, с. 252], мир инфернального шума – в частности, джаза, который звучит в ресторане при МАССОЛИТЕ, в квартире профессора Кузьмина, и наконец, джаза, который играет на балу у сатаны. Джаз, звучащий в книге, по-своему жизнерадостен, но при этом опошлен теми, кто его слушает и кто под него танцует. Даже изначально не несущее вульгарного смысла музыкальное произведение, вроде фокстрота «Аллилуя», с учётом иной традиции соотношения в русской культуре религиозного содержания и музыкальной формы, его перекодирования в отечественных переводах в конце 1920-х годов и с учётом говорящих фамилий пляшущих писателей и дансингующих макабров, в контексте романа превращается в откровенно богохульное [18], в «мессу наоборот» [10, с. 156], в молитву, ставшую популярной музыкальной пьесой [5, с. 83].

Б. М. Гаспаров обращает также внимание на то, что Москва предстаёт в романе апокалиптико-комическим балаганом. И эта параллель усиливается «благодаря постоянному "музыкальному оформлению" действия. Так, погоня Бездомного за Воландом идет под непрерывный музыкальный (и притом оперно-«бальный») аккомпанемент – "рев полонеза", затем ария Гремина ("Евгений Онегин"). Вылет Маргариты на шабаш тоже совершается под рев вальсов и маршей» [5, с. 85]. И пр.

Некоторые герои романа издают негармоничные громкие звериные звуки – воют, ноют, рычат, шипят, кричат, визжат, хрючат. То же делает и музыка: «из подвалов вырывался хриплый рёв полонеза» [3, с. 62], «тонкий голос уже не пел, а завывал: "Аллилуя!"» [3, с. 69].

Узнаваемые музыкальные сюжеты мировой классики Булгаков подвергает тотальному

травестированию: это и сниженные отсылки к «Фаусту» Гёте-Гуно, к «Евгению Онегину» Пушкина-Чайковского, и комический пересказ «Скупого рыцаря» Пушкина-Рахманинова и др. Булгаков разными способами травестирует известные музыкальные произведения – например, уже упомянутый фокстрот «Аллилуйя» (пляски массолитовских писателей, синкопированный глумливый танец воробья-АЗазелло, бал макабров у Воланда) или песню «Славное море – священный Байкал» (героический сюжет о бегстве с каторги мучительно и комически воплощается советскими служащими, измученными общественной нагрузкой).

Фамилии некоторых персонажей прямо намекают на имена мировых композиторов, и эта связь «снижает» литературные образы. М. А. Берлиоз, вызывающий в памяти Гектора Берлиоза, его «Фантастическую симфонию» и ассоциативно его оперу «Осуждение Фауста», в отличие от своего прототипа и подобно его герою ослеплён своей интеллектуальной гордыней и безверием. Иван Бездомный устраивает «дишую Петрушку в ресторане» [3, с. 133] и попадает к профессору А. Н. Стравинскому, опять же, в отличие от своего прототипа – И. Ф. Стравинского – не принимающему и не пестующему, но, напротив, уничтожающему человеческую сложность, которая может иметь религиозно-мистические корни.

В конце «Мастера и Маргариты», когда главные герои оказываются в иномирном бытии, Булгаков вводит в роман беззвучие и тишину, которые контрастируют с комическим шумом предыдущих глав: « – Слушай беззвучие, – говорила Маргарита мастеру, и песок шуршал под её босыми ногами, – слушай и наслаждайся тем, чего тебе не давали в жизни, – тишиной» [3, с. 438], «слова Маргариты струятся так же, как струился и шептал оставленный позади ручей» [3, с. 438]. Городская инфернальная апокалиптическая какофония остаётся для героев в прошлом, ей на смену приходит природная гармония (шорох песка, шёпот ручья – звуки природы, частью которой становятся герои: голос Маргариты «струится») и романтический покой (последняя глава называется «Прощание и вечный приют», и это прозрачная отсылка к Ф. Шуберту, о котором прямо говорится в тексте и слова из песни которого «Приют» ранее напевал Воланд). Б. М. Гаспаров считает место, где оказались Мастер и Маргарита, адским, так как топос последней главы совпадает с топосом сна Маргариты из начала второй части, в котором она увидела всё неживым («беззвучная стая грачей» [3, с. 251]) [5, с. 89]. По мнению А. В. Никулиной, «Сфера "беззвучия" становится "пограничной зоной" между апокалиптической музыкой романа и "небесной музыкой" месс» [10, с. 253]. В этой связи вспоминается дантовский лимб, куда помещает великих нехристиан и который выглядит не как первый круг ада, но как некая сумрачная промежуточная территория между адом и раем. С другой стороны, обозначенное в «Мастере и Маргарите» противопоставление света и покоя: « – Он не заслужил света, он заслужил покой, – печальным голосом проговорил Левий» [3, с. 411] – не выглядит безусловным. «Беззвучие», которое Маргарита призывает Мастера слушать, выступает в виде не апофатической, а катафатической категории. «Беззвучие», как и «бездна» Понтия Пилата, напоминают, скорее, об Ungrund'e Я. Бёме – о том, что предшествовало божественной реальности, как и Воланд этого романа не выглядит однозначным дьяволом.

Роман Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» (1925) считается одним из главных произведений, воплотивших дух т.н. «века джаза». В эссе «Отзвуки века джаза» писатель определяет джаз не только как музыкальный жанр, но как «состояние нервной взвинченности» [15, с. 65], как время безоглядного увлечения романтикой жизни,

наступившего после войны. У Джая Гэтсби, по словам Ника Каррауэя, «романтический запал», «редкостный дар надежды» [14, с. 3] (он романтический герой [9], сталкивающийся с грубой реальностью). Дэзи, слыша пение соловья в саду, спрашивает мужа, не романтично ли это, при этом она сама «почти пела, не говорила» [14, с. 10]; позже она видит для себя в «пестроте» вечера у Гэтсби «романтические возможности» [14, с. 51]. Ник Каррауэй высматривает «в толпе женщин с романтической внешностью» [14, с. 28].

Вечера у Гэтсби полны музыки: «оркестр заиграл золотистую музыку под коктейли» [14, с. 20], «изнаменитый тенор спел итальянскую арию, а прославленное контральто – джазовую песенку» [14, с. 23], наконец, «Под заключительные звуки "Джазовой истории человечества"» [14, с. 25] Владимира Тостова, которая исполняется по просьбе хозяина, девицы стали кокетничать с мужчинами. Эта выдуманная Фицджеральдом музыкальная пьеса частную вечеринку у Гэтсби превращает в едва ли не вселенское событие, намекающее на вечную межполовую любовную игру. Как будто весь мир, кроме Гэтсби, в этой сцене оказывается погружён в «состояние нервной взвинченности». Дэзи жила в искусственном мире, в котором «оркестры каждый год вводили в моду новые ритмы, отражая в мелодиях всю печаль и двусмысленность жизни. Под стон саксофонов, ночи напролёт выпевавших унылые жалобы "Бийл-стрит блюза", сотни золотых и серебряных туфелек толкли на паркете сверкающую пыль» [14, с. 71]. Образ сверкающей пыли под ногами танцующих, как и образ их лиц, что напоминают лепестки «облетевшей розы, гонимые по полу дыханием тоскующих труб» [14, с. 71], и образ «пустого, беспечного смеха», всплески которого летят от земли к «летнему небу» [14, с. 23], говорят здесь о веселье и одновременно тщете «века джаза».

О. С. Камышева в статье «Концепты через призму музыкальных метафор в романе Ф. С. Фицджеральда "Великий Гэтсби"» обращает внимание, что музыка имплицитна многим составляющим этой книги. По-разному музыкальны голоса героев (например, у Дэзи «певучий» голос), звуки издают автомобили («звуки гудка – метафорическая мелодия» [6, с. 144]), музыкальные метафоры характеризуют природу («Солнечные блики – сверкающие на свету колокольчики» [6, с. 144]). Сама музыка изображается Фицджеральдом в том числе через метафоры, и по большей части это метафоры антропоморфные: музыка выступает в романе в качестве живой силы.

Кроме того, по замечанию Ю. С. Шахматовой, в «Великом Гэтсби» «джаз является композиционным мотивом <...>: он отражает саму жизнь, ее неустойчивость, ритмичность, неожиданность, непредсказуемость, импровизацию» [17, с. 252]. Также можно говорить о фоностилистических особенностях романа, выявляющих его музыкальный характер: писатель активно использует аллитерацию, ассонанс, ономатопею, рифму, звуковые анафору, эпифору, зевгму, рондо, таутазим [11].

Ник Каррауэй на протяжении всего повествования слышит музыку, которая проявляется в людях и в нью-йоркской реальности, и чаще всего это музыка страсти: очарования и надежды Джая Гэтсби, постепенно утрачиваемого обаяния Дэзи, шумного и «взвинченного» «века джаза», джаза, под который самозабвенно танцуют пустые люди. В конце книги Ник Каррауэй смотрит на дом убитого Гэтсби и воображает топос прошлого, когда большого города ещё не было, и то, что для голландского моряка-первооткрывателя «Шелест <...> деревьев, тех, что потом исчезли, уступив место дому

Гэтсби, был некогда музыкой последней и величайшей человеческой мечты» [\[14, с. 85\]](#). Романтика земной музыки с отзвуками грубости и равнодушия в финале «Великого Гэтсби» оборачивается романтикой музыки судьбы, в которой во всех временах звучит надежда на чудо.

Название романа Ван Аньи «Песнь о бесконечной тоске» (1996), образ его главной героини Ван Цияо, отдельные фрагменты сюжета и некоторые его ключевые мотивы прозрачно отсылают к одноимённой поэме IX в. Бо Цзюйи (и к его же поэме «Лютня»). А. И. Кобзев и Н. А. Орлова в статье «"Песнь о бесконечной тоске" в стихах и прозе: о поэме Бо Цзюйи и романе Ван Аньи» выдвигают гипотезу о том, что книга Ван Аньи – «не хронологическое описание жизни женщины с 40-х по 80-е гг., а её воспоминание о своём земном существовании уже после смерти» [\[7, с. 756\]](#). «Песнь о бесконечной тоске» – как будто последняя песня Ван Цияо из посмертного или послесмертного бытия. Слово «песнь» в названии указывает также на преимущественно лирический характер повествования в книге. И этот лиризм проявляется прежде всего в музыкальных образах.

Конкретные певицы, жанры, песни или мелодии выражают внутренний мир Ван Цияо (и похожих на неё девушки) и других персонажей, становясь их звуковыми двойниками, а также характеризуют эпоху 1940-х гг. и её отзвуки в Шанхае 1980-х гг. Так, одним из музыкальных лейтмотивов текста является прозвучавшая в фильме 1937 года «Уличный ангел» «Песня о четырёх сезонах», которую исполняла известная шанхайская певица и актриса Чжоу Сюань. В начале «Песни о бесконечной тоске» говорится: Чжоу Сюань «поёт про все эти времена года, от весны и до зимы, и каждый у неё выходит таким красивым, а ведь тоже мозги пудрит, ведь специально поёт только о хорошем» [\[4, с. 40\]](#). Но когда Ван Цияо оказывается за пределами Шанхая, то ей кажется, что голос Чжоу Сюань зовёт её обратно [\[4, с. 225\]](#), и она не может ему противиться. Указанная песня (равно как и некоторые другие, вроде «Шанхайских ночей»), кинообраз и реальная судьба Чжоу Сюань создают в романе иллюзорный образ романтической жизни в большом старом городе, которому писательница одновременно сочувствует и над которым она иронизирует. «Песня о четырёх сезонах» – это песня хотя, как кажется, о счастливой, но при этом проходящей жизни. Ван Цияо также проживает в романе свою жизнь – от весны до зимы. Школьница Ван Цияо, оказавшаяся на киностудии и увидевшая сцену с убийством, в конце книги ставшая старой и будучи убитой, видит сквозь толщу сорока лет, что та мёртвая женщина – это она сама. Финальная фраза «Песни о бесконечной тоске» говорит о смене сезонов и цикличности жизни: «...в горшках распустились олеандры: наступил новый сезон их жизни, им вновь суждено было зацвести – и увянуть» [\[4, с. 554\]](#).

Внутренний мир Лао Колора, ставшего любовником Ван Цияо, выражает «джазовая музыках двадцатых годов» [\[4, с. 477\]](#), вновь вошедшая в моду в 1980-е годы. Джаз – это ещё один музыкальный лейтмотив «Песни о бесконечной тоске». Джаз – это музыка, проявляющаяся во «вьющейся кольцами мелодии, звучащей в полной тишине» [\[4, с. 477\]](#), которая увлекает Лао Колора в старый элитарный и эстетически богатый Шанхай [\[16\]](#). Джаз очищает и оплотняет время, кристаллизует прошедшую эпоху: время в «старых джазовых мелодиях <...> отполировано настолько тщательно, что из лёгкого и поверхностного становится плотным и осозаемым» [\[4, с. 485\]](#). И при этом джаз – это «пустая оболочка кокона», который «сбросила музыка Штрауса» [\[4, с. 442\]](#), в 1980-е он лишь слабое воспоминание о прошлом для тех, кто может его вспомнить. Джаз – это

тоже, как и у Ван Цияо, романтическая (и отчасти сексуализированная) иллюзия Лао Колора, который ностальгирует по небывшему, которое вернулось на очередном витке моды и которое на самом деле было иным.

Музыка в романе Ван Аньи – это также музыка быта и бытия, тесно связанных друг с другом (для романов Ван Аньи «характерно "двоемирие" художественного пространства, благодаря чему изображение города перестает быть однородным, реалистически-документальным, в нем формируются и сосуществуют равноправно план "реальности" города и план "иллюзии"» [\[12, с. 18-19\]](#); в образе города у Ван Аньи «ведущую роль играет противопоставление эстетики повседневной жизни горожан и волшебного мифа о "старом Шанхае"» [\[13, с. 13\]](#)). Звуки Шанхая – это звуки большого китайского города, подобного живому существу, это «песнопения в перемешку со стенаниями» [\[4, с. 382\]](#), шуршащие и еле слышимые, но все вместе создающие «звук тишины», который «довлеет над городским шумом» [\[4, с. 382\]](#). Отголоски прошлого превращаются в новую мелодию, которую по шанхайским лунтанам носит ветер [\[4, с. 517\]](#). Кости игры в мацзян «мелодично постукивали, а мадам Янь была готова расплакаться, наслаждаясь этой музыкой» [\[4, с. 261\]](#), в которой ей слышалось её прошлое. Во время празднования нового, 1987 года звуки взрывающихся петард создают полифонию и образуют контрапункт и канон, городская «мелодия льётся, никогда не обрываясь» [\[4, с. 531\]](#). Музыка деревни Уцяо – «дивная музыка» [\[4, с. 198\]](#) тишины и буддийско-даосского покоя, который не воспринимает Ван Цияо.

Звуки Шанхая – это звуки особого метафизического пространства, которые складываются в сложные музыкальные произведения, в которых события, явления, люди выступают в качестве отдельных нот или мелодий. Ван Цияо в качестве «Шанхайской красавицы» «была одной из весёлых мелодий, песней обычных девушек Города» [\[4, с. 74\]](#). Ван Цияо после победы в конкурсе стала основанием красоты и романтики Шанхая, и благодаря ей и им Город обретал дар речи, и «речь эта звучала слаше любой музыки» [\[4, с. 86\]](#). Председатель Ли, глядя на Ван Цияо, думает, что женщина – «единственная нежная нотка в шуме этого человеческого мира» [\[4, с. 153\]](#). Постаревшая Ван Цияо слушает новые и старые песни, которые дети поют на улице, и ей кажется, что последние звучат не снаружи, а внутри её. И дело не только в том, что она их хорошо помнит, просто она сама стала частью музыки прежнего Шанхая. Лао Колор осознаёт, что джаз на грампластинках – «всего лишь аккомпанемент» прошлого, «его закадровая озвучка, а главная музыкальная тема и основной сюжет» [\[4, с. 489\]](#) связаны с живой Ван Цияо. И эта живая Ван Цияо обладает своим внутренним ритмом, который позволяет ей естественно танцевать фокстрот посреди танцующих диско.

Музыка «Песни о бесконечной тоске» звучит как реквием по уходящей человеческой жизни: текст предстаёт последней песней Ван Цияо, отправляющейся то ли к Лазурной дали, то ли к Жёлтым ключам (раю и аду в китайской традиции). По мнению А. И. Кобзева и Н. А. Орловой, русский перевод названия последней главы («Из Лазурной дали к Жёлтым ключам») не вполне удачен. В оригинале заключительная глава называется «Лазурные чертоги и Жёлтые источники» (碧落黃泉). Если исходить из множественности совпадений между романом Ван Аньи и поэмой Бо Цзюйи, то правильнее было бы оставить союз «и», поскольку в поэме Бо Цзюйи «даос, поднявшись к небесным Лазурным чертогам и спустившись к подземным Жёлтым источникам, нигде не находит Ян-гуйфэй», а значит, «и Ван Ци-яо посмертно обитает не там, а на той же

горе среди моря, где живут небожители» [\[7, с. 756-757\]](#), а не в раю или в аду. В самом конце над умирающей (отлетающей) Ван Цияо кружат голуби как обитатели небесного мира и оплакивают её смерть и смерть старого Города (Ван Цияо как «персонифицированная душа-анима Шанхая» [\[7, с. 754\]](#)): «Звуки их свистков как будто плачут» и «они доносятся до нас уже не пронзительными, а мелодичными» [\[4, с. 554\]](#). И эти мелодичные звуки – небесная печальная музыкальная гармония, обретённая Ван Цияо, ушедшей за пределы Шанхая, времени своей земной жизни и пустой, иллюзорной городской романтики.

Романы М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и «Песнь о бесконечной тоске» Ван Аньи наполнены музыкальными образами. В этих книгах упоминаются реальные и выдуманные музыкальные произведения, исполнители, жанры, инструменты и т. д. Музыка влияет на тематику и проблематику, на образы главных героев, систему персонажей, сюжет, композицию, мотивную структуру, стилистические особенности этих романов. В буквальном и переносном смысле можно сказать, что каждая из этих книг оказывается связана с «веком джаза» в фицджеральдовском широком понимании. Дело не только в том, что джаз в «Мастере и Маргарите», «Великом Гэтсби» и «Песне о бесконечной тоске» звучит и выступает в качестве одного из ключевых мотивов, дело в схожей атмосфере эпох – в Нью-Йорке (на Лонг-Айленде), Москве, Шанхае. Несмотря на разницу культурных традиций и социально-политической обстановки, в США, СССР, Китайской республике «век джаза» – это время весёлой «нервной взвинченности» на фоне прошедших и приближающихся драматических перемен. С другой стороны, в каждом из романов джаз является музыкой, символизирующей собой иллюзорную романтизацию земной жизни, которая на самом деле исполнена разочарований и страданий. Герои Булгакова, Фицджеральда, Ван Аньи в финале через насильтвенную смерть переходят в иnobытие, оставляя за собой страдательную суету грубого мира и земной шум и слыша музыку иной гармонии, связанной с природными звуками или исходящей из метафизического беззвучия.

Библиография

1. Бойчук Е. И., Воронцова И. А., Шляхтина Е. В., Беляева О. В. Фоностилистические особенности ритмики романа Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» // Идиостиль и ритм текста. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2019. С. 101-137.
2. Бочкарёва Н. С. Fin de siecle и «век джаза»: интермедиальные параллели (графический лист «Похороны Саломеи» О. Бердсли и сон Ника Каррауэя в романе «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда) / Н. С. Бочкарёва // Мировая литература в контексте культуры. 2017. № 6(12). С. 78-83.
3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита. М.: Современник, 1984. 451 с.
4. Ван Аньи. Песнь о бесконечной тоске; пер. с кит. и предисл. М. В. Семенюк. М.: ИВЛ, 2015. 557 с.
5. Гаспаров Б. М. Из наблюдений над мотивной структурой романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» / Б. М. Гаспаров // Даугава. 01/1989. №1(139). С. 78-90.
6. Камышева О. С. Концепты через призму музыкальных метафор в романе Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2018. №1 (37). С. 142-147.
7. Кобзев А. И., Орлова Н. А. «Песнь о бесконечной тоске» в стихах и прозе: о поэме Бо Цзюй-и и романе Ван Ань-и / А. И. Кобзев, Н. А. Орлова // Общество и государство в Китае. 2018. Т. 48. № 2. С. 749-758.
8. Комисаренко А. Н. Музыка и ее значение в романе М.А. Булгакова «Мастер и

- Маргарита» / А. Н. Комисаренко // Актуальные проблемы духовности. 2009. № 10. С. 254-265.
9. Майшева К. А., Суслова И. В. Романтические реминисценции в романе Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» / К. А. Майшева, И. В. Суслова // Вестник молодых учёных ПГНИУ : Сборник научных трудов, Пермь, 01 апреля – 30 2014 года / Пермский государственный национальный исследовательский университет. Том Выпуск 4. Пермь: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2014. С. 22-26.
10. Никулина А. В. Музыка романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: монография / А. В. Никулина. Екатеринбург: Учебная кн., 2003. 258 с.
11. Плющенко М. Н. К проблеме музыкальности литературы: музыкальные принципы построения художественного текста / М. Плющенко // Слово – текст – смысл: сб. студен. науч. работ / Урал. гос. ун-т, [Филол. фак.]. Екатеринбург, 2006. Вып. 2. С. 42-46.
12. Семенюк М. В. Мираж и реальность в романах Ван Аньи о Шанхае / М. В. Семенюк // Вестник Московского университета. Серия 13: Востоковедение. 2014. № 2. С. 16-25.
13. Семенюк М. В. Специфика художественного мира произведений Ван Аньи: специальность 10.01.03 "Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)": диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Семенюк Мария Владимировна. Москва, 2018. 240 с.
14. Фицджеральд Ф. С. Великий Гэтсби. Москва – Augsburg, «Im-Werden-Verlag», 2001. 85 с.
15. Фицджеральд Ф. С. Отзвуки века джаза / Писатели США о литературе: [Сборник. В 2-х т.]. Пер. с англ. / [Сост. А. Николюкин]. Т. 2. М.: Прогресс, 1982. 455 с. С. 63-71.
16. Чжао Ифэй. О роли Шанхая в становлении китайского джазового искусства // Музикальное образование и наука. 2019. № 2 (11). С. 34-39.
17. Шахматова, Ю. С. Образ «века джаза» в романе Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» / Ю. С. Шахматова // Язык. Культура. Медиакоммуникация. 2021. Т. 1, № 1. С. 249-253.
18. Шилов В. В. Фокстрот в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» / «Acta eruditorum». 2019. № 32. С. 79-87.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья «Музыкальные образы в романах «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда и «Песнь о бесконечной тоске» Ван Аньи: от земного шума к неземной гармонии», предлагаемая к публикации в журнале «Филология: научные исследования», несомненно, является актуальной ввиду того, что интерес к изучению концепта и его реализации в художественном произведении не угасает.

Романы М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и «Песнь о бесконечной тоске» Ван Аньи наполнены музыкальными образами. В этих книгах упоминаются реальные и выдуманные музыкальные произведения, исполнители, жанры, инструменты и т. д. Музыка влияет на тематику и проблематику, на образы главных героев, систему персонажей, сюжет, композицию, мотивную структуру, стилистические особенности этих романов.

Практическим материалом исследования послужили тексты романов М. А. Булгакова

«Мастер и Маргарита», Ф. С. Фицджеральда «Великий Гэтсби» и «Песнь о бесконечной тоске» Ван Аньи. Несмотря на то, что тексты отстоят друг от друга во времени и написаны внутри разных национальных культур, они были отобраны для исследования, так как в этих произведениях особую роль играет музыка.

Представленная статья выполнена в русле современных научных подходов, работа состоит из введения, содержащего постановку проблемы, основной части, а также исследовательскую с приведением эмпирической базы. В статье представлена методология исследования, выбор которой вполне адекватен целям и задачам работы. Основными методами явились описательный, герменевтический, сравнительный, историко-литературный и историко-культурный методы анализа текстов. Подобные работы с применением различных методологий являются актуальными и, с учетом фактического материала, позволяют тиражировать предложенный автором принцип исследования на иной языковой материал. Отметим, что автор обоснованно подошел к теоретической базе исследования и представил убедительные данные. Все теоретические постулаты подтверждены ссылками на авторитетные источники и нашли свое отражение в выводах исследования. Выводы обоснованы и отображают проблематику, заявленную в статье. Библиография статьи насчитывает 18 источников на русском языке.

К сожалению, автор не обратился к работам зарубежным исследователей, которые могли бы усилить теоретическую составляющую рецензируемой статьи.

Статья, несомненно, будет полезна широкому кругу лиц: филологам, литературоведам, магистрантам и аспирантам профильных вузов. В общем и целом, следует отметить, что статья написана простым понятным читателю языком, хорошо структурирована, опечатки, орфографические и синтаксические ошибки, неточности не обнаружены. Общее впечатление от знакомства с работой положительное, статья «Музыкальные образы в романах «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Великий Гэтсби» Ф. С. Фицджеральда и «Песнь о бесконечной тоске» Ван Аньи: от земного шума к неземной гармонии» может быть рекомендована к публикации в научном журнале из перечня ВАК.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шорова М.Б., Карчаева С.Х. Методика обучения иностранному языку: традиции и новации // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73737 EDN: ZIRRRD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73737

Методика обучения иностранному языку: традиции и новации

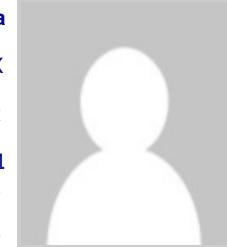
Шорова Мадина Борисовна

ORCID: 0000-0002-1560-542X

кандидат филологических наук

доцент кафедры иностранных языков, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

360004, Россия, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173, корпус 4

✉ rysal2727@gmail.com

Карчаева Светлана Хакимовна

кандидат филологических наук

старший преподаватель; кафедра иностранных языков; Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

360004, Россия, Кабардино-Балкарская Респ, г. Нальчик, ул. Чернышевского, д. 173 к. 4

✉ s.karchaeva@mail.ru

[Статья из рубрики "Язык"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73737

EDN:

ZIRRRD

Дата направления статьи в редакцию:

18-03-2025

Аннотация: Предметом исследования выступили основные традиционные и инновационные методики обучения иностранному языку, которые активно применяются в современном образовательном процессе. В условиях глобализации владение иностранным языком имеет важное значение для профессионального становления и развития индивида, в связи с чем в системе современного образования пристальное

внимание уделяется обучению иностранным языкам. Однако в образовательной среде достаточно часто возникают дискуссии касательно целесообразности использования определенной методики обучения или необходимости их комбинирования для повышения эффективности усвоения знаний и умений обучающимися. С учетом динамики российской образовательной системы, а также специфики и многообразия подходов, используемых в системе языкового обучения, становится очевидной актуальность и важность проведения анализа и оценки применяемых методик и подходов. Авторами использованы методы теоретического анализа и эмпирического исследования (наблюдение, сравнение и др.), поскольку для иностранного языка особое прикладное значение имеет сочетание теоретического и практического обучения. В представленной статье авторами делается акцент на целесообразности сочетания устоявшихся традиций и инновационных подходов в современных методах преподавания иностранного языка. На основе проведенного анализа наиболее распространенных методик обучения иностранному языку выявлены их сильные и слабые стороны, что представляется целесообразным учитывать в процессе совершенствования образовательных подходов. Многие методики обучения, которые применяются и демонстрируют практическую результативность на протяжении десятилетий, актуальны и сейчас, но это совершенно не свидетельствует об их исключительной приоритетности. Акцентируется внимание на перспективности сочетания различных методик в целях повышения эффективности обучения иностранному языку. Подчеркивается актуальность внедрения информационных и цифровых технологий в процесс обучения иностранному языку, однако данные новеллы рассматриваются в качестве совершенствования методов обучения, а не соответствующих методик.

Ключевые слова:

методика обучения, методы обучения, иностранный язык, традиционные методики, инновационные методики, компетентностный подход, грамматико-переводная методика, проектная методика, коммуникативная методика, цифровая методика

Введение

Современный образовательный процесс всех уровней ориентирован не только на формирование базы профессиональных знаний и навыков в различных сферах, но и отдельное внимание уделяется обучению иностранным языкам. Образовательные организации сами выбирают наиболее перспективные для них модели: одни концентрируют внимание на ведущих и более универсальных иностранных языках, другие же, как правило, имеют профильный уклон в языковую сферу, предлагают в рамках образовательного процесса качественное и количественное многообразие направлений соответствующего обучения. Однако вне зависимости от того, о каком конкретно иностранном языке идет речь, значительно актуализируется эффективность методики обучения, поскольку непосредственно от выбранных подходов во многом зависит сформированность коммуникативных навыков обучающихся.

В условиях глобализации иностранные языки и их знание становится весомым преимуществом на рынке труда, так как во многих сферах жизнедеятельности современного человека осуществляется международное сотрудничество как в контексте взаимодействия частных компаний и индивидов, так и органов власти и государств в целом. Владение иностранным языком позволяет изучать гораздо более обширный масштаб источников, что представляет существенное прикладное значение, в том числе

в контексте развития отдельных направлений функционирования российского общества с учетом уже имеющегося зарубежного опыта.

Важно отметить, что к настоящему моменту разработано достаточно большое количество разнообразных методик обучения иностранному языку. Отдельные из них признаются традиционными и актуальны для применения вне зависимости от языковой специфики, другие же ориентированы на использование инновационных технологий, в том числе с учетом особых потребностей, возникающих в рамках изучения конкретного языка. Также в образовательном процессе достаточно часто возникают вопросы о перспективности выбора одной методики или необходимости их сочетания в целях повышения результативности развития соответствующих знаний и навыков. В рамках представленного исследования видится необходимым сконцентрировать внимание на традициях и новациях современных методик обучения иностранному языку.

Материалы и методы исследований

Для выявления и оценки эффективности традиционных и инновационных методик обучения иностранному языку были использованы методы теоретического анализа и эмпирического исследования. В теоретическую основу работы легли труды современных российских ученых, изучающих педагогические особенности обучения иностранным языкам. На основе применения эмпирических методов (наблюдение, сравнение и др.) выявлены актуальные тенденции использования конкретных методик обучения иностранным языкам, определены их сильные и слабые стороны, что важно учитывать в рамках их применения в образовательном процессе, в том числе в целях сочетания различных методик.

В рамках заявленной проблематики следует уточнить, что под методикой понимается процесс применения совокупности методов преподавания иностранного языка, тогда как метод является отдельным приемом, при помощи которого осуществляется соответствующее обучение [1, с. 127]. Различные методики ориентированы на применение определенных теоретических и эмпирических методов, поскольку для иностранного языка особое прикладное значение имеет сочетание теоретического и практического обучения.

Важно отметить, что в современной науке проведено множество исследований, посвященных заявленной проблематике, однако большинство из них либо поверхностно характеризуют наиболее распространенные в современной образовательной деятельности методы, либо концентрируют внимание на определенных методиках без учета возможностей их сочетания с другими. Подобные подходы лишены комплексности и системности, в то время как изучение иностранного языка является достаточно сложным и многоаспектным процессом и для достижения результативности принципиальное значение приобретает не только определение перспектив применения конкретной методики, но и повышение потенциала ее эффективности с учетом специфики восприятия обучающихся, в том числе за счет сочетания с другими.

Справедливой также представляется критика компетентностного подхода, который реализуется в настоящее время в отношении организации и проведения обучения иностранному языку [2, с. 17]. Несмотря на то, что данный подход является приоритетным в современной системе образования, до сих пор отсутствует конкретизация компонентного состава различных видов иноязычной коммуникативной компетенции, что также оказывает существенное влияние на развитие современных методик обучения иностранному языку.

Результаты и обсуждения

В рамках представленного исследования видится необходимым в первую очередь отметить популярность грамматико-переводной методики при обучении иностранному языку. Данная методика является одной из традиционных и ориентирована на лексико-грамматическое развитие обучающихся. Данная методика предполагает целый ряд направлений обучения, начиная от прохождения грамматических правил и изучение лексического минимума и заканчивая их отработкой при переводе с иностранного на родной язык и обратно. Указанная методика, безусловно, выступает основой освоения иностранного языка, поскольку предполагает понимание правил иностранной речи, формирование и развитие словарного запаса, а также навыков перевода. Однако именно данная методика достаточно часто критикуется в контексте динамики развития современного образовательного процесса [3, с. 91]. Зачастую при применении исключительно вышеназванной методики процесс обучения иностранному языку становится максимально скучным для обучающихся, но без ее использования также невозможно сформировать необходимые базовые языковые знания и навыки.

Сильными сторонами данной методики выступают формирование основных знаний и навыков, детализация процесса обучения, развитие навыка применения языковых возможностей и легкость организации обучения. Без соответствующего внимания к лексике и грамматике иностранного языка недоступны иные более развитые форматы взаимодействия.

Слабыми сторонами данной методики являются однотипность выполняемых заданий, большой объем осваиваемой информации и необходимость высокой степени самоорганизации обучающихся. Применение исключительно данной методики порождает проблемы мотивации обучающихся за счет достаточно скучного формата обучения.

Проектная методика активно используется в обучении иностранному языку в настоящее время. Ее суть ориентирована на самостоятельное развитие знаний и навыков в процессе решения комплексных практических задач, связанных с подготовкой конкретного результата, оформленного и представленного определенным образом [4, с. 353]. Проектная деятельность характеризуется качественным многообразием итогов соответствующей деятельности, а также форматов организации. Обучающиеся могут выполнять подобные задания индивидуально или коллективно, что также способствует развитию коммуникативных навыков.

Сильными сторонами данной методики является высокая степень самостоятельного и инициативного функционирования обучающихся, их мотивация за счет ощущения возможностей практического функционирования, доступность практики взаимного обучения, а также интеграция знаний и навыков из разных предметных областей. Данная методика в полной мере дает ощутить обучающимся их языковые возможности или необходимость их совершенствования, а также одновременно способствует развитию социальных и деловых компетенций.

Слабыми сторонами данной методики является сложность реализации при фрагментарной подготовке обучающихся, отсутствие заинтересованности в групповом функционировании у отдельных индивидов, необходимость тщательной ресурсной и методологической проработки и теснейшая взаимосвязь результативности обучения от степени ответственности каждого обучающегося, в том числе и в рамках подготовки коллективных проектов. Проектная методика предполагает достаточно сложную и последовательно выполняемую деятельность, что требует высокой степени

заинтересованности и участия обучающихся. Коллективы с низкой активностью и инициативностью в образовательном процессе за счет применения данной методики в большей степени ощутят проблемы своей подготовленности, что в некоторой степени может их демотивировать в плане дальнейшего обучения.

К инновационным методикам обучения иностранному языку в настоящее время принято относить коммуникативную, которая ориентирована на овладение не иностранным языком, а иноязычной культурой через коммуникацию. Коммуникативная методика основана на приоритете общения в образовательном процессе, в том числе в контексте конкретных ситуаций, что и способствует совершенствованию языковых знаний и навыков. Данная методика характеризуется комплексностью подходов, что реализуется за счет применения ряда базовых принципов: принцип коммуникативной направленности, принцип ситуативности, принцип аутентичности, принцип интерактивности и принцип функциональности [\[5, с. 239\]](#). В данном случае речь идет не только о формировании языковых знаний и навыков обучающихся, но и постоянном и целенаправленном их применении в образовательном процессе. Однако спорным представляется отнесение данной методики в инновационным, поскольку она достаточно давно и часто используется в образовательной практике.

Сильными сторонами данной методики является организация занятий на иностранном языке, быстрое преодоление языковых барьеров и пополнение словарного запаса, развитие интереса к иностранной культуре, что также положительно отражается на мотивации обучающихся. Коммуникативная методика ориентирована на неадаптированные образовательные ресурсы, что интенсифицирует развитие языковых знаний и навыков у обучающихся за счет интереса к содержанию и формату процесса обучения.

Слабыми сторонами данной методики выступают необходимость высокой профессиональной квалификации преподавателей и умения их оперативно реагировать на динамично совершенствующиеся интересы обучающихся, сложности методической и психологической организации развития языковых компетенций обучающихся с учетом имеющихся у них различных уровней знаний и навыков, а также порой необоснованные приоритеты в пользу иностранной культуры и игнорирование российских подходов к отдельным вопросам. Коммуникативная методика действительно в большей степени ориентирована не только на использование языковых навыков, но и всестороннее понимание соответствующей культуры, что в отдельных ситуациях способно идеализировать ее в сознании молодежи.

Среди инновационных методик также отмечается актуальность применения в современном образовательном процессе дистанционной, которая связана с использованием современных информационных и цифровых технологий и удаленного обучения [\[6, с. 32\]](#). На наш взгляд данная методика не может рассматривать как новация процесса обучения, поскольку с момента пандемии в целом система образования продемонстрировала достаточно успешное внедрение дистанционного обучения. В рамках заявленной проблематики дистанционная методика скорее должна рассматриваться как вспомогательная, в части переноса выполнения отдельных образовательных модулей в удаленный формат.

Сильной стороной данной методики выступает комфорт организации процесса обучения, вариативность выполняемых заданий за счет доступности различных ресурсов в оффлайн и онлайн режиме, возможность самостоятельной организации режима процесса освоения языковых знаний и навыков. Обучающийся самостоятельно определяет

удобный для себя формат изучения материала, а также не требуется затрачивать время и силы на посещение образовательной организации.

Слабой стороной указанной методики является необходимость технического оснащения процесса обучения, сложности использования отдельных ресурсов в условиях обеспечения информационной безопасности, а также потребность высокой степени самоорганизации обучающихся для своевременного освоения материала. Дистанционный формат обучения иностранному языку требует не меньшей концентрации, а при потере самоконтроля над данной деятельностью приводит к неэффективности освоения образовательной программы.

В данном контексте следует отметить, что также активно развиваются исследования, посвященные цифровой методике обучения иностранным языкам, в которых акцентируется внимание на специфики использования современных достижений науки и техники в целях формирования языковых знаний и навыков обучающихся [7, с. 53]. Цифровизация образования происходит не только в контексте перехода в дистанционный формат, но и успешно применяется в рамках смешанного обучения, когда соответствующие технологии используются непосредственно на занятиях в образовательных организациях.

Выводы

Отметим, что процесс обучения характеризуется высокой степенью динамики совершенствования используемых методик, что представляется обоснованным в силу активной трансформации мировосприятия обучающихся. Многие методики, которые применялись и демонстрировали серьезную практическую результативность на протяжении десятилетий актуальны и сейчас, но это совершенно не свидетельствует об их исключительной приоритетности. В данном контексте следует подчеркнуть базовое значение традиционных методик обучения иностранному языку, которые применимы в настоящее время скорее как основа построения процесса образования, но не как единственные и наиболее перспективные.

Важно отметить, что в настоящее время значительно расширяются подходы к инновационным методикам обучения иностранному языку, однако здесь возникает иная проблема. Большинство ученых определяют в качестве самостоятельных методик то, что по факту является практикой применения конкретных методов обучения. Так, например, в настоящее время активно обсуждается методика применения технологий искусственного интеллекта при обучении иностранным языкам [8, с. 72]. Использование вышеназванных технологий, безусловно, совершенствует процесс обучения, обладает спецификой его организации и проведения, однако указанные технологии могут применяться и в рамках традиционных методик, не изменяя их сущности при этом. К настоящему моменту имеется весьма обширная практика использования компьютерных и интернет-технологий в практике обучения иностранным языкам [9, с. 103; 10, с. 249], поэтому в рамках представленного исследования внедрение информационных и цифровых технологий в процесс обучения видится целесообразным рассматривать как закономерный процесс развития системы образования в части совершенствования методов обучения в условиях повсеместного использования указанных технологий.

На основе проведенного анализа следует сделать вывод о том, что в современном образовательном процессе наиболее актуальным представляется сочетание различных методик обучения иностранному языку, поскольку каждая из них имеет свои сильные и слабые стороны, а их учет позволит значительно повысить результативность развития

языковых знаний и навыков студентов. Обучение иностранному языку, безусловно, предполагает активное его использование в рамках коммуникации, однако ее безусловный приоритет будет эффективен далеко не для любой целевой аудитории. Перспективным представляется также дальнейшее внедрение информационных и цифровых технологий в процесс обучения иностранному языку, поскольку современные представители молодежи во многом ориентированы на использование данных технологий и за счет них можно повышать заинтересованность в образовании в целом. Интерактивный формат обучения позволит в более динамичной форме совершенствовать знания и навыки, связанные с применением иностранного языка, однако новейшие технологии видится необходимым рассматривать скорее через призму совершенствования методологии обучения.

Библиография

1. Биккулова Г. Р. Возможности применения различных методик обучения иностранным языкам // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2023. № 207. С. 127-134. DOI: 10.33910/1992-6464-2023-207-127-134. EDN: HVSRPE.
2. Барышников Н. В. Методика обучения иностранным языкам в контексте современных реалий: проблемы и решения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2024. № 1(850). С. 16-23. EDN: JDRVYO.
3. Тулинг В. В. Неэффективность применения устаревших методик и сложности внедрения новых в процессе обучения иностранным языкам // Актуальные вопросы образования. 2023. № 2. С. 88-94. EDN: COXIFY.
4. Сарадбеков Ф. Н., Тоджуддинов М. С. Проектная методика при обучении иностранному языку // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: сборник научных статей по материалам XVII Кирилло-Мефодиевских чтений (14 мая 2024 года) / отв. ред. Г. А. Забелина; сост. С. В. Редькин; Московский гуманитарно-технологический университет-Московский архитектурно-строительный институт. М.: МАСИ, 2024. С. 352-358. EDN: HCQYGT.
5. Магомадова Т. Д., Привалова Ю. В., Овчаренко В. П. Теоретические основы современной коммуникативной методики обучения иностранным языкам студентов вузов // Управление образованием: теория и практика. 2024. № 3-2. С. 236-245. DOI: 10.25726/q0295-3165-3201-s. EDN: UQCSXR.
6. Методика преподавания иностранных языков в общеобразовательной организации с учетом реализации моделей смешанного обучения / Ю. В. Красноперова, К. В. Боровикова, В. В. Тарасенко [и др.]. Комсомольск-на-Амуре: Амурский гуманитарно-педагогический государственный университет, 2023. 148 с. EDN: KYWDSU.
7. Титова С. В. Цифровая методика обучения иностранным языкам: учебник. 1-е изд. Москва: Издательство Юрайт, 2023. 248 с. EDN: JAVZTQ.
8. Петрова Е. А. Методика применения технологий искусственного интеллекта при обучении иностранным языкам // Актуальные проблемы современного иноязычного образования. 2023. № 18. С. 70-80. EDN: TPYWF.
9. Нестерова А. М. Методика обучения иностранному языку с использованием интернет-ресурсов для студентов неязыковых факультетов // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 5. С. 101-114. EDN: NZJEHE.
10. Рудометова Л. Т., Шлангман М. К. Использование компьютерных и интернет-технологий в практике обучения иностранным языкам // Современный ученый. 2024. № 1. С. 246-250. EDN: TFXVMF.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье рассматриваются традиционные и инновационные методики обучения иностранному языку. Актуальность данной работы не вызывает сомнения и аргументируется тем, что в современной науке проведено множество исследований, посвященных заявленной проблематике, однако большинство из них либо поверхностно характеризуют наиболее распространенные в современной образовательной деятельности методы, либо концентрируют внимание на определенных методиках без учета возможностей их сочетания с другими. Подобные подходы лишены комплексности и системности, в то время как изучение иностранного языка является достаточно сложным и многоаспектным процессом и для достижения результативности принципиальное значение приобретает не только определение перспектив применения конкретной методики, но и повышение потенциала ее эффективности с учетом специфики восприятия обучающихся, в том числе за счет сочетания с другими.

Теоретической основой работы выступили труды таких современных российских ученых, изучающих возможности применения различных методик обучения иностранным языкам, как Г. Р. Биккулова, Н. В. Барышников, В. В. Тулинг, Е. А. Петрова, А. М. Нестерова, Л. Т. Рудометова, М. К. Шлангман и др. Библиография состоит из 10 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах рукописи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Следует отметить высокую актуальность использованных источников, что еще раз свидетельствует о повышенном интересе научного сообщества к изучаемому предмету. С учётом специфики предмета, объекта и цели работы использованы общенаучные методы анализа и синтеза, методы наблюдения и сравнения, описательный метод, интерпретативный анализ материала и др. Так, на основе применения эмпирических методов (наблюдение, сравнение и др.) выявлены актуальные тенденции использования конкретных методик обучения иностранным языкам, определены их сильные и слабые стороны, что важно учитывать в рамках их применения в образовательном процессе, в том числе в целях сочетания различных методик.

Проведен серьезный критический анализ действующих методик обучения иностранному языку. Следует отметить, что автор(ы) не просто обобщают сильные и слабые стороны рассматриваемых методик, но и апеллируют к оппонентам («Среди инновационных методик также отмечается актуальность применения в современном образовательном процессе дистанционной, которая связана с использованием современных информационных и цифровых технологий и удаленного обучения [6, с. 32]. На наш взгляд данная методика не может рассматривать как новация процесса обучения, поскольку с момента пандемии в целом система образования продемонстрировала достаточно успешное внедрение дистанционного обучения» и т. п.). На основе проведенного исследования сделан вывод о том, что в современном образовательном процессе наиболее актуальным представляется сочетание различных методик обучения иностранному языку, поскольку каждая из них имеет свои сильные и слабые стороны, а их учет позволяет значительно повысить результативность развития языковых знаний и навыков студентов. Особая роль отводится дальнейшему внедрению информационных и цифровых технологий в процесс обучения иностранному языку и интерактивному формату обучения, хотя обоснованно отмечается, что новейшие технологии необходимо «рассматривать скорее через призму совершенствования методологии обучения».

Теоретическая значимость и практическая ценность исследования заключается в том,

что его результаты расширяют знание в области традиционных и инновационных методов преподавания иностранных языков, могут применяться в последующих научных изысканиях по заявленной проблематике и в вузовских курсах по методике обучения иностранному языку.

Представленный в работе материал имеет четкую, логически выстроенную структуру. Стиль изложения отвечает требованиям научного описания, содержание рукописи соответствует названию. Статья имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале.

По мнению рецензента, данный материал по своему содержанию ближе к тематике журнала «Педагогика и просвещение»: автор(ы) активно оперируют категориями педагогики и методики («оценка эффективности традиционных и инновационных методик обучения иностранному языку», «в теоретическую основу работы легли труды современных российских ученых, изучающих педагогические особенности обучения иностранным языкам», «применение исключительно данной методики порождает проблемы мотивации обучающихся за счет достаточно скучного формата обучения», «проектная деятельность», «в образовательной практике» и т.п.). Данное замечание носит рекомендательный характер.

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Шуйская Ю.В., Яковенко Д.Д. Семантическая эволюция латинского заимствования *sic* от узуса XIX века до современной интернет-коммуникации // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73681 EDN: ZOXWAB URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73681

Семантическая эволюция латинского заимствования *sic* от узуса XIX века до современной интернет-коммуникации

Шуйская Юлия Викторовна

ORCID: 0000-0002-6752-3063

доктор филологических наук

профессор; кафедра журналистики, медиакоммуникаций и рекламы; Московский университет имени А.С. Грибоедова

111396, Россия, г. Москва, Зеленый пр-т, 66а, оф. 311

✉ shujskaya@yandex.ru

Яковенко Данил Дмитриевич

магистр; факультет журналистики; Московский университет им. А.С. Грибоедова

111396, Россия, г. Москва, р-н Новогиреево, Зелёный пр-кт, д. 66А

✉ uselessraccoon@mail.ru

[Статья из рубрики "Семантика"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73681

EDN:

ZOXWAB

Дата направления статьи в редакцию:

13-03-2025

Аннотация: Предметом исследования является семантическая эволюция латинского заимствования *sic* (так) от узуса конца XVIII – начала XXI столетия. Объектом исследования является процесс миграции заимствованной лексемы из научного стиля в публицистический и затем в практику интернет-коммуникации анонимных форумов и имиджбордов. Авторы подробно рассматривают такие аспекты темы, как оттенки значения слова *sic* при его первых появлениях в русском языке (по материалам

национального корпуса русского языка), последующие изменения значения, восходящие к контексту из романа Ф.М. Достоевского «Идиот», и внедрение анализируемой лексемы в практику анонимных диалогов в интернете. Особое внимание уделяется функциям анализируемого заимствования в современных интернет-диалогах и использованию его в качестве маркера метаиронии и дистанцирования субъекта речи от цитируемой точки зрения. Методы исследования включают квантитативный анализ, проведенный при помощи инструментов корпусной лингвистики, а также метод семантического анализа выделенных контекстов из текстов научного, публицистического, художественного стиля, а также анонимных диалогов в интернете. Основными выводами проведенного исследования являются сформулированные функции латинского заимствования *sic* на протяжении его использования: первые контексты авторского использования анализируемой лексемы относятся ко второй половине XIX века, новейшие контексты указывают на контекст самоиронии, метаиронии, обозначения имплицитного дистанцирования от автора «чужого слова». Особым вкладом авторов в исследование темы является выделение при помощи средств корпусной лингвистики момента зарождения экспрессивной семантики латинского заимствования *sic* и дальнейшего его развития в русском языке. Научная новизна исследования заключается в прослеживании траектории семантического изменения заимствованного слова, варваризма, на протяжении истории использования сохраняющей иноязычную графику. Анализируемое заимствование ранее не рассматривалось в отечественной науке ни с точки зрения его семантики, ни с точки зрения pragmatики использования в современном дискурсе, что и обуславливает новизну предпринимаемого исследования.

Ключевые слова:

заимствование, латинский язык, интернет, интернет-коммуникация, научный стиль, эволюция, латинизм, имиджбординг, публицистический стиль, медиа

Интеграция заимствованных слов в лексическую систему русского языка представляет большой интерес в связи с активным внедрением заимствований на протяжении всех периодов развития русского языка. О.А. Фролова отмечает, что «в зависимости от меры семантического освоения можно выделить две группы заимствований: 1) слова, которые практически не подверглись переосмыслинию; 2) слова, в семантике которых произошли те или иные изменения (избирательность значения, сужение значения, расширение значения, приобретение нового значения)» [1, с. 284]. При этом практически неизученным является семантическое изменение в значении тех заимствованных слов, которые пишутся в некириллической графике и сохраняют за счет этого семантический ореол «чужеродности», «инакости».

Актуальность исследования заимствованных слов обусловлена не только их постоянным поступлением в язык и развитием значения давно заимствованных слов, но и той значительной долей заимствований, которая характерна для современного русского языка. Большой интерес представляет также миграция заимствованных слов из одного функционального стиля в другой: так, некоторые слова, изначально составлявшие часть научного стиля, были перенесены в публицистический стиль. Большой интерес представляет дальнейшее развитие семантики заимствованной лексики в интернет-языке, который заимствует варваризмы и переосмысливает их.

Заимствованные слова, сохраняющие оригинальное написание, могут рассматриваться

как варваризмы. Систематизируя различные определения понятия «варваризм», Д.Е. Хохонин и К.В. Овсянникова указывают, что «варваризмы могут выступать как неологизмы (если они выражают новые понятия), экзотизмы (если они номинируют культурную реалию), жаргонизмы (если они проникают в общение отдельной социально-профессиональной группы), иноязычные вкрапления (в виде устойчивых фраз на иностранном языке)» [\[2, с. 11\]](#). В числе варваризмов рассматриваются такие латинские заимствования, как "et cetera", "cito", "ego", "nihil". И.В. Зубенко, И.Е. Маснева, Н.Н. Скокова указывают на проникновение латинизмов во все функциональные стили русского языка, в особенности – в научную речь: «Вплоть до XVIII века латинский язык являлся языком науки: на нем обучались студенты первых европейских университетов, писали свои труды ученые и философы, защищались диссертации. Именно посредством образовательной системы происходило закрепление и поддержание существующих культурных, социальных и родовых традиций. ... Латинизмы, наряду со словами, пришедшими из греческого языка, составляют основу научной терминологии любой области знания» [\[3, с. 164\]](#).

Среди латинских заимствований особое место занимает слово "sic" (так), которое традиционно пишется в оригинальной графике. Это заимствованное слово ранее не привлекало внимания исследователей варваризмов и латинизмов в русском языке. Между тем, для этого слова характерна значительная динамика в семантике, и цель настоящего исследования – проследить эти динамические изменения. Научная новизна обусловлена отсутствием в отечественной лингвистике анализа динамики значения этого латинского заимствования и прослеживания его миграции из научного стиля в публицистический.

Таким образом, объект исследования определяется как динамическое изменение семантики заимствованного слова с переносом его из одного функционального стиля русского языка в другой, а предметом исследования являются контексты употребления слова "sic", выделенные при помощи Национального корпуса русского языка [\[4\]](#).

В соответствии со словарем, "sic" означает «так, таким (следующим) образом, вот как... да, пусть ... вследствие этого, при таких обстоятельствах ... просто так, без последствий ... так себе, более или менее» [\[5, с. 707\]](#). Первые употребления этого слова в russkojazychnykh текстах Национальный корпус русского языка фиксирует в документах XVIII века и начала XIX: так, впервые в отечественной словесности "sic" присутствует в тексте В.К. Тредиаковского «Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского]», где данным словом маркируются описки и опечатки: тем самым показано, что автор оригинального текста ошибся и расшифровать его ошибку нельзя – так, словом "sic" маркируется не дешифруемое слово «чивость» («учтивость? честность? влюбчивость?»): «Но хотя излишняя чивость [sic!] мénьшія хулы достойна по своему основанію; однако больше ея надлежить бояться въ рассужденія слѣдствія отъ нея бывающихъ». Следует отметить, что, вероятнее всего, этот элемент привнесен не автором оригинального текста, а автором комментария, готовившим данный текст к публикации в более поздний период.

В значении отсылки к оригинальному написанию и отметки ошибки или описки, присутствующей в цитируемой речи, слово "sic" употребляется также в документе конца XVIII столетия, «Материалы о преследовании Новикова, его аресте и следствии», относящемся к 1784-1792 гг.: «в бумагах его найден крест Андрея Первозванного, о чем он в особом пункте ниже сего изъяснил, но также скрывает о ношении оного потому, чтоб избегнуть за самовольное сего (sic) ордена законного осуждения. ... Походящин

наличных денег для заплаты (*sic*), а имел и употреблял бывшие у него банковые облигации и на них терпел вычитаемые до срока проценты». Как видно из приведенного текста, слово “*sic*” используется в нем в качестве маркера описок – «заплаты» вместо «зарплаты», к примеру, а также для обозначения дословного цитирования слов свидетеля или подсудимого, и, вероятнее всего, также привнесен комментатором текста.

Слово “*sic*”, обычно заключаемое в круглые скобки и сопровождающееся восклицательным знаком, таким образом, является маркером ошибки или опечатки, которая присутствует внутри цитаты и от которой эксплицитно дистанцируется автор рамочного текста. В этом значении оно утвердилось в дискурсе второй половины XIX века, где уже может быть прослежено использование его именно автором текста, в который внедрено чужое слово:

На афише стояло: *Otello, il moro di Venezia, tragedia di Guglielmo SK (sic!) akspearo — tradotta e ridotta per la scena da Garcano...* (А.А. Григорьев. Великий трагик).

Г-н Геденштром (в книге своей «Отрывки о Сибири», С.-Петербург, 1830), между прочим, говорит, что «Якутская область — одна из тех немногих стран, где просвещение или расширение понятий человеческих (*sic*) (стр. 94) более вредно, чем полезно. (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада»).

В то же время в ряде контекстов “*sic*” приобретает значение не указания на опечатку, а имплицитного выражения несогласия с использованным словом. Так, в романе Ф.М. Достоевского «Идиот» в главе VIII II части цитируется газетная статья, посвященная князю Мышкину, автор которой выражает с помощью “*sic*” несогласие с самой идеей возможности излечения от идиотизма, что раскрывается в следующей фразе:

Наш отпрыск, назад тому с полгода, обутый в штиблеты по-иностранныму и дрожа в ничем не подбитой шинелишке, воротился зимой в Россию из Швейцарии, где лечился от идиотизма (*sic!*) Надо признаться, что ему везло-таки счастье, так что он; уж и не говоря об интересной болезни своей, от которой лечился в Швейцарии (ну, можно ли лечиться от идиотизма, представьте себе это?!!), мог бы доказать собою верность русской пословицы: известному разряду людей — счастье! [\[6, с. 399\]](#)

Именно в романе Достоевского отмечается первый контекст употребления “*sic*” не в значении указания на ошибку или опечатку, а именно в значении «я не согласен с этим термином, используемым другим субъектом, и отмечают это в тексте». Далее в истории развития слова “*sic*” по данным НКРЯ при обилии примеров, где “*sic*” указывает именно на орфографическую или стилистическую ошибку, спорадически начинают встречаться контексты использования “*sic*” для выражения имплицитного несогласия с неким термином или словоформой:

Вот чем мы должны дорожить, вот чему мы должны радоваться... Этому предрассудку (*sic!*) народному. Он один доказывает, что мы можем еще сойти с общеевропейского пути (К.Н. Леонтьев. Передовые статьи «Варшавского дневника 1880 года»).

Узус “*sic*” на протяжении XX и начала XXI столетия указывает на существование в дискурсе научной функции “*sic*” наряду с экспрессивной. Так, в контекстах НКРЯ из новейшей публистики видим:

Тенденции сохраняются: по-прежнему, например, слово «координальный» (*sic!*) употребляется вместо «кардинальный» (Наталья Белошина. Торжество абырвалга (28.06.2013) // «Сноб», 2013)

Первый – 35-летний кидалт Денис Давыдов (*sic*), зарабатывающий на выпивку курьером выпускник ВГИКа, все друзья которого мечтают свалить из «этой страны» (Ольга Брагина. *Je t'aime. Moi non plus* // Litera_Dnepr, 2012).

Развитие экспрессивно-эмоционального значения “sic”, отмеченного в текстах второй половины XIX – XX столетия, отмечается в дискурсе интернет-общения. Можно отметить изменение семантики заимствования, вызванное необходимостью самоопределения и сепарации отдельных маргинализированных субкультурных пластов сети Интернет [7], а также выступающее в роли некоего социального «детектора» для приверженцев определенных культур, социальных пластов или возрастной категории. Н.А. Мишанкина указывает, что «процессы, происходящие в современном обществе и жизни отдельного человека как представителя этого общества, воплощаются в новом коммуникативном формате, подвергаются трансформациям. Когда-то изобретение письменности дало толчок развитию науки в целом, так как позволило «схватить», зафиксировать «временную» природу языка, языковой информации, переведя ее в пространственные координаты и давая возможность обратиться к ней вновь. Теперь интернет-коммуникация также позволяет зафиксировать коммуникацию, социальные взаимодействия людей, именно поэтому эта сфера привлекает внимание ученых-гуманитариев» [8, с. 74].

В современном интернет-дискурсе заимствование “sic” демонстрирует значительное расширение функционального диапазона. Если в традиционном употреблении оно выполняет преимущественно корректорскую функцию, призванную обратить внимание на ошибки первоисточника, то в цифровой коммуникации наблюдается его использование в следующих ипостасях:

1. Маркера иронии и сарказма. Пользователи сети интегрируют “sic” в текст для выражения критического отношения ци цитируемому содержанию, обычно подчеркивая абсурдность или нелогичность высказывания, даже если оно является фактически верным. Данная функция особенно распространена в контексте политических и социальных дискуссий.

Например: «Частный проект Абрамовича, на деньги Абрамовича, руками Голландских архитекторов и их же рабочих (*sic!*)» [8].

2. Элемента метакоммуникации. В среде сети Интернет данное заимствование используется как сигнал осведомленности автора о нестандартности или проблематичности приводимого высказывания, в чем перекликается с первоначальным значением, а кроме того – создает некий дополнительный уровень коммуникации между автором и его аудиторией.

Например: «Немношк своего hw.

Заработает ли вот такая сборка?

- старый ATX-БП 20+4 pin
- материнка ASRock Q1900-ITX (*sic!*)
- оперативка Samsung DDR3-1333 от ноута, планки 2 и 4 гига
- старый монитор Samsung 971P, подключение по DVI
- новый хард Hitachi Ultrastar 7K4000 2TB

- ну, и PS/2 мышка с клавой, естественно» [\[9\]](#)

3. Инструмента дистанцирования. Применение “sic” позволяет автору отделить собственную позицию от цитируемого контента, особенно в случаях, когда последний содержит спорные, радикальные или потенциально оскорбительные суждения – с чем перекликается в рамках использования заимствования как элемента метакоммуникации.

«Зачем нужен Хемингуэй, когда можно создать своего? Культурная политика с наганом. Если бы я был западным писателем, я бы вообще обалдел от такого наглого вторжения, наплевательского отношения на традиции, институты, авторство и устоявшийся порядок вещей. И главное у какой страны? – у Америки (sic!)» [\[10\]](#)

Особый интерес для углубленного исследования представляет использование заимствования “sic” в пространстве имиджборд в частности и мем-культуры в целом, где мы можем наблюдать наиболее радикальную трансформацию его семантики и pragmatики. На анонимных форумах (таких как 4chan, 2ch) термин приобрел статус по большей части метаязыкового элемента, используемого в ряде случаев: маркирования намеренных искажений, создания многоуровневой иронии и субверсии лингвистических норм. В отличие от традиционного употребления, которое призвано всего лишь указать ошибки в оригинале, в среде имиджборд проявилась особая специфика данного термина. Коммуникативную специфику пространства имиджборда отмечает «одним из мест, где неаутентичная речевая агрессия получила статус принятого стиля общения, стали имиджборды (от англ. image «изображение», board «доска»). Имиджборды представляют собой вид интернет-форумов, главной особенностью которых является отсутствие обязательной регистрации. Речевая агрессия на имиджбордах не воспринимается оскорбительной, поскольку осуществляется между единомышленниками» [\[11, с. 497\]](#).

Он может использоваться для сопровождения намеренно искаженных форм слов или использованных выражений, таких, как выражения и крылатые афоризмы, подчеркивая их преднамеренно искаженный характер. Кроме того, пользователи применяют термин для формирования сложных иронических или сатирических конструкций, в которых sic служит скорее индикатором метаиронии (sic!), давая сигнал о том, что показанная ошибка и нелепость – это преднамеренная часть изначально выбранной пользователем коммуникативной стратегии. Также на отдельных ресурсах («Упячка», в дальнейшем переросшая в отдельный пласт «жаргона падонков») наблюдается использование “sic” в рамках элемента некой языковой игры, направленной на деконструкцию и переосмысление конвенциональных норм письменной коммуникации. Отметим, что язык анонимных форумов и имиджбордов в целом мало изучен, и его особенности пунктирно выделены в исследовании [\[12\]](#).

Следует заметить, что трансформация латинизма “sic” в среде сети Интернет отражает не только, собственно, семантическую эволюцию самого термина, но и более широкие языковые процессы, характерные для цифровой коммуникации, такие, как «демократизация» и «освобождение» лингвистической единицы, общая гибридизация коммуникативных практик и в целом реконтекстуализация, присущая именно современным языковым процессам, выявляющаяся по причине перехода разговорного формата в текстовую коммуникацию.

“Sic” не просто совершает семантический переход от узкоспециализированного академического термина в массовое употребление, что показывает общую тенденцию к

переходу языковых средств из одного стиля общения в другой в цифровом пространстве, но и демонстрирует смешение академических и неформальных коммуникативных стратегий, а так же приобретает совершенно новые значения и функции, зависящие больше от коммуникативного контекста, чем от первоначального значения слова, и отражающее общую тенденцию к трансформации любых языковых единиц под влиянием окружения и используемого контекста в рамках интернет-среды.

Использование "sic" в рамках интернет-среды и цифрового взаимодействия наглядно демонстрирует, как академический инструмент претерпевает трансформацию в некий многофункциональный элемент нового языка, формируемого в сети, а также самой по себе интернет-культуры. Изначально будучи маркером ошибок, он «эволюционировал» до инструмента, используемого при создании иронии, языковой игре и социальной стратификации в рамках сообщества. Данная трансформация позволяет увидеть пример общей тенденции к переосмыслению и адаптации в новую среду первоначально формальных языковых конструкций, а также встраивание их в некоторые неформальные цифровые среды (такие, как форумы и имиджборды), где коммуникация, чаще всего, строится на языковой игре и многослойной иронии.

Библиография

1. Фролова О.А. Семантическое освоение заимствований // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2010. № 12. С. 283-286.
2. Хохонин Д.Е., Овсянникова К.В. Специфика функционирования варваризмов в русской речи // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2017. № 2 (25). С. 10-16.
3. Зубенко И.В., Маснева И.Е., Скокова Н.Н. Латинские заимствования в русском языке // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 4-2. С. 163-165.
4. Национальный корпус русского языка // URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12.03.2025).
5. Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1996. 846 с.
6. Достоевский Ф.М. Идиот. Л.: Лениздат, 1987. 640 с.
7. Бушев А.Б. Языковые и риторические особенности электронной речи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 6 (887). С. 18-24.
8. Мишанкина Н.А. Социальные нормы в интернет-коммуникации: социолингвистический аспект // Гуманитарная информатика. 2013. № 7. С. 72-78.
9. Arhivach. Стабилизец // URL: <https://arhivach.hk/thread/345567/> (дата обращения: 13.03.2025).
10. Arhivach. Обезумевшего рубля тред №1216 // URL: <https://arhivach.hk/thread/103937/> (дата обращения: 13.03.2025).
11. Arhivach. Великая советская школа художественного перевода // URL: <https://arhivach.hk/thread/1019860/> (дата обращения: 13.03.2025).
12. Габдрахикова Т.Ш. Стратегии неаутентичной речевой агрессии в виртуальной среде // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 12-3 (90). С. 496-499.
13. Дементьев В.В. "Луркоморье" vs. "Википедия" = "Неформально" vs. "Формально"? // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 137-151.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

В рецензируемой статье предметом исследования выступает эволюция семантики латинского заимствования *sic* от узуса XIX века до современной интернет-коммуникации. Актуальность данной работы обусловлена необходимостью комплексного изучения огромного пласта заимствованной лексики, которая характерна для современного русского языка. Также следует согласиться с автором(ами), что «большой интерес представляет дальнейшее развитие семантики заимствованной лексики в интернет-языке, который заимствует варваризмы и переосмысливает их».

Теоретической базой исследования выступили труды таких российских и зарубежных ученых, как О. А. Фролова, Д. Е. Хохонин, К. В. Овсянникова, А. Б. Бушев, Н. А. Мишанкина, Т. Ш. Габдрахикова, И. В. Зубенко, И. Е. Маснева, Н. Н. Скокова и др., посвященные семантическому освоению заимствований; специфике функционирования варваризмов в русском языке; особенностям электронной речи и т.п. Библиография составляет 13 источников, соответствует специфике изучаемого предмета, содержательным требованиям и находит отражение на страницах статьи. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. Однако автор(ы) практически не апеллируют к актуальным научным работам, изданным в последние 3 года, что не позволяет судить о реальной степени изученности данной проблемы в современном научном сообществе.

Методология исследования определена поставленной целью и носит комплексный характер: применяются общенаучные методы анализа и синтеза; описательный метод, включающий наблюдение, обобщение, интерпретацию, классификацию материала; структурный метод; метод изучения словарных дефиниций; сравнительно-исторический метод; лингвокультурологический и корпусный анализ.

В ходе анализа теоретического материала и его практического обоснования автор(ы) подробно проследили эволюцию семантики латинского заимствования *sic* и сформулировали выводы о том, что трансформация латинизма *sic* в среде сети Интернет отражает не только, собственно, семантическую эволюцию самого термина, но и более широкие языковые процессы, характерные для цифровой коммуникации, такие, как «демократизация» и «освобождение» лингвистической единицы, общая гибридизация коммуникативных практик и в целом реконтекстуализация, присущая именно современным языковым процессам, выявляющаяся по причине перехода разговорного формата в текстовую коммуникацию. Кроме того, установлено, что *sic* не просто совершает семантический переход от узкоспециализированного академического термина в массовое употребление, что показывает общую тенденцию к переходу языковых средств из одного стиля общения в другой в цифровом пространстве, но и демонстрирует смешение академических и неформальных коммуникативных стратегий, а также приобретает совершенно новые значения и функции, зависящие больше от коммуникативного контекста, чем от первоначального значения слова, и отражающее общую тенденцию к трансформации любых языковых единиц под влиянием окружения и используемого контекста в рамках интернет-среды.

Теоретическая значимость исследования связана с определенным вкладом результатов проделанной работы в разработку теории заимствования, в описание особенностей семантической трансформации латинизма *sic* в среде сети Интернет. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в вузовских курсах по общему языкознанию, лексикологии, лингвокультурологии, по теории заимствования и теории номинации.

Представленный материал имеет четкую, логически выстроенную структуру, способствующую его полноценному восприятию. Стиль статьи отвечает требованиям научного описания, содержание соответствует названию, логика изложения четкая. Высказанные замечания не влияют на общее положительное впечатление от

рецензируемой работы и носят рекомендательный характер. Рукопись имеет завершенный вид; она вполне самостоятельна, оригинальна, будет интересна и полезна широкому кругу лиц и может быть рекомендована к публикации в научном журнале «Филология: научные исследования».

Филология: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Власова В.В. Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: синтаксический аспект // Филология: научные исследования. 2025. № 3. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.3.73825 EDN: ZUIJJP URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73825

Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: синтаксический аспект

Власова Влада Владимировна

ORCID: 0000-0002-3339-0063

аспирант; кафедра теории и практики иностранных языков; Российский университет дружбы народов имени Патрика Лумумбы

117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

✉ 1142230126@pfur.ru

[Статья из рубрики "Дискурс"](#)

DOI:

10.7256/2454-0749.2025.3.73825

EDN:

ZUIJJP

Дата направления статьи в редакцию:

24-03-2025

Аннотация: Британская национальная идентичность находится в зоне постоянного изучения ученых уже долгий период времени, но после Брексита интерес к этой теме существенно увеличился. Британская нация, особенно та ее часть, которая была на стороне евросkeptиков, после Брексита была нацелена на усиление британской идентичности и полного уничтожения какого бы то ни было влияния глобализации на внутреннее мироощущение британской нации. Но, несмотря на ожидание британцев, многие ученые сходятся во мнении, что национальная британская идентичность все же находится в кризисе. Таким образом, объектом данного исследования являются синтаксические средства англоязычного политического дискурса онлайн средств массовой информации (журналы, газеты), а целью представляется выявление актуального состояния британской национальной идентичности посредством анализа синтаксических средств политического дискурса современной Великобритании. Актуальные труды (большинство не старше пяти лет) отечественных и зарубежных учёных в области политического дискурса и национальной, в том числе британской,

идентичности составляют методологическую базу исследования. Научная новизна исследования заключается в том, что состояние национальной британской идентичности впервые рассматривается с помощью анализа синтаксических средств дискурса актуальных публикаций британских онлайн-изданий. Анализ синтаксических средств англоязычного политического дискурса осуществляется на основе текстов онлайн-медиа за период январь – февраль 2025 г., что делает исследование новаторским и отражающим тенденции современной лингвистической науки. В результате проведенного исследования было установлено, что британская национальная идентичность выражается чаще всего такими синтаксическими средствами, как сослагательное наклонение, пассивные конструкции и употребление модальных глаголов. Перспективой исследования является изучение интертекстуальности и интердискурсивности как способа конструирования дискурсивного выражения британской национальной идентичности, а также pragматического аспекта дискурсивного формирования национальной британской идентичности.

Ключевые слова:

дискурс, национальная идентичность, английский язык, британская национальная идентичность, онлайн-издание, синтаксические средства, политический дискурс, синтаксис, Брексит, медиа

Говоря о современных исследованиях национальной британской идентичности, необходимо отметить, что такого рода исследования характерны для разных областей гуманитарного знания. В данном исследовании представлено изучение синтаксической стороны дискурсивного формирования национальной британской идентичности.

В научной области назрела необходимость изучения дискурсивного выражения национальной идентичности. Поскольку в современной лингвистике активно ведутся дискурсивные исследования, то изучения национальной, в том числе британской, идентичности с помощью дискурсивных практик, например, дискурс-анализа, позволит раскрыть те средства, которые влияют на формирование и выражение национальной британской идентичности в англоязычных онлайн-изданиях. Это и определяет **актуальность исследования.**

Задачи исследования определены следующим образом: описать аспекты национальной идентичности современного британского социума и ее функционирования в политическом дискурсе; рассмотреть дискурсивное функционирование синтаксических средств; провести выборку синтаксических средств в текстах британских онлайн-изданий за период январь – февраль 2025 г. и осуществить их классификационное описание; провести анализ результатов исследования.

Материалом исследования являются статьи онлайн-изданий «Daily Mail» (URL: <https://www.dailymail.co.uk>) и «The Guardian» (URL: <https://www.theguardian.com>) за период с января по февраль 2025 года, охватывающие тематический блок, посвященный политике.

Теоретическая база исследования строится на основе дискурсивных исследований Е. Е. Шеховцовой, С. Абрахамяна, М. Банщиковой, В. В. Катерминой, Н. Б. Шершневой, И. В. Савельевой, К. Гарсия-Каселес, А. А. Маленковой, М. В. Мельничук, Е. А. Стародубцевой, Е. Ю. Алешиной, Д. Д. Головой, Т. Г. Поповой, С. В. Лоскутовой. Также происходит рассмотрение различных аспектов национальной британской идентичности в

теоретической части исследования с помощью трудов Б. Трантера, Дж. Донога, О. Ю. Корниенко, Р. Т. Эшкрофта, М. Бевира, Е. А. Атапина, Ф. Эдвертона, О. Рекорда, И. В. Казакова, С. Г. Малкина, В. Хонейманн, Е. С. Игнатовой, К. Паинтера. Аспект исследования, посвященный синтаксическим дискурсивным средствам, описывается с помощью трудов М. С. Матыциной, Н. В. Гавриленко, Н. Ф. Хасановой, И. В. Гильмутдиновой, Р. З. Закировой, Е. В. Серединой, Р. Ф. Гусейновой, раскрывающих синтаксические дискурсивные средства во всем их многообразии.

Методы и приемы исследования, использованные для достижения поставленных задач: теоретический анализ и синтез при сборе материала и его последующей обработке; метод сплошной выборки, позволяющий подобрать среди многообразия материала подходящие примеры для их анализа в практической части исследования; дискурсивный анализ, изучение словарных определений и структурный метод в процессе анализа, классификации и описания синтаксических средств; прием количественного подсчета для статистического выражения полученных результатов в практической части работы.

Практическая значимость данной работы может включать в себя ее применение на занятиях по дисциплинам лингвистического цикла, посвященным дискурсу, а также практическому курсу английского языка, стилистике и прагматике английского языка.

Говоря о феномене национальной идентичности, невозможно дать ей единственное верное определение. Как отмечает И. В. Казаков, национальная идентичность опирается на идеи и концепции, общие для коллектива, который данную идентичность разделяет. Национальная идентичность акцентирует различия определенной нации от других наций и подчеркивает однородность нации, при этом игнорируя различия между группами внутри нации [1].

О. Ю. Корниенко отмечает такие характерные черты британской национальной идентичности, как суверенитет королевской власти, свобода слова, патриотизм, британская история и культура и др. [2]. Акторы формируют разнообразные представления о британской национальной идентичности, которые могут иной раз противоречить друг другу [3].

Как отечественные, так и зарубежные ученые, например Е. А. Атапин, Е. С. Игнатова, С. Г. Малкин, К. Паинтер и В. Хонейманн, отмечают в своих исследованиях такую черту национальной британской идентичности, как противопоставление себя остальному миру, в том числе европейским державам [4, 5, 6, 7, 8]. К интересному выводу, исследуя национальную британскую идентичность, пришли ученые Б. Трантер и Дж. Доног. Они провели опрос британского населения и выявили, что англичане, описывая символы нации, обращаются не к «классическим» древним героям, а к относительно недавним национальным лидерам. Таким образом, британцы выделили в качестве символов нации Уинстона Черчилля, Маргарет Тэтчер и королеву Елизавету II (исследование проводилось в 2017 году) [9].

Из недавних исторических событий на формирование национальной идентичности Великобритании наибольшее влияние оказал Брексит [10]. Ф. Эдвертон и О. Рекорд в своем исследовании британской национальной идентичности приходят к выводу, что кампания по Пробрекситу настраивала население на тот факт, что они радикально отличаются от жителей стран Евросоюза, что в итоге стало одним из факторов осуществления Брексита [11]. Современные исследования состояния британской

национальной идентичности показали, что она находится в кризисном состоянии, несмотря на ожидания кампании по Пробрекситу [\[12, 13\]](#).

Национальная идентичность формируется и трансформируется преимущественно дискурсивно [\[14\]](#). Современные дискурсивные исследования рассматривают дискурс с точки зрения культуроцентрическости [\[15\]](#). Господствующий дискурс является оным из-за победы над другими, иной раз противоречащими по смыслу, дискурсами [\[16\]](#). Британский политический дискурс считается скромным на эмоции, но политики все же иногда прибегают и к эмоциональным ценностным аргументам. Таким образом, Т. Мэй обосновала необходимость сохранения единства страны с «чувством долга перед порастающим поколением» [\[17\]](#).

Актуальным направлением изучения англоязычного дискурса является изучение его лексической составляющей. Лексическая единица представляет собой хранилище культурной семантики, поэтому является постоянным объектом изучения исследователей [\[18\]](#). Например, Е. Е. Шеховцова, В. В. Катермина, Н. Б. Шершнева описывают в своих трудах неологизмы англоязычного дискурса с латинскими и греческими префиксами и «классические» латинские выражения. Ученые приходят к выводу, что данные лексемы распространены в современном британском дискурсе разных типов [\[19, 20\]](#).

В данном исследовании рассматриваются дискурсивные синтаксические средства. По мнению Е. В. Серединой, синтаксис текста включает в себя единицы разного порядка от словосочетаний до сложных предложений [\[21\]](#). Дискурсивные синтаксические средства могут помочь разнообразить текст и подчеркнуть важный для восприятия элемент [\[22\]](#). В труде Н. Ф. Хасановой, И. В. Гильмутдиновой, Р. З. Закировой, посвященному синтаксическим средствам выражения экспрессивности в британской прессе, рассматриваются такие дискурсивные синтаксические средства, как инверсия, транспозиция, синтаксическая конвергенция, параллельные конструкции, местоименно-соотносительные сложные предложения (Cleft sentences) [\[23\]](#). В свою очередь, в исследовании политического дискурса М. С. Матыциной фигурируют такие синтаксические средства, как вводные слова и сочетания; сослагательное наклонение; пассивные конструкции; декларативная лексика; анафора и др. [\[24\]](#).

Данная работа представляет синтаксические дискурсивные средства выражения национальной британской идентичности. В практической части исследования анализировались публикации британских онлайн изданий «Daily Mail» (URL: <https://www.dailymail.co.uk>) и «The Guardian» (URL: <https://www.theguardian.com>) за период январь-февраль 2025 г.: статьи тематического блока «Политика». Всего проанализировано 30 статей (по 15 статей в онлайн-изданиях «The Guardian» и «Daily Mail» соответственно) тематического блока «Политика»; выделено 210 синтаксических средств (104 – «The Guardian», 106 – «Daily Mail»). Самыми частотными синтаксическими средствами выражения британской национальной идентичности стали такие средства, как пассивные конструкции (30 – «The Guardian», 36 – «Daily Mail»), сослагательное наклонение (23 – «The Guardian», 15 – «Daily Mail») и использование модальных глаголов (10 – «The Guardian», 20 – «Daily Mail»).

Следует отметить, что в ходе проведения практической части исследования также были выявлены особенности анализируемых онлайн-изданий. Для «The Guardian» характерны длинные сложные повествовательные предложения, а в «Daily Mail», наоборот, пользуются популярностью простые и емкие по содержанию предложения.

Пассивные конструкции как способ смещения внимания с деятеля и ослабления причинно-следственной связи между деятелем и процессом распространены в политическом дискурсе британских СМИ. Таким образом, Н. В. Гавриленко отмечает тот факт, что еврооптимисты употребляли привычные пассивные конструкции во время кампании перед Брекситом, в то время как евроскептики в своей речи выделяли местоимение «мы» и отождествляли тем самым себя с избирателями, что и позволило им одержать победу [25].

Пример 1.

«As soon as this group was brought to our attention, a thorough investigation was launched in line with the Labour Party's rules and procedures and this process is ongoing» [26].

«Как только на эту группу было обращено наше внимание, было начато тщательное расследование в соответствии с правилами и процедурами Лейбористской партии, и этот процесс все еще продолжается.»

Синтаксическое средство: пассивная конструкция.

Пример 2.

«John Tuckett was named last month as the Government's 'preferred candidate' for the role» [27].

«В прошлом месяце Джон Такетт был назван «предпочтительным кандидатом» для правительства на эту должность».

Синтаксическое средство: пассивная конструкция.

Пример 3.

«Mr Ryan was forced to issue an apology, saying he regrets his comments» [26].

«Мистер Райан был вынужден принести извинения, заявив, что сожалеет о своих комментариях».

Синтаксическое средство: пассивная конструкция.

Особо выделяется превалирование пассивных конструкций Present Continuous Passive, указывающих не только на смещение акцента с деятеля, но и на актуальность описываемой ситуации.

Пример 4.

«In fairness, Elizabeth didn't know it either – she was being manipulated as well» [28].

«Справедливо ради, Элизабет тоже этого не знала – ею тоже манипулировали».

Синтаксическое средство: пассивная конструкция Present Continuous Passive.

Пример 5.

«Leadbeater said the amendment would relieve the court system – as advised by expert witnesses – and add extra protection against people being coerced to end their lives» [29].

«Ледбитер заявил, что поправка разгрузит судебную систему – как советовали

свидетели-эксперты – и добавит дополнительную защиту от принуждения людей к самоубийству».

Синтаксическое средство: пассивная конструкция Present Continuous Passive.

Говоря о сослагательном наклонении, следует упомянуть, что оно используется преимущественно в оптативном значении (выражает желание говорящего), указывая на помыслы и мечты об изменении ситуации, возможности выхода из нее с наименьшими потерями.

Пример 6.

«The government believes its record on migration could help retain Labour voters tempted by Nigel Farage's party» [\[30\]](#).

«Правительство верит, что его данные о миграции могли бы помочь удержать избирателей-лейбористов, соблазнившихся партией Найджела Фараджа».

Синтаксическое средство: сослагательное наклонение в оптативном значении.

Пример 7.

«It wouldn't be done in private. It would be taking into account patient confidentiality but there would be public proceedings» [\[29\]](#).

«Это не было бы сделано в частном порядке. Это было бы сделано с учетом конфиденциальности пациента, но имело бы место публичное разбирательство».

Синтаксическое средство: сослагательное наклонение в оптативном значении.

Невозможно обойти стороной употребление модальных глаголов британскими СМИ для дискурсивного формирования британской национальной идентичности. Данное синтаксическое средство зачастую несет семантику возможности изменения ситуации в лучшую сторону.

Пример 8.

«Patients can also ask for a panel to sit in private, with the decision made by the panel chair» [\[31\]](#).

«Пациенты также могут попросить, чтобы комиссия провела заседание наедине, а решение будет приниматься председателем комиссии.»

Синтаксическое средство: модальный глагол «can», пассивная конструкция.

Пример 9.

«The amendments also set out that if someone refused an assisted death by a panel believes the decision was irrational, unfair or wrong under the law, they can appeal to the commissioner» [\[31\]](#).

«Поправки также устанавливают, что если кто-то, кому комиссия отказалась в оказании помощи при смерти, считает, что решение было иррациональным, несправедливым или неправильным с точки зрения закона, он может подать апелляцию уполномоченному лицу.»

Синтаксическое средство: модальный глагол «сан».

Нельзя не осветить в данной работе такое не столь частотное, но важное для формирования национальной британской идентичности синтаксическое средство, как анафора. Она представляет собой синтаксический прием построения стоящих рядом предложений по одному и тому же образцу, выстраивая таким образом параллельную синтаксическую конструкцию. Данный прием используется как для подчеркивания ключевых моментов в тексте, так и для лучшей его ритмической организации.

Пример 10.

«She debuted the tailored single-breasted design at the Easter Sunday service in Windsor 17 years ago. She dusted it off again for Royal Ascot in 2009 and then a decade later wore it for the wedding of Lady Gabriella Windsor and Thomas Kingston at St George's Chapel in Windsor» [\[32\]](#).

«Она впервые представила сшитый на заказ однобортный костюм на пасхальной воскресной службе в Виндзоре 17 лет назад. Она снова надела его на церемонию «Royal Ascot» в 2009 году, а затем, десять лет спустя, надела на свадьбу леди Габриэллы Виндзор и Томаса Кингстона в часовне Святого Георгия в Виндзоре.»

Синтаксическое средство: анафора.

Пример 11.

«Obviously the chancellor, like every cabinet member, has been through that process. The process is governed by the independent adviser. Obviously I can't get into detail» [\[33\]](#).

«Очевидно, что канцлер, как и каждый член кабинета, прошел через этот процесс. Процессом руководит независимый советник. Очевидно, я не могу вдаваться в подробности.»

Синтаксическое средство: анафора, пассивная конструкция.

Заключение, сделанное на основе результатов практической части исследования, выглядит следующим образом: синтаксические средства зачастую несут в себе подтекст как ухода от ответственности (пассивные конструкции), так и надежды на изменение ситуации и на более удачный исход дела (сослагательное наклонение, употребление модальных глаголов). Также следует выделить не столь частотные синтаксические конструкции, использующиеся британскими СМИ для связности текста и удержании внимания читателя, например, анафору. Результаты данного исследования подтверждают результаты исследований лексических и семантико-риторических средств выражения британской национальной идентичности, проведенные автором ранее, и указывают на ярко выраженный кризис национальной идентичности Великобритании [\[12\]](#), [\[13\]](#).

Исходя из результатов исследования можно сделать следующие **выводы**:

В процессе исследования рассматривались теоретические аспекты национальной британской идентичности, были описаны ее характерные черты и функционирование в статьях онлайн-изданий Великобритании. Анализ данного материала позволил создать теоретическую базу работы, выявить основные особенности дискурсивного функционирования национальной британской идентичности на данном этапе развития общества Великобритании. Большая часть ученых сходится во мнении, что британская

национальная идентичность находится в кризисном состоянии, несмотря на старания кампаний по Пробрекситу.

Далее были описаны синтаксические средства и их вклад в формирование национальной британской идентичности. Анализ синтаксических средств англоязычного политического дискурса показал, что они используются, в первую очередь, в качестве подчеркивания ключевой информации в тексте для ее лучшего усвоения реципиентом.

В практической части исследования анализировались статьи онлайн-изданий Великобританий на наличие синтаксических дискурсивных средств формирования британской национальной идентичности (январь – февраль 2025 г.), что позволило сделать выборку самых частотных синтаксических средств, проклассифицировав и описав их в практической части исследования.

В завершение практической части исследования был проведен анализ результатов и были выявлены частотные синтаксические дискурсивные средства формирования британской национальной идентичности: пассивные конструкции (30 – «The Guardian», 36 – «Daily Mail»), сослагательное наклонение (23 – «The Guardian», 15 – «Daily Mail»), и использование модальных глаголов (10 – «The Guardian», 20 – «Daily Mail»). Выбранные британскими СМИ для дискурсивного формирования британской национальной идентичности синтаксические средства зачастую несут в себе подтекст ухода от ответственности (пассивные конструкции), надежды на изменение ситуации и на более удачный исход дела (сослагательное наклонение, употребление модальных глаголов). Таким образом было выявлено, что кризис национальной идентичности Великобритании все еще актуален для британского социума.

Перспективой исследования является изучение интертекстуальности и интердискурсивности как способа конструирования дискурсивного выражения британской национальной идентичности.

Библиография

1. Казаков И. В. Конструирование британской национальной идентичности в контексте Брекзита: эволюция дискурса премьер-министров Великобритании // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2021. Т. 15. № 1. С. 109-118. – DOI: 10.17072/2218-1067-2021-1-109-118. EDN: OSWWCK.
2. Корниенко О. Ю. Базовые ценности Великобритании вчера и сегодня // Ценности и смыслы. 2020. № 5. С. 60-73. – DOI: 10.24411/2071-6427-2020-10045. EDN: GXTVYZ.
3. Ashcroft R. T., Bevir M. Brexit and the Myth of British National Identity // British Politics. 2021. № 16. Р. 117-132. – DOI: 10.1057/s41293-021-00167-7. EDN: NCUUBK.
4. Атапин Е. А. Влияние партии независимости Соединенного Королевства на английскую национальную идентичность на современном этапе // Вестник НВГУ. 2022. № 2. С. 4-9. – DOI: 10.36906/2311-4444/22-2/01. EDN: YPSXME.
5. Игнатьева Е. С. Языковая ситуация в Великобритании как отражение национального самосознания // Экология языка и коммуникативная практика. 2019. № 2. С. 12-17. – DOI: 10.17516/2311-3499-053. EDN: FAOAIZ.
6. Малкин С. Г. Образовательная политика и формирование британской идентичности на национальных окраинах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Исторические науки. 2021. № 4. С. 66-71. – DOI: 0.37313/2658-4816-2021-3-4-66-71. EDN: YHHWAP.
7. Painter C. Reconstructing British identity: Formula One, Michael Schumacher and the British Press at the turn of the century // Language and Intercultural Communication. 2024.

- № 2. Р. 77-89. – DOI: 10.1080/14708477.2023.2250751.
8. Honeyman V. The Johnson factor: British national identity and Boris Johnson // British Politics. 2023. № 18. Р. 40-59. – DOI: 10.1057/s41293-022-00211-0. EDN: TSWNBY.
9. Tranter B., Donoghue J. Embodying Britishness: National identity in the United Kingdom // Nations and Nationalism. 2021. Р. 992-1008. – DOI: 10.1111/nana.12730. EDN: GXHQNO.
10. Гарсия-Каселес К., Маленкова А. А. Лексико-когнитивные особенности концепта Brexit / Брексит в контексте современного английского и Европейского политдискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. № 9. С. 203-207. – DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.37. EDN: LXEZVY.
11. Record O., Edverton F. British nationalism in the era of integration // International Tax and Public Finance. 2022. № 1. Р. 139-145.
12. Власова В. В. Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: семантико-риторический аспект // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 1. С. 254-259. – DOI: 10.30853/phil20250038. EDN: AGPKZV.
13. Власова В.В. Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: лексический аспект // Филология: научные исследования. 2024. № 4. С. 57-72. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70508 EDN: PYQYHY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70508
14. Савельева И. В. Непрофессиональный политический дискурс: лингвопрагматический и лингвоперсонологический аспекты. Монография. СПб: Наукомкие технологии, 2021. 139 с. EDN: NRPILL.
15. Алёшина Е. Ю., Голова Д. Д. Британская политическая риторика в ракурсе культуро специфиности // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. № 4. С. 160-180. – DOI: 10.46539/gmd.v5i4.426. EDN: EWXUAQ.
16. Мельничук М. В., Стародубцева Е. А. Использование языка как инструмента управления обществом (опыт зарубежных стран) // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 6. С. 63-71. – DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71. EDN: KCYOYN.
17. Abrahamyan S., Banshchikova M. Peculiarities of Argumentative Strategies of Modern English Political Discourse // Functional Approach to Professional Discourse Exploration in Linguistics / E. Malyuga. Singapore: Springer, 2020. Рр. 165-198.
18. Попова Т. Г., Лоскутова С. В. Актуализация значений лексической единицы в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2022. № 4. С. 90-94. – URL: <https://politlinguistika.ru/archive/2022/4-2022/aktualizatsiya-znachenij-leksicheskoy-edinitcy-v-politicheskem-diskurse>. EDN: RJBYOU.
19. Шеховцова Е. Е. Латинские выражения в дискурсе политиков Великобритании // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 1. С. 120-126. EDN: PXSUVL.
20. Катермина В. В., Шершнева Н. Б. Префиксы латино-греческого происхождения в англоязычном неологическом дискурсе // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16. № 4. С. 542-547. – DOI: 10.30914/2072-6783-2022-16-4-542-547. EDN: UTOEXV.
21. Середина Е. В. Роль синтаксических средств в политической карикатуре // Научный журнал КубГАУ. 2013. № 91. С. 1780-1789. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20678999&ysclid=m788oszftx942348709>.
22. Гусейнова Р. Ф. Влияние типов и жанров дискурса на выбор некоторых синтаксических средств // ELS. 2023. № 9. С. 314-319.
23. Хасanova Н. Ф., Гильмутдинова И. З., Закирова Р. Р. Синтаксические средства выражения экспрессивности (на материале англоязычной прессы) // Филологические

- науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-1 (61). С. 141-144. – URL: <https://www.gramota.net/article/phil20161544/fulltext>. EDN: VZANMN.
24. Матыцина М. С. Динамика развития англоязычного иммиграционного дискурса: дис. док. филолог. наук / М. С. Матыцина. – Белгород, 2020. – 340 с.
25. Гавриленко Н.В. "Страх" как фактор дезинтеграции: концептуальное осмысление британо-европейских отношений в контексте Брекзита // Международные отношения. 2023. № 2. С. 18-35. DOI: 10.7256/2454-0641.2023.2.41052 EDN: RHRVW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41052
26. Davies E. J., Ellicott C. Labour suspends 11 councillors over vile WhatsApp group where messages mocked pensioners and made misogynistic, anti-Semitic and homophobic remarks // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14386065/Labour-suspends-11-councillors-WhatsApp-group-messages-mocked-pensioners-misogynistic-homophobic.html>.
27. Barrett D. Labour's new borders watchdog will WFH...in Finland! Tories blast 'totally ludicrous' proposal by Government's choice for chief inspector // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14386715/Labours-new-borders-watchdog-WFH-Finland.html>.
28. Wilson Ch. CHRISTOPHER WILSON: How the Queen Mother's true love was forced out of the picture while she was pushed into an arranged marriage // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/royals/article-14345635/Queen-Motherpushed-arranged-marriage.html>.
29. Elgot J. Kim Leadbeater: assisted dying bill will still have world's strongest safeguards // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/society/2025/feb/11/kim-leadbeater-assisted-dying-bills-strongest-safeguards>.
30. Rajeev S. Deportation footage 'enables mainstreaming of racism', Clive Lewis says // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2025/feb/10/deportation-footage-mainstreaming-racism-clive-lewis-labour>.
31. Walker P. Assisted dying bill critics attack plan for 'civil service tsar' to oversee panels // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/society/2025/feb/14/assisted-dying-bill-critics-attack-plan-for-civil-service-tsar-to-oversee-panels>.
32. Rubins M., Absalom R. Revealed: How Princess Anne revived 55-year-old outfit to attend Six Nations match at Murrayfield // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-14352027/princess-anne-fashion-six-nations.html>.
33. Adu A., Elgot J. Rachel Reeves accused of 'cavalier attitude' to expenses during banking career // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2025/feb/13/rachel-reeves-career-retail-banking-cv-inaccuracies-keir-starmer>.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Вопрос, рассматриваемый в рецензируемой статье, касается проблемы дискурсивного формирования национальной идентичности Великобритании. Как отмечает автор данного труда, «говоря о современных исследованиях национальной британской идентичности, необходимо отметить, что такого рода исследования характерны для разных областей гуманитарного знания. В данном исследовании представлено изучение синтаксической стороны дискурсивного формирования национальной британской идентичности». Цель и

задачи исследования конкретизированы: «Задачи исследования определены следующим образом: описать аспекты национальной идентичности современного британского социума и ее функционирования в политическом дискурсе; рассмотреть дискурсивное функционирование синтаксических средств; провести выборку синтаксических средств в текстах британских онлайн-изданий за период январь – февраль 2025 г. и осуществить их классификационное описание; провести анализ результатов исследования». Считаю, что в целом работа имеет завершенный вид, ее научная новизна оправдана. Не вызывает серьезных нареканий лингвистическая база труда, также теоретическая основа исследования: «сочинение строится на основе дискурсивных исследований Е. Е. Шеховцовой, С. Абрахамяна, М. Банщиковой, В. В. Катерминой, Н. Б. Шершневой, И. В. Савельевой, К. Гарсия-Каселес, А. А. Маленковой, М. В. Мельничук, Е. А. Стародубцевой, Е. Ю. Алешиной, Д. Д. Головой, Т. Г. Поповой, С. В. Лоскутовой. Также происходит рассмотрение различных аспектов национальной британской идентичности в теоретической части исследования с помощью трудов Б. Трантера, Дж. Донога, О. Ю. Корниенко, Р. Т. Эшкрофта, М. Бевира, Е. А. Атапина, Ф. Эдвертона, О. Рекорда, И. В. Казакова, С. Г. Малкина, В. Хонейманн, Е. С. Игнатовой, К. Паинтера. Аспект исследования, посвященный синтаксическим дискурсивным средствам, описывается с помощью трудов М. С. Матыциной, Н. В. Гавриленко, Н. Ф. Хасановой, И. В. Гильмутдиновой, Р. З. Закировой, Е. В. Серединой, Р. Ф. Гусейновой, раскрывающих синтаксические дискурсивные средства во всем их многообразии». Материал удачно компилирован, общие системные принципы выдержаны; методы анализа актуальны. Стиль соотносится с собственно научным типом: например, «Национальная идентичность формируется и трансформируется преимущественно дискурсивно [14]. Современные дискурсивные исследования рассматривают дискурс с точки зрения культуро специфиности [15]. Господствующий дискурс является оным из-за победы над другими, иной раз противоречащими по смыслу, дискурсами [16]. Британский политический дискурс считается скромным на эмоции, но политики все же иногда прибегают и к эмоциональным ценностным аргументам. Таким образом, Т. Мэй обосновала необходимость сохранения единства страны с «чувством долга перед порастающим поколением» [17]», или «Пассивные конструкции как способ смещения внимания с деятеля и ослабления причинно-следственной связи между деятелем и процессом распространены в политическом дискурсе британских СМИ. Таким образом, Н. В. Гавриленко отмечает тот факт, что еврооптимисты употребляли привычные пассивные конструкции во время кампании перед Brexitом, в то время как евроскептики в своей речи выделяли местоимение «мы» и отождествляли тем самым себя с избирателями, что и позволило им одержать победу [25]» и т.д. Аналитика рассмотрения вопроса распространена на все исследование; серьезная правка текста излишня. Примеров иллюстрирующих рассматриваемую проблему достаточно: «Пример 3. «Mr Ryan was forced to issue an apology, saying he regrets his comments» [26]. «Мистер Райан был вынужден принести извинения, заявив, что сожалеет о своих комментариях». Синтаксическое средство: пассивная конструкция. Особо выделяется превалирование пассивных конструкций Present Continuous Passive, указывающих не только на смещение акцента с деятеля, но и на актуальность описываемой ситуации». Тема работы раскрыта; общие выводы ориентированы на то, что «в процессе исследования рассматривались теоретические аспекты национальной британской идентичности, были описаны ее характерные черты и функционирование в статьях онлайн-изданий Великобритании. Анализ данного материала позволил создать теоретическую базу работы, выявить основные особенности дискурсивного функционирования национальной британской идентичности на данном этапе развития общества Великобритании. Большая часть ученых сходится во мнении, что британская национальная идентичность находится в

кризисном состоянии, несмотря на старания кампаний по Пробрекситу». Фактические данные введены без искажений, думаю, что материал уместно использовать в вузовской практике. Список источников полновесен, актуальность работ не вызывает сомнений. Рекомендую статью «Дискурсивное формирование национальной идентичности Великобритании: синтаксический аспект» к публикации в журнале «Филология: научные исследования».

Англоязычные метаданные

The interaction of genres in memoir-autobiographical texts and its influence on translation

Mukhin Nikita Andreevich

Lecturer; Department of English; Moscow State Linguistic University

62 Usacheva str., Moscow, 119048, Russia

 muhaniksan@gmail.com

Abstract. The object of the research is the complex genre nature of original and translated memoir-autobiographical texts. The author examines in detail the features of the original text resulting from the interaction of genres characteristic of memoir-autobiographical texts, as well as the patterns of their transmission in the translation process. The original and translated texts of B. Clinton's autobiography "My Life" are used as the research material. The issue of boundaries between the genres of memoirs and autobiography is touched upon, since their correlation with the phenomenon of genre interaction determines the representativeness of the studied material. The violations of the adequacy and equivalence of the translation identified during the comparative analysis are analyzed. Explanations of possible causes of translation errors are considered. Other translation options are offered, which take into account the complex genre nature of the original text. The continuous sampling method is used to select material from the original and translated texts. In the future, a comparative analysis of this material is carried out. The scientific novelty of this study is due to the fact that, despite the interest of researchers in the phenomenon of genre hybridization in biography, memoirs and autobiography, at the moment its influence on translation has been poorly studied. At the same time, memoirs and autobiographies are of particular interest from the point of view of translation studies. This is due to the fact that idiosyncrasy, refracted in various genre forms, turns out to be significant for the realization of the communicative intent of the author's narrative of himself. The main conclusion of the study is that the difficulty for translators lies not in the switching of genres itself, but the resulting heterogeneity of the text, which complicates the work with special vocabulary, means of expressive language and markers of socio-cultural conditions of the time. Translators encounter these difficulties regularly, but in the context of hybridization, which refracts the author's idiosyncrasy, in order to achieve the adequacy of the translation, the translator requires great concentration in analyzing the text.

Keywords: language for specific purposes, idiosyncrasy, polygenre, genre hybridisation, genre interaction, translation, expressive means of language, autobiography, memoirs, social and cultural conditions

References (transliterated)

1. Kostomarov P.I. Antropotsentrizm kak vazhneishii priznak sovremennoi lingvistiki // SibSkript. 2014. № 2 (58). S. 198-203.
2. Levitskii A.E. Antropotsentrizm sovremennoi funktsional'noi lingvistiki // Vestnik LGU im. A.S. Pushkina. 2010. № 1. S. 74-77.
3. Zhuravleva E.A. Pragmalingvisticheskie sredstva realizatsii kategorii avtora v politicheskikh memuarakh // Russian Journal of Education and Psychology. 2014. № 6

(38). S. 16-39.

4. Farafonova O.A. Zaglaviya russkikh memuarov XVIII – nachala XIX v. kak metatekstovy element povestvovaniya // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 3. S. 122-136. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.3.70225 EDN: MJIUQU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70225
5. Kozlova O.V. Avtorskie strategii v metatekste biografii // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2009. № 2. S. 164-168.
6. Levchenko I.A. Narrativ khudozhnika v avtobiograficheskem diskursivnom prostranstve: spetsifika verbalizatsii // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2022. T. 91, № 2. S. 53-59.
7. Kireeva N.V. Avtobiografiya v postmodernistskoi literature SShA: priklyucheniya zhanra / N.V. Kireeva // Metamorfozy zhanra v sovremennoi literature: Sbornik nauchnykh trudov. Moskva: Institut nauchnoi informatsii po obshchestvennym naukam RAN, 2015. S. 306-336.
8. Rarenko M.B. Biografiya: Evolyutsiya i gibridizatsiya zhanra: Analiticheskii obzor. M.: INION RAN, 2017.
9. Rak J. Are Memoirs Autobiography? A Consideration of Genre and Public Identity // Genre. 2004. Vol. 37, No. 3-4. P. 483-504.
10. Pavlova S.Yu. Memuarno-avtobiograficheskie zhanry: k probleme granits // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. 2008. T. 8, № 1. S. 59-62.
11. Cherkashina T.Yu. Memuarnaya avtobiografiya i avtobiograficheskie memuary: skhozhest' i razlichie ponyatii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2014. № 3-1 (33). S. 196-199.
12. Damilova N., Baatyrbekova E., Zakirova B. Zhanrovye osobennosti memorial'nykh proizvedenii // Byulleten' nauki i praktiki. 2022. T. 8, № 6. S. 803-807.
13. Pascal R. Design and Truth in Autobiography. Cambridge: Harvard University Press, 1960.
14. Weintraub K. The Value of the Individual: Self and Circumstance in Autobiography. Chicago: University of Chicago Press, 1978.
15. Jay P. Being in the Text: Self-Representation from Wordsworth to Roland Barthes. London: Cornell University Press, 1984.
16. Cox J.M. The Memoirs of Henry James: Self-Interest as Autobiography // Studies in Autobiography. In Studies in Autobiography. Olney, James (ed.). New York: Oxford University Press, 1988. P. 3-23.
17. Gavrilova M.V. Inauguratsionnaya rech' // Diskurs-Pi. 2013. № 3(13). S. 115-116.
18. Shcherbak I.V. Stilisticheskie osobennosti inauguratsionnykh vystuplenii izbrannyykh prezidentov SShA // Gumanitarnye i sotsial'nye nauki. 2019. № 4. S. 171-181.
19. Temchenko Yu.G. Osobennosti zhanra inauguratsionnoi rechi v SShA i v Rossii (na primere rechei D. A. Medvedeva i B. Obamy) // Vestnik magistratury. 2013. № 7(22). S. 81-82.
20. Neimark M.A. Messianstvo i gegemoniya v sovremennoi geopolitike: amerikanskii eksklyuziv // Obozrevatel' Observer. 2023. № 1(396). S. 6-16.

Features of lexical and semantic compatibility of the derived preposition "about" in modern Russian

ZHANG QIAOHUA

Postgraduate student, Department of Russian Language and Literature, Far Eastern Federal University

Russian Island str., Ajax, 7.1, Primorsky Krai, 690922, Russia

✉ qiaohua@mail.ru

Abstract. In modern Russian, studies of service words are actively conducted, the task of which is to establish all the semantic and syntactic properties of each individual service unit. The object of this study is the preposition "about". The subject of the study is the lexical compatibility and semantics of this preposition. The purpose of the study is to establish the specifics of the compatibility of the preposition "about" and to identify the relationship of compatibility with the meaning of the preposition. In the article, the author analyzes the formulations of the meaning of the preposition "about" in dictionaries of the Russian language in terms of their similarities and differences. The main attention is paid to the identification of lexico-semantic groups into which vocabulary is combined, occupying the positions of the right and left components of the structure organized by the preposition, and on this basis, a conclusion is drawn about the relationship between the semantic specificity of the preposition "about" and its compatibility. The study uses a descriptive method, with the inclusion of contextual analysis techniques. The source of the material is the National Corpus of the Russian Language. As a result of the analysis of the vocabulary of the left component of the prepositional construction, it was found that the main common semantic feature of verbs of all lexico-semantic groups is speech-thinking activity aimed at an object called the genitive form, which occupies the position of the right component of the construction. At the same time, the analysis of vocabulary, which occupies the position of the right component, shows that the object of the speaker's speech-thinking activity can be any object of the surrounding reality, related to both the material and non-material world. In addition, the analysis showed that the preposition "about" always connects the sentence in which it is located with the previous context. The study found that the prepositional case form with the preposition "about" always indicates a situation, regardless of whether objective or non-objective nouns occupy the position of the right component of the construction. The novelty of the research lies in the fact that for the first time the connection between the specificity of the compatibility of the preposition "about" and its semantics has been determined and formulated.

Keywords: subject nouns, context, right component, left component, lexical-semantic group, lexical compatibility, semantics, preposition, functional words, non-subject nouns

References (transliterated)

1. Babenko L.G. Tolkovy slovar' russkikh glagolov: ideograficheskoe opisanie. M.: AST-Press, 1999. 704 s.
2. Bol'shoi tolkovy slovar' russkogo yazyka. / Sost. i gl. red. S. A. Kuznetsov. SPb.: "Norint", 2000.
3. Vinogradova E.N., Klobukova L.P. Predlog: bol'shie problemy malen'koi chasti rechi // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkii i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya. 2017. Tom 15. № 3. S. 299-316.
4. Vsevolodova M.V., Kukushkina O.V., Polikarpov A.A. Russkie predlogi i sredstva predlozhnogo tipa: materialy k funktsional'no-grammaticheskому opisaniyu real'nogo upotrebleniya / Pod obshch. red. M.V. Vsevolodovoi. M.: URSS, 2014. 304 s.
5. Vei Khueimin'. Funktsional'no-semanticheskie svoistva sluzhebnykh edinits s bazovym

- komponentom "primer": diss. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2022. 123 s.
6. Gavrilenko V. V. Predlozhnye novoobrazovaniya sravnitel'noi semantiki, postroennye po modeli "v+N6": usloviya grammatikalizatsii: diss. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2020. 159 s.
 7. Derbeneva O. D. Predlozhnye novoobrazovaniya protivitel'noi semantiki ("v protivopolozhnost'", "v protivoves", "v protivopostavlenii"): diss. ... kand. filol. nauk. Vladivostok, 2024. 147 s.
 8. Ob"yasnitel'nyi slovar' russkogo yazyka. Pod redaktsiei V.V. Morkovkina. Moskva: Astrel', AST, 2002. 432 s.
 9. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii / Rossiiskaya akademiya nauk. Institut russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova. 4-e izd., dopolnennoe. M.: OOO "A TEMP", 2006.
 10. Russkii semanticheskii slovar'. Tolkovyj slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znachenii / pod obshch. red. N.Yu. Shvedovoi. M.: Azbukovnik, 2003. T. 1-4.
 11. Slovar' russkogo yazyka: V 4-kh t. T. 3. P-R / AN SSSR, In-t rus. yaz.; pod. red. A.P. Evgen'evoi. M.: Russkii yazyk, 1986. 736 s.
 12. Tolkovyj slovar' russkogo yazyka: v 4 t. T. 4 / Pod red. D. N. Ushakova. Moskva: Gos. izd-vo inostrannykh i natsional'nykh slovarei, 1940. – 1502 stb.
 13. Cherkasova E.T. Perekhod polnoznachnykh slov v predlogi. M.: Nauka, 1967. 280 s.
 14. Chen' Syuetsin. Grammatikalizatsiya sochetanii s predlogom po: diss. ... kand. filol. nauk. Moskva, 2024. 213 s.
 15. Sheremet'eva E.S. Otymennye relyativy sovremennoj russkogo yazyka. Semantiko-sintaksicheskie etyudy: monografiya. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevostochnogo universiteta, 2008. 236 s.
 16. Shiganova G.A. Sistema leksicheskikh i frazeologicheskikh predlogov v sovremennom russkom yazyke. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2001. 318 s.

Gender studies in comparative linguistics (Russian and Chinese languages)

Dubyaga Anastasiya Mikhailovna

Postgraduate student; Department of Theory of Language, English and Applied Linguistics; State University of Education

58 Biryulevskaya str., office 90, Moscow, 115547, Russia

✉ anastasiya.dubyaga.96@mail.ru

Abstract. In the last decade of the 20th century such categories as "gender", "ethnicity" and "age" gradually begin to move away from the single interpretation of "biologically determined" and begin to be interpreted differently, considered in a broader sense. In connection with this fact, in the scientific world, gender studies are one of the rapidly developing areas. The article is devoted not only to the analysis of existing developments in the field of gender research in comparative linguistics on the basis of the Russian and Chinese languages, but also to the subsequent comparison of the main trends observed in linguistic genderology. The authors analyzed and identified two main periods in the formation of gender studies - biological determinism and gender studies. The article also describes the transition period that served as the basis for modern gender studies. The main purpose of this article is to review research

works on the study of gender in the Russian and Chinese languages for the purpose of comparison. Conducting the research, such general logical research methods as analysis and subsequent synthesis of material were used. The novelty of the research lies in the comparison of existing developments and methods of work in the field of gender studies in comparative linguistics on the basis of Russian and Chinese languages. The conclusions describe the main trends in the development of gender studies. The first trend is to identify the linguistic significance of the gender approach in linguistics as a whole. The second trend is devoted to establishing the role of the so-called extralinguistic reality in the process of forming gender itself. Gender studies in the Chinese language are aimed at studying gender in the theoretical aspect. Also, the works often compare the role and status of men and women in society for differences.

Keywords: gender identity, gender role, stereotype, theoretical status of "gender", Chinese linguistics, Russian linguistics, comparative linguistics, gender researches, gender, sex

References (transliterated)

1. Antineskul O. L., Dvinyaninova G. S. Statusnye roli govoryashchikh i ikh rech' : (Na materiale angl. yaz.) : Ucheb. posobie po spetskursu. M.: Perm', 1998.
2. Barashyan V. K. Gendernaya sistema v sotsial'no-filosofskoi refleksii // Izvestiya vuzov. Severo-Kavkazskii region. 2011. № 5. S. 5-9.
3. Van Min'. Gendernye issledovaniya v kitaiskoj lingvistike // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2016. № 4. S. 49-57.
4. Goroshko E. I. Gendernaya problematika v yazykoznanii // Vvedenie v gendernye issledovaniya: ucheb. posobie: v 2-kh ch. / pod red. I. Zhrebkinoi. M.: SPb.: Aleteiya, 2001.
5. Grishaeva L. I. Konstruirovaniye gendernoj identichnosti yazykovymi sredstvami // Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2008. № 1. S. 136-138.
6. Dyuzhina A. G. Razvitie gendernykh issledovanii v lingvistike // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2009. № 8. S. 138-140.
7. Kirilina A. V. Osveshchenie svyazi yazyka i pola v istorii lingvistiki // Teoriya i metodologiya gendernykh issledovanii: kurs lektsii / pod obshch. red. O. A. Voroninoi. M.: Moskovskii tsentr gendernykh issledovanii, 2001.
8. Kirilina A. V. Gender: lingvisticheskie aspekty. M.: Institut sotsiologii RAN, 1999.
9. Kirilina A. V., Tomskaya M. V. Lingvisticheskie gendernye issledovaniya // Otechestvennye zapiski. 2005. № 2. S. 3-4.
10. Machulis A. A., Mazirka I. O., Lukin D. S. Yazykovye sredstva vyrazitel'nosti kak determinanty pri razgranichenii feminnosti i maskulinnosti v politicheskoi kommunikatsii v Uel'se // Rossiiskii sotsial'no-gumanitarnyi zhurnal. 2023. № 4. S. 219-239.
11. Polevaya I. V. Vliyanie pola i obrazovaniya na formirovanie gendernykh rechevykh stereotypov // Vestnik TGU. Seriya: Filologiya. 2014. № 1. S. 142-146.
12. Smeyukha V. V. Transformatsiya funktsional'nykh osobennostei zhenskikh zhurnalov v istoricheskem kontekste // Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie. 2011. № 1. S. 50-54.
13. Stashkova M. A. (Kirsanova M. A.) Rol' antiposlovits s gendernym komponentom v formirovaniyu yumoristicheskogo obraza zhenschchiny (na materiale russkogo i angliiskogo yazykov) // Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya

- kommunikatsiya. 2020. № 3. S. 87-102.
14. Khotkina Z. A. Gendernym issledovaniyam v Rossii - 10 let // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2000. № 4. S. 21-22.
 15. Chzhou Min'chuan'. Ob issledovanii gendernykh stereotipov v Rossii // Russkii yazyk v Kitae. 2012. № 4. S. 24-28.
 16. Chen' Yao. Etnokul'turnye i genderne stereotipnye predstavleniya ob intellekte: kitaitsy i russkie // Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya. 2022. № 1. S. 81-95.
 17. Jespersen O. The Woman // The Feminist Critique of Language / Ed. by D. Cameron. London, 1998.

Cosmo-Psycho-Logos of the Erzya People in the Epic "Mastorava"

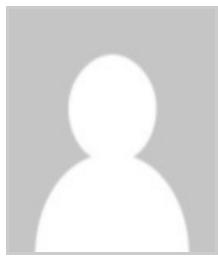
Sharonova Elena Alexandrovna

Doctor of Philology

Professor, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Mordovia State University

430034, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Bolshevikskaya str., 68, office 503

 sharon.ov@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the cosmo-psycho-logos of the Erzya people, expressed in "Mastorava" as a literary form of the epic. The national image of the people is encoded in the cosmo-psycho-logos. It is most fully expressed in the national epic, which contains the maximum information about the people, their mental, psychological, linguistic, cultural, geographical, and historical portrait. The national image is formed in "Mastorava" from the image of the land, the images of gods and national heroes, the reflection of the specifics of the historical existence of the people, their historical preferences and antipathies, characteristics of their historical thinking, and so on. Most importantly, it is derived from the image of national worldview encoded in the language of the people. "Mastorava" was originally written in the Erzya language, and the existence in the space of the native language is natural for the people, as it realizes the meanings that constitute their idea and image. The methodology of the study is based on the principles of domestic comparative-historical literary studies and folklore, embodied by Bakhtin, Gatchev, Sharonov, Bakhtikireeva, Arzamazov, and others. The work employs cultural-historical, mythopoetic methods, and a comprehensive analysis of the artistic work, creating a broad problematic field for research. The scientific novelty of the research lies in the fact that it is the first time the cosmo-psycho-logos of the Erzya people in the epic "Mastorava" is examined. As a result of the study, we concluded that in "Mastorava," alongside the voice of the people, the voice of its author is heard, their representation of the people interweaving into its CPL, changing the outlines created by folklore and complementing them with the uniqueness of its own CPL, which qualitatively complicates them. The sound of the voice of the people and the sound of the poet's voice hold independent value, but their fusion gives rise to polyphony, forming the objective voice of the nation. Reflections on the problem of the CPL of the Erzya people in "Mastorava" by A.M. Sharonov led to the conclusion that in the literary epic, the CPL of the people, recorded in the authentic epic, intertwines with the author's CPL and, enhancing each other's sound, creates a more complete portrait of the ethno. It is evident that the author reflects in his people just as the people reflect in the author, who is their ethnophore. The results of the study can be used in the comparative study of the folklore and literature of the peoples of Russia.

Keywords: image of the people, A.M. Sharonov, poet ethnophore, Erzya people, Mastorava, book form of the epic, G.D. Gachev, cosmo-psycho-logos, national mentality, pantheon

References (transliterated)

1. Gachev G.D. Kosmo-psikho-logos: Natsional'nye obrazy mira. M.: Akademicheskii proekt, 2015.
2. Sharonova E. A., Osmukhina O. Yu. The mythological plots about the creation of the world and human beings in the Erzyan epic Mastorava // Revista de letras. 2016. Vol. 56. № 1. Pp. 83-102.
3. Nusubalieva G. B. Filosofiya zhizni, smerti i sud'by v eposakh narodov mira i epose "Manas" // Vestnik Kyrgyzstana. 2021. № 1-2. S. 65-72. DOI: 10.33514/BK-1694-7711-2021-1(2)-65-72 EDN: DCWNYA.
4. Turduguv A. T. Epos "Manas" i drugie eposy tyurkskikh narodov kak etnokul'turnaya tsennost' (cherez prizmu traditsii i obychaev) // Vestnik Kyrgyzstana. 2022. № 2-1. S. 47-52. DOI: 10.33514/BK-1694-7711-2022-2(1)-47-52 EDN: PJJHBE.
5. Dzhuraeva D. R. Epos kak istoricheskii pervoistochnik filosofskikh vozzrenii // Izvestiya Instituta filosofii, politologii i prava imeni A. Bakhovaddinova Akademii nauk Respublikи Tadzhikistan. 2018. № 4. S. 71-76. EDN: YNVXUZ.
6. Arzamazov A. A. Khudozhnik, sozdavshii epos. Otzyv na epos "Mastorava" A. M. Sharonova // Sharonov A. M. Mastorava: izdanie 4-e, ispravленное и дополненное. Saransk: izd-vo Mordov. un-ta, 2020. 500 s // Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovanii. 2020. T. 14, № 3. S. 557-559. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-557-559 EDN: NDNUXS.
7. Gagaev A. A., Gagaev P. A. "Mastorava" A. M. Sharonova v lingvisticheskoi teorii diskursa i teksta // Russkii yazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve Yuga Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy: Sbornik materialov XI Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati Zasluzhennogo deyatelya nauki Adygei i Kubani, professora Rozy Yusufovny Namitokovoi, Maikop, 20-23 dekabrya 2017 goda. Maikop: Izd-vo "Magarin O.G.", 2017. S. 140-145.
8. Gagaev A. A., Gagaev P. A., Tikhonov R. V., Bochkareva O. V. Filosofiya "Mastoravy" A. M. Sharonova // Filosofiya i priroda, kosmo-psikhologicheskaya model' russkoi skazki: V 3-kh knigakh. Kniga III. Saransk: Tipografiya "VASH FORMAT", 2016. S. 78-86.
9. Kudryavtseva R. A., Kuznetsova M. N. Mordovskii epos "Mastorava" A. Sharonova (k voprosu o tipologicheskikh chertakh knizhnoi formy eposa finno-ugorskikh narodov) // Vestnik ugrovedeniya. 2020. T. 10, № 3. S. 479-488. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-479-488 EDN: FBBDAG.
10. Naumkin V. V., Sharonova E. A. "Mastorava"-kosmos i sotsium // Mastorava: 5-e izdanie, ispravленное и дополненное. Saransk: Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respublikи Mordoviya "Nauchnyi tsentr sotsial'no-ekonomicheskogo monitoringa", 2022. S. 3-15.
11. Sharonova E. A., Ingl O. P. Obraz Zhizni v epope "Mastorava" A. M. Sharonova // Finno-ugorskii mir. 2022. T. 14, № 4. S. 486-494. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.486-494 EDN: FXFUTS.
12. Bakhtikireeva U. M. Georgii Gachev i ego metod myshleniya: menyaya cheloveka i mir // Novye issledovaniya Tuvy. 2024. № 4. S. 6-19. DOI: 10.25178/nit.2024.4.1 EDN: NDDQUK.

13. Ostapova E. V. Ob izuchenii knizhnoi formy eposa v vuzovskom kurse "Istoriya literatury finno-ugorskikh narodov" // Aspekty sokhraneniya kul'turnogo naslediya finno-ugorskogo mira: Sbornik statei po materialam dokladov Nauchno-prakticheskoi konferentsii, priurochennoi k 15-letiyu Assotsiatsii finno-ugorskikh universitetov, Syktyvkar, 09 dekabrya 2022 goda / Otv. redaktor N. N. Novikova. Syktyvkar: Syktyvkarskii gosudarstvennyi universitet im. Pitrima Sorokina, 2023. S. 37-42. EDN: TMDVWM.
14. Gachev G. D. Natsional'nye obrazy mira // Voprosy literatury. 1987. № 10. S. 156-191. EDN: VSHFQH.
15. Sharonov A. M. Mastorava: 5-e izdanie, ispravленное и дополненное. Saransk: Gosudarstvennoe kazennoe uchrezhdenie Respubliki Mordoviya "Nauchnyi tsentr sotsial'no-ekonomiceskogo monitoringa", 2022.
16. Mel'nikov P. I. (Andrei Pecherskii) Ocherki mordvy. Saransk: Mordov.kn.izd-vo, 1981.
17. Mordwinische Volksdichtung. VI Band. Im Auftrag der Finnisch-Ugrischen gesellschaft gesammelt von Ignatij Zorin. Durchgeschen und transkribiert von Heikki Paasonen. Übersetzt von Kaino Heikkila und Paavo Ravila. Herausgegeben von Martti Kanla. Helsinki, 1977.
18. Sharonov A. M., Sharonova E. A. Bilingvism v avtorskom perevode natsional'nogo eposa: na materiale "Mastoravy" // Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki. 2023. T. 20, № 2. S. 298-311. DOI: 10.22363/2618-897X-2023-20-2-298-311 EDN: LLLPRX.
19. Sharonova E.A., Savonina N.A. Ideya Vechnoi zhenstvennosti v poezii A. M. Sharonova (na materiale stikhotvoreniya «Valentina») // Litera. 2023. № 5. S.10-18. DOI: 10.25136/2409-8698.2023.5.40677 EDN: YQSLWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40677
20. Gudkova S. P. Obraz Erzyanii v poeticheskem osmyslenii A. M. Sharonova // Finno-ugorskii mir. 2020. T. 12. № 1. S. 107-109. EDN: YXSRUE.
21. Bakhtin M. M. Problemy poetiki Dostoevskogo. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016.

Functional-semantic features of "dynamic description"

Khandarkhaeva Irina

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of the Russian Language and General Language Studies at Buryat State University

670000, Russia, Respublika Buryatiya oblast', g. Ulan-Ude, ul. Smolina, 24a, of. 2208

 irina-68_68@mail.ru

Abstract. The subject of the study is "dynamic description," which is realized in texts of the type "description" and "narration." The analysis focused on the principles that allow us to determine the functional-semantic characteristics of "dynamic description" in literary texts. To identify these characteristics, the following genres of the "description" type were analyzed: descriptions of a person's appearance or portrait and nature. "Dynamic description" has so far remained outside the attention of researchers, despite its enormous text-forming potential. The relevance of this study lies in the fact that the status of such a type of text as "dynamic description" within the system of functional-semantic types of speech has not yet been defined, which predetermines the purpose of the work—to reveal the functional-semantic characteristics of "dynamic description" and to determine its place in the system of speech types using predicates with the semantics of states. In accordance with the set goal, a

semantic-contextual method based on the analysis of stative predicates, as well as the method of observation and description of linguistic facts, was employed. The methodological basis of the research consisted of works dedicated to the problem of text theory (O. A. Nechaev, N. B. Bessmertnaya, I. R. Galperin, M. P. Brandes) and functional grammar (A. A. Potebnja, Y. S. Maslov). The novelty of the research lies in the attempt to assert "dynamic description" as a distinct type of speech at the center of the opposition "description/narration," and the specificity of the functioning of stative predicates denoting changes in physical, psychological, or emotional states that construct this textual phenomenon and allow for an expansion of understanding of their text-forming role and functional possibilities. The main conclusions of the conducted research are as follows: during the analysis of descriptive genres (portrait, appearance of a person, nature), four types of "dynamic description" were identified: description of rapid change of state; description of slow change of state; description of cyclical action; description of change of state; the functional potentials of "dynamic description" were identified. It was concluded that in literary texts, "dynamic description" is a fairly frequent phenomenon that requires thorough investigation of its nature and linguistic means.

Keywords: static description, statal predicate, condition, dynamic description, diachronologeme, synchronologeme, narrative, description, fiction text, russian national corpus

References (transliterated)

1. Bessmertnaya N.V. Rechevaya forma "dinamicheskoe opisanie" i ee lingvisticheskaya kharakteristika: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk. Kiev, 1978. 24 s.
2. Bondarko A.V. Problemy grammaticeskoi semantiki i russkoi aspektologii / A.V. Bondarko. S.-Pb.: Izd-vo S.-Pb. un-ta, 1996. 219 s. EDN: WEREFR
3. Brandes M.P. Stilistika nemetskogo yazyka / M.P. Brandes. M.: Vysshaya shkola, 1973. 320 s.
4. Bulygina T.V. K postroeniyu tipologii predikatov v russkom yazyke // Semanticheskie tipy predikatov / Otv. red. O.N. Seliverstova. M.: Nauka, 1982. S. 7-85.
5. Gal'perin I.R. Smennost' kontekstno-variativnykh form chleneniya teksta // Tekst kak tseloe i komponenty teksta. M.: Nauka, 1982. S. 18-29.
6. Giro-Veber M. Vid i semantika russkogo glagola // Voprosy yazykoznaniya. 1990. № 2. S. 102-112.
7. Maslov Yu.S. Ocherki po aspektologii / Yu.S. Maslov. L.: Izd-vo LGU, 1984. 263 s.
8. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. URL: www.ruscorpora.ru (18.03.2025).
9. Nechaeva O.A. Funktsional'no-smyslovye tipy rechi (opisanie, povestvovanie, rassuzhdение) / O.A. Nechaeva. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo, 1974. 261 s.
10. Omel'chenko L.N. Funktsionirovanie nepolnykh dvusostavnnykh predlozhenii s nezameshchennoi pozitsiei podlezhashchego v povestvovanii i opisanii: diss. ... kand. filol. nauk. Ulan-Ude, 1998. 200 s.
11. Potebnya A.A. Iz zapisok po russkoi grammatike / A.A. Potebnya. M.: Prosveshchenie, 1958. T. 1-P. 536 s.
12. Khandarkhaeva I.Yu. Glagoly sovershennogo vida proshedshego vremeni v temporal'nykh tipakh rechi / I.Yu. Khandarkhaeva. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gosuniversiteta, 2005. 140 s.
13. Khandarkhaeva I.Yu. K voprosu o dinamicheskem opisanii // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 2. S. 57-62.

14. Daneš Fr. Veta a text. Praha, 1985. 236 s.

Advertising Discourse in the Volga Germans' Catholic Magazine 'Klemens' (Based on Commercial Ads)

Shindel' Svetlana Vladimirovna

Doctor of Cultural Studies

Associate Professor; Department of Economics and Humanities; Engels Institute of Technology (branch) of SSTU named after Gagarina Yu.A

Office 77, Chernyshevsky str., 223/231, Saratov region, 410031, Russia

✉ schindelsvetlana@mail.ru

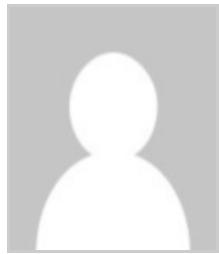
Semuhina Elena Aleksandrovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Translation Studies and Intercultural Communication (PMK); Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A

77 Politehnicheskaya St., 410054 Saratov region

✉ semuh@rambler.ru

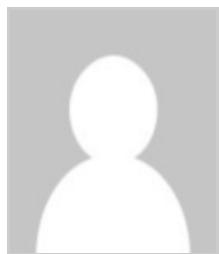
Matasova Oksana Vladimirovna

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Translation Studies and Intercultural Communication (PMK); Saratov State Technical University named after Gagarin Yu.A

77 Politehnicheskaya str., Saratov, 410054, Saratov region

✉ oxdim@yandex.ru

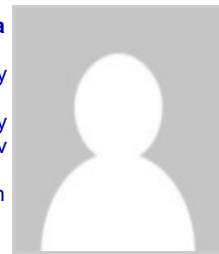
Maslova Antonina Nikolaevna

PhD in Philology

PhD in Philology Associate Professor, Department of Romano-Germanic Philology, Astrakhan State University named after V.N. Tatishchev

20a Tatishcheva St., Astrakhan, 414056, Russia, Astrakhan region

✉ tonja-ch@yandex.ru

Abstract. This article is devoted to the features of advertising discourse in the periodicals of the Volga Germans. The subject of the study is discursive features; the object is linguistic and extralinguistic markers of advertisements published in the Catholic weekly Klemens (1897–1907). Linguistic markers include the specifics of proper names, names of goods, services, prices, and unique vocabulary typical of the business sphere in German. Gothic fractures, illustrations, a wide range of fonts, and the location of inscriptions, logos, and graphic elements belong to extralinguistic markers. In the semiotic space of advertisements, the "principle of the energy imperative" is being actualized, which is the optimal combination of all elements that ensure the balance and expediency of the content for informing to achieve the desired result. The research applies general scientific methods of analysis and synthesis, descriptive and textual methods, interpretative analysis of empirical material, and comparative and semiotic methods. The scientific novelty lies in the complex nature of the study of advertisements in terms of their discursive features; for the first time, such an analysis is carried out based on the material of the magazine of the Volga Germans, Klemens. The relevance of the research is determined by the need to study the uniqueness of the advertising discourse represented in the unique periodicals of the Volga Germans at the turn

of the nineteenth and twentieth centuries. The theoretical significance of the presented research lies in the fact that this work contributes to developing the theory of discourse. The results of the study can be used in lectures and practical classes in the discipline "Theory of Language" as part of the course "Business Communication in a Foreign (German) Language."

Keywords: linguistic markers, the Volga Germans, business communication, journalistic style, advertisement, Klemens weekly, german language, Advertising discourse, extralinguistic markers, energy imperative

References (transliterated)

1. Bertholet A. Wörterbuch der Religionen. – Stuttgart, 1985. – 679 s.
2. Generalova N.P. Religioznaya zhizn' kak faktor sokhraneniya natsional'noi identichnosti i rodnogo yazyka pervykh Povolzhskikh nemtsev-kolonistov // Science Time. 2014. № 9. S. 67-71. EDN: STIKSV
3. Schweins J. Der Wandel der Textsorte Werbeanzeige - repräsentativ anhand von "Nivea". – München: GRIN Verlag, 2019. – 32 s.
4. Heiser A. Textsorten der Werbung 1 // Wirkstoff Werbetext, edition 2, chapter 9. – Wiesbaden: Springer, 2022. P. 101-128.
5. Kenig T. Psikhologiya reklamy: ee sovremennoe sostoyanie i prakticheskoe znachenie / per. s nem. S.V. Kravkova. – M.: "Sovremennye problemy", 1925. – 271 s.
6. Veraksha A.A., Davidovich T.G. Werbung als besondere Textsorte, syntaktische und stilistische Mittel der deutschen und der belarussischen Werbung // Inostrannye yazyki: innovatsii, perspektivy issledovaniya i prepodavaniya: materialy II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk, 21-22 marta 2019 g. / Belorus. gos. un-t; redkol.: E. A. Prigodich (otv. red.) [i dr.]. – Minsk: BGU, 2019. S. 375-382.
7. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 s. EDN: UGQAMP
8. Auboussier J. La diversité en discours: contextes, formes et dispositifs // Mots. Les langages du politique. 2023. № 131. P. 9-26.
9. Maingueneau D. Chapitre 13 // L'espace du discours. Discours et analyse du discours. 2-e izd. 2021. R. 145-156.
10. Semukhina E.A. Spetsificheskie frazemy frantsuzskogo religioznogo mediadiskursa // Yazyk i mir izuchaemogo yazyka. 2020. № 10. – Saratov: GAU DPO "SOIRO". S. 90-94.
11. Karasik V.I. O tipakh diskursa. Yazykovaya lichnost': institutsional'nyi i personal'nyi diskurs. – Volgograd: Peremena, 2000. S. 5-20.
12. Van Deik T.A. Yazyk, Poznanie, kommunikatsiya. – M.: Progress, 2000. – 308 s.
13. Krasnykh V.V. "Svoi" sredi "chuzhikh": mif ili real'nost'? – M.: ITDGK "Gnozis", 2003. – 375 s.
14. Slovar' inostrannykh slov / otv. red. A.G. Spirkin, I.A. Anchurin, R.S. Karpinskaya i dr. – M., 1987. – 624 s.
15. Shindel' S.V., Gyunter L., Ryabova G.V. Elementy vizual'noi kommunikatsii v traditsionnoi kul'ture nemtsev Povolzh'ya // Perspektivnye polimernye kompozitsionnye materialy. Al'ternativnye tekhnologii. Pererabotka. Primenenie. Ekologiya. Sbornik materialov IKh Mezhdunarodnoi konferentsii. Engel's, 2022. S. 400-407. EDN: USCLAM
16. Pleve I.R. Nemetskie kolonii na Volge vo vtoroi polovine XVIII veka. – Moskva, 1998. – 448 s.
17. German A.A. Obrazy istoricheskogo proshlogo kak faktor formirovaniya nastoyashchego

- (na materialakh istorii rossiiskikh nemtsev i ikh obshchestvennogo dvizheniya v kontse KhKh v.) // Ezhegodnik Mezhdunar. assotsiatsii issledovatelei istorii i kul'tury rossiiskikh nemtsev. 2020. № 2 (8). S. 119-127.
18. Stumpp K. Die Russlanddeutschen: zweihundert Jahre unterwegs. – Stuttgart: Verlag Ladsmannschaft der Deutschen aus Russland, 1993. – 147 s.
 19. Shindel' S.V. Fenomen natsional'noi identichnosti, reprezentirovannyi v prostranstve vizual'noi kommunikatsii nemtsev Povelzh'ya // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki. 2023. T. 25. № 89. S. 100-110. DOI: 10.37313/2413-9645-2023-25-89-100-110 EDN: QUVZDZ
 20. Shindel' S.V., Maslova A.N., Kosheleva O.N. Konfirmatsiya kak zhanr religioznogo diskursa (na materiale ego-dokumentov lyuteran kolonii Brunnental' XIX-XX vv.) // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2025. № 2. S. 197-219. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.2.72957 EDN: OIQTQK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72957

Problems of assessing video game language localization (using the example of S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky)

Burnasheva Liia Rafaeelevna

Lecturer; Department of English Language; Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences

Fuchika str., 15, Saint Petersburg, Russia, 192238

✉ burnasheva-liya@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the quality of video game language localization. The object of analysis is the official English localization of S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky. The article examines the distinction between the concepts of "translation" and "localization" within the framework of translation theory, analyzing their differences and intersections. Video game language localization is not merely a translation of text but an adaptation to the linguistic, cultural, and stylistic characteristics of the target audience. The primary focus is placed on identifying problematic aspects in adapting game texts for the target audience, including frequent errors and inconsistencies arising in the localization process. Typical issues such as translation equivalence violations, stylistic inconsistencies, excessive additions of information, and errors related to the interpretation of game realities are considered. Special attention is given to analyzing the impact of translation transformations on text perception and its correspondence to the original, providing deeper insight into the specifics of localization in the gaming industry. The aim of the research is to develop a system for assessing the quality of computer game language localization and to test it on the official English localization of S.T.A.L.K.E.R.: Clear Sky. The study employs an analysis of scientific and practical sources, as well as contextual-semantic and comparative analysis. A comprehensive approach to localization quality assessment is used, based on V. N. Komissarov's classification of translation errors and A. Chesterman's system of translation transformations. Quantitative and qualitative analysis of localized texts was conducted. The scientific novelty of the research lies in the development of a quality assessment system that integrates quantitative and qualitative criteria. The analysis revealed the most frequent errors: violations of denotative equivalence, stylistic inconsistencies, excessive additions of information, and deviations from the norms of the target language. The findings highlight the necessity of standardizing localization quality assessment criteria and confirm the need for strict

assessment standards, along with a more detailed adaptation of the original content, considering the cultural and linguistic characteristics of the target audience. Translation adjustments for the identified errors were suggested, and general recommendations for improving the quality of video game text localization were formulated.

Keywords: translation transformations, assessment of video game localization, video game localization errors, translation vs localization, language localization of video games, locale, translation strategy, translation, game text adaptation, video game

References (transliterated)

1. Achkasov A. V. Angloyazychnaya terminologiya lokalizatsii // Izvestiya RGPU im. A. I. Gertsena. – 2019. – № 194. – S. 80-88. EDN: UDMNZT
2. Baryshev N. V., Sdobnikov V. V. Kul'turnyi kod v aspekte perevodcheskoi deyatel'nosti // Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta im. N. A. Dobrolyubova. – 2020. – Spetsvypusk. – S. 18-31. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2020-si-18-31 EDN: KAZOWM
3. Borisova I. V. Vybor perevodcheskikh reshenii pri lokalizatsii videoigr // Rossiiskii sotsial'no-gumanitarnyi zhurnal. – 2024. – № 3. – S. 188-206. URL: www.evestnik-mgou.ru. DOI: 10.18384/2224-0209-2024-3-1503 EDN: KRVOVU
4. Dubovoi S. Chto takoe lokalizatsiya i chem ona otlichaetsya ot perevoda? [Elektronnyi resurs] // DTF. – URL: <https://dtf.ru/flood/21327-chto-takoe-lokalizaciya-ichem-onaotlichaetsya-ot-perevod> (data obrashcheniya: 15.02.2025).
5. Kazakova T. A. Prakticheskie osnovy perevoda. English – Russian: Uchebnoe posobie. / T. A. Kazakova. – SPb.: Lenizdat; Izdatel'stvo "Soyuz", 2002. – 320 s.
6. Kashirina K. Yu., Krykova I. V. Otsenka kachestva perevoda pri lokalizatsii komp'yuternykh igr novogo pokoleniya // Sotsial'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nem Vostoke. – 2018. – T. XV. Vyp. 1. – S. 124-130. EDN: YWIXYT
7. Komissarov V. N. Teoriya perevoda (Lingvisticheskie aspekty) / V. N. Komissarov. – Moskva: Vysshaya shkola, 1990. – 253 s.
8. Krasnovid V. Perevod i ozvuchka igr: posobie dlya nachinayushchikh // Overclockers.ru. – 2017. – URL: <https://overclockers.ru/lab/show/85979/perevod-i-ozvuchka-igr-posobie-dlya-nachinajuschih> (data obrashcheniya: 15.02.2025).
9. Malenova E. D. Perevod vs lokalizatsiya: terminologicheskaya dikhotomiya ili estestvennaya integratsiya? // Vestnik NGLU. – 2022. – № 1 (57). – S. 59-77. DOI: 10.47388/2072-3490/lunn2022-57-1-59-77 EDN: WVQQME
10. Pavlova A. V. Otsenka kachestva perevoda // Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. – 2012. – № 6 (45). – S. 18-39.
11. Sdobnikov V. V. Novye tendentsii v perevodovedenii // Kazanskii vestnik molodykh uchenykh. – 2018. – № 4 (7). – S. 72-79. EDN: YNGCLR
12. Senchuk A. N. Opredelenie termina "perevod" v lingvistike // Idei. Poiski. Resheniya. – Minsk: BGU, 2021. – S. 133-138.
13. Chistova E. V. Teoreticheskii status mezh'yazykovoi lokalizatsii kak osobogo vida perevodcheskoi deyatel'nosti // Kul'tura i tekst. – 2020. – № 3 (42). – S. 161-175. DOI: 10.37386/2305-4077-2020-3-161-175 EDN: QEHPop
14. Alconost. Kak lokalizovat' igru? Poslagovoe rukovodstvo [Elektronnyi resurs] // Habr. – URL: <https://habr.com/ru/companies/alconost/articles/527292/> (data obrashcheniya: 15.02.2025).

15. Esselink B. A Practical Guide to Localization. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000. – 488 p.
16. Chesterman A. Memes of Translation. The Spread of Ideas in Translation Theory. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2016. – 225 p.
17. Sdobnikov V. V. Translation vs Localization: What's the Difference? // Journal of Siberian Federal University Humanities & Social Sciences. – 2018. – № 11 (9). – P. 1487-1498. DOI: 10.17516/1997-1370-0317 EDN: YLJQAH

The phenomenon of "runglish" and its impact on the modern language of youth (experience in content analysis of communication in social networks)

Myasishchev Georgii Igorevich

PhD in Philology

Associate Professor, Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University

34000, Russia, Rostov-On-Don, Gagarina, 1, office 8603a

✉ georgy-2583@yandex.ru

Burmistrova Elizaveta Artemovna

Master's degree, Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University

34000, Russia, Rostovregion, Rostov-on-Don, Gagarin St., 1

✉ novik1915@ya.ru

Manzhurov Evgenii Vladimirovich

Master's degree, Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University

34000, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Gagarin str., 1

✉ geg33@rambler.ru

Ivchenko Ul'yanova Sergeevna

Master's degree, Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University

34000, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Gagarin str., 1

✉ geg75@rambler.ru

Kovaleva Ol'ga Sergeevna

Master's degree, Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University

34000, Russia, Rostov region, Rostov-On-Don, Gagarin str., 1

✉ geg72@rambler.ru

Abstract. The subject of the study is the degree of influence of "runglish" (mixing Russian and English in speech) on the communication of modern youth. The object of the study is the spoken language of modern youth both in real life and in virtual life. Westernization and Western culture, which absorbs the Russian language, increasingly affects speech and vocabulary among the younger generation, so this problem should be considered both in the

structure of live communication and on the Internet. The aim of the research is to study the influence of "Runglish" on the modern youth language. The tasks are to study the works of scientists on the topic of "Runglish", published up to this point, as well as the study of social networks. The goals and objectives define the research methods. The research methods are content analysis and observation. Such a method as content analysis allows us to identify the most frequently used linguistic units used by young people and related to the concept of "Runglish". The novelty of this work lies in the study of changes in the lexical stock of the younger generation that occurred relatively recently, and the emergence of new slang expressions related to "runglish". The results of the study allow us to determine the influence of English words and expressions on the formation of slang constructions and speech changes of modern native speakers of the Russian language. To identify the age aspect of changes in the most passionate and socially active group, to determine further trends in this phenomenon. The Anglicisms identified during the study of social networks make it possible to create a linguistic picture of modern youth and add to the list of new slang expressions that came from the English language. The findings may be useful for further research in the field of social languages, in particular slang as youth jargon.

Keywords: content analysis, stylistics, social networks, speech portrait, linguoculturology, social dialect, slang, speech behavior, lexicology, communication

References (transliterated)

1. Arustamova A. A. Sovremenny i molodezhnyi sleng i osobennosti ego funktsionirovaniya. 2006, s. 13.
2. Zharkova T.O. O slenge sovremennoi molodezhi / T.O. Zharkova // Inostrannye yazyki v shkole. – 2005. № 1. – S. 96-100.
3. Sumtsova, O. V. Vliyanie angliiskogo yazyka na formirovanie komp'yuternogo slenga v russkom yazyke / O. V. Sumtsova, T. Yu. Shevyakova. – Tekst: neposredstvennyi // Molodoi uchenyi. – 2011. – № 4 (27). – T. 1. – S. 240-242. – URL: <https://moluch.ru/archive/27/2924/> (data obrashcheniya: 14.02.2024).
4. Kubaeva O. V. Upotreblenie anglitsizmov v russkom molodezhnom slenge // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2021. № 3. – S. 204-210.
5. Misyurina T. V. Opredelenie i obshchie kharakteristiki ponyatiya «Sleng», ego rol' v yazyke i kul'ture sovremennoi Rossii // Vestnik ChelGU. 2013. № 1 (292).
6. Petrichenko T. A. Ispol'zovanie angloyazychnogo molodezhnogo slenga sredi podrostkov // Inostrannye yazyki v kontekste mezhkul'turnoi kommunikatsii. 2021. № XIII. – S. 103-106.
7. Khomyakov V. A. Nestandardnaya leksika v strukture angliiskogo yazyka natsional'nogo perioda: avtoref. ... kand. filol. nauk. L., 1980. 168 s.
8. Rubtsova E.A. Lingvokul'turologicheskii analiz molodezhnogo slenga nachala XXI veka. 2009, s. 3.
9. Kazachkova E.M. Formirovanie i funktsionirovanie molodezhnogo slenga v lingvokul'turnoi srede. 2006, s. 1-17.
10. Aminova L.V. Strukturno-semanticheskie osobennosti molodezhnogo slenga v angliiskom i frantsuzskom yazykakh. 2004, s. 1-18.
11. Petrosova E. G., Alieva N. R. K. Perekluchenie yazykovogo koda v russkom, angliiskom i frantsuzskom kommunikativnom povedenii // Vestnik TGGPU. 2022. № 4 (70).
12. Butukhanova Z.A., Zhelaev G.A., Yan'kova N.A. Vliyanie «rusinglisha» na yazykovuyu kommunikatsiyu i kul'turu // Vestnik nauki. 2023. № 12 (69).

13. Lebedeva I. L. O nekotorykh osobennostyakh funktsionirovaniya russkogo varianta angliiskogo yazyka v pis'mennom diskurse // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2024. № 1.
14. Godunova E.V. Osobennosti funktsionirovaniya slenga kak raznovidnosti sotsial'nogo dialekta v sinkhronnom i diakhronnom aspektakh // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2019. № 7.
15. Lebedeva I. L. Russkii variant angliiskogo yazyka seti Instagram: mif ili real'nost'? // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. 2018. № 4.
16. Baranova A. R., Akhsanova L. N., Moiseeva A. A. Internet-sleng // Evraziiskii Soyuz Uchenykh. 2016. № 4-4 (25).
17. Akhmetdinova A.R. Britanskii sleng // Teoriya i praktika sovremennoi nauki. 2017. № 5 (23).
18. Bagdasarova E. V. Vliyanie khip-khop slenga na razvitiye amerikanskogo slenga // Perevod i sopostavitel'naya lingvistika. 2016. № 12.
19. Morozova O.E. Kontseptosfera molodezhnogo slenga // Vestnik NNGU. 2015. № 2-2.
20. Sosnovskaya A. A. Rol' slengovykh metaforicheskikh nominatsii v internet-obshchenii // Izv. Sarat. un-ta Nov. ser. Ser. Filologiya. Zhurnalistika. 2010. № 2.

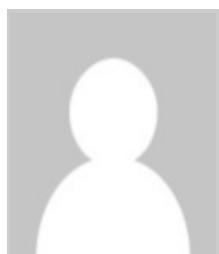
The Role of the English Language in Shaping Global Identity: Challenges and Perspectives

Kharchenko Maria Aleksandrovna

Senior Lecturer; Department of Foreign Languages No. 3, Institute of Philology, V.I. Vernadsky Crimean Federal University

14E Trubachenko str., Simferopol, Republic of Crimea, 295048, Russia

✉ kharchenkomariia88@gmail.com

Abstract. The article analyzes the role of the English language in shaping global identity within the context of modern globalization processes. It examines key challenges arising from its dominant position in international communication, education, and the professional sphere. The study focuses on the phenomenon of linguistic imperialism, the issue of language diversity preservation, and the processes of cultural adaptation and hybridization. Applying a sociolinguistic approach, the author explores the impact of the English language on the self-identification of Russian-speaking users. The study presents research data analyzing language preferences, discursive practices, and attitudes toward English as a means of intercultural communication in an institutional environment. In conclusion the author discusses possible directions for language policy and educational strategies aimed at preserving multilingualism in the context of the global spread of English. The study focuses not only on the spread of English as a lingua franca but also on its impact on the linguistic identity of Russian-speaking users. Its novelty lies in analyzing the perception of the English language among Russian-speaking students and educators, identifying trends in the adaptation of English-language discursive practices, examining the specific influence of English on the institutional identity of Russian-speaking users, and assessing the prospects for language policy and educational strategies in the context of English dominance on a global scale. The process of adapting English-language discursive practices reflects its profound influence on institutional self-definition. The use of English leads to the formation of new speech and cultural norms, as confirmed by research conducted among Russian-speaking participants. The adaptation of

English language teaching methods, taking into account intercultural specifics and global changes in communication, is crucial. Digitalization and multimodal communication open new opportunities for learning and using English without the threat of losing linguistic diversity.

Keywords: EMI, hybridization, language diversity, multilingualism, institutional environment, intercultural communication, language identity, bilingualism, ELF, globalization

References (transliterated)

1. Smokotin, V. M. Angliiskii yazyk v kontekste globalizatsii. Novosibirsk: NGU, 2014.
2. Ter-Minasova, S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikatsiya. Moskva: Slovo, 2004.
3. Proshina, Z. G. Osnovnye polozheniya i spornye problemy teorii variantnosti angliiskogo yazyka. Moskva; Berlin: Direkt-Media, 2015.
4. Baker, W. Culture and Identity through English as a Lingua Franca: Rethinking Concepts and Goals in Intercultural Communication. Berlin: De Gruyter Mouton, 2015.
5. Canagarajah, S. Translingual Practice: Global Englishes and Cosmopolitan Relations. New York: Routledge, 2014.
6. Crystal, D. English as a Global Language. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
7. Fairclough, N. Language and Globalization. London: Routledge, 2006.
8. García, O., & Wei, L. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
9. Jenkins, J. Global Englishes: A Resource Book for Students. 3rd ed. London: Routledge, 2014.
10. Kirkpatrick, A. World Englishes. Cambridge: Cambridge University Press, 2007.
11. Macaro, E. Exploring the role of language in English medium instruction // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. 2020. T. 23, № 3. DOI: 10.1080/13670050.2019.1620678.
12. Modiano, M. International English in the Global Village // English Today. 1999. Vol. 15, No. 2. S. 22-28.
13. Phillipson, R. Linguistic Imperialism. Oxford: Oxford University Press, 1992.
14. Seidlhofer, B. Understanding English as a Lingua Franca. Oxford: Oxford University Press, 2011.
15. Widdowson, H. G. English in the World and World Englishes: Discourse, Ideology and Literacies // The Handbook of English Linguistics. 2nd ed. Edited by B. Aarts, J. McMahon, and L. Hinrichs. Oxford: Wiley-Blackwell, 2015. S. 373-390.
16. YuNESKO. Atlas of the World's Languages in Danger. [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://unesdoc.unesco.org> (data obrashcheniya: 15.02.2025).

Rumors, Fakes and Fact-checking in Chinese Social Media: The Case of WeChat

Yang Yihua □

Postgraduate Student; Department of Mass Communications; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ 1042228091@rudn.ru

Grabel'nikov Aleksandr Anatol'evich

Doctor of History

Professor; Department of Mass Communications; P. Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

✉ grabelnikov-aa@rudn.ru

Abstract. This research examines the typology of rumors and fact-checking mechanisms in Chinese social media, focusing on the WeChat platform. The study analyzes 300 cases of disinformation extracted from the "Rumor Refutation Assistant" application in WeChat between 2023 and 2025 using Python-based tools. The author investigates the structural and content characteristics of rumors, their thematic classification across various categories (healthcare, public safety, and others), and both institutional and user-driven verification strategies. Special attention is given to the relationship between rumor types and fact-checking mechanisms' effectiveness within China's . The methodology includes content analysis for fakes typology, text mining techniques (TF-IDF, LDA), and social network analysis to examine information dissemination patterns. Findings reveal significant patterns in fakes distribution, where algorithmic and institutional factors substantially influence information perception. Healthcare-related messages (39.67%), technology information (23.00%), and public safety content (21.33%) dominate the fakes landscape. The author's contribution lies in analyzing information verification mechanisms within Chinese social media and identifying correlations between fake typologies and refutation strategies' effectiveness. The research novelty stems from examining rumor typology and fact-checking in the Chinese context, emphasizing WeChat's role in information dissemination. The study demonstrates that mitigating disinformation requires AI integration, active user participation in fact-checking, and effective legal regulation of the information space.

Keywords: debunking rumors, mass media, China, information verification, disinformation, WeChat, social media, fact-checking, rumor, discursive Strategies

References (transliterated)

1. Alefirenko N.F., Nurtazina M.B., Sarbaeva M.B. Informatsionnyi povod kak mass-mediinaya kategoriya: aspekyt reprezentatsii // Yazyk i rech' v Internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura: sb. st. 3 Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. RUDN. M.: Izd-vo RUDN, 2019. S. 47-54.
2. Barabash V.V., Trofimova G.N. Novye situatsii v massovoi kommunikatsii-novye vyzovy i podkhody k mnogopolyarnosti // Sredstva massovoi kommunikatsii v mnogopolyarnom mire: problemy i perspektivy: Materialy XII Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii: v 2-kh tomakh, Moskva, 11 noyabrya 2021 goda. Tom 1. Moskva: Rossiiskii universitet druzhby narodov (RUDN), 2021. S. 11-16.
3. Vartanova E.L., Shilina M.G. Konflikty i media: reversivnye paradigmy v novoi real'nosti? Otkryvaya novye mezhdisciplinarnye podkhody k issledovaniyam // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2023. T. 28, № 4. S. 635-648. DOI: 10.22363/2312-9220-2023-28-4-635-648.
4. Grabel'nikov A.A., Gegelova N.S. Ekrannaya kommunikatsiya i vizualizatsiya zhurnalistiki. Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2019. 334 s. ISBN 978-5-7609-1425-5.
5. Gubenko M.S., Adutov R.R. Slukh kak sredstvo negativnogo informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviya (na primere slukha o vvedenii povtornogo karantina) //

- Vestnik ad"yunkta. 2020. № 3(9). S. 13.
6. Dem'yanova A.V. Faktcheking kak instrument mediagramotnosti // Molodezhnyi vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2023. № 1(19). S. 155-159.
 7. Emel'yanov I.V., Savitskaya Yu.P. Mesto i rol' slukhov v soznanii sovremennoi molodezhi // Sotsiologiya. 2023. № 3. S. 49-58.
 8. Kulikov E.M., Lapsar' M.V. Rasprostranenie slukhov v usloviyakh pandemii koronavirusa COVID-19: sotsiologicheskii aspekt // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii. 2021. № 2(52). S. 113-116.
 9. Kulikov E.M. Slukhi kak element setevoi kommunikatsii v internet-prostranstve sovremennoi Rossii: spetsial'nost' 22.00.04 "Sotsial'naya struktura, sotsial'nye instituty i protsessy": dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni doktora sotsiologicheskikh nauk. Krasnodar, 2014. 377 s.
 10. Laminina O.G., Gryazyuk A.E., Nedorezova K.D. Informatsionno-analiticheskie tekhnologii protivodeistviya dezinformatsii na primere sotsial'nykh setei // Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2023. № 6. S. 48-51. DOI: 10.23672/SAE.2023.35.10.026.
 11. Petrova D.V. O slukhakh i ikh razoblaicheniyakh: kak borot'sya s nedostovernoi informatsiei? Retsenziya na knigu: Berinsky A.J. Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023. 240 p. // Ekonomicheskaya sotsiologiya. 2024. T. 25, № 3. S. 213-228.
 12. Sokolov A.V. Tipologiya instrumentov faktchekinga: na puti k ustoychivoi informatsionnoi srede // Voprosy mediabiznesa. 2024. T. 3, № 3. S. 68-76. DOI: 10.24412/3034-1930-2024-0230.
 13. Sokolova D.V. Faktcheking i verifikatsiya informatsii v rossiiskikh SMI: rezul'taty oprosa // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika. 2018. № 4. S. 7.
 14. Trofimova G.N., Savastenko R.A. Problemy kognitivnogo disbalansa v novostnykh soobshcheniyakh setevyh SMI // Neofilologiya. 2023. T. 9, № 2. S. 365-377. DOI: 10.20310/2587-6953-2023-9-2-365-377.
 15. Tkhorkov B.A. Feikovye novosti: analiz izuchennosti, klassifikatsiya, vliyanie na povedenie cheloveka // Vestnik MGPU. Seriya: Ekonomika. 2023. № 1(35). S. 156-167. DOI: 10.25688/2312-6647.2023.35.1.11.
 16. Sheibak V.V. Rol' slukhov v sredstvakh massovoi informatsii // Nauchnye gorizonty. 2021. № 7(47). S. 31-39.
 17. Allport G.W., Postman L. The psychology of rumor. Oxford: Henry Holt, 1947. 247 p.
 18. Berinsky A.J. Political Rumors: Why We Accept Misinformation and How to Fight It. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023. 240 p. URL: <https://doi.org/10.2307/jj.196962> (data obrashcheniya: 01.03.2025).
 19. Digital 2025: Global Overview Report. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (data obrashcheniya: 24.02.2025).
 20. Go Tsinguan. Kurs teorii kommunikatsii (Vtoroe izdanie). Pekin: Izdatel'stvo Kitaiskogo narodnogo universiteta, 2011. 49 s. (Na kit. yaz.)
 21. Li Byao, Yui Gomin. Issledovanie diskursivnogo prostranstva i kommunikatsionnogo polya internet-slukhov v epokhu "postpravdy": na osnove analiza 4160 slukhov v WeChat Moments // Universitet zhurnalistiki. 2018. № 2. S. 103. (Na kit. yaz.)
 22. Lyu Khailun, Yui In. Politika kontseptov i svyazi mezhdu kontseptami: rekonstruktsiya ponyatii slukh, spletnya, vvodyashchaya v zabluzhdenie informatsiya, lozhnaya informatsiya i feikovye novosti // Issledovaniya zhurnalistiki. 2021. № 12. S. 23-40.

(Na kit. yaz.)

23. Pan' Syango. Internet-slukhi i zhurnalistskaya pravda: magisterskaya dissertatsiya. Tsentral'nyi Kitaiskii pedagogicheskii universitet, 2002. (Na kit. yaz.)
24. Chzhan Aitszyun'. Nadelenie siloi, razocharovanie i povtornoе ocharovanie: politicheskaya funktsiya antidiskursivnogo effekta v mekhanizme oproverzheniya slukhov v WeChat // Issledovaniya yuzhnykh media. 2024. № 4. S. 26-34. (Na kit. yaz.)

Visualization as a mechanism of creolization in the adaptation of texts of educational and pedagogical discourse

Lysova Ol'ga Romanovna

Lecturer; Department of World Languages and Cultures; Don State Technical University

344010, Russia, Rostov region, Rostov-on-Don, Gagarin Square, 1, office of Rostov

 lysova.or@yandex.ru

Abstract. Modern texts of educational and pedagogical discourse are heterogeneous in their structure and form, since they consist not only of a verbal component, but also of a visual one, represented by drawings, photographs, diagrams, etc. The increase in the number of such texts in recent years has been caused by the advent of accessible multimedia technologies for their creation, on the one hand, and on the other hand, by the desire of the authors to appeal to the first signal system, enhancing the translocative effect of communication. The purpose of our study is to summarize the data obtained on the role visualization plays in the adaptation of texts of educational and pedagogical discourse and to identify common mechanisms for the creation of creolized adapted texts. The object of research is creolized texts of scientific and pedagogical discourse, and the subject is visualization as a mechanism for adapting such texts. For the analysis, texts from various fields of knowledge of educational and pedagogical discourse presented in school textbooks and the Internet were selected. Then, using content analysis, we studied texts consisting of a verbal and non-verbal component, which are commonly called creolized, tracing the mechanisms of their creation and the functions of the visual component in the adaptation of such texts. The results obtained during the study allowed us to draw the following conclusions: visualization, along with schematization and polycoding, as a mechanism of creolization is present in the vast majority of texts of educational and pedagogical discourse. Also, visual and verbal information in texts are interconnected and have certain forms of interaction. The visual component can replace the verbal one, add new information, or the verbal and visual information may overlap to a certain extent. We call such forms of interaction of visual and verbal components substitution, addition and intersection. By substitution, we mean an interaction in which the visual component represents a concept, phenomenon, or process, while the verbal component provides only its nominative characteristic. The visual component can complement the verbal one by introducing new information, for example, an image of a phenomenon in the surrounding world and verbal signatures that give it a scientific nomination. When the verbal and non-verbal components intersect, the visual component reveals only part of the general meaning of a concept.

Keywords: text visualization, heterogenous texts, polycode texts, linguasemiotics, pragmalinguistics, ways of text's adaptation, Visual component, educational discourse, creolized texts, text adaptation

References (transliterated)

1. Anisimova E.E. Lingvistika teksta i mezhkul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov). M.: Akademiya, 2003. S. 128.
2. Voroshilova M.B. Kreolizovannyi tekst: Aspekty izucheniya // Politicheskaya lingvistika. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2007. S. 75-80.
3. Clark J.V., Paivio A. Dual coding theory and education // Educational Psychology Review. Springer Science and Business Media, 1991. Pp. 149-210.
4. Clark R.C., Mayer R.E. E-Learning and the Science of Instruction: Proven Guidelines for Consumers and Designers of Multimedia Learning. 3rd ed. San Francisco: Pfeiffer, 2011. P. 69.
5. Sorokin Yu.A., Tarasov E.F. Kreolizovanne teksty i ikh kommunikativnaya funktsiya // Optimizatsiya rechevogo vozdeistviya. M.: Vysshaya shkola, 1990. S. 180-186.
6. Voroshilova M.B. Metodologiya, metody i metodika analiza kreolizovannogo teksta // Evolyutsiya lingvisticheskoi ekspertizy: metody i priemy. Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet, 2017. S. 125-199.
7. Karasik V.I. Yazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs. Volgograd: Peremena, 2002. S. 476.
8. Zankov L.V. Didaktika i zhizn'. M.: Prosveshchenie, 1968.
9. Pervukhina S.V. Kreolizovannost' kak odna iz kharakteristik adaptirovannogo teksta // Gumanitarnye issledovaniya. Yazykoznanie. 2015. № 2 (54). S. 7-10.
10. Kisel'nikov A.S. K probleme kharakteristik teksta: chitabel'nost', ponyatnost', slozhnost', trudnost' // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2015. № 11 (53). S. 79-83.
11. Mikk Ya.A. O faktorakh ponyatnosti uchebnogo teksta: Avtoreferat dis. na soiskanie uchenoi stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk. Tartu: Tartuskii gos. un-t, 1970. S. 22.
12. Sokolova E.E., Gurina R.V. O sootnoshenii yazykovoi i nauchnoi kartin mira // Znanie. Ponimanie. Umenie. 2010. № 3. S. 86.
13. Pirs Ch.S. Izbrannye filosofskie proizvedeniya / Per. s angl. K. Golubovich, K. Chukhrukidze, T. Dmitrieva. M.: Logos, 2000. S. 202.
14. Perova E.S. Lingvodidakticheskii potentsial kreolizovannykh tekstov // Dostizheniya nauki i tekhnologii. Krasnoyarsk, 2023. S. 567.
15. Bodrikov A.B. Ponyatiinye priznaki kontsepta "pobeda": kognitivnyi i lingvokul'turologicheskii analiz // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2022. № 2 (116). S. 130-135.
16. Gal'perin I.R. Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya / Otv. red. G.V. Stepanov. M.: Lenand, 2020. S. 27.

Meta-worlds of A. G. Ateev and A. P. Vladimirov as two compositional and stylistic trends in contemporary Russian horror literature

Ozherel'ev Konstantin Anatol'evich □

PhD in Philology

Associate Professor; Department of Philology, Journalism and Mass Communications; Omsk Humanitarian Academy
Head of the Department of Philology, Journalism and Mass Communications; Omsk Humanitarian Academy

Abstract. The article addresses the issues of genre, imagery and style in the works of A. G. Ateev and A. P. Vladimirov, who are almost unexplored at the present stage. The subject of research is the literary meta-worlds of two contemporary writers, whose work is organically inscribed in the context of the latest "horror" literature. A comparative analysis of their imaginative worlds and style continuity with both Russian (N. V. Gogol, M. A. Bulgakov) and foreign classics (E. T. A. Hoffmann, A. Dumas-father) is carried out, and a dialog with the newest literature (K. Barker, S. King) is emphasized. The methodology of the work is based on the methods of comparative and contextual analysis. Semiotic, intertextual and structural-functional types of analysis are used as auxiliary techniques. The author clarifies conceptual approaches to the recently emerged theoretical and literary notion of "meta-world" (variant - "artistic universe") as applied to the prose of Russian representatives of "horror" literature; the author proves the organic connection between the so-called "light", fiction and classical genre constructs. The main loci and character types are singled out by analogy with the artifactual side of the meta-worlds of H. P. Lovecraft and S. King. The analysis of finales is carried out, which serves as additional evidence of the author's thesis about the presence in the newest Russian literature of "horror" of two style and plot-compositional lines in the organization of the narrative - conditionally "happy" and "uncertain" ("with many dots"). The mythological context (Slavic mythology and Hebrew legends) as a plot-forming for the texts of "scary" genres in the authors under consideration is given.

Keywords: intertextual analysis, A.P. Vladimirov, A.G. Ateyev, stylistic phenomena, plot, composition, fiction, russian literature, literary meta-worlds, mythological context

References (transliterated)

1. Likhachev D.S. Vnutrenniy mir khudozhestvennogo proizvedeniya // Voprosy literatury. 1968. № 8. S. 74–87.
2. Fedorov V.V. O prirode poeticheskoi real'nosti: monogr. M.: Sov. pisatel', 1984. 184 s.
3. Girshman M.M. Literaturnoe proizvedenie: teoriya khudozhestvennoi tselostnosti. M.: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 527 s.
4. Savel'eva V.V. Khudozhestvennyi tekst i khudozhestvennyi mir: problemy organizatsii. Almaty: Daik-Press, 1996. 191 s.
5. Abashev V.V., Abasheva M.P. Transfiksional'nye opty rossiiskoi massovoi kul'tury // Filologicheskii klass. 2024. T. 29, № 4. S. 77–85.
6. Kozlov V.I. Istorichnost' kategorii khudozhestvennogo mira // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2008. № 3. S. 38–53.
7. Kazakova S.V., Bubnova I.A. Vliyanie avtora iskusstvennoi literaturnoi vselennoi na vzaimosvyaz' tipa kvazirealii s ee funktsiei (na materiale literaturnykh vselennnykh Dzh.R. Tolchina i F. Gerbera) // Voprosy psikhologivistiki. 2024. № 1 (59). S. 60–71.
8. Epanchintsev R.V. Izuchenie khudozhestvennogo mira literaturnykh proizvedenii v kontekste sistemnogo podkhoda // Vestnik Severo-Vostochnogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 22. S. 18–20.
9. Karimova A.K. Opyt strukturirovaniya literaturnogo prostranstva: ot nominalii k realiyam // Literatura i yazyk v sovremenном polikulturnom prostranstve: sb. st. po materialam Vseros. nauch.-prakt. konf. molodykh uchenykh. Sterlitamak, 2017. S. 68–75.

10. Lun'kova L.N. Vozmozhnye miry khudozhestvennoi literatury // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 35. S. 111–114.
11. Pykhtina Yu.G. Virtual'noe prostranstvo v literature: tipologiya, struktura, funktsii // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2017. № 1 (201). S. 114–118.
12. Sedov A.F., Tugusheva M.Z. Mir literaturnogo proizvedeniya. Balashov: Ar'ya, 2014. 106 s.
13. Neronova I.V. Teoriya vozmozhnykh mirov literatury: predposylki sozdaniya, osnovnye zadachi i podkhod k khudozhestvennomu miru literaturnogo proizvedeniya // Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya. 2016. Т. 1, № 4. S. 277–283.
14. Dubrovskaya V.V. Literaturovedenie: poeticheskii mir: uch. posobie. M.; Berlin: Direkt-Media, 2016. 122 s.
15. Rashkovskii E.B. Mezhdu universumom i zemlei (o «evreiskikh motivakh» v rossiiskoi filosofskoi mysli XX stoletiya) // Rossiya i sovremennyi mir. 2006. № 4 (53). S. 172–185.
16. Eremeev A.E. K voprosu o ponyatii «filosofskaya proza» // Voprosy russkoi literatury: respub. mezhvedom. nauchn. sb. L'vov: «Svit», 1990. Vyp. 1 (55). S. 84–91.
17. Vladimirov A.P. Shou zloveshchikh skazochnikov: roman. Staryi Oskol: Izd-vo kpts «Rosa», 2009. 194 s.
18. Belza I.F. Genealogiya «Mastera i Margarity» // Kontekst: literaturno-teoreticheskie issledovaniya. M.: Nauka, 1978. S. 156–248.
19. Ateev A.G. Obrechennyi prorok [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: <https://litvek.com/book-read/80320-kniga-aleksey-grigorevich-ateev-beshenyiy-chitat-online?p=70&ysclid=m7q32n2luw51769422> (data obrashcheniya: 14.02.2025).
20. Ozherel'ev K.A. Casus «Shineli» N.V. Gogolya v noveishei otechestvennoi literature: interpretatsiya iskhodnogo syuzheta i sozdanie prodolzhenii // Rossiya i mirovye tendentsii razvitiya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem / nauch. red. P.G. Makukhin. Omsk: Izd-vo OmGTU, 2023. S. 305–315.
21. Vladimirov A.P. Volch'ya chashcha // Vlast' proklyatykh. Roman i rasskazy. M.: «Evraziya+», 1999. S. 318–335.
22. Sokolov A. Aleksandr Vladimirov. Plemya Kaina [retsensiya] // Esli. 2002. № 10. S. 278–279.
23. «Budu i dal'she pugat' narod!» (interv'yu V. Tikhonova s «korolem uzhasov» Alekseem Ateevym) [Elektronnyi resurs]. Rezhim dostupa: https://samlib.ru/t/tihonow_w_g/ateev.shtml?ysclid=m7q9253l28910731795 (data obrashcheniya: 14.02.2025).

Zen Buddhist practice in V. Pelevin's prose (on the example of the novels "Chapaev and the Void" and "The Sacred Book of the Werewolf")

Gong Anping

Postgraduate student; Department of the History of Russian Literature; St. Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya nab., 7-9-11B

✉ gap0921liza@yandex.ru

Abstract. The use of Zen Buddhist philosophy is important in Victor Pelevin's poetics. In this

article, V. Pelevin's novels with the most obvious manifestations of Zen Buddhist philosophy, "Chapaev and the Void" (1996) and "The Sacred Book of the Werewolf" (2004), are selected as materials for analysis. At the end of these two novels, the characters have completed their Zen Buddhist practice and disappear from the world. Although both novels show the process of Zen Buddhist practice of the main characters, these methods of practice are different: Peter the Void relies more on Zen koans, he achieves enlightenment through external training and inspiration from the word, while Zen Buddhist practice of Ah Huli comes from within, from the characteristics of her personality. To identify Zen Buddhist philosophical ideas and methods of practice in novels (e.g. The use of koans, the concepts of "Emptiness" and "Buddha Nature", etc.) the article used cultural, historical and intertextual methods. Central to this work was the comparative method, which made it possible to identify differences in the methods and higher teachings of the heroes' practices. The scientific novelty of this study lies in the fact that, despite the interest of researchers in Zen Buddhist ideas in the works of V. Pelevin, at the moment the methods and higher teachings of Zen practice of his characters are poorly understood. As a result of the research, it was found that the difference in the practice of the heroes is manifested not only in the methods of their practice, but also in the knowledge of the "higher teaching". In the novel "Chapaev and the Void" it is the knowledge of the concept of "Emptiness", and in the novel "The Sacred Book of the Werewolf" it is the "Nature of the Buddha". These key concepts of Zen Buddhism act as the only way to salvation for the main characters. The author gradually leads the characters to enlightenment through them. In V. Pelevin's paradigm, the philosophy of Zen Buddhism is a tool used to save the main character, influencing the plot and composition of the novel. The philosophical thought of Zen Buddhism not only provides an ideological basis for a literary work, but also forms the logic of the text.

Keywords: Emptiness, philosophy, zen buddhist practice, The Sacred Book of the Werewolf, Chapayev and Void, zen buddhism, koan, Victor Pelevin, Buddha-Nature, enlightenment

References (transliterated)

1. Bkhabkha Kh. Mestonakhozhdenie kul'tury // Perekrestki: Zhurnal issledovanii vostochnoevropeiskogo pogranich'ya. 2005. № 3-4. S. 161-192.
2. Dyumulen G. Istorya dzen-buddizma / Per. s angl. Yu. V. Bondareva. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2003. 317 s.
3. Kornev S. Stolknovenie pustot: mozhet li postmodernizm byt' russkim i klassicheskim? Ob odnoi avantyure Viktora Pelevina // Novoe lit. obozrenie. 1997. № 28. S. 244-259.
4. Maslov A. A. Klassicheskie teksty dzen. Rostov-na-Donu: Feniks, 2004. 480 s.
5. Moreva Yu. S. Ispol'zovanie i transformatsiya dal'nevostochnogo mifologicheskogo syuzheta o zhenshchine-lisitse u D. Garnetta i V. Pelevina // Bestiarii v slovesnosti i izobrazitel'nom iskusstve. M.: Intrada, 2012. S. 160-170.
6. Nitsshe F. Antikhrist. Ecce Homo. Sumerki idolov: [perevod s nemetskogo]. M.: AST, 2019. 352 s.
7. Pelevin V. O. Chapaev i Pustota. SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2022. 352 s.
8. Pelevin V. O. Svyashchennaya kniga oborotnya. SPb.: Azbuka-Attikus, 2022. 384 s.
9. Seidashova A. B. Motiv pustoty v romane V. O. Pelevina "Chapaev i Pustota" // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika. 2017. № 3. S. 449-456.
10. Sudzuki D. T. Dzen i yaponskaya kul'tura / Per. s yap., posleslov. S. V. Pakhomova. SPb.: Nauka, 2003. 522 s.
11. Kherrigel' E. Dzen i iskusstvo strel'by iz luka. Puti dzen / Per. s nem. E. B.

- Burnyashova; Pod red. S. V. Pakhomova. SPb.: Nauka, 2005. 12. 264 s.
12. Suzuki D. T. An introduction to zen buddhism. New York: Evergreen Black Cat Book, 1964. 132 p.

Werewolfism as a way to gain transcendent reality (on the material of Yuri Mamleev's short stories «The Teacher», Martha Ketro's «The Fox Wife» and Dmitry Vodennikov's «Confession of a Chinese Fox-Werewolf»)

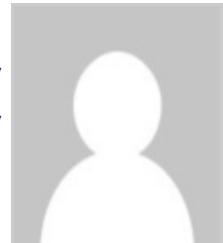
Dubakov Leonid

PhD in Philology

Associate Professor, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Shenzhen, Guojidaxueyuan str., 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Zhang Yihan

Graduate student, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Shenzhen, Guojidaxueyuan str., 1

✉ 1409280516@qq.com

Abstract. The article analyzes the image of a werewolf fox, formed in the Far Eastern mythological tradition and Russified in the stories of Russian authors Yuri Mamleev, Marta Ketro and Dmitry Vodennikov. The motive of werewolf among these writers has an indefinite character: on the one hand, werewolf can be understood literally by them, on the other – as a metaphor (for example, feminine nature or poetic otherness). The werewolf foxes in the stories "The Teacher", "The Fox Wife", "The Confession of the Chinese Werewolf Fox" are placed by the authors in the Russian cultural and everyday context of the 1980s and the 1990s of the XXI century and are embedded in the space of a changing but unrelenting Russian spiritual search. In these works, they act as spiritual seekers and mentors in contact with two worlds, striving for a transcendent reality and revealing it to people.

The presented article was written as part of a large study on the "Chinese text" of modern Russian literature. In addition to these works, it mentions some domestic novels, which also feature a werewolf fox.

The relevance of the article is determined by the active interest of Russian literary criticism in borderline, intercultural phenomena that give rise to new artistic meanings. One of these phenomena is the Far Eastern werewolf fox, whose image variants have appeared in recent years among a large number of Russian writers. The relevance of the article also lies in the constantly expanding links between Russian and Chinese cultures. The novelty of the article is determined by the comparison made for the first time between the mentioned texts in the aspect of different and at the same time similar development and understanding by writers of different generations and different aesthetic attitudes of the image of the werewolf fox.

Keywords: transcendent reality, russification, werewolfism, bestiality, Japanese tradition, Chinese tradition, werewolf fox, Dmitry Vodennikov, Marta Ketro, Yuri Mamleev

References (transliterated)

1. Aleksandrova E. A. Izuchenie traditsionnoi etnicheskoi kul'tury cherez semioticheskii analiz skazochnykh personazhei (obraz lisy v russkoi i kitaiskoi traditsiyakh) // Analitika kul'turologii. 2011. № 19. S. 230-234.
2. Alekseev V. M. Predislovie perevodchika // Pu Sunlin. Rasskazy Lyao Chzhaya o neobychainom. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1988. 559 s.
3. Alimov I. A. Kitaiskii kul't lisy // Alimov I. A. Besy, lisy, dukhi v tekstakh sunskogo Kitaya. SPb.: Izd-vo «Nauka», 2008. 282 s.
4. Vasil'ev L. S. Kul'ty, religii, traditsii v Kitae. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 2001. 488 s.
5. Vitukhnovskaya A. A. Umri, lisa. URL: <https://avitukhnovskaya.livejournal.com/521558.html> (data obrashcheniya 21.03.2024).
6. Vodennikov D. B. Ispoved' kitaiskogo lisa-oborotnya // Vodennikov v proze. Luchshie esse. M.: AST: Redaktsiya Eleny Shubinoi, 2018. 384 s. S. 198-208.
7. Go Vei. Lisy-oborotni v kitaiskoi literature i iskusstve i v tvorchestve V. Pelevina // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2020. № 3 (82). S. 341-343.
8. Dostoevskii F. M. Brat'ya Karamazovy // Dostoevskii F.M. Sobranie sochinenii v 15 tomakh. T. 9. L.: Nauka, 1991. 696 s.
9. Dubakov, L. V., Go Ven'tszin. Kul'turnyi obraz lisy-oborotnya v poezii Eleny Shvarts / L. V. Dubakov, V. Go // Mir russkogovoryashchikh stran. 2022. № 3(13). S. 81-94.
10. Dubakov L. V., Go Ven'tszin. Modernizatsiya obraza khuli-tszin i transformatsionnyi kharakter real'nosti v romane V. O. Pelevina «Svyashchennaya kniga oborotnya» // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2023. № 8. S. 1-11.
11. Evtushenko N. Yu. "Mifologichnost'" khudozhestvennoi kartiny mira: Obraz oborotnya-lisy v rasskaze Yu. Mamleeva "Uchitel'" / N. Yu. Evtushenko // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2008. № 1-1(1). S. 88-90.
12. Kastaneda K. Koleso vremeni. URL: <http://www.eunet.lv/library/win/KASTANEDA/kast11.txt> (data obrashcheniya 21.03.2024).
13. Kastaneda K. Sila bezmolviya. URL: <https://www.universalinternetlibrary.ru/book/34929/ogl.shtml> (data obrashcheniya 21.03.2024).
14. Kastaneda K. Skazki o sile. URL: <http://tallinn.cold-time.com/texts/BOOKS/KASTANEDA/kast4.txt.htm> (data obrashcheniya 21.03.2024).
15. Ketro M. Zhena-lisitsa. URL: <https://fb2.top/lisyya-chestnosti-237261/read> (data obrashcheniya 21.03.2024).
16. Kononova N. Yu. Sistema metafizicheskikh motivov v rasskazakh Yu. Mamleeva 1960-1974 godov: spetsial'nost' 10.01.01 "Russkaya literatura": avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Kononova Nadezhda Yur'evna. Stavropol', 2009. 20 s.
17. Mamleev Yu. V. Uchitel' // Sobranie sochinenii / Sost., podgot. teksta i komment.: E. A. Gornyi. Russkaya virtual'naya biblioteka, 1999. URL: <https://rvb.ru/20vek/mamleev/01prose/2stories/2centre/50.htm?ysclid=lu02oq7hx792088111> (data obrashcheniya 21.03.2024).
18. Markova V. N. Veer molodosti. Yaponskie skazki. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1991. 303 s.
19. Novikov VI. I. Kniga o parodii. M.: Sovetskii pisatel', 1989. 544 s.
20. Pelevin V. O. Svyashchennaya kniga oborotnya: Roman. M.: Izd-vo Eksmo, 2004. 384

- s.
21. Yakovlev M. V., Karpenko A. V. Motiv oborotnichestva v tvorchestve F.M. Dostoevskogo i Yu.V. Mamleeva (na materiale rasskazov "Krokodil" i "Uchitel'") / M. V. Yakovlev, A. V. Karpenko // Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tehnologicheskogo universiteta. 2022. № 2. S. 142-147.
 22. Yaponskie skazki / perevod s yaponskogo [V. Markovoi i B. Beiko; predisl. V. Markovoi]. M.: Goslitizdat, 1958. 215 s.

Galen on the Greek Language of Medicine: Echoes of Sophistic Debates on Atticism and Asianism

Prolygina Irina Viktorovna

PhD in Philology

Head of the Department; Department of Latin Language and Fundamentals of Terminology, Russian University of Medicine

Dolgorukovskaya str., 4, Moscow, 127006, Russia

 prolygina99@yandex.ru

Abstract. The Galenic corpus of texts provides extensive material for the study of not only medicine and philosophy of the 2nd century but also the cultural and intellectual life in Rome during this period. The aim of this article is to analyze a series of excerpts from Galen's works that reveal his role as one of the Roman intellectuals in the sophistic debates on Atticism and Asianism, and to clarify his contribution to maintaining terminological consistency in the Greek language of medicine. Although Galen wrote scientific and technical prose, he paid close attention to issues of language and style, emphasizing the classical Greek education he received in his childhood and his adherence to the Attic tradition. Linguistic digressions aimed at clarifying archaic terminology are found in Galen's numerous commentaries on the works of Hippocrates, where he explains difficult passages by referring to classical Attic literature. Additionally, Galen drew on the Greek language prevalent in Asia Minor, which he also used to interpret Hippocratic terms. Beyond classical literature, he was well acquainted with the Hellenistic lexicographical tradition and criticized contemporary physicians for introducing neologisms unsupported by prior medical traditions. Galen's approach to language was not limited to literary sources; he often relied on personal experience and regional usage, particularly in pharmacology. Galen's remarks on language demonstrate his deep knowledge of Greek dialects and his commitment to preserving terminological consistency rooted in the texts of ancient medical authors. The findings of this study enhance our understanding of the period known as the Second Sophistic, filling some gaps in the field of sophistic debates on the language of science, particularly the language of medicine.

Keywords: Greek dialects, Atticism, Asianism, standardization of terminology, ancient commentary, lexicology, Greek language of medicine, Second Sophistic, Galenic Corpus, Galen

References (transliterated)

1. Swain S. Hellenism and Empire: Language, Classicism and Power in the Greek World AD 50-250. Oxford, 1996.
2. Schmitz T. Bildung und Macht: zur sozialen und politischen Funktion der zweiten Sophistik in der griechischen Welt der Kaiserzeit. Zetemata XCVII. Munich, 1997.
3. Prolygina I. V. Galen. *De libris propriis. O sobstvennykh knigakh* // Schole. Filosofskoe antikovedenie i klassicheskaya traditsiya. 2017. T. 11, № 2. S. 636-677. DOI:

- 10.21267/AQUILO.2017.11.6485 EDN: ZDOHBT.
4. Hankinson R. J. Galen on the Foundations of Science / J. A. López Férez (ed.). Galeno: obra, pensamiento e influencia: Coloquio internacional, Madrid, 1988. Madrid, 1991. P. 15-29.
 5. von Staden H. Science as Text, Science as History: Galen on Metaphor / Ph. van der Eijk, H. F. J. Horstmanshoff, P. H. Schrijvers (eds.). Ancient Medicine in Its Socio-Cultural Context. 1995. Vol. II. Rodopi, Amsterdam-Atlanta. P. 499-518.
 6. Mattern S. P. Galen / D. S. Richter and W. A. Johnson (eds.). The Oxford Handbook of the Second Sophistic. Oxford, 2017. P. 371-388.
 7. Petit C. Galen, Rhetoric, and the Second Sophistic / P. N. Singer, R. M. Rosen (eds.). The Oxford Handbook of Galen. Oxford, 2024. P. 87-99.
 8. Prolygina I. V. Razvitie zhanra nauchnogo kommentariya v Galenovskom korpusse // Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal. 2024. T. 13, № 4 (49). S. 85-89.
 9. Manetti D. Galen and Hippocratic medicine: language and practice / C. Gill, T. Whitmarsh, J. Wilkins (eds.). Galen and the World of Knowledge. Cambridge: CUP, 2009.
 10. Strohmaier G. Die Ethik Galens und ihre Rezeption in der Welt des Islams / J. Barnes and J. Jouanna (eds.). Galien et la philosophie. Fondation Hardt Entretiens sur l'Antiquité Classique. Vandoeuvres-Geneva, 2003. Vol. XLIX. P. 307-326.
 11. López Férez J. A. El helenismo de Galeno / V. Boudon, A. Garzya, J. Jouanna, A. Roselli (eds.). Ecdotica e trasmissione dei testi medici greci. Naples, 2005. P. 137-165.
 12. Brixhe S. Linguistic Diversity in Asia Minor during the Empire: Koine and non-Greek Languages / E. J. Bakker (ed.). A Companion to the Ancient Greek Language. Oxford, 2010. P. 228-252.
 13. Cassio A. C. Parlate locali, dialetti delle stirpi e fonti letterarie nei grammatici greci / E. Crespo, J. L. García Ramón, A. Striano (eds.). Dialectologia graeca. Actas del II Coloquio Internacional de Dialectología griega. Madrid, 1991. P. 73-90.
 14. Barnes J. Logique et pharmacologie: à propos de quelques remarques d'ordre linguistique dans le *De simplicium medicamentorum temperamentis ac facultatibus* de Galien // A. Debru (ed.). Galen on Pharmacology: Philosophy, History and Medicine. Leiden: Brill, 1997. P. 3-33.
 15. Prolygina I. V. O roli nauchno-issledovatel'skikh puteshestvii v meditsinskom obrazovanii II-III vv. n.e. // Hypothekai. Zhurnal po istorii antichnoi pedagogicheskoi kul'tury. 2022. № 6. S. 17-39. DOI: 10.32880/2587-7127-2022-6-6-17-39 EDN: PFDOGR.

The impact of gender identity on language variability

Ostapenko Anna Borisovna

PhD in Sociology

Associate Professor; Higher School of Linguodidactics; Pacific National University

136 Pacific Street, office 332c, Khabarovsk, Khabarovsk Territory, 680035, Russia

 009098@togudv.ru

Abstract. The subject of our study is the differences in language in terms of gender. The article defines the concept "gender" as the social sex of a person, and also presents a brief excursion into the history of research about the influence of gender on the speech behavior of

men and women. The questions of female and male language existence was discussed by linguists long time ago. From their points of view speech behavior depends on gender identity. By examining language through the lens of social stratification and gender roles, we can better understand complexities of communication and identity. This perspective encourages a more nuanced view of language variation, highlighting the importance of context, social expectations, and the dynamic interplay of various factors that shape how individuals express themselves linguistically. The aim of the article is to investigate the retrospective dynamics of gender studies in the field of linguistics. The author uses the method of diachronic analysis of early and later works on the influence of gender on language variation. All researchers emphasize the androcentricity of language. However, there are some doubts that this tendency is an expression of gender inequality and dominance of male language over female language. Furthermore, conclusions about historical androcentricity depend on the gender identity of authors. From the point of view of early works, masculine and feminine identity is reflected in the linguistic means used, as well as in the rhetoric and expression of speech behavior. It is important to recognize the intensification of gender-focused research in linguistics. The author finds similar points of view in later works. The article reflects the author's intermediate conclusions in the study of verbalization of gender stereotypes, which contribute to the understanding of the world picture and the creation of a conflict-free communicative space.

Keywords: gender identity, dominating, gender aspect, verbalization of gender stereotypes, speech behavior, androcentricity, gender linguistic, linguistic variability, gender stereotypes, gender

References (transliterated)

1. Ostapenko A.B. Androtsentrizm v poslovitsakh angliiskogo yazyka kak sledstvie verbalizatsii gendernykh stereotipov // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2022. № 9. S. 152-155. – DOI: 10.37882/2223-2982.2022.09.24.
2. Ostapenko A.B. Osobennosti verbalizatsii stereotipnykh gendernykh predstavlenii v raznykh (russkom, angliiskom, frantsuzskom, pol'skom, cheshskom, kitaiskom) yazykakh // Sovremennoe pedagogicheskoe obrazovanie. 2021. № 2. S. 178-182.
3. Gerder I.G. Idei k filosofii istorii chelovechestva. (Ideen zur Philosophie der Geschichte der Menschheit) Perevod i primechaniya A.V. Mikhailova. Otvetstvennyi redaktor A.V. Gulyga. Moskva: Nauka, 1977. 703 s.
4. Thorne B., Henley N. Language and Sex: Difference and Dominance. Rowley, MA: Newbury House, 1974.
5. Humboldt W. On language: On the diversity of human language construction and its influence on the mental development of the human species. New York: Cambridge University Press, 1999.
6. Zinov'eva E. S. Feministskaya lingvistika v kontekste postmodernistskoi filosofii // Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik. 2016. № 1. S. 43-47.
7. Mauntner F. Die Sprache. Leipzig: Verlag von J. A. Barth, 1910.
8. Maunthner F. Beiträge zu einer Kritik der Sprache. Band 1 (Zur Sprache und Psychologie), 3. Auflage, Stuttgart und Berlin, 1921 (zuerst 1913).
9. Kirilina A.V. Gender: lingvisticheskie aspekty. M.: In-t sotsiologii RAN, 1999. 189 s.
10. Homberger D. MännerSprache – Frauensprache: Ein Problem der Sprachkultur? // Muttersprache. 1993. S. 89-112.

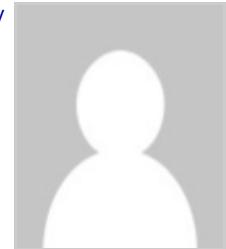
11. Lakoff R. "Language and Woman's Place". New York: Harper & Row, 1975. URL: <https://archive.org/details/languagewomanspl00lako/page/n3/mode/2up> (Data obrashcheniya: 06.02.25).
12. Goroshko E.I. Problemy izucheniya osobennosti muzhskogo i zhenskogo stilya rechi // Formirovanie kommunikativnykh i intellektual'nykh navykov shkol'nikov i studentov. Dnepropetrovsk, 1994. S. 160-169.
13. Goroshko E.I. Teoreticheskaya model' muzhskogo i zhenskogo verbal'nogo povedeniya // Markery verbal'nogo i neverbal'nogo povedeniya muzhchin i zhenshchin. Kiev. 1996. S. 1-80.
14. Lukina O.Yu. O razlichiyakh muzhskoi i zhenskoi rechi. // Antropologicheskaya lingvistika. 2009. 224 s.
15. Bozhanova N.G. Gendernye issledovaniya v lingvistike: istoriya, sovremenost', perspektivy // Vestnik Tambovskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2012. № 5 (109). S. 69-74.
16. Alkhlavova I.Kh. Gendernye osobennosti yazyka poezii Dzhaminat Kerimovo (na materiale lyubovnoi liriki) // Litera. 2019. № 2. S. 126-136. DOI: 10.25136/2409-8698.2019.2.29787 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29787
17. Migranova I.Kh. Problema vyyavleniya gendernykh razlichii v vospriyatiu pis'mennykh nauchnykh tekstov // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2017. № 2. S. 1-12. DOI: 10.7256/2454-0749.2017.2.22978 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=22978
18. McElhinny B. Theorizing gender in sociolinguistics and linguistic anthropology // The handbook of language and gender / J. Holmes, M. Meyerhoff (eds.). Oxford, 2003. P. 21-42.
19. Zinov'eva E.S. Predposylki stanovleniya gendernoj lingvistiki // Yaroslavskii pedagogicheskii vestnik. 2014. T. 1, № 3. S. 158-162.
20. Doinikova M.I. Gendero-neitral'nyi yazyk v universitetskoi srede Germanii // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2022. 15 (9). S. 2900-2904. URL: <http://philology-journal.ru> (Data obrashcheniya: 14.03.25).
21. Kovaleva E.D., Koshmina A.S., Vlasenko N.I. Gendernaya neitral'nost' yazyka i ee vliyanie na yazykovye normy // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika. 2022. 12 (3). S. 68-76.
22. Elektronnyi resurs. Feminizator slov – generator feminitivov. URL: <http://feminism-russia.ru/feminizator> (Data obrashcheniya: 14.03.25).
23. Khizhnyak S.P. Feminitivy vs gendero-neitral'nye slova so znacheniem professii v russkom i angliiskom yazykakh // Yazyk nauki i professional'naya kommunikatsiya. 2020. № 2 (3). S. 24-37. DOI: 10.24411/2658-5138-2020-10002.

Musical images in the novels “The Master and Margarita” by M. A. Bulgakov, “The Great Gatsby” by F. S. Fitzgerald and “The Song of Endless Longing” by Wang Anyi: from earthly noise to ethereal harmony

Associate Professor, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Shenzhen, Guojidaxueyuan str, 1

✉ dubakov_leonid@mail.ru

Guo Xin

Graduate student, Faculty of Philology, Shenzhen MSU-BIT University

518172, China, Guangdong region, Shenzhen, Guojidasueyuan str, 1

✉ galina.99@qq.com

Abstract. The article analyses the novels "The Master and Margarita" by M. A. Bulgakov, "The Great Gatsby" by F. S. Fitzgerald and "The Song of Endless Longing" by Wang Anyi from the point of view of the presence of musical images associated with specific musical works, performers, genres, instruments, etc. in them. Music influences the themes and issues, images of the protagonists, character system, plot, composition, motive structure, and stylistic features of these books. In all three novels the presence of two spheres – earthly space and other-worldly reality – is revealed. These spheres, having opposite axiological connotations, manifest themselves also through music. New York, Moscow and Shanghai are portrayed by the writers as cities existing within the real or conventional "jazz age" – in a broad sense within the era of "nervous excitement" against the background of past and approaching turbulent changes. Jazz in "The Master and Margarita", "The Great Gatsby" and "Song of Endless Longing" symbolises the illusory romanticisation of earthly life, which in fact is full of ugly, suffering and transitory things. The heroes of Bulgakov, Fitzgerald, Van Anyi in the final stories, being killed, pass into otherness, leaving behind a coarse and vulgar world filled with earthly noise, characterised by falsity or cacophony, and hearing harmonious music associated with natural sounds or coming from metaphysical soundlessness. The relevance of the article is determined by the high interest of modern literary studies to the comparison of works created in different national cultures, in particular – in Russian, Western and Chinese, as well as to intermedial phenomena, in this case – to the interaction between literature and music. The novelty of the article is due to the comparison of the novels of Bulgakov, Fitzgerald and Wang Anyi, which has never been made before.

Keywords: harmony of silence, metaphysical transition, comparativist analysis, romanticisation, travesty, jazz age, musical images, Wang Anyi, Francis Scott Fitzgerald, Michael Bulgakov

References (transliterated)

1. Boichuk E. I., Vorontsova I. A., Shlyakhtina E. V., Belyaeva O. V. Fonostilisticheskie osobennosti ritmiki romana F. S. Fitsdzheral'da «Velikii Getsbi» // Idiostil' i ritm teksta. Yaroslavl': Yaroslavskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. K.D. Ushinskogo, 2019. S. 101-137.
2. Bochkareva N. S. Fin de siecle i «vek dzhaza»: intermedial'nye parallel'i (graficheskii list «Pokhorony Salomei» O. Berdsli i son Nika Karraueya v romane «Velikii Getsbi» F. S. Fitsdzheral'da) / N. S. Bochkareva // Mirovaya literatura v kontekste kul'tury. 2017. № 6(12). S. 78-83.

3. Bulgakov M. A. Master i Margarita. M.: Sovremennik, 1984. 451 s.
4. Van An'i. Pesn' o beskonechnoi toske; per. s kit. i predisl. M. V. Semenyuk. M.: IVL, 2015. 557 s.
5. Gasparov B. M. Iz nablyudenii nad motivnoi strukturoi romana M. A. Bulgakova «Master i Margarita» / B. M. Gasparov // Daugava. 01/1989. № 1(139). S. 78-90.
6. Kamysheva O. S. Kontsepty cherez prizmu muzykal'nykh metafor v romane F. S. Fitsdzheral'da «Velikii Getsbi» // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2018. № 1 (37). S. 142-147.
7. Kobzev A. I., Orlova N. A. «Pesn' o beskonechnoi toske» v stikhakh i proze: o poeme Bo Tszyui-i i romane Van An'-i / A. I. Kobzev, N. A. Orlova // Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae. 2018. T. 48. № 2. S. 749-758.
8. Komisarenko A. N. Muzyka i ee znachenie v romane M.A. Bulgakova «Master i Margarita» / A. N. Komisarenko // Aktual'nye problemy duchovnosti. 2009. № 10. S. 254-265.
9. Maisheva K. A., Suslova I. V. Romanticheskie reministsentsii v romane F. S. Fitsdzheral'da «Velikii Getsbi» / K. A. Maisheva, I. V. Suslova // Vestnik molodykh uchenykh PGNIU : Sbornik nauchnykh trudov, Perm', 01 aprelya – 30 2014 goda / Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet. Tom Vypusk 4. Perm': Federal'noe gosudarstvennoe byudzhetnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego professional'nogo obrazovaniya «Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet», 2014. S. 22-26.
10. Nikulina A. V. Muzyka romana M. Bulgakova «Master i Margarita»: monografiya / A. V. Nikulina. Ekaterinburg: Uchebnaya kn., 2003. 258 s.
11. Plyushchenko M. N. K probleme muzykal'nosti literatury: muzykal'nye printsipy postroeniya khudozhestvennogo teksta / M. Plyushchenko // Slovo – tekst – smysl: sb. studen. nauch. rabot / Ural. gos. un-t, [Filol. fak.]. Ekaterinburg, 2006. Vyp. 2. S. 42-46.
12. Semenyuk M. V. Mirazh i real'nost' v romanakh Van An'i o Shankhae / M. V. Semenyuk // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 13: Vostokovedenie. 2014. № 2. S. 16-25.
13. Semenyuk M. V. Spetsifika khudozhestvennogo mira proizvedenii Van An'i: spetsial'nost' 10.01.03 "Literatura narodov stran zarubezh'ya (s ukazaniem konkretnoi literatury)": dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk / Semenyuk Mariya Vladimirovna. Moskva, 2018. 240 s.
14. Fitsdzheral'd F. S. Velikii Getsbi. Moskva – Augsburg, «Im-Werden-Verlag», 2001. 85 s.
15. Fitsdzheral'd F. S. Otzvuki veka dzhaza / Pisateli SShA o literature: [Sbornik. V 2-kh t.]. Per. s angl. / [Sost. A. Nikolyukin]. T. 2. M.: Progress, 1982. 455 s. S. 63-71.
16. Chzhao Ifei. O roli Shankhaya v stanovlenii kitaiskogo dzhazovogo iskusstva // Muzykal'noe obrazovanie i nauka. 2019. № 2 (11). S. 34-39.
17. Shakhmatova, Yu. S. Obraz «veka dzhaza» v romane F. S. Fitsdzheral'da «Velikii Getsbi» / Yu. S. Shakhmatova // Yazyk. Kul'tura. Mediakommunikatsiya. 2021. T. 1, № 1. S. 249-253.
18. Shilov V. V. Fokstrot v romane M. Bulgakova «Master i Margarita» / «Acta eruditorum». 2019. № 32. S. 79-87.

Methods of teaching a foreign language: traditions and innovations

PhD in Philology

Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Kabardino-Balkarian State University named after H.M Berbekov

173 Chernyshevsky str., building 4, Nalchik, 360004, Russia

 rysal2727@gmail.com

Karchaeva Svetlana Hakimovna

PhD in Philology

Senior lecturer; Department of Foreign Languages; Kabardino-Balkarian State University named after H.M Berbekov

173 Chernyshevsky str., room 4, Nalchik, Kabardino-Balkarian Republic, 360004, Russia

 s.karchaeva@mail.ru

Abstract. The subject of the research is the main traditional and innovative methods of teaching a foreign language, which are actively used in the modern educational process. In the context of globalization, foreign language proficiency is important for the professional formation and development of an individual, and therefore, the modern education system pays close attention to teaching foreign languages. However, discussions often arise in the educational environment regarding the expediency of using certain teaching methods or the need to combine them to increase the effectiveness of students' learning of knowledge and skills. Taking into account the dynamics of the Russian educational system, as well as the specifics and diversity of approaches used in the language learning system, the relevance and importance of analyzing and evaluating the methods and approaches used becomes obvious. The authors used methods of theoretical analysis and empirical research (observation, comparison, etc.), since a combination of theoretical and practical teaching is of particular applied importance for a foreign language. In this article, the authors emphasize the expediency of combining established traditions and innovative approaches in modern methods of teaching a foreign language. Based on the analysis of the most common foreign language teaching methods, their strengths and weaknesses have been identified, which it seems advisable to take into account in the process of improving educational approaches. Many teaching methods that have been used and demonstrated practical effectiveness for decades are still relevant today, but this does not at all indicate their exceptional priority. Attention is focused on the prospects of combining various methods in order to improve the effectiveness of teaching a foreign language. The relevance of the introduction of information and digital technologies into the process of teaching a foreign language is emphasized, however, these novelties are considered as improvements in teaching methods, rather than appropriate techniques.

Keywords: design methodology, grammar and translation methodology, competence-based approach, innovative techniques, traditional methods, foreign language, teaching methods, teaching methodology, communication methodology, digital methodology

References (transliterated)

1. Bikkulova G. R. Vozmozhnosti primeneniya razlichnykh metodik obucheniya inostrannym yazykam // Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena. 2023. № 207. S. 127-134. DOI: 10.33910/1992-6464-2023-207-127-134. EDN: HVSPE.
2. Baryshnikov N. V. Metodika obucheniya inostrannym yazykam v kontekste

- sovremennoykh realii: problemy i resheniya // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki. 2024. № 1(850). S. 16-23. EDN: JDRVYO.
3. Turing V. V. Neeffektivnost' primeneniya ustarevshikh metodik i slozhnosti vnedreniya novykh v protsesse obucheniya inostrannym yazykam // Aktual'nye voprosy obrazovaniya. 2023. № 2. S. 88-94. EDN: COXIFY.
 4. Saradbekov F. N., Todzhuddinov M. S. Proektnaya metodika pri obuchenii inostrannomu yazyku // Aktual'nye problemy mezhkul'turnoi kommunikatsii: sbornik nauchnykh statei po materialam KhVII Kirillo-Mefodievsikh chtenii (14 maya 2024 goda) / otv. red. G. A. Zabelina; sost. S. V. Red'kin; Moskovskii gumanitarno-tehnologicheskii universitet-Moskovskii arkhitektурно-stroitel'nyi institut. M.: MASI, 2024. S. 352-358. EDN: HCQYGT.
 5. Magomadova T. D., Privalova Yu. V., Ovcharenko V. P. Teoreticheskie osnovy sovremennoi kommunikativnoi metodiki obucheniya inostrannym yazykam studentov vuzov // Upravlenie obrazovaniem: teoriya i praktika. 2024. № 3-2. S. 236-245. DOI: 10.25726/q0295-3165-3201-s. EDN: UQCSXR.
 6. Metodika prepodavaniya inostrannykh yazykov v obshcheobrazovatel'noi organizatsii s uchetom realizatsii modelei smeshannogo obucheniya / Yu. V. Krasnoperova, K. V. Borovikova, V. V. Tarasenko [i dr.]. Komsomol'sk-na-Amure: Amurskii gumanitarno-pedagogicheskii gosudarstvennyi universitet, 2023. 148 s. EDN: KYWDSU.
 7. Titova S. V. Tsifrovaya metodika obucheniya inostrannym yazykam: uchebnik. 1-e izd. Moskva: Izdatel'stvo Yurait, 2023. 248 s. EDN: JAVZTQ.
 8. Petrova E. A. Metodika primeneniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta pri obuchenii inostrannym yazykam // Aktual'nye problemy sovremennoego inoyazychnogo obrazovaniya. 2023. № 18. S. 70-80. EDN: TPYWFW.
 9. Nesterova A. M. Metodika obucheniya inostrannomu yazyku s ispol'zovaniem internet-resursov dlya studentov neyazykovykh fakul'tetov // Mir nauki. Pedagogika i psichologiya. 2024. T. 12, № 5. S. 101-114. EDN: NZJEHE.
 10. Rudometova L. T., Shlangman M. K. Ispol'zovanie komp'yuternykh i internet-tehnologii v praktike obucheniya inostrannym yazykam // Sovremennyi uchenyi. 2024. № 1. S. 246-250. EDN: TFXVMF.

The semantic evolution of the Latin loan word "sic" from 19th-century usage to modern Internet communication

Shuiskaya Yuliya Viktorovna □

Doctor of Philology

Professor; Department of Journalism, Media Communications and Advertising; Griboyedov Moscow University

66a Zeleny ave., office 311, Moscow, 111396, Russia

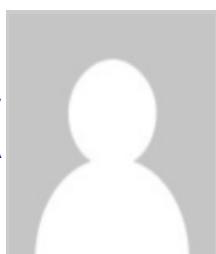
✉ shujskaya@yandex.ru

Yakovenko Danil Dmitrievich

Graduate student; Faculty of Journalism; AS. Griboyedov Moscow University

111396, Russia, city, Moscow, ave. Green, 66A

✉ uselessraccoon@mail.ru

Abstract. The subject of the study is the semantic evolution of the Latin loan word "sic" (so) from the usage of the late XVIII – early XXI century. The object of the research is the process of migration of the borrowed lexeme from the scientific style to the journalistic one and then into the practice of online communication of anonymous forums and image boards. The authors consider in detail such aspects of the topic as the shades of meaning of the word sic when it first appeared in the Russian language (based on the materials of the National Corpus of the Russian Language), subsequent changes in meaning, dating back to the context of the novel by F.M. Dostoevsky "Idiot", and the introduction of the analyzed lexeme into the practice of anonymous dialogues on the Internet. Special attention is paid to the functions of the analyzed borrowing in modern Internet dialogues and its use as a marker of meta-irony and distancing the subject of speech from the quoted point of view. The research methods include a quantitative analysis conducted using corpus linguistics tools, as well as a method of semantic analysis of isolated contexts from texts of scientific, journalistic, artistic style, as well as anonymous dialogues on the Internet. The main conclusions of the study concern the functions of the Latin use of sic : the first contexts of its use date back to the second half of the 19th century, the latest contexts indicate the context of self-irony, meta-irony. A special contribution of the authors to the research of the topic is the identification, using the means of corpus linguistics, of the moment of the origin of the expressive semantics of the Latin word sic and its further development in the Russian language. The scientific novelty of the study lies in tracing the trajectory of the semantic change of this word throughout the history. The analyzed borrowing has not previously been considered in Russian science either from the point of view of its semantics or from the point of view of the pragmatics of its use in modern discourse, which determines the novelty of the research being undertaken.

Keywords: image board, latinism, evolution, internet communication, scientific style, internet, latin language, borrowing, journalistic style, media

References (transliterated)

1. Frolova O.A. Semanticheskoe osvoenie zaimstvovanii // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki. 2010. № 12. S. 283-286.
2. Khokhonin D.E., Ovsyannikova K.V. Spetsifika funktsionirovaniya varvarizmov v russkoj rechi // Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki. 2017. № 2 (25). S. 10-16.
3. Zubenko I.V., Masneva I.E., Skokova N.N. Latinskie zaimstvovaniya v russkom jazyke // Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2016. № 4-2. S. 163-165.
4. Natsional'nyi korpus russkogo jazyka // URL: <https://ruscorpora.ru/> (data obrashcheniya: 12.03.2025).
5. Dvoretskii I.Kh. Latinsko-russkii slovar'. M.: Russkii jazyk, 1996. 846 s.
6. Dostoevskii F.M. Idiot. L.: Lenizdat, 1987. 640 s.
7. Bushev A.B. Yazykovye i ritoricheskie osobennosti elektronnoi rechi // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2024. Vyp. 6 (887). S. 18-24.
8. Mishankina N.A. Sotsial'nye normy v internet-kommunikatsii: sotsiolingvisticheskii aspekt // Gumanitarnaya informatika. 2013. № 7. S. 72-78.
9. Arhivach. Stabilizets // URL: <https://arhivach.hk/thread/345567/> (data obrashcheniya: 13.03.2025).
10. Arhivach. Obezumevshego rublya tred №1216 // URL: <https://arhivach.hk/thread/103937/> (data obrashcheniya: 13.03.2025).

11. Arhivach. Velikaya sovetskaya shkola khudozhestvennogo perevoda // URL: <https://arhivach.hk/thread/1019860/> (data obrashcheniya: 13.03.2025).
12. Gabdrafikova T.Sh. Strategii neautentichnoi rechevoi agressii v virtual'noi srede // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2018. № 12-3 (90). S. 496-499.
13. Dement'ev V.V. "Lurkomor'e" vs. "Vikipediya" = "Neformal'no" vs. "Formal'no"? // Zhanry rechi. 2015. № 1 (11). S. 137-151.

Discursive formation of the national identity of Great Britain: syntactic aspect

Vlasova Vlada Vladimirovna

Postgraduate Student; Department of Theory and Practice of Foreign Languages; Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

Mklukho-Maklaya str., 6, Moscow, 117198, Russia

 1142230126@pfur.ru

Abstract. British national identity has been under constant study by scientists for a long period of time, but after Brexit, interest in this topic has increased significantly. The British nation, especially the part of it that was on the side of the Eurosceptics, after Brexit was aimed at strengthening the British identity and completely destroying any influence of globalization on the inner worldview of the British nation. But despite the expectation of the British, many scientists agree that the national British identity is still in crisis. Thus, the object of this research is the syntactic tools of the English-language political discourse of online mass media, and the purpose is to identify the current state of British national identity through the analysis of syntactic tools of political discourse in modern Britain. Current works (most are under five years old) of Russian and foreign scientists in the field of political discourse and national, including British, identity form the methodological basis of the research. The scientific novelty of the study lies in the fact that for the first time the state of national British identity is considered by analyzing the syntactic tools of discourse of current publications of British online publications. The analysis of syntactic tools of English-language political discourse is carried out on the basis of online media texts for the period January – February 2025, which makes the study innovative and reflects the trends of modern linguistic science. As a result of the conducted research, it was found that the British national identity is expressed most often by such syntactic tools as the subjunctive mood, passive constructions and the use of modal verbs. The research perspective is to study intertextuality and interdiscursivity as a way of constructing the discursive expression of British national identity, as well as the pragmatic aspect of the discursive formation of national British identity.

Keywords: Brexit, syntax, political discourse, online-magazine, syntactic tools, British national identity, national identity, English language, discourse, media

References (transliterated)

1. Kazakov I. V. Konstruirovaniye britanskoi natsional'noi identichnosti v kontekste Brezita: evolyutsiya diskursa prem'er-ministrov Velikobritanii // Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya. 2021. T. 15. № 1. S. 109-118. – DOI: 10.17072/2218-1067-2021-1-109-118. EDN: OSWWCK.
2. Kornienko O. Yu. Bazovye tsennosti Velikobritanii vchera i segodnya // Tsennosti i smysly. 2020. № 5. S. 60-73. – DOI: 10.24411/2071-6427-2020-10045. EDN: GXTVYZ.

3. Ashcroft R. T., Bevir M. Brexit and the Myth of British National Identity // British Politics. 2021. № 16. Р. 117-132. – DOI: 10.1057/s41293-021-00167-7. EDN: NCUUBK.
4. Atapin E. A. Vliyanie partii nezavisimosti Soedinennogo Korolevstva na angliiskuyu natsional'nyu identichnost' na sovremenном etape // Vestnik NVGU. 2022. № 2. S. 4-9. – DOI: 10.36906/2311-4444/22-2/01. EDN: YPSXME.
5. Ignatova E. S. Yazykovaya situatsiya v Velikobritanii kak otrazhenie natsional'nogo samosoznaniya // Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika. 2019. № 2. S. 12-17. – DOI: 10.17516/2311-3499-053. EDN: FAOAIZ.
6. Malkin S. G. Obrazovatel'naya politika i formirovanie britanskoi identichnosti na natsional'nykh okrainakh // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki. 2021. № 4. S. 66-71. – DOI: 0.37313/2658-4816-2021-3-4-66-71. EDN: YHHWAP.
7. Painter C. Reconstructing British identity: Formula One, Michael Schumacher and the British Press at the turn of the century // Language and Intercultural Communication. 2024. № 2. Р. 77-89. – DOI: 10.1080/14708477.2023.2250751.
8. Honeyman V. The Johnson factor: British national identity and Boris Johnson // British Politics. 2023. № 18. P. 40-59. – DOI: 10.1057/s41293-022-00211-0. EDN: TSWNBY.
9. Tranter B., Donoghue J. Embodying Britishness: National identity in the United Kingdom // Nations and Nationalism. 2021. P. 992-1008. – DOI: 10.1111/nana.12730. EDN: GXHQNO.
10. Garsiya-Kaseles K., Malenkova A. A. Leksiko-kognitivnye osobennosti kontsepta Brexit / Breksit v kontekste sovremennoi angliiskogo i Evropeiskogo politdiskursa // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2020. № 9. S. 203-207. – DOI: 10.30853/filnauki.2020.9.37. EDN: LXEZVY.
11. Record O., Edverton F. British nationalism in the era of integration // International Tax and Public Finance. 2022. № 1. P. 139-145.
12. Vlasova V. V. Diskursivnoe formirovanie natsional'noi identichnosti Velikobritanii: semantiko-ritoricheskii aspekt // Filologicheskie nauki: voprosy teorii i praktiki. 2025. Т. 18. № 1. S. 254-259. – DOI: 10.30853/phil20250038. EDN: AGPKZV.
13. Vlasova V.V. Diskursivnoe formirovanie natsional'noi identichnosti Velikobritanii: leksicheskii aspekt // Filologiya: nauchnye issledovaniya. 2024. № 4. S. 57-72. DOI: 10.7256/2454-0749.2024.4.70508 EDN: PYQYHY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70508
14. Savel'eva I. V. Neprofessional'nyi politicheskii diskurs: lingvopragmaticskei i lingvopersonologicheskii aspekty. Monografiya. SPb: Naukoemkie tekhnologii, 2021. 139 s. EDN: NRPILL.
15. Aleshina E. Yu., Golova D. D. Britanskaya politicheskaya ritorika v rakurse kul'turospetsifichnosti // Galactica Media: Journal of Media Studies. 2023. № 4. S. 160-180. – DOI: 10.46539/gmd.v5i4.426. EDN: EWXUAQ.
16. Mel'nichuk M. V., Starodubtseva E. A. Ispol'zovanie yazyka kak instrumenta upravleniya obshchestvom (opyt zarubezhnykh stran) // Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. 2022. № 6. S. 63-71. – DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-6-63-71. EDN: KCYOYN.
17. Abrahamyan S., Banshchikova M. Peculiarities of Argumentative Strategies of Modern English Political Discourse // Functional Approach to Professional Discourse Exploration in Linguistics / E. Malyuga. Singapore: Springer, 2020. Pp. 165-198.
18. Popova T. G., Loskutova S. V. Aktualizatsiya znachenii leksicheskoi edinitsy v politicheskem diskurse // Politicheskaya lingvistika. 2022. № 4. S. 90-94. – URL:

- <https://politlinguistika.ru/archive/2022/4-2022/aktualizatsiya-znachenij-leksicheskoy-edinitcy-v-politicheskem-diskurse>. EDN: RJBYOU.
19. Shekhovtsova E. E. Latinskie vyrazheniya v diskurse politikov Velikobritanii // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2024. № 1. S. 120-126. EDN: PXSUVL.
 20. Katermina V. V., Shershneva N. B. Prefiksy latino-grecheskogo proiskhozhdeniya v angloyazychnom neologicheskem diskurse // Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2022. T. 16. № 4. S. 542-547. – DOI: 10.30914/2072-6783-2022-16-4-542-547. EDN: UTOEXV.
 21. Seredina E. V. Rol' sintaksicheskikh sredstv v politicheskoi karikature // Nauchnyi zhurnal KubGAU. 2013. № 91. S. 1780-1789. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20678999&ysclid=m788oszftx942348709>.
 22. Guseinova R. F. Vliyanie tipov i zhanrov diskursa na vybor nekotorykh sintaksicheskikh sredstv // ELS. 2023. № 9. S. 314-319.
 23. Khasanova N. F., Gil'mutdinova I. Z., Zakirova R. R. Sintaksicheskie sredstva vyrazheniya ekspressivnosti (na materiale angloyazychnoi pressy) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2016. № 7-1 (61). S. 141-144. – URL: <https://www.gramota.net/article/phil20161544/fulltext>. EDN: VZANMN.
 24. Matytsina M. S. Dinamika razvitiya angloyazychnogo immigratsionnogo diskursa: dis. dok. filolog. nauk / M. S. Matytsina. – Belgorod, 2020. – 340 s.
 25. Gavrilenko N.V. "Strakh" kak faktor dezintegratsii: kontseptual'noe osmyslenie britano-evropeiskikh otnoshenii v kontekste Brekzita // Mezhdunarodnye otnosheniya. 2023. № 2. S. 18-35. DOI: 10.7256/2454-0641.2023.2.41052 EDN: RHRVVW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=41052
 26. Davies E. J., Ellicott C. Labour suspends 11 councillors over vile WhatsApp group where messages mocked pensioners and made misogynistic, anti-Semitic and homophobic remarks // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14386065/Labour-suspends-11-councillors-WhatsApp-group-messages-mocked-pensioners-misogynistic-homophobic.html>.
 27. Barrett D. Labour's new borders watchdog will WFH...in Finland! Tories blast 'totally ludicrous' proposal by Government's choice for chief inspector // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-14386715/Labours-new-borders-watchdog-WFH-Finland.html>.
 28. Wilson Ch. CHRISTOPHER WILSON: How the Queen Mother's true love was forced out of the picture while she was pushed into an arranged marriage // Daily Mail. 2025. – URL: <https://www.dailymail.co.uk/news/royals/article-14345635/Queen-Mother-pushed-arranged-marriage.html>.
 29. Elgot J. Kim Leadbeater: assisted dying bill will still have world's strongest safeguards // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/society/2025/feb/11/kim-leadbeater-assisted-dying-bills-strongest-safeguards>.
 30. Rajeev S. Deportation footage 'enables mainstreaming of racism', Clive Lewis says // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2025/feb/10/deportation-footage-mainstreaming-racism-clive-lewis-labour>.
 31. Walker P. Assisted dying bill critics attack plan for 'civil service tsar' to oversee panels // The Guardian. 2025. – URL: <https://www.theguardian.com/society/2025/feb/14/assisted-dying-bill-critics-attack-plan-for-civil-service-tsar-to-oversee-panels>.

32. Rubins M., Absalom R. Revealed: How Princess Anne revived 55-year-old outfit to attend Six Nations match at Murrayfield // Daily Mail. 2025. – URL:
<https://www.dailymail.co.uk/femail/article-14352027/princess-anne-fashion-six-nations.html>.
33. Adu A., Elgot J. Rachel Reeves accused of 'cavalier attitude' to expenses during banking career // The Guardian. 2025. – URL:
<https://www.theguardian.com/politics/2025/feb/13/rachel-reeves-career-retail-banking-cv-inaccuracies-keir-starmer>.